

Тёмные Окна

В ДВУХ ШАГАХ ДО КОНТАКТА

Обычное будущее. Несколько человек в непростых условиях. Влияние жизненных перипетий на взгляды героев. Намечающийся контакт с иной цивилизацией.

примечание: в тексте идет несколько линий повествования: повествование от лица героя, линия с событиями второстепенных героев и школьное сочинение главного героя. на котором я и хочу отразить изменяющуюся глубину взгляда героя. так что если первые строки вас оттолкнули — промотайте до главы. там текст меняется.

Рассказ 1

Меня зовут сэръ Альберт Лонгсворд, я сын достойного барона Септима Лонгсворда и опоясанный рыцарь. Я силен, умел и красив, хотя последнее скорее заслуга моей матери, баронессы Амалии. Наш замок стоит в живописном местечке на скале, возвышаясь над окрестными землями, выступая видимым гарантом спокойствия законопослушности.

Как приятно вспоминать о доме, зеленых полях и тенистых лесах в которых знаком каждый куст, о веселой речке бегущей через всю долину, рыба из которой вполне могла бы украсить стол королю, (если бы она туда попадала). Дом, милый дом, как же далеко я сейчас.

Все началось когда наш придворный маг Рубеус обнаружил в своем багаже ту древнюю книгу с картой, якобы показывающей расположение пещеры в которой хранится артефакт эпохи прежних правителей нашего континента — эльфов. Как он выглядит, в книге описано не было, но определенно это должно быть что-то изящное и полезное, если конечно верить во все эти дифирамбы и расшаркивания вокруг нее в книге. Хотя эльфийские драгоценности вообще очень красивы, отец показывал мне, тогда еще несмышленьшу, подобные вещи на благородных дамах на королевском балу в столице. Хотя тогда меня больше интересовало удастся ли мне попробовать того восхитительного торта и не опозорить отца какой-нибудь глупой выходкой. Сейчас смешно вспоминать эти чопорные мордашки детей, старающихся во всем походить на взрослых. Это сейчас я понимаю как это забавно выглядело.

Но я отвлекся. В данный момент идет то-ли 25, то-ли 27 день моего путешествия за этим артефактом. Покинув отчий дом я отправился на поиски. Как и положено странствующему рыцарю по пути я совершал подвиги и терпел лишения, но все они были крайне мелкими недостойны упоминания в сей летописи. Все как обычно, плохие дороги, с тех пор как покинул свое баронство, их отсутствие (после границы обжитых земель), скука и отсутствие нормальных собеседников и попутчиков. Не считать же за такого крестьянина везущего в отдаленный хутор товары с ярмарки в последнем посещенном городе. Хорошо хоть погода способствовала моим устремлениям, теплые ночи вполне позволяли ночевать прямо в поле под открытым небом, лишь бросив попону на землю и пристроив голову на седло. Самым ярким эпизодом последних дней была стычка с небольшой волчьей стаей, которую я успешно расстрелял из арбалета. Наибольшую проблему составляли завалы и буреломы через которые было крайне сложно перебраться и провести коня.

Оп, опять отвлекся. Так вот, сегодня преодолев очередной перевал я наконец увидел цель моего путешествия — голую скалу в форме головы дракона. Хотя мне этот бульжник больше напоминал ящерицу-зеленопузку, греющуюся на камнях мостовой на дороге к замку. Но с автором манускрипта мне спорить ни к чему, да и бессмысленно это, доказывать свою точку зрения магу, помершему в незапамятные времена, когда еще эти земли принадлежали остроухим. Магам и без того сложно что-то доказать, уж в этом я точно убедился на уроках риторики с Рубеусом, о скольких мук мне стоило, каких аргументов и красноречия я перевел на этого толстяка в бессмысленных попытках доказать «что дождь падает с облаков на землю, а не наоборот». Это теперь, взрослым я понимаю всю тонкость педагогического воздействия хитрого толстяка. Но именно ему я благодарен за способность владеть словом (и громкость командного голоса), и широкий кругозор в знаниях. Этот дневник я веду именно для него. очередной раз толстяк меня провел, — «Ах благородный Альберт, мой

почтенный возраст препятствует моему желанию отправиться в путь с Вами. А посему ничтожнейше прошу поделиться всеми наблюдениями о дороге, которой Вам удостоится чести пройти. А дабы память человеческая не потеряла мельчайших подробностей происходящего, пишите дневник, подобно героям баллад и жизнеописаний, Достойнейших из достойнейших рыцарей, дабы история сохранила их в целостности.» опешив от такого обращения от сварливого последнее время мага (видимо самогон не гонится или еще чего не ладилось в лаборатории). Я ответил — «Разумеется», быстрее чем понял свою ошибку. Теперь расплачиваюсь, «ибо слово данное нужно держать аки щит свой», занимаясь нудным и скучным занятием.

Писать было совершенно не о чем, где все эти геройские подвиги? В последней таверне меня попытались обсчитать, а волки были мелкими и какими-то ободранными. Вот и все события за последнее время. Где чудовища чтобы их повергать в прах могучими ударами, или принцессы требующие немедленного спасения от разбойников? Только пыль, слепни да редкий дождик.

Но ничего завтра все изменится, до ночи я точно доберусь до скалы и займусь поисками. Ну не может такой артефакт просто лежать на полке. Обязательно будут лабиринты полные смертельных ловушек и сражений и охранниками.

Да что же мне не везет-то так! Просто пещера, обычная дырка в камне, как погребках в деревне, полтора десятка ступеней (ни одной с ловушкой или хоть качающейся), зал десять на пятнадцать шагов, невысокий постамент и статуэтка на нем. Все. Статуэтка красивая правда, изображает красиво связанную девушку на коленях с брошенными на голову руками. Из одежды одни веревки на приятном на вид теле. Все выполнено с потрясающей детализацией, каждый локон, каждый виток веревки можно рассмотреть. Теплая на ощупь. Где великое колдунство? Удар грома при прикосновении к Святыне? Где толпы охранников и/или зомби пытающихся убить нечестивца? Отец полосу препятствий на праздниках и то хитрее конструировал. Пришел, забрал, ушел...

Глава 1

— Эй, рыцарь-летописец, пойдем ужинать, отец с работы пришел — раздался из-за двери голос мамы. — если опоздаешь на добавку десерта не рассчитывай. Ну вот, последние крохи вдохновения развеялись, хотя и было из и без того мизер. Ну хоть перекушу вкусно. Мама всегда готовит вкусные десерты, особенно когда у нее хорошее настроение как этим утром. Закрыв файл я выскользнул из-за стола.

По быстрому помыв руки и пригладив волосы я устроился на своем месте за столом. Отец и сестра уже сидели, предвкушающе ловя запах мяса тянувшегося с кухни.

— Привет пап! Как дела на работе? — поинтересовался я, после того как с вкусняшками было покончено и все сыто откинулись на спинки стульев.

— Да как обычно, минимум текучки, все работает как часы, даже скучно в чем-то. У тебя как? Не устал еще бездельничать?

— Не, у меня пока фаза наслаждения заслуженным отдыхом, — действительно, каникулы начались всего неделю назад и предстоящий отдых радовал душу. Экзаменационная неделя заставляет подобраться и сосредоточиться, и сейчас наступил откат от нее, нервы расслаблялись, по школьным друзьям еще не успел соскучиться, кружки по интересам тоже начнут работать лишь со следующей недели. — решил не слишком расхолаживаться и взялся за задание по литературе, рассказ пишу бестолково-фантастический.

— А что ты его так?

— Так придумать не могу о чем писать, события не придумываются. Сам посуди, герой — рыцарь, едет в поход за финтифлюшкой за тридевять земель. Чего вставить? Разбойники? Так они профессионалу на «поразмяться» не хватит. Волки — тем более. Если не будет возится со снятием шкуры то даже время не займут. А он не будет, так как не сезон для шкур, да и бестолково утяжелять поклажу нет смысла, продать некому и испортятся.

— Ну а чудовища какие, драконы там или принцессы?

— Пап, ну откуда они возьмутся рядом с людьми? Любая живность людьми всегда истребляется если приручить не вышло. Либо для предупреждения агрессии либо на мясо и прочие ресурсы. Или как вредители посевов. Те что уцелели сами сбегут.

— Ну а там всякие эльфы с цвельфами и прочими амазонками? Магия-то хоть будет?

— Да не знаю пока, трудно придумать то чего никогда не видел. Заимствовать чужое не хочу, а на оригинал пока мысль не поймал за хвост. Может подскажешь чего?

— Хмм, интересный вопрос... — отец собрал бороду в кулак и задумался. — сдается мне, что ты уже сам придумал, только формулировку с меня хочешь. Ты ее и сам знаешь — третий закон Кларка «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии.» посмотри вокруг, поставь себя на место своего героя и посмотри еще раз. Вот она магия как есть.

— Ну, что-то такое я и собирался сделать...

— Не возражаешь если я потом найду почитаю, может еще чего подскажу. В «заклепкометрии» посоревнуемся?

— Не вопрос. — «заклепкометрией» отец всегда обзывал споры от технических нюансах каких-либо изобретений исторического толка. С его широким кругозором, знанием техники и способностью «подрезать крылья» особенно отчаянным спорщикам ехидным

комментарием, его любили призывать на свою сторону. После его вмешательства спор обычно разгорался с новой силой, но в другом русле, обычно более конструктивном. «Инженер — это звучит гордо», обычно посмеивался он.

— Ладно, беги, а мы тут с Ди посовещаемся немного. — и отец перенес свое внимание на маму.

Отчего-то он он всегда называл нас всех укороченными именами, «Ди» говорил о маме, Диане Олеговне, «Ветка, Веточка» — на мою младшую сестренку Светлану, «Макся» про меня.

После обеда желание и вдохновение продолжать застрявший рассказ не было, но в сети появились приятели и зазвали на прохождение нового уровня стрелялки, недавно сваянного неугомонным Славиком, большим любителем всяческих модификаций и моделирования. Вечер проскочил достаточно быстро. Так что спать я завалился далеко за полночь. Ночного отключения электричества я не заметил.

Интерлюдия 1

Михаил, зайди ко мне как переоденешься — обратился шеф, едва тот зашел в бытовку. Переодевшись и поздоровавшись почти со всей дежурной сменой и половиной сменившихся, Михаил Андреевич зашел к начальнику энергоцентра.

— Чего приключилось, с чего это ты меня накануне отпуска зовешь, не иначе как какую гадость придумал? Так я тебе сразу скажу, даже не думай, у Ди на меня большие планы, и явно более приятные чем все что ты тут измыслишь. — весело произнес Михаил своему шефу.

— И тебе привет, — удрученно пробурчал Игорь, поднимая со стола несколько бумаг, — На вот, ознакомься.

Листки были подозрительными, от них отчетливо веяло неприятностями. График мощности нашей энергоцентрали показывал серьезный прирост нагрузки, что в общем-то было нетипично, потребности производств и прочих потребителей таких скачков дать не могли, все давно выверено. Следующий лист был сводным, на нем были диаграммы всех поставщиков энергии, тут и обнаружилась причина наших проблем, третий узел за эти сутки плавно снизил подачу до нуля. Чтобы компенсировать пришлось выводить на полную мощность собственные системы. И долго в подобном режиме централь работать не могла. Резервы были, но как всегда относились к аварийным, тщательно сберегаемым как начальством, так и своими. «Запас карман не тянет», и теперь из этого кармана потянулась тоненькая ниточка расхода. Михаил встревоженно поднял взгляд на Игоря. — дальше читай — ответил тот, — остальное еще хуже. Третий листок был копией рапорта от связистов, связь с третьим узлом была потеряна почти двое суток назад. Сказать по правде подобные новости случались время от времени, зимние месяцы вообще были тяжелым испытанием для техники, какой бы совершенной она не была. Но обычно суток вполне хватало для исправления любых технических неполадок. Михаил вчитался в текст более внимательно. «проведенная проверка свидетельствует о полной работоспособности оборудования связи. Системы удаленного мониторинга отвечают на запросы штатно, автоматические тесты проходят без задержек... Сигналы личных браслетов соответствуют физиологическим нормам...»

— И что ты об этом думаешь?

— Тебе цензурно? Проблема у нас нарисовалась. А что «бесплезники» говорят?

— А они говорят что все еще хуже чем мы думаем. Видеомониторинг выдает серые экраны на большинстве камер, а которые показывают стоят по заброшенным углам. Новая смена не вышла на работу и непонятно куда делась старая если автоматика начала действия по протоколу «мертвой руки», но это ты и сам видишь. График снижения подачи у тебя в руках.

— Вот же черти в лаптях в три ряда, колокольцами звеня... чего делать будем?

— Нужно ехать на объект, перевести систему в режим автоматического обслуживания можно только на объекте, сам помнишь сколько там возни. И сделать это быстро могут только два человека, сам знаешь кто. Так что плакал твой отпуск. Или еду я, а ты садишься в это кресло, или наоборот. Лучше если поедешь ты. «Тройку» ты лично собирал и настраивал, никто не знает ее лучше. Решай кого возьмешь из техников и вперед. Отпуск я тебе на это время перенесу, и пару-тройку дней прирежу по возможности. Думай.

Терять отпуск совсем Михаилу не хотелось совершенно, как и сидеть в кресле начальника пока тот будет в отъезде. Да и проверками всю голову замылят, повод-то сам нарисовался. С другой стороны перевод всех систем на удаленное управление было не слишком сложным технически, сколько муторным. Пара техников и он сам вполне способны это выполнить за неделю не напрягаясь, или уложится в три-четыре дня если работать ударно. К тому-же «тройка», ее узлы и агрегаты были знакомы даже лучше чем свои пять пальцев одной руки. Честно говоря ее давно можно было перевести на автоматику, свободные смены там больше занимались обустройством поселка, чем что-то монтировали из систем. Подступившая зима помешала полностью ввести в строй новый поселок. И добровольцы решили остаться там на зимовку. «заодно и город выстроим, по весне удивитесь». Но что-то пошло не так. Сильно не так. Системы энергоцентрали были заглушены штатной автоматикой, оставшейся без присмотра людей более чем на сутки. «Мертвая рука» таковой по факту не являлась. Аврал в другой части поселка? Сложно представить ситуацию когда могло потребоваться вмешательство всех людей оставшихся зимовать на практически готовом объекте. Больших техногенных аварий просто не могло произойти, все системы дублировались и резервировались с запасом прочности минимум втрое. А критические и вовсе. Нет, здесь что-то другое. Но выяснить можно только на месте. Нужно ехать.

— Слушай, а если я Макса с собой возьму, это не будет нарушение каких-нибудь замшелых инструкций? У него как раз каникулы вот и попутешествует.

— В катастрофу значит не веришь?

— Так ведь нечему там ломаться, все проверено и вылизано. Самое большее — дверь в диспетчерскую заклинило, или что вероятнее пропуск устарел. А как у связистов оборудование глючит все знают. Повис какой-нибудь маршрутизатор, а обнаружить и перезапустить спецов нет. В их проводах всегда черт ногу сломит, «паутишки» блин.

— Да как хочешь, вездеход все равно полупустой пойдет. Ты, безопасник за рулем, ну ему так и так ехать, да пара техников. Определился кого возьмешь?

— Василича с Зеленым. Ах простите, Подгорельского и Зеленцова. Если согласятся конечно.

— Да ладно тебе, и так все знают твою дурную привычку, главное в документах опять из так не обзови. А то кадровики неделю дулись что пропустили. Пришлось шоколадку нести. Заметь, мне за тебя.

— Ну так ты тоже не глядя подписал.

— Все, закончили, дуй к мужикам и домой собираться, выезд через три часа. Как раз рассветет. В гараже встретимся, там и бумаги подпишете. Зипы уже грузят.

— Договорились.

Пожав руки друзья разошлись. Михаил двинулся в слесарку, ловить Василича. Яков Васильевич Подгорельский был в какой-то мере местной достопримечательностью, специалистом на все руки, способным на любые работы, от токарных и сварочных до отладки программ роботизированных комплексов. «Только детей рожать не умею, природой не предусмотрено» шутил он. К тому же он являлся внештатным специалистом, что в данной ситуации было особенно ценным, ему не требовалась замена и перекройка графиков дежурств. Широкий и крепкий старик, возраст которого выдавала только совершенно седая шевелюра, да выцветшая радужка глаз. К тому же старик был изрядным авантюристом, но авантюры его всегда тщательно просчитывались и продумывались, поэтому неудачи редко

его посещали. Уговорить его отправиться на тройку Михаилу удалось буквально с первой кружки традиционного чая, которым Василич всегда угощал посетителей. «Нищему собраться — только подпоясаться», бодро ответил старик и пошел собирать инструмент. Эта его способность всегда положить с собой нужный набор инструментов всегда удивляла окружающих. Куда бы тот не пошел, с чем бы ему не пришлось столкнуться, у него всегда находился нужный в кармане.

Зеленцов напротив был молод, недавно окончивший институт он с радостью наработывал опыт и из предстоявшей работы его огорчало только расставание с подружкой. Согласившись и получив подтверждение командировки от начальника умотал собирать рюкзак, в отличие от Михаила и Василича у него это займет больше времени. Просто от недостатка опыта внезапных путешествий.

У Михаила оставалась еще два часа и три невыполненных дела неопределенной сложности: два раза уговорить Диану и договориться с сыном. Решив начать со сложных он отправился к жене на работу.

Миновав проходную он сразу направился в кабинет начальницы теплиц. Диана была там.

— Привет, родная!

— Миша! Что-то случилось? Почему ты тут? — заволновалась она.

— Да как сказать, случилось, ты только не волнуйся так. Мой отпуск немного откладывается, самое большее на неделю, как раз к твоему подгадаем. Так что все наши планы остаются в силе.

— Так что случилось, ты вряд ли приехал чтобы сообщить мне только это?

— По чьему-то разгильдяйству ночью отключился «Рассветный». Меня отправляют туда разобраться что случилось, «хвосты вертеть и гайки крутить», будем переводить на автоматику.

— А что с людьми? С ними все в порядке? Никто не пострадал.

— Ди, ну ты же знаешь наши системы, все зарезервировано и перепроверено. С людьми ничего не может случиться. Им совершенно негде пострадать. На наших объектах как-то навредить себе надо очень сильно постараться. Скорее всего пропуск внутри забыли и сидят сейчас перед дверью. Придумывают чего придумать по убедительнее. Браслеты передают сигнал, медицинские показатели в рабочих рамках.

— Ну да, техника подвести не может, как же... Миш, там же люди оставались. Они как, без энергии сидят?

— Нет, конечно. Запаса в аварийной линии хватит еще на месяц, что ты. За это время можно новый энергоблок собрать. Тем более со мной ребята поедут.

— Да знаю я твою непоколебимую уверенность в твои железки и их надежность. Связь с ними есть?

— Вот с этим хуже. Телеметрия идет, голосовой и видео — нет. Но аварийных сигналов не было.

— Значит ты уезжаешь на неделю. Жалко, — Диана обняла мужа уткнувшись в его грудь.

— Тоже жалко. Не расстраивайся, за неделю сделаем и поедем в отпуск. А давай я еще Максимку с собой возьму. Все равно каникулы у него, и тебе меньше готовить, и нам лишний помощник. И ему смена обстановки.

— Поезжайте, но чтобы звонили регулярно. И питаться не забывайте нормально, а то знаю я вас, опять на армейских рационах сидеть будете.

— Ди, ну ты чего? Мы же не на полюс едем. В «Рассветном» люди, мы их никак не объединим.

— Угу, ты с Василичем опять найдешь какую-нибудь диковинку и будешь над ней хлопотать на сухпайке. «Чтоб понять извивы мысли конструкторов данного убожества» и «как подобное вообще можно было придумать и каким местом». А Макс состроит глазки девчонкам и будет лопать сладости, как прошлый раз. И не говори мне что он уже большой и взрослый.

— Вот так ему и скажу. «назначаю тебя, Маська, ответственным за наше прокормление». С ним я точно про обеды не забуду.

— Ну раз на все отговорки нашел, поезжайте. Ведите себя хорошо, младших не обижайте, Василичу не наливайте, девчонкам глазки не стройте. А то будете у меня две недели молочную лапшу есть!

— Все что угодно только не это — в притворном ужасе поднял руки Михаил.

Наобнимавшись и нацеловавшись на неделю вперед, так что губы припухли у обоих, как у дорвавшихся подростков, Михаил и Диана расстались на долгую неделю.

Глава 2

Меня разбудил звук шагов в коридоре и радостно-довольный призыв отца, стягивающего одеяла — вставай, соня, нас ждут великие дела!

Скорчив жутко недовольное и сонное лицо я повернулся к улыбающемуся отцу — или я разоспался, что побил свой рекорд, или тебя здесь быть не должно! — Заявил я ему, всем видом изображая негодование по поводу такой побудкой. Сказать по правде я уже отлично выспался, чувствуя себя отдохнувшим и полным сил. Но отдать кому-то лишнюю возможность просто поваляться в кровати в выходной?

— Максимка, вставай. Я еду на третью централь в командировку, если хочешь можешь со мной, мама разрешила.

— Не шутишь? — лень и расслабление уже покинули мое тело от такой встряски. — там что-то случилось?

— Ничего такого, что нельзя исправить гаечным ключом и ломом, приложенным в нужное место. У нас полчаса на сборы, а еще тебя надо позавтракать, срок похода — неделя, — сказал отец, посмотрев на браслет, — Так что собирайся в темпе вальса.

Так, первое что надо сделать — это подавить кипящие эмоции и подойти к сборам со спокойной сосредоточенностью. Судорожные метания только увеличивают затраты времени.

Достать из шкафа сменное надельное белье на неделю. Термозащиту и пару рабочих комбинезонов, все равно не выгонит если приду помогать, а я приду. Обязательно. Это и дополнительный опыт с «железками», и интересные рабочие байки, которые обязательно будут рассказаны во время работы. А если поедет дядя Яков, то вообще замечательно. На сколько я знаю, он был замечательным рассказчиком и знал их огромное число, ни разу не повторившись за время что я его знаю. Так, инструмент для личной гигиены и расходники к нему, — как обзывает его папа. Планшет-очки-перчатки, для личного развлечения, скорее всего не понадобятся, но пусть будет. Пакет армейского рациона. «Идешь в лес на день, хлеба бери на неделю», любимая поговорка деда, маминого отца, которую от всегда повторяет перед поездкой или походом. Да и я поверил в нее, когда наш автобус засел в яме на обратной дороге с экскурсии. Появившиеся блестящие упаковки рационов смогли легко сманить внимание дошколят с проблемы на выяснение у кого «вкусняшка» вкуснее и какой у кого вкус десерта. Проверить еще раз список и переложить в рюкзак. Все я готов. Довольный, я двинулся на кухню. Папа как раз снял с плиты сковородку с яичницей с колбасой и горошком.

— Наливай себе чай и жуй в темпе. Хотя... — он посмотрел на часы, у нас еще есть неплохой запас времени. Взяв свою кружку он устроился на своем месте за столом. — можешь задавать вопросы.

— Чего там произошло, раз ты так сорвался? — задал я интересующий меня вопрос.

— О, это страшная тайна, покрытая мраком. Ночью третья централь плавно снизила нагрузку и штатно отключилась. До людей не дозвонились, на браслетах «зеленый» код, связисты как всегда говорят что они не причем. Так что выбирай чем займешься.

Это был изрядно сложный вопрос, вариантов действительно много. Помогать отцу в ремонте энергоузла, или пролезть самому по техническим коридорам и найти обрыв связи, можно покрутиться с безопасником, посмотреть как он ведет расследование. Даже такое

небольшое происшествие не может быть проигнорировано, должны быть выяснены причины. Или помочь людям «Рассветного» в обустройстве, да мало ли где еще могут пригодиться свободные руки с инструментом. Нет, надо выбирать на месте, слишком много неопределенностей. Выбор надо делать осознанно и логично, чай не цветы выбираю.

Закончив завтракать и помыв посуду, последний раз окидываю комнату взглядом, вдруг еще чего забыл прихватить. Нет, ничего серьезного, а прочее брать не стоит, а то всю комнату можно в рюкзак запихать. Повесив на шею наушники выхожу в коридор, отец уже обулся и с хитрым прищуром смотрит на мой рюкзак.

— Ну что, ничего не забыл? Лишнее тащишь на себе, о нужном будешь мечтать до возвращения.

Такие мини-экзамены он устраивает всю мою жизнь. С одной стороны — как знак доверия к моей рассудительности, с другой — нет, ну вы правда хотите чтобы семилетний ребенок сам собирал свой рюкзак в поход с ночевкой в лесу? И ждете от этого рационального выбора? В том, что отец меня любит у меня не было даже тени сомнений, но как же это было неприятно, постоянные проверки и анализ совершенных ошибок. Как я на него дулся за это. Сколько я помню, он всегда относился ко мне как к маленькому взрослому, сажал на колени, потом долго и спокойно разъяснял всю цепочку причинно-следственных взаимосвязей, стараясь говорить проще и понятней. Ставил задачи как большому и спрашивал за их исполнение, правда и на помощь приходил всегда, когда видел что задача мне не под силу. Вероятнее всего он смог добиться своего — перед любым действием я начал думать, не без промахов конечно, но фееричных проколов не было уже довольно давно.

— Присядем на дорожку, — сказал он, устраиваясь на маленьком пуфике возле двери. — разумеется — ответил я устраиваясь на его колени, чтобы завязать шнурки ботинок. А что, все равно он мебель занял, пусть заменяет.

— Пошли? — спросил я. — пошли — ответил он поднимаясь чуть быстрее чем надо, видимо в расчете свалить меня, но я на такие мелочи не ловлюсь лет с шести. Закинув рюкзаки мы вышли на улицу.

— И чего надумал по своему сочинению, придумал как дальше сюжет развивать будешь и чего там с магией? — спросил папа.

— Творческий кризис. Ну я тебе говорил об этом. Непротиворечивую систему магии создавать сильно сложно, а устраивать «по щучьему веленью» не хочется. Заменить магию технологией, как ты предложил тоже не продумывается. Выходят одни противоречия. Сам посуди, если опираться на прогресс следующим шагом будет замена луков и арбалетов огнестрелом — значит прощай рыцари и красивая броня. Замени железо на легированные сплавы и титан, а как? Этого без фундаментальных наук не сделать, в деревенском горне титан не расплавишь. Правильная сталь это еще и контроль.

— Ну технологии производства низких уровней можно свалить на какого-нибудь попаданца, помнится была такая разновидность фэнтези одно время. Иногда попадались вполне хорошие книги.

— Пап, но это все равно не решит проблемы. Не может один человек решить весь спектр задач. От геологоразведки до термообработки. Мало знать на это делается, надо еще уметь это делать. А это опять-таки упирается в развитие науки. Сделать науку делом

избранных и обозвать магией? А где тогда людей брать? Этих самых магов? Если учить всех массово — техническая революция и прощай рыцари. Ограничивать — кто пойдет на рабочие профессии из имеющих доступ к образованию? Какой дворянин полезет сам по кустам и буреломам проводить геологоразведку? Или встанет к лабораторному столу на большую часть жизни?

— Тут ты прав, а если отдать технологии монастырям, как это было в нашей истории?

— Тут еще чуть больше пространства для маневров. Но тоже не самый оптимальный вариант. Потому что по закону жанра из этих монастырей получаются гномы. Как их не назови.

— А тебе хочется добавить именно магию.

— Ну да, небольшой привкус сказки. Если без нее — выйдет исторический труд, состоящий по большей части из глупостей и ошибок.

— Это да, верно говоришь. Попадались мне несколько таких книг, или сплошные благоглупости из серии «я так про них думаю», или скучное описание резни до последнего между бандами наемников. А что если именно сделать присутствие этой самой магии на краю сознания, вроде как все знают что есть, многие видели, а как оно работает непонятно. Артефакты есть, одноразовые и приписываемые комунибудь. Ты там вроде про эльфов говорил, вот, чем не вариант. Достанет твой рыцарь статуэтку, пыль сотрет и поцелует, а она и обратись красной девицей, для услаждения сладострастия эльфийского предназначенная.

— Ну пап, хватит подкалывать — обиделся я, чувствую приток крови к ушам и щекам.

— А что, если магов урезать по силе, а из классических оставить только артефакторов то на них можно далеко уехать, особенно если с попаданцами. У вторых есть технологии, у первых — инструмент. Вполне такой тандем может выстрелить. Только думать нужно будет крепко, чтобы не устроить тупое копирование отсюда — туда. При возможностях магии почти все проще сделать можно. Зачем изобретать велосипед, если кресло на паучьих лапах магией зачаровать проще. Или использовать некромантию в качестве замены искинам.

— Любопытненько, с удовольствием бы почитал такое.

— А ты сам напиши. Это еще интереснее будет.

За этим разговором мы добрались до шлюзов с поверхностью. Вездеход уже стоял там, загруженным. На гусенице дремал дядя Яков, а Сергей и дядя Игорь о чем-то спорили размахивая руками. Папа пошел к ним, посоветовав мне устраиваться со всеми удобствами.

— Здравствуйте, дядя Яков! — поздоровался я с папиным другом.

— Привет, малец. Тоже с нами надумал, выступающие части поморозить? А что, тоже дело, прогуляешься, развеешься. Может чему новому научишься. Тебе же скоро со специализацией определяться, вот и посмотришь своими глазами на чужую работу. Отцовскую ты и так видел, мою тоже, а теперь посмотришь как «хвосты крутят и виноватых назначают». Ты же в курсе, что с нами безопасник едет. Вот и посмотришь на их работу не по телевизору. Хотя Костя вполне адекватный, без этой их проф. деформации, читай тотальной паранойи. Только сразу не рассчитывай, драк и погонь не будет, чай не кино.

— Дядь Яков, ну что ты как с маленьким. У меня уже достаточно понимания для того чтобы знать, «если потребовались героические усилия, значит кто-то очень плохо выполнил свою работу», как отец говорит.

— Это он прав, сильно прав. С другой стороны, у нас будет прогулка снаружи, из-за неведомых косячников.

— Э с людьми точно все в порядке? Что-то я все равно беспокоюсь...

— Точно в порядке, техники видеоряд выдернули, с сильными помехами правда, но видно что все шевелятся, вокруг гермопереборки ходят, в диспетчерскую попасть хотят, — сказал незаметно подошедший человек в броне для внешних работ.

— А вот и Костя. Познакомься Максим, это Константин Николаевич Брюс, старший лейтенант службы безопасности, и наш водитель кобылы, который нас до места и повезет.

— Оч приятно, — Костя протянул мне ладонь. — зови просто по имени, так быстрее, да и не настолько я старый как некоторые. Он толкнул дядю Якова в бок. — ну что все собрались?

— Все, можем отправляться, — я увидел подходящих к нам отца и Зеленцова, Игорь чуть задержался укладывая какие-то бумаги в планшетку.

— Собрались, тогда по коням — весело скомандовал он, — пока не почините не возвращайтесь. Мих, на мелкого скаф в диспетчерской возьми. Его только сейчас притащили. Заодно меня подбросите, чтобы я за вами дверь закрыл.

Мы без особой спешки залезли в вездеход и устроились в креслах. Пристроив рюкзак я достал планшет и очки. Поверхность зимой — это однообразный снег, ровный и белый. Эффект новизны при выходе на открытое пространство исчезает буквально за полчаса. Слишком уж все одинаковое. Снежное поле от горизонта до горизонта. Если не знать сколько всего скрыто под снегом, можно решить что тут вообще ничего нет. И сады и поля скрыты очень толстым слоем снега. Именно по этой причине мы живем внутри горы, как гномы какие-то. Единственное что выделяется из этой глади — горный пик, в глубине которого и скрыт наш город. Но посмотреть на него не выйдет, он скоро останется позади. Слишком уж много наматывает, чтобы это было возможно очистить. Да и паводок при таянии смыл бы все жилые постройки. А раз в окно смотреть не на что, я решил потратить это время с пользой и переделать собственные наброски. Итак...

Рассказ 2

Прихватив статуэтку я решил еще раз осмотреть комнату. На этот раз не поленившись прийти и взять из седельных сумок фонарь, который в начале я не собирался брать вообще. Емкости с маслом хватает ненадолго, а таскать этот утюг, весом в средний пехотный щит, удовольствие ниже среднего. Да и возни со сборкой отражателей много. Факел проще и функциональнее, да и сделать его не составляет проблемы. Срубил ветку, обмотал вывоженной в смоле тряпкой и готово. Света фонарь дает конечно больше, но и возится с ним гораздо дольше. Судите сами, залить топливо, накачать воздух, дать прогреться самой горелке, правильно выставить сетку и отрегулировать пламя.

Зато с этой лампой в зале было светло как в полдень в летом. Только с такой лампой я смог разглядеть линии каменной двери в дальнем конце зала и отверстие под рычаг, открывающей эту дверь. Невероятное сочетание технологий позволило создать такую стройную систему противовесов что перемещение одного рычага открывает и закрывает эту дверь, толщиной почти в мои плечи. За дверью обнаружился проход круто углубляющийся внутрь горы. Сейчас допишу и пойду его проверять. Если вы найдете этот дневник, не ходите за мной в одиночку.

Так, я вернулся целым и невредимым. Но несколько запыхавшимся. Все-таки почти километр в одну сторону по лестнице это уж слишком. Ну что, можно сказать мои мечты о приключении оправдались. Внизу я обнаружил еще одну комнату, почти копию верхней, с несколькими невероятными отличиями. Во первых едва я пересек черту отделяющую лестницу от комнаты вспыхнул свет. Очень яркий и чистый. Подобный я видел только от рукотворных молний в лаборатории мага. Во вторых посередине комнаты находился Артефакт. Это был большой металлический саркофаг с прозрачной крышкой. С одного бока на черной обсидиановой пластине было написано на древней речи, что-то вроде «ошибка контрольного таймера пробуждения».

Ну да, я умею читать древний язык, это опять-таки придворный маг научил. Говорить правда не умею, ну да сказать по правде никто не умеет. Сохранились-то только тексты. А трактовок как произносить тот или иной символ существует около десятка, поэтому никто и не говорит на нем, только пишут. Но не буду отвлекаться.

Итак, под стеклянной крышкой я обнаружил ту самую эльфийку, статую которой я нашел в первой комнате. Она парила над своим ложем на высоте в ладонь, не касаясь стенок и потолка, тело ее было опутано трубками и проводами, что усиливало сходство со статуей.

Увлечшись осмотром артефакта я забыл о своем фонаре и он погас. Вероятнее всего кончилось топливо. Когда я его потрёл он не булькал как обычно. А поскольку в зале было достаточно света я узнал об этом только когда понадобилось возвращаться. Так что подниматься мне пришлось в полной темноте.

Еще возле саркофага обнаружилась древняя книга которую я забрал с собой и остатки ткани, видимо бывшего одеяния эльфийки. Может быть в книге написано как ее пробудить от векового сна. Было бы неразумно трогать артефакт не подготовившись. Хоть и невелика была магия в лаборатории моего наставника, а от разбитой колбы я потом неделю чесался и глаза слезились. И нет, это было не от трепки, которую он мне задал значительно позже. Как не мучило меня любопытство, но я смог его победить и занялся более серьезной организацией лагеря. Вероятнее всего мне придется провести здесь за расшифровкой

несколько дней. Если я вообще справлюсь с этим в одиночку, а не буду вынужден возвращаться к Рубеусу за словарями и справочниками по древней речи.

***

Почувствовав остановку, я сдвинул очки на лоб и выглянул в проход к кабине, дядя Яков с отцом застегивались перед выходом наружу.

— Что там? — спросил я.

— Одну из вышек связи свалило, сейчас оценим сколько ремонта и чего с ней можно сделать. А чего спать не завалился как Зеленый? — ответил отец.

— Да решил над сочинением поработать.

— А, тогда ладно. Мы скоро.

Удовлетворив свое любопытство, я вернулся к работе.

***

Неделю, эту проклятую богами неделю пришлось потратить на эту проклятую книгу. И все для чего? Чтобы стало ясно что мне нужно было перевести только одну страницу. Одну, покусай ее волколак, страницу. Которая так и озаглавлена «отключение медкапсулы и вывод пациента из гибернации.»

И ради этого я всю голову сломал, пытаюсь разобраться в этих записях, где на страницах знакомыми были только предлоги. Где на одно знакомое слово было четыре-пять совершенно непонятных, и которые даже по контексту установить не удалось. С каждым понятным словом приходилось возвращаться к началу и просматривать все заново. Вдруг именно этого слова не хватает для понимания этого невнятного абзаца.

Но наконец-то все закончилось, теперь я знаю, как освободить девушку. Артефакт оказался большой лечебной ванной, где можно вылечить любую болезнь или увечье, за исключением каких-то «генных поражений», по общему смыслу подходили врожденные заболевания при нарушении правил Линий Крови, но сказать с уверенностью я не мог. Этот и большой кусок «технические характеристики» были для меня практически непереводимы. Для их понимания нужны справочники и помощь магов. Но тратить два месяца на дорогу туда и обратно не хотелось совершенно. Да и удастся ли мне второй раз выбраться из баронства неизвестно. Девушка в артефакте точно дождетя, как лежала сотни лет, так и еще бы пролежала. Но что-то грызло внутри, словно я что-то упускаю из вида. Как бы то ни было, а перечитал еще раз инструкцию и полез вниз, к артефакту.

Теперь зная что означают все эти значки на контрольной панели я понял что меня беспокоило. Кроме надписи про которую я упоминал про ошибку пробуждения, было еще сообщение «Внимание! Низкий заряд батареи.» артефакт истратил свою силу и мог разрушиться. Несмотря на почти заученную страницу с управлением пришлось повозиться. Одно сообщение сменяло другое, рассказывая о внутренних проблемах в саркофаге. Жаль будет если он сломался совсем, в замке бы он многим пригодился. Но может эльфа сможет его починить. В легендах их описывают как магов великой силы и огромных знаний. Мол могли вернуть мертвого к жизни и ходить между звезд. Вот и узнаем правду от них самих.

Нажав на соответствующие места я запустил «процедуру вывода из гибернации». То что я в начале принял за панель из обсидиана, называлось «контрольной панелью» и было по сути окном внутрь артефакта, в котором показывались результаты протекающих в нем процессов. Как выглянув в окно кареты можно узнать на каком этапе пути ты находишься, и сколько времени осталось до заката.

После нажатия на последнюю подсвеченную точку, экран (да я теперь знаю, как эта штука называется) очистился и появились цифры. По моей прикидке до пробуждения оставалось около получаса. Это время и потратил чтобы записать все это в дневник.

Первое время внешне ничего не происходило. Затем за стеклом появился воздушный пузырь, быстро увеличивающийся в размерах. А тело эльфийки плавно опустилось на ложе. И как она там дышала, водой точно дышать нельзя, точно знаю. Пока плавать научился вдоволь нахлебался. Затем с ее кожи начали отпадать опутывающие ее «датчики». Вот еще одно слово которое перевести не удалось, понятно что они что-то узнают про нее, ну там температуру или пульс. Но слова с таким значением в разговорном языке не было.

Наконец крышка саркофага открылась. Эльфийка спала, но теперь делала это как обычный человек, ее грудь вздымалась при вдохе и само дыхание было слышно. Тихонько положив на край саркофага свою запасную рубашку я вышел из зала. Мало ли какими были обстоятельства при которых она туда попала. А если учитывать что основное предназначение таких артефактов — лечение, то мало ли, вдруг ее из боя выдернули. Сначала влупит заклинанием, потом извинится, перед кучкой пепла. Еще и фонарь пришлось оставить, мне-то уже привычно подниматься по этой лестнице в темноте, а ей скорее всего нет. Пока она не вышла у меня как раз будет время приготовить еду и описать эти события.

Со стороны тамбура раздались хлопки и топот, видимо ремонтники вернулись, отложив планшет и очки я вышел навстречу. Заодно и разомнусь, и мысли в порядок приведу.

— Ну что там? — спросил я у отряхивающихся от налипшего снега отца и Подгорельского.

— Да, мелочи. Растяжка лопнула, вот мачту и положило. Но кувалда и вездеход с тросом творят чудеса. На скорую руку подлатали, сейчас оборудование перезарядится и должна появиться сеть. Криво конечно, там всю секцию мачты менять надо, сильно ее покорежило, сначала ветром, потом мы. Но это надо отдельно машину посылать. — рассказал папа.

— Пока сильного ветра не будет простоит, — добавил дядя Яков. — Костя, ну что там? Соединился? ты там скажи своим, пусть со связистами порешают, — погромче сказал он в сторону кабины.

— Есть связь, нормально. Отряхивайтесь быстрее и по креслам, скоро стемнеет, и без того почти по приборам идем, а тут лес под нами начнется, а сканер стволы через раз видит.

Это верно, замороженные почти до стеклянного состояния ветки от плотных скоплений снега и льда сканеры машин не отличают. Пустоты, особенно большие — легко. Но разобраться в этот мешанине мог только человек, своим чутьем и опытом. Это место где зимняя дорога пересекала засыпанный по самые верхушки лес было самым опасным участком. По прямой только по картам дороги проходят, а по земле всегда виляют из стороны в сторону, где ямку обогнет, где выход камня, который проще объехать чем срубить или отсыпать по верх него. Вот и вьется дорога стружкой дыма. И водители не жалуются, на такой дороге не уснешь, психологическая усталость медленнее копится, глаза не замыливаются однообразностью.

— Кость, тебя может сменить? Вон сколько баранку крутишь, — спросил дядя Яков.

— Не, пока нормально. Если что, за лесом поменяемся.

— Договорились, мы пока перекусим на ходу. Не бойсь, оставлю я тебе сала, — рассмеялся в конце Подгорельский.

Насколько я знаю самое вкусное сало получается только у него, каким бы оно не было, хоть простым соленым, хоть копченым или по какому-нибудь заковыристому рецепту, которых он знал множество. «дык, я только удачными образцами хвастаю, неудачные сам лопаю» всегда смеялся он, поглаживая кустистые седые усы. Не знаю насколько это правда, но всегда приготовленное им сало уходило мгновенно. Вроде и кусок достанет большой, и нарежет тоненько, а кончается, как снег на сковородке в печи, мигнуть не успеешь.

Вот и сейчас дядя Яков достал из рюкзака пакет почти с мою голову. Стянул его, развернул тряпицу, в которую был завернут шмат сала. Во воздухе поплыл тонкий аромат чеснока, дыма и специй, поневоле мой рот заполнился слюной а глаза загорелись. На своем сиденье завозился Сергей, тоже учуяв вкусность. Вот ведь человек, пока вездеходом мачту правили не проснулся, а на запах еды — как штык.

Мимоходом включая чайник я поднял одну из секций пола. Вообще под полом в проходе между сиденьями небольшой грузовой отсек, и большинство люков откидываются вбок, чтобы не создавать помех для доступа. Но в этом месте направляющие были переделаны так, чтобы в открытом положении он замирал параллельно полу, предоставляя

импровизированный столик. Это уже наша, местная переделка, в стандартной комплектации инженерных вездеходов такого нет. Отец достал и расстелил тонкий лист гибкого белого пластика, заменявшего ремонтникам скатерть, а Сергей посуду. На почетное место в середину положили сало. Дядя Яков закатал рукава и начал его нарезать своим походным ножом, с которым он вообще не расстается.

Он вообще любитель всякого режущего инструмента, причем большая часть у него с собой. Некоторые он нам с друзьями показывал и объяснял как пользоваться. «всегда можно обойтись одним, но если есть специализированная вещь, не занимающая много места, зачем себе отказывать?» — объяснял он, рассказывая про нож электрика — странную самодельную приспособу с несколькими режущими гранями. «можно все эти операции выполнить обычным ножом, но есть риск повредить изоляцию и потерять время на переделку. А так, этой частью, легко снять оплетку, видишь, лезвие идет вдоль провода и не прорежет изоляцию, этой — подрежешь, а тут снимешь». В общем с ножом эта штука имела только сходство по материалу. Еще одна его странность — на его руках не было волос, в расстегнутом вороте рубахи виднелись, а на руках не было даже признаков. И свою клетчатую рубаху он никогда не снимал. Ворот расстегнет, рукава закатает как сейчас, а снимать — никогда. Почему — не знаю, в детстве меня это интриговало, но спросить я так и не решился, даже не знаю отчего.

Из рюкзаков начала извлекаться и выкладываться разнообразная снедь, кто чего приготовил. Как самый младший я занялся чаем. Чай привозной, с более теплых мест, у нас он растет только в оранжереях, для красоты больше, а вот дополнительный сбор травок — местный. Этим мама занимается. Она больше любит травяные чаи, над некоторыми отец смеется — «вениками пахнет». И она смеется в ответ.

Пока заварка настаивается уношу кружки и кипяток на стол. Из соседнего ящика сахар и ложки. Щепотку сахара в заварник, чтобы травки полнее отдали аромат и можно нести. Стол уже накрыт.

Быстренько перекусив, я удрал в кабину. За мной прошел дядя Яков.

— Костя, иди перекуси, я пока поведу.

— Ладно, но не гони особо, я вроде над дорогой иду, но мало ли чего намести могло. Снег штука такая, непредсказуемая.

— Да что ты говоришь, не напомним кого лет пять назад из ямы доставать пришлось?

— Ну чего ты сразу, и сам всегда говоришь «кто старое помянет — тому глаз вон»

— «А кто забудет тому два», шагай уже, советчик. Я на таких пылесосах катаюсь больше чем тебе лет.

— Но напомнить все равно стоило. Сонар вообще не помогает, пустоты друг на друге, идешь вообще только на чутье и везении.

Вот поэтому большинство нашего транспорта — подземное. Если летом дороги становятся проходимы для наземной техники, то зимой на землю ложится день толстый слой снега, который укрывает все. В некоторых местах слой может достигать до 25–50 метров. А сильный ветер с резкими сменами направления не дает использовать воздушный транспорт. Вот и выходит, что наиболее выгодны для нас электропоезда идущие по тоннелям под землей. Но чтобы обзавестись собственной линией требуется соответствующая инфраструктура и, конечно же, население. «Рассветный», в который мы едем, обзаведется такой линией через пару стандартных лет. Когда будет запущен обогатительный комбинат и завод по производству топливных элементов, ну и полностью укомплектован штатами. А вот

жить большая часть будет у нас. У нас больше условий для жизни. Больше парков, жилые массивы больше размером, да и направление развития города аграрное. У нас нет заводов и тяжелой промышленности. Этим за нас занимаются другие города, а мы предоставляем им продукты и сырье, которое мы выращиваем. Все эти потоки взаимоувязаны и запутаны, так, что разобраться достаточно сложно.

Я посмотрел на экран сонара, по нему плыли непонятные зеленые пятна и точки.

— Дядь Яков, а как ты вообще в этой мешанине чего-то понимаешь?

— Хм, ну смотри. Ты знаешь как работает сонар?

— Чисто теоретически. Испускаемый сигнал отражается от границы сред с разной плотностью, отраженный улавливается приемником, обрабатывается и показывается на этот экран.

— Ну значит половину знаешь. Сигнал идет от вездехода вперед под углом, значит, чем дальше от нас, тем глубже. Это верхняя часть на экране. Вот и смотришь чтобы впереди не было больших черных пустот. Как вот эта, — он показал на экране темное пятно. Зеленый «снег» означает помехи, отраженный сигнал от небольших объектов. А раз они есть — значит эта область достаточно плотная и по ней можно проехать. Если сигнал «завяз», значит тут область с ровной плотностью, чаще всего это пустое место под веткой, куда снег не попал. Такое лучше объехать, но тут опять-таки зависит от нагруженности транспорта и глубины. Выдержит арка или нет больше своим умом и опытом понимаешь.

— А долго этому учиться?

— Да как любой профессии, всю жизнь. А доступ к самостоятельному управлению месяцев за восемь учебы получишь. Сначала пару месяцев основы управления, потом матчасть и ремонт, и практика. В конце два месяца стажировки и экзамены. Если не твое — проще не связываться. Это на «летнюю» технику пары месяцев хватает, с «зимней» все сложнее. Если ты поломался в дороге и не выйдет починиться за сутки — труба дело. За сутки агрегаты скует льдом и все. Бросай ее до весны. А без техники ты не выживешь. Поэтому и такие условия обучения.

— А почему просто дорогу не накатают, ну по одному месту?

— Смотри, раз протоптался, снег под гусеницами уплотнился, а рядом такой же мягкий остался. Что будет если ты с этого такыра съедешь одной стороной?

— Ну-у, эта сторона провязнет, развернет в лучшем случае, или на бок завалишься.

— Вот именно. А как держать дорогу если следы замедает за полчаса? Визуальных ориентиров-то никаких. А выставлять вершки, как по болотам на Земле, слишком дорого. Вот и приходится каждый раз новую тропу топтать.

— Ну что, когда доедем? — в кабину прошел отец и устроился на боковом откидном сиденье за водителем, прихлебывая чай из кружки, которую держал в руке.

— Если пойдем с той же скоростью — часа через два, но думаю пораньше. Сейчас лес кончится и можно будет прибавить скорости. Но подъезжать все равно с фонарями будем. Почти стемнело уже.

— Мы сидели и смотрели на дорогу, за окнами падал снег и сгущались сумерки, становясь все более непроглядными. Дядя Яков щелкнул переключателем и включил свет.

Снежинки медленно падали с неба, но попав в лучи прожекторов стремительно меняли свое направление и бросались на стекло. Понятно, что это иллюзия восприятия, вызванная нашим движением, но выглядело все равно завораживающе.

Решив не маять глаза я вернулся обратно на свое сиденье, работать с текстом не

хотелось, откинув сиденье я задремал.

Интерлюдия 2

Неожиданно на одном из боковых экранов показался значок входящего вызова, Яков нажал «принять». Появилось окно с кабинетом начальника службы безопасности и он сам, сидящий за столом. На фоне слышно было несколько людей переговаривающихся в пол голоса.

— Здравствуй, Яков Василич. Костя далеко?

— И тебе здравствовать Николай Степанович. Сейчас позову.

— Костя, тебя начальство зовет, — прикрикнул он в сторону открытой двери. Этой же минутой подошел Брюс и устроился во втором кресле. Переведя звонок на свой основной экран он представился по форме.

— Старший лейтенант Брюс на связи, товарищ полковник.

— Костя, 7 минут назад «погасли» два браслета на объекте три. ваша прогулка перестала быть развлечением. Погибли люди. Судя по показаниям — отравление. Ускорьтесь по возможности. Что-то у них явно идет не так.

— Так точно, товарищ полковник. Кто именно погиб и что с остальными?

— Семенов и Вышневецкий. Операторы добывающей и перерабатывающей установки. Их тела остались в шахте, автоматика не пускает спасателей к ним. Остальные пятеро целы. Но, сам понимаешь, их состояние далеко от нормы. Костя, нам нужна информация, что с ними произошло и с чем они столкнулись. Группа тебе в помощь уже собирается, но синоптики чего-то мурзятся. Обещают снежную бурю, так что надежда больше на тебя. Разберись и вытащи людей. Что-то слишком много непонятного творится там в последнее время. Костя, в первую очередь сохрани людей. Если не сможешь разобраться сходу, забирай всех и увози. Потом разберемся.

— Так точно. Николай Степанович, что еще известно?

— Почти все я уже рассказал. По логам системы, Вышневецкий спустился в шахту как обычно, перезапустил комплекс, через полчаса просело обогащение, он спускается к добывающей части. В его медпоказателях скачек, видимо обнаружил что-то, вызывает Семенова, тот спускается к нему со своего поста. Комплекс запускается на 3 минуты и они умирают. Если напоролись на газовый карман, почему их автоматика не предупредила, опять-таки, при проведении работ в шахте они должны быть в скафах. И еще, датчики состава атмосферы в шахте ничего не показывают. Вообще. Все записи отключены около недели назад, до этого почти сплошь сообщения об отказах и помехах. Видимо эти двое устали их ремонтировать и заменять вот и отключили, за что и поплатились. Но при отключенных датчиках без скафов двери не откроются вообще. Произошло что-то неоднозначное. Выясни что произошло. Сейчас собираем комиссию по расследованию, будем искать проблему. Сначала выясни что с людьми. Они должны быть в безопасности.

— Николай Степанович, с нами гражданский.

— То, что Рогов сына взял, я знаю. Неприятно конечно, но не проблема. Вроде мозги есть, должен сообразить что игры кончились. Может баб на себя отвлечет. Можешь его задействовать в работе, подписку напишет. Постарайся чтоб особой чернухи не видел. Действуй, все что у нас есть я тебе переслал. Сколько вам еще добираться

— Около двух часов.

— Принято, пока поработай с документами. Конец связи.

— Конец связи.

Звонок завершился. Брюс повернул Василичу враз посуровевшее лицо, с появившейся складкой между бровей. Ответный взгляд был не менее хмурым.

— Миш, зайди к нам.

— Чего случилось?

— На объекте двое погибших.

— Черт. Зря Макса взял, рано ему в такое влипать. Как это произошло?

— Смотри сам, может увидишь чего наши спецы пропустили.

Брюс и Михаил погрузились в документы с головой.

— Ну что, нашел чтонибудь?

— Пока только вопросы, — Михаил откинулся на спинку. — непонятно зачем они туда полезли, и почему оба. И как они умудрились оба там остаться. Шахтерский скафандр по защищенности стоит на очень высокой ступени. Почему выгорали датчики вроде нашел. Смотри, вот тут, — он вывел на экран график. — видишь скачки электричества? Так вот, это не от нашей сети. Это внешнее поле. Что-то провоцирует пробегание электрического разряда по всей шахте. Но на нашу основную сеть влияние не оказывает. Вольтаж огромный, а силы тока нет. Так что страдали только датчики. Я нашел заявку на защищенные от этого модели. Не исключено что мы их тоже возьем, кроме наших с Василичем железок. И еще, в этих разрядах нет никакой закономерности, то нет совсем, то почти подряд. Будто буром чего цепляли. А раз такие условия в шахте, зайти в шахту с открытым забралом они точно не могли, тем более без скафандров. Чертовщина какая-то. Шахтер держит пару тонн давления и высококоррозионную атмосферу до получаса. В нем сталь можно руками помешать пару раз, а тут они лопаются за секунды.

— Тут я тебя разочарую. В тот день они в обычных гражданских были. Оба шахтера стоят в боксе на зарядке, а у Семенова еще и ремонт правой руки запланирован.

— Но с чего им так рисковать? С какой целью?

— Прочности обычного хватает, а таскать на себе лишние двадцать килограмм брони полную смену не слишком приятно. Возможно думали обойдется. Смотри, со склада взяты модули газоанализаторов для этих моделей. И обрати внимание на дату, значит лезли не нахрапом, а частенько ими пользовались для замены штатных.

— Кость, ну-ка кинь мне геологию на боковой, что-то такое в голове вертится, — подал голос с водительского кресла Яков. — ну точно, смотрите, у них пластом разработки как раз проходит линза кварца, практически монокристалл. А кварц — пьезоэлектрик. Странно что они сами этого не отметили. Но с чего такие скачки разряда. Видимо что-то еще накладывается, я в материаловедении и химии не настолько силен.

— Ну допустим дохнувшие датчики мы объяснили, отсутствие штатных скафандров тоже можно объяснить. Но как объяснить то, что никто не попробовал их вынести их шахты? Почему остальные не организовали спасение? Они на энергоцентральной бурнее реагировали.

— Значит они знают что-то, чего мы не видим. Смотрите, — Константин подключился к системе видеонаблюдения поселка. — На что это больше похоже?

— Девчонки ставят на консервацию теплицы гидропонику. Энергетики отключают все системы. Они готовятся к эвакуации.

— Именно.

— А нормальной двухсторонней связи с ними нет?

— Нет. Вот еще. — Костя вывел на экран изображение с одной из камер. Большой

плакат с крупными буквами «объявлена эвакуация, п12.3. Запрашиваем транспорт».

— Когда он появился?

— Точно сказать не могу, нужно просматривать запись целиком, а на это нет времени.

Пункт 12.3 «эвакуация в связи невозможностью продолжать работы».

— Так что делать будем?

— Давай прикинем, вашу задачу никто не отменял, значит, ты и Василич на разблокировку и автоматизацию энергетики, Зеленого в помощь местным энергетикам, быстрее закончат с консервацией базы, Максима в помощь девчонкам на теплицы. Ты расследуешь и координируешь всех.

— Да, так будет лучше, — согласился Михаил. — Время надо использовать максимально. Дома отоспимся.

В свете фар вынырнули огромные створки ворот «Рассветного». Обязательная подсветка отсутствовала.

— Еще одна странность в копилку, запрос уходит, а дверь не открывает, — задумчиво произнес Подгорельский.

— Может у них вообще вся электроника выгорела от разряда?

— Может быть. Тогда нужно запускать механику открытия ручную. Сделаешь Кость?

— Сейчас, шлем только пристегну. Правь ближе к консоли управления.

Брюс вышел из тамбура и пригибаясь от шквалистого ветра пошел к консоли управления. Через пару минут створки дрогнули и поползли в стороны открывая ярко освещенный ангар.

— Ну хоть тут энергия есть. Не все еще доломалось.

Вернувшийся Брюс стукнул ладонью о боковое стекло кабины и жестом показал проезжать.

— Видимо автоматика отказала совсем, закрывать тоже ручную придется. — предположил Михаил. — что-то слишком много отказов оборудования. Ладно, я будить засонь и доводить последнюю информацию.

Он прошел в пассажирский отсек вездехода и потряс за плечи спящих.

— Просыпайтесь, Серега, Максим.

— Доехали?

— Да. У нас проблемы. Объявлена эвакуация. Поэтому надо действовать быстро и четко. Сереж, ты сейчас помогаешь выгрузить оборудование и идешь в помощь к местным техникам. Они консервируют базу. Все что не относится к энергоцентралю должно быть отключено физически от линий. Макс, ты идешь в теплицы и помогаешь там.

— А что случилось, с чего такие изменения? Вроде все нормально было же.

— Шахтеры погибли. Оба. Почему — пока непонятно. Сейчас надо как можно быстрее вывезти людей. Просто бросить все нельзя, тут и так какая-то чертовщина твориться, добавлять сюда еще и техно катастрофу нет нужды. Максимка, я тебя сильно прошу, будь осторожнее. Помоги девчонкам и быстро в ангар. Никуда без спросу не лезь. Это правда очень важно. Никто из нас не сможет за тобой присмотреть. Скорей тебе за девушками надо присматривать, как бы чего не натворили сгоряча. И еще. Оба наденьте скафы. Лучше упреть в броне, чем столкнуться с проблемой с голой задницей.

В скафандры кстати были облачены все. Когда отец сказал мне одевать скаф, я еще сомневался, не хотелось как ненормальному рассекать в скафе, когда все местные были бы без них. Но все оказалось не так. К моему выходу из вездехода все уже переоделись, потратив на это значительно меньше времени, вот что значит опыт. А проходивший мимо меня Брюс буркнул — «шлем закрой». Впрочем, все были угрюмыми. Известия о гибели двух человек сильно прошлось по нервам, внеся напряженность и подозрительность к окружению.

Перегрузив привезенное оборудование на электротележки мы разошлись по свои направлениям. Ну, я пошел, а они поехали. Тут для меня и появились первые трудности, информационные сервера не были доступны, ориентироваться пришлось по карте на стене ангара. В отличии от нашего города, Рассветный был похож на кучу капель, соединенных тонкими линиями переходов. Понятно что все это было сделано для удобства людей, все-таки производство и добыча не бывают бесшумными и полностью безопасными, поэтому их и отделяют в обособленные группы. Но тут было что-то более сложное накручено. Судя по карте, мне предстояло топтать до теплиц своим ходом около километра.

Когда поселок заработает в полную мощность, здесь скорее всего пустят транспортные дорожки, и ходить пешком не придется. А пока, топайте ноги, топайте. Непривычный скафандр стеснял движения, но к этому можно будет притерпеться. Пока иду можно будет употребить это вынужденно свободное время на настройку. Школьные скафы настройки берут с профиля ученика, так что подстройка требуется минимальная, а здесь мне придется делать все вручную.

Добравшись до дверей в теплицы я «постучался», в общий канал связи.

— Ой, — появился молодой женский голос, — кто это?

— Здравствуйте, я Максим Рогов, меня к вам в помощь прислали.

— Светлана Валерьевна Семенова, старший мастер гидропонного участка. Кто тебя прислал? — в канале появился другой голос, с грустными интонациями и некоторой хрипотой.

— Я с ремонтной бригадой приехал, с отцом, с полчаса назад. А вам разве не сообщили?

— Нет. Тут все кувырком, связь не работает, ретрансляторы Степан с Марком обещают развести и подключить как с первоочередным разберутся.

— Понятно. В общих чертах, утром к вам отправили бригаду ремонтников на энергоцентральный, меня отец с собой взял. Всех приехало пятеро. Инженер энергосистем, два техника и лейтенант службы безопасности. Когда узнали о случившемся, меня отправили к вам, чтобы не мешался им под ногами и приносил пользу. — неторопливо и спокойно отрапортовал я, стараясь чтобы интонации не выдали моего возраста.

— Ну раз так, добро пожаловать, Максим. Я Светлана, это Настя. Чего делать она тебе покажет. — Когда дверь передо мной распахнулась, стоявшая за ней женщина в зеленом скафандре показала сначала на себя, затем на другую фигуру, в светло-сером с красными плечевыми вставками, та приветственно махнула рукой.

— Привет, переключайся на 5 канал, — прозвучал молодой голос, тот самый, который был вначале.

Интерлюдия 3

Оставив свое барахло возле ворот ветки ведущей в энергоцентраль Рогов, Зеленцов и Подгорельский пересели к Брюсу, необходимо было выяснить текущую обстановку и прогресс работ. Энергетики курочили кожух привода ворот в шахту, пытаясь видимо вскрыть ворота вручную. Прорезать шумовзрывозащищенную створку было совершенно нереально, точнее, неэффективно с точки зрения инженера, который и руководил этим "управляемым вандализмом".

— Отставить взлом, — громко прозвучало в наушниках, все трое обернулись.

— А вот и очередное руководство подоспело — недовольно прозвучало в канале связи от одного из техников, — представьтесь пожалуйста.

— Старший лейтенант безопасности Брюс, — незамедлительно отрапортовался Костя, но его перебил Яков, постаравшийся вклиниться в долженствующую последовать за этим "борьбу авторитетов". — Здорово Кузьма, что за саботаж на вверенном тебе объекте?

— Яша, это ты что-ли, и каким это шальным ветром тебя принесло? — подал голос Сурин, старший инженер объекта, хрипловатый, неестественно громкий голос резанул по ушам.

— Я, кто же еще, ну кому другому может понадобится переться чтоб научить тебя лампочки вкручивать, — с неестественной бравадой ответил Подгорельский, мужчины обменялись рукопожатием и обнялись. — Со мной еще Миша Рогов, энергетик-силовик и Костя, ну да он уже сам представился, а это — Сергей, электрик, — Михаил махнул рукой когда Яков назвал его имя, чтобы идентифицироваться для местных.

— С открытием двери придется обождать, — подал голос Брюс, — чего с датчиками на той стороне? Почему нет данных и чего с вашими сетями творится.

— Да грюкнулось все, — подал голос третий неизвестный, — с сетями чертовщина уже давненько творится, пока могли — поддерживали в рабочем состоянии, а на этот раз оно вообще все отказало. Я — Степан, это Марк, вообще энергетики, а так починятели всего подряд, — он показал на первого говорившего, — хотели ребят вынести, да разобраться, что за хрень там произошла, но пиропатроны срезали оси приводов, как это выправить ума не приложу.

— Чего думать, воткнем проставку и прихватим сваркой, на один тудым-сюдым хватит — предложил Марк. Судя по этим словам, в паре они работали достаточно давно, раз обилие идиом старшего товарища активно переключалось в словесный набор молодого специалиста, судя по небольшому акценту, еще и приезжего.

— Да не выдержит сварка — отпарировал Степан, возвращаясь на прежние рельсы спора.

— А вас не смущает, что пиропатроны срабатывают только в случае большой угрозы безопасности? — вкрадчиво произнес Брюс, несколько обескураженный таким началом разговора.

— У меня там люди остались, — мрачно произнес Сурин, — и я собираюсь их вытащить.

— Давайте так поступим, — подал голос Рогов, постаравшись прекратить начинающуюся ругань — раз в шахту попасть нельзя и что там произошло и, главное, что сейчас происходит нельзя, так отправьте туда разведмодуль. Которым займется Брюс, благо

он на это учился. А мы начнем делать то, ради чего приехали.

— Сети нет. Где эти модули искать, ни один ёж не знает. — отозвался Степан. — Можем попробовать сваять на коленке чего навроде, но настолько хорошо выйдет только бесы-кочегары знают.

— Мда, я такое только в байках слышал, на старших курсах, — задумчиво произнес Брюс, — чтобы настолько все было плохо.

— Вы с чем приехали-то? — задал закономерный вопрос Кузьма Иванович.

— Энергоцентрально запускать, и к ней модуль удаленного контроля. сам знаешь давно надо было, но по осени не успели.

— Значит наши записки не дошли, — задумчиво произнес Сурин, попытавшись привычным жестом погладить подбородок, но рука натолкнулась на шлем — вот незадача, мы — то начали к эвакуации готовиться, отключать все. Парни вон попросились в последний раз какую-то непонятку проверить, а оно вон как вышло. Нет больше парней. У Коли жена осталась, ей-то мне чего говорить? Что я даже сказать не могу что произошло.

— Выясним и отыщем, — твердо пообещал Константин.

— Кузьма Иванович, чего у вас сделано на текущий момент и как задачи распределим? Вы систему гасить, Зеленый к вам в помощь, Брюс — разведкой и анализом происшествий, а мы с Яковом на реактор, так? — задал вопрос Михаил и они начали составлять план работ.

— В целом согласен, — поддержал его предложение Сурин, — Только пусть ребята сеть-временку соберут. Ретрансляторы с автономным питанием я на складе нашел. А то если кому помощь понадобится никого не найдешь, а так хоть переговариваться сможем.

— Если что обращайтесь, отрезать-приварить мы запросто, — тут же заверил всех присутствующих балагур Степан, — мы только компьютеры чинить не можем — лом не пролазит.

Пятый канал оказался личным, только я и она.

— Смотри, нам нужно подготовить системы к отключению, для этого сливаем жидкость из накопителей системы вот в такие бочки. Берешь их на складе и везешь сюда. В одной секции 2 кубометра жидкости, значит нужно по две бочки на секцию.

— А где их брать?

— Точно, ты не местный. Лови файлы. — динамик пискнул, извещая о приеме схем поселка и этого участка.

— Так, понятно. А возить на чем?

— Так вон погрузчик. Права на него есть? — в ее голосе появились нотки раздражения.

— Нету.

— Блин, да что же такое. Сейчас, — она переключилась на общий.

— Светлана Валерьевна, у помощника допуска на технику нет. Наприсылали кого попало с улицы.

— Не мурзись, у тебя тоже не было поначалу. Максим, передай мне свой код скафандра, я тебя внесу в базу, — неторопливо сказала Светлана.

— Так у меня и навыков управления нет.

— Управление не сложное, разберешься. Справишься — внесу в твой рабочий профиль. Просто не торопись и не гоняй. Смотри за габаритами. Все, приступай. — Светлана отключилась.

— Жалко ее. Это ее муж сегодня погиб. Она крепится и убеждает себя что это просто сбой — расстроено сказала Настя. В ее голосе тоже слышны были слезы.

— Сочувствую, так что же произошло? — как можно более тактично спросил я.

— Я знаю не больше твоего. Пришло оповещение от системы, мы все бросились на помощь но внутрь не попали. Решили продолжить работы по консервации, а Степан — наш старший энергетик пытается сейчас пробиться в шахту — теперь слезы сменила злость. Не на меня, на все, на обстоятельства, на ситуацию, на работу, которая не дает сорваться с места и бежать на выручку. Похоже они обе убедили себя что оставшиеся в шахте еще живы.

— Может чего наши помогут. У Брюса должны быть коды на открытие для таких случаев. — попробовал я успокоить ее. Может быть шанс еще есть. Хотя браслеты не выходят из строя, как и датчики жизни. То, что, может разрушить датчик в основании черепа, гарантированно несовместимо с человеческой жизнью. Да и сигнал о гибели подается только при окончательной смерти мозга, электроника передает сигнал с максимальной мощностью, поэтому он и пробился через толщу камня из шахты.

— Может быть. Как связь восстановят узнаем.

После этого она только рассказывала чего делать и как.

Дальнейшие часы превратились в изматывающий марафон. Монотонные однообразные действия. Собрать поспевшие и почти поспевшие овощи, слить раствор из системы гидропоники, убрать растения и унести их в переработку на компост. Повторить все это со следующей секцией. Одно радует — чуточку подросшие навыки. Если поначалу меня не допускали до управления электропогрузчиком и тельфером, то позже доверили. Навыки, даже такие бесполезные на первый взгляд, обязательно пригодятся в дальнейшем. Тем более, что мне их обещали подтвердить документально. Пару раз отключалось освещение,

приходилось задействовать встроенные лампы скафа, и слушать по радио беззлобную перебранку старшего мастера гидропонного участка — Светланы и энергетиков. После чего свет включали обратно. Судя по разговорам, у энергетиков дела тоже шли не быстро. Их оборудование требовалось еще и проверить, переместить на парковочные площадки движущиеся части, проконтролировать завершение текущего производственного этапа и остановить станок или модуль вовремя. Из-за энергетического скачка централизованное управление вышло из строя полностью. А вот модули управления конкретным станком и агрегатов — нет. Они вообще очень надежные. Именно поэтому их приходится останавливать поодиночке руками. Задание-то они получили пока работала инженерная сеть, и до его полного выполнения станки будут выполнять все необходимые операции самостоятельно, если просто отрубить питание, многие части оборудования выйдут из строя, а это дополнительная работа. Да и отключение питания не обязательно вырубит станок, многие модели снабжены резервными источниками питания, особенно если технологический процесс «тонкий», требующий специальных условий, такие системы было выгоднее оставить в рабочем цикле.

Наверное поэтому через несколько часов Светлана Валерьевна ушла им на помощь, а меня допустили к самостоятельной работе. Отец пару раз связывался со мной по внутренней сети, узнавал как дела и рассказывал про свои успехи. В диспетчерскую энергоцентрали они попали сразу, их ожидания не оправдались, решение об отключении энергоузла было принято самими энергетиками, именно для привлечения внимания городских служб.

Когда появилась связь и в общем канале стали слышны переговоры я понял из рассказов «местных», что проблемы в шахте начались несколько недель назад, на которые особо внимания никто не обращал. Сначала незначительные скачки электрики в самой шахте, выводящие из строя датчики, сила и частота которых начали возрастать при смене направления разработки. Странности начали возникать позже. Шахтеры опять поменяли направление, перейдя в совсем другую штольню, с менее богатым сырьем, после чего на несколько дней все выровнялось, электрические разряды, прозванные ими «Выдох Дэва» и прокатывающиеся по шахте прекратились. Но вскоре появились вновь с гораздо большими показателями напряженности. Вчера было принято решение остановить работу в шахте, и вызвать помощь с города. А раз связи не было, решили запросить помощь таким оригинальным способом, через остановку энергоузла. Здесь, в «Рассветном» не было достаточного количества людей, чтобы можно было отправиться чинить связь.

Утром, Вышневецкий, оператор добывающей установки, спустился в шахту чтобы отключить ее, но что-то вызвало его интерес, он включил малый шахтный проходчик и пробил боковой проход к этому «интересному». После чего вызвал к себе Семенова, второго «шахтера», что-то они там нашли и это «что-то» нашло их. А поскольку связи в шахте не было, остальные жители поселка не знают что. А потом пришел «выдох» по всем сетям поселка, повредив все информационные системы, в паре мест посжигав и резервные системы. А следом пришло сообщение о гибели рядом их сотрудника. Бросившихся на помощь энергетиков система не пустила через гермодвери, заблокирован оказался даже ручной режим открытия створок. Начинающиеся пожары от сгоревших элементов подавили достаточно быстро, но централизованное управление теперь отсутствовало совсем. Даже связь держалась только на встроенных радиопередатчиках скафандров и паре ретрансляторов в коридорах.

Работали без перерывов. Короткий перекус и тот из картриджей скафандров, как в космосе. На ужин собрались идти только поздно вечером по стандартному времени, в жилой зоне, находящейся в соседней полости. Оказывается такая планировка поселка оказалась не случайной. Эта гора оказывается была больше похожа на кусок сыра. Множество внутренних полостей использовались как готовые комнаты, оставалось только пробить шахты и укрепить своды. А дальше все зависело от текущих потребностей и размеров комнаты, проводились коммуникации и новый объект вступал в работу. Самая большая пещера была отведена под жилой комплекс. В стенах — небольшие домики — квартиры, а всю середину занимал парк. В нем даже озеро было. Эта пещера подверглась минимальной переделке, только свет провели и разбили парк. Домики были частью системы укрепления свода, а озеро всегда здесь было.

Все пещеры были связаны кроме больших проходов для техники, еще и множеством технических переходов большая часть которых даже не была обозначена на основной карте поселка так что мы добрались до жилых комнат достаточно быстро, гораздо быстрее, чем я добрался от ангара до теплиц.

После проведенного на ногах времени все тело неприятно гудело, а озеро манило своей гладью. Интересно, а купаться в нем можно? Надо будет узнать у Насти. Хотя, скорее всего нет, режим чрезвычайной ситуации не предусматривает купания без скафандров. Посмотрим чего скажут старшие.

Как выяснилось, "старшие" такой мелочью как ужин решили пренебречь. Мы с Настей перекусили столовой приготовленной ей на скорую руку пиццей. Поужинав, наша команда разошлась по своим комнатам. Нам с отцом выделили пустующую в жилом блоке. Ну, как нам, больше мне, потому что они на ужин решили не отвлекаться и остались на энергоцентрали допоздна. Просто в дверь внесли идентификаторы моего и отцовского скафандров. Центральное водоснабжение еще работало, поэтому приняв душ в своей комнате я раскатал спальник и устроился спать. Уснул достаточно быстро.

Утро наступило гораздо быстрее, чем этого хотелось натруженному за день телу. Мда, я даже не знал что у меня столько мышц есть, и они, внезапно, оказывается все вчера работали. Еще пара-тройка дней в таком режиме, и все придет в норму. Но с утра все равно не сладко. Я потянулся и сел в постели, мимоходом отключив будильник. На соседней кровати, где спал отец, поверх раскатанного спальника лежала записка. «Вставай, ленивец, и дуй под душ, завтрак будет через пару минут». Вот ведь, а в выходные он может проваляться дольше всех. Поднявшись, я сделал зарядку, не то что бы я был таким уж фанатом спорта, но сегодня это насущная необходимость, иначе мышцы так и будут ныть.

Под столовую была приспособлена небольшая кафешка, часть столов была сдвинута в один и за ним сидели все кто здесь жил. Видимо, я пришел последним, так как народу было много и они уже углубились в обсуждение каких-то схем, разложенных на столе. Когда я вошел, сидящие спиной ко входу обернулись. Отец махнул рукой, указывая на одинокий поднос на стойке и на край стола напротив Насти. Один из незнакомых мне людей, невысокий и пухлый живчик, выпалил в одно слово "Привет молодому поколению" и вернулся к чертежам. Мы с Настей устроились с краю друг напротив друга. На противоположном от нас крае стола оставались незанятыми два стула.

Несмотря на ранний час Настя уже была в скафандре, в отличии от остальных сидевших

за столом. Без брони все выглядели усохшими в размерах, но сохранили привычные черты. В быстром темпе поглощая кашу и какой-то салат, в котором мяса было больше зелени, я усиленно и ненавязчиво осматривался. Если отец, Яков и Зеленый были привычными, то остальные вызывали интерес. Брюс, например, вовсе не оказался героем с плаката про безопасность. Ну там, косая сажень в плечах, мышцы буграми. Нет, вполне обычный работяга, каких семь на десяток. У него самая запоминающаяся черта — совершенно прямая спина. Забавно.

От Светланы Валерьевны и без ее скафа шло светло зеленое ощущение, цвета новой травы из под снега по весне. Невысокая и коренастая она не производила впечатления силы, а была при этом гибкой и легкой. На левой щеке у нее была ямочка.

Все прочие были мне незнакомы. Я решил потом спросить у Насти кто есть кто, а пока просто запоминал их.

Рядом с упомянутым живчиком сидел светловолосый и голубоглазый парень, немного старше Зеленого на вид. Во всех его движениях была неторопливость и плавность, какая бывает у людей недавно работавших в невесомости. Этаким островок порядка и стабильности. Он успевал и в обсуждении поучаствовать и одернуть своего шустрого товарища, которого называл просто по имени — Степаном, и которого было много. Нет, по комплекции он был лишь чуть полноват, его было много в ощущениях. Казалось он есть везде, шумный и громкоголосый он успевал рассказывать какую-то байку Зеленому с отцом, что-то показывать на схеме, подначивать Настю, шумно прихлебывать чай из кружки и отбиваться от соседа.

Напротив дяди Якова сидел другой интересный тип. Небольшая залысина на темени и посеребрившиеся виски выдавали возраст, а загнутые вверх края бровей создавали впечатление постоянной насмешки и легкого нрава. Скорее всего это главный инженер объекта. Но как его зовут я не помнил.

Прежде чем я успел доесть старшие по возрасту товарищи закончили обсуждение и разошлись по свои участкам. Меня поручили Насте, которую быстро проинструктировала Семенова. Закончив есть и помог Насте убрать со стола оставленную посуду. Заодно и спросил о незнакомых мне. Она обошла стол показывая на стулья и называя имена.

— Здесь сидит Марк, электрик, рядом с ним Степан, старший энергетик, вот этих двоих я не знаю, они с тобой приехали, — рассказывала она.

— Это Яков Подгорельский и Константин Брюс, — дополнил я ее, — тут ты, я, здесь сидел мой отец, а дальше кто?

— Сурин Кузьма Иванович, старший инженер, здесь Семенова, ты под ее началом вчера работал, а тут... - она замаялась.

— Тут должны были сидеть Коля и Вадим, — она проглотила комок в горле и пояснила, — они всегда рядом сидели. Обычно над картой штреков и геологической разверткой. На стул напротив обычно чертежи сваливали.

— На нем Сергей Зеленцов сидел, тоже с нами приехал. Отец их для ремонта позвал помогать ваш энергоузел настраивать. А Брюс безопасник. Должен был разбираться почему с вами связи нет, а вот как вышло.

— Обычно напротив Кузьмы Ивановича я сидела, а тут опоздала, эти двое вклинились, — пояснила она.

— Ну да ладно, — резко сменила она тему, — прибрались? Поехали на работу, у нас сегодня большие планы.

Пока я ходил облачаться в скафандр, Настя подъехала на небольшом электрокаре.

— Сегодня пойдем в дальние пещеры. То, что вчера наготовили нужно убрать на длительное хранение.

— Ты главная, командуй.

— Тогда поехали за прицепами и каром для тебя.

Пока добирались до гаража с легкой техникой молчали. Я никак не мог придумать чего у не спросить, видимо она тоже. Собрав два мини-паровозика мы двинулись к центральным складам гидропоники.

— Насть, а почему мы взяли такие мелкие машины, а не большие грузовики? — любопытство пересилило неловкость и я задал вопрос.

— Ну, во-первых, ни ты, ни я их водить не умеем, во-вторых, они там просто не пройдут. Там и проходы-то очень узкие. Просто пробрили штреки в соседние пузыри — пещеры, а потом приспособили для разного использования. Просто чтобы не пустовали, — спокойным тоном объяснила она. — А в третьих, чисто ручное управление есть только у этих моделей. Всем прочим нужно соединение с сервером инфоцентрали и логистики, а он гакнулся.

— Знаешь какой еще момент меня смущает? — поделился я своими соображениями. — Как мы эти паровозики заставим маневрировать. Заднего хода у нас точно нет. С таким количеством прицепов мы точно не вырулим. Они сложатся и создадут непроходимый затор.

— А нам и не понадобится, — весело отбила она.

— Как это?

— Сейчас будем грузить по одному, и собирать в поезд. Собранный поезд пройдет по переходам в одном направлении, сложных поворотов там нет. Специально вчера по своей карте маршрут строила.

— Но ты же говоришь что сервера недоступны.

— У меня просто копия сохранилась, не обращай внимания.

— Поделишься?

— Обязательно, ты же первым пойдешь. — а вот это было неожиданно. И нелогично.

— Почему я?

— Твой опыт управления меньше, если ты не впишешься в поворот, я смогу тебя «вытащить за хвост». - вот ведь задавака, она не намного старше, но сколько бахвальства и самодовольства. Вот я и не удержался чтобы подколоть ее.

— А если так сделаешь ты?

— А для этого я вместо последнего «вагона» поставлю электрокар.

Звучит логично, поначалу по крайней мере. Тогда ладно, поеду первым.

Так мы и сделали. По приезду на склад мы начали загружать тележки. Меня Настя отправила на управление краном, а сама составляла «поезд». Она отцепляла прицеп и подавала его под груз, я устанавливал его, вместе отцепляли и закрепляли для транспортировки. Затем я шел стропить следующую партию груза, а Настя перегоняла загруженную к поезду. В таком ритме мы проработали почти до обеденного времени, решив сначала довести первый поезд.

Сверясь с Настиной картой я повел свой поезд по проложенному маршруту.

Очередная пещера встретила меня неожиданностью.

— Насть, тут два прохода, а на схеме один. В который ехать?

— В левый, как по карте.

— А почему тогда правого на схеме нет? — с некоторой ехидцей спрашиваю свою старшую подругу.

— Максим... а, ладно. Так вот, это моя схема. И нанесены на нее только те проходы где я сама проходила. С инфоцентральной они не согласованы, раньше необходимости не было, а сейчас уже поздно. Нету ее. — ее голос звучит неуверенно.

— Тогда ладно, — я повел поезд дальше, — а зачем тебе было рисовать свою карту?

— Маленькие слабости. Я в детстве заблудилась однажды сильно, пару дней найти не могли. Теперь выросла, но опасение и привычка создавать карты осталась. А теперь она нас выручила.

Странно, где ребенок может заблудиться и потеряться на несколько дней. Дети всегда на виду, да и без присмотра взрослых сложно остаться. Знаю, сам пробовал.

— Насть, а расскажи что-нибудь еще?

— За дорогой смотри, на повороте последним вагоном чиркнул... Да и настроения нет, давай лучше ты.

— А о чем? Чего тебе про меня интересно?

— А все подряд, где живешь, с кем дружишь, чем занимаешься.

— Ну что рассказать, я родился здесь, на планете, детство и школа как у всех, сейчас каникулы и финишная прямая в жизнь, за получением профессии. Девушки нет, друзей немного, по крайней мере близких, а так наш поток дружный, — отчитался я.

— И это все? И почему так формально?

— Ну ты же не озвучила чего именно ты хочешь услышать.

— Ну не знаю, хотелось каких-нибудь подробностей. Чем в свободное время занимаешься?

— Тоже как большинство сверстников, играю на персоналке, летом в походы ходим, в речке купаемся, на солнышке загораем.

— Максим, а какое оно — небо?

Я опешил. За всю свою жизнь я не встречал человека который мог задать такой вопрос с таким чувством, то ли сожаления, то ли любопытства.

— Насть ты чего? — мое удивление можно было, наверное, пальцем потрогать — ты правда неба не видела?

— Нет. — в голосе отчетливо зазвучали обида и расстройство, — хватит болтать, за дорогой следи.

— Ну подожди, не обижайся. Небо, как тебе рассказать, оно разное, всегда разное. От прозрачной синевы утром по свинцового потолка зимой. Оно может быть затянуто облаками, похожими на разные предметы, а может быть пустым. Ночью это бесконечная глубина с точками — звездами, кажется протяни руку и выловишь на ладонь пару-тройку. Нет, ну ты правда не видела?

— Нет. Не получилось как-то, — грустно и с какой-то странной интонацией сказала она.

Похоже она все-таки обиделась. Ну правда, где может быть человек, который никогда не видел неба. Несмотря на то, что большую часть местного года мы проводим в наших

скальных коридорах летом почти все работают под открытым небом. Отпуска на побережье моря. Она никак не могла не видеть неба.

— Насть, а море ты видела?

— Только на картинах и видео. — отрезала она. Во внешне холодном тоне чувствовалось любопытство.

— Как же так? Нас же на экскурсии возили и в летний лагерь. Я с него вообще шоколадно-серым приехал. Настолько загорел.

— Нет. Я здесь не так давно живу. Почти добрались. Сбавь скорость, там створки узкие, можешь зацепить.

Интерлюдия 4

Брюс налил в кружку кофе и вернулся к столу. За прошедшее время с приезда собрать удалось не так много фактов. Все загадки вели в шахту. Разгадка этой истории была там. Но еще раз окинул глазами вычерченную схему.

Электрические скачки выводят стационарные газоанализаторы внутри технической зоны. Погибшие шахтеры начинают пользоваться носимыми наборами в дополнение в штатным скафандров. Информация сбрасывалась на основные сервера инфоцентрали, сейчас недоступные. Бумажные рапорты они не писали, значит содержание встревожившей их примеси очень мало. Подстраховались и ладно, а теперь этот кусочек головоломки выпал.

Из-за пористой структуры горной породы сканеры выдают нечитаемую засветку, сплошной «белый шум» на экранах. Точно устанавливаются только большие скопления материала, и только с небольшого расстояния. Выработанные «пузыри», добавляются на карту и используются под различные нужды, в зависимости от текущих потребностей. Как результат — эта база больше похожа на лабиринт. Ориентироваться в нем можно без проблем либо «старожилам», лично участвовавшим в прокладке, либо с активным использованием сети. Как же не вовремя отключился сервер.

С этой аварией тоже не все ясно. Многократно резервируемая техника пропускает электрический импульс и выгорает. Запустить можно, но на ремонт требуется много времени и специалисты. Ремкомплекты есть на складах, но без инфоцентрали найти их в этих лабиринтах не представляется возможным. Все происходящее больше похоже на какой-то сценарий к голофильму — детективу. Вот только происходит в реальности.

Опустевшая кружка нашла свое место на краю стола. Размышления продолжались.

Опять же, вся история возвращается к шахте. Что могло вызвать такой интерес, что несмотря на принятое решение об остановке работ, Вышневецкий запускает систему и пробивает боковой проход. Причем это тоже из категории предположений. Единственная документальная информация — график расхода энергии и информация по поступившей руде на переработку. Поток руды с высоким содержанием прерывается, на энергозаборе идут изменения, по которым можно установить перенаправление комплекса, и добыча возобновляется. Причем содержание добываемого материала в образцах снижается. Жаль самые последние образцы не доехали до анализа. Возможно была бы еще одна зацепка. Затем он останавливает основной комплекс и использует малый проходчик. Технику, которой при промышленной работе нет места в шахте. Ими пользуются для прокладки небольших исследовательских штреков и коридоров для прокладки инженерных сетей.

Для дальнейшего расследования нужно попасть внутрь. Через усиленные гермодвери шахты. И тоже загадка. Эти двери появились не так давно. Около трех месяцев назад. Когда решили перенести выработку ближе к заводу, чтобы сэкономить на логистике доставки. В нашем общественном строе задавать лишние вопросы не принято, раз специалисты на месте решили что-то изменить, значит так надо. «- Общая выработка не упадет? — Нет. Либо кратковременно и незначительно. — Тогда действуйте.» И все. Пробыли новые проходы, установили двери и транспортерные ленты и добыча продолжилась. Единственное отличие от стандартных — чуть большее бронирование и шумопоглощение. Для чего это было сделано?

Но как провести разведку внутри?

Единственный вариант который виделся Брюсу сейчас — отправка автомата-робота. Вот только специализированной модели разведчика в отделе безопасности не нашлось. Оставался вариант взять любую другую модель, но просмотрев списки оборудования на складах безопасности, он обнаружил, что никаких роботизированных платформ на объекте нет. Единственное что нашлось — кабелеукладчик у энергетиков, который заявленным требованиям не соответствовал. Хотя это было поправимо, для доработки можно обойтись своими силами, благо возиться с железками Костя любил с детства, да и ремонтники обещали помочь. Рабочие камеры есть у них на складе, там же взяли и новый комплект газоанализаторов.

Приняв решение Брюс поднялся и приступил к его реализации. Своего рабочего робота ремонтники разумеется не отдали, в чем он собственно почти не сомневался. Обе договаривающиеся стороны понимали, что уведенный безопасником прокладчик скорее всего хозяевам не вернется, так что спорили отчаянно. Если Брюс напирал на скорость подготовки к вылазке готового робота, то Степан жадничал и предлагал "вот такой же, только со склада". Точку в их недолгом противостоянии поставил Марк, просто привезя объемистую коробку с частями нового. Сборка и подключение не заняли много времени, а набор программ Марк просто слил со своего. Теперь готового проходчика требовалось немного раскурочить и перенастроить для выполнения совсем другой задачи. Пока Степан выгибал и резал навесные кронштейны для дополнительных камер, Брюс старался заменить штатный передатчик полевой радиостанцией. К несчастью, единого интерфейса у этих двух устройств не было, и с подключением пришлось повозиться. Выход предложил Марк, предложивший не встраивать рацию в системы робота, как хотел Костя, а перевести ее в режим широкополосного модема, добыв из личных закров парочку акустических переходников. Теперь цифровой сигнал с робота переводился звук и передавался рацией без проблем. На другой стороне это происходило в обратном порядке. Система работала, но делала это с заметной задержкой. Хорошо еще что область сигналов удалось загнать в неслышимый человеком диапазон, иначе треск и шелест переговаривающихся модемов не давал нормально работать, через пару минут обеспечив головной болью. Хитрый Степан тут же объявил это исключительно полезной вещью. "Заодно и слушать окружающую обстановку будешь" — аргументировал он, убедительно заменяя наварченный огород подпорок целенаправленной идеей, будто так и было запланировано. Наибольшая сложность возникла с размещением газоанализаторов. Комплекта для установки на робоплатформы на складе не нашлось, а переносимая малая лаборатория занимала слишком много места. Хорошо хоть с ее подключением через рацию мудрить не пришлось. Рассматривали даже вариант привесить ее на прицеп, но по здравому размышлению от такой идеи отказались. Марк в очередной раз проявил смекалку, вытряхнув всю начинку из стандартного корпуса и пересобрал с большей плотностью. В таком виде ее удалось разместить на корпусе бывшего проходчика. Конструкция получилась крайне неказистой, но свои новые функции выполняла. Обвешанный лабораторией робот был совсем не похож на себя, хорошо хоть в линейные размеры все же удалось вписаться.

Несколько раз перепроверив работу узлов и сопряжений поделку признали годной. Ближайшим доступным проходом в шахту была система вентиляции выработки, к которой Костю и разведчика подвез возвращающийся на свой объект Степан. Марк закончил раньше и сразу уехал.

Заслонки системы вентиляции пропустили усовершенствованного робота с легкостью.

Запахнув работа в короб, Степан откланялся. Костя закрыл заслонки и пешком вернулся в диспетчерскую, где было решено разместить систему управления роботом. Брюс устроился удобнее в кресле оператора, работа ему предстояла долгая.

Робот уверенно продвигался по вентиляции до конечной развязки. Когда зона выработки уйдет дальше короб вентиляции продолжат. А пока робот выбрался из него и переместился на пол тоннеля. Освещение на этом участке отсутствовало. Видимо тоже было повреждено последним «выдохом». На транспортерной ленте лежали куски руды вперемешку с камнем основной породы. Повинуясь командам с пульта робот отошел от ленты и двинулся в глубь тоннеля.

Робот замер и отключил привод турбинки газоанализатора, звук привлечший внимание оператора повторился. Тихое шуршание и поскрипывание повторилось. Так поскрипывают мелкие камешки если по ним тащить волоком небольшой груз. Повинуясь команде оператора, разведчик двинулся дальше, снизив до предела скорость и издаваемый им шум. Источник звука медленно приближался. Брюс до упора выкрутил регулятор громкости.

Шуршание стало совсем отчетливым. И начало удаляться. Разведчик двинулся вперед, изгиб коридора и темная коробка не давала полного обзора. Но обогнув этот оставленный рабочими агрегат не обнаружил ничего. Коридор был пуст. Ожидание в режиме повышенной тишины ничего не дало. Выждав некоторое время робот двинулся дальше.

Последний участок выработки был хорошо освещен переносными прожекторами. Это было обычной практикой, для работы нужно хорошее освещение, а дежурную линию электрики подведут позже, когда фронт работ отодвинется на достаточное расстояние.

Новый тоннель отходил от основного под большим углом и с серьезным уклоном вниз. Проходческий комбайн стоял в тупике, дополнительно освещая его своими фарами. Открытая дверь кабины оставляла впечатление, что оператор вот-вот вернется. С трудом забравшись в кабину робот покрутил камерой. Тревожное впечатление усилилось оставленными ключами в замке, включенной подсветкой салона и не захлопнутыми дверцами шкафчиков с инструментом. Вышневецкий явно взял что-то из инструмента и вышел осмотреть.

Никаких звуков вокруг, никакой активности. Чтобы осмотреть комбайн с другой стороны нужно было либо вернуться назад, либо провести работа под днищем. Константин выбрал первый вариант. Кустарно модернизированный робот мог зацепиться чем-нибудь и застрять. Ведя в обвод машины разведчик заглянул в приемный бункер комбайна. Все как и до этого: рыжеватый камень основной породы, маслянисто отблескивающие кусочки руды и непонятные куски серого материала. Стоп. Эти осколки выглядят неправильно. Не бывает в природе совершенно ровно окрашенных пород с включениями более твердых частей с одинаковой формой зерна. А торчащие прутки металлической арматуры явно несут искусственное происхождение. Это бетон. Но на такой глубине и в этом направлении не должно быть наших конструкций. Костя мысленно сделал зарубку, это требовалось перепроверить при следующем сеансе связи.

С другой стороны комбайна ждал давно ожидаемый невеселый сюрприз. Семенов и Вышневецкий были здесь, в аккурат возле темнеющего отверстия в сплошной скале. Скафандр Вышневецкого стоял опершись рукой на край пролома и казалось продолжал вглядываться в его туманную глубь, скаф Семенова лежал чуть в отдалении. По его перекрученной позе можно было установить что его кончина сопровождалась борьбой или

агонией. Оба были в дополнительных экзоскелетах «рабочего» типа. Без серьезной экранировки и бронирования.

Брюс подвел разведчика к ближайшему, им оказался Семенов. Между пластин левого бока зияло отверстие с кулак. Пластина, которая должна была прикрывать это места вырвана наружу. На броне небольшие потеки крови, гораздо меньше чем должно быть при таком ранении. Брюс подвел камеру вплотную к ране, внутри была пустота...

Только окровавленная и заскорузлая ткань комбинезона, там где должно было быть тело. Заглянуть в глубину не получалось, камеры разведчика были жестко закрепленными, а гибкого эндоскопа на этой модели не было. Поляризующее стекло шлема не давало рассмотреть лицо, даже само наличие или отсутствие головы.

— Черт — эмоционально высказался Костя, ощутив пробежавший по спине холодок.

Характер повреждений скафандра Вышневецкого был аналогичным, с той разницей что рана находилась ниже и ближе к центру симметрии. «что-то» напало на него первым, выведя его экзоскелет из строя и уничтожив носителя. Иначе бы он не остался стоять как истукан. Людям свойственно не верить в свою смерть и бороться до конца, здесь же этого не наблюдалось. Подошел посмотреть на свою находку и остался смотреть на нее навсегда. Семенов бросился на выручку и попал под второй удар.

После внешнего осмотра тел, наступило время осмотреть пролом. Буры проходчика одинаково ровно прогрызли и камень основной породы, и бетон чужой постройки. В глубине провала клубился непонятный туман.

Костя запустил газоанализатор. Сразу же поползли предупреждающие надписи. Туман оказался многокомпонентной взрывчаткой, но без смеси-детонатора. Видимо эта часть обороны бункера вышла из строя, раз подрыва не произошло при вскрытии.

— Черти чертово чертили колесо — пробормотал Брюс, погрузившись в размышления. — если система не сработала сразу при вскрытии, то не значит что этого не произойдет в дальнейшем. По хорошему, надо все останавливать и вызывать историков с саперами, пусть разбираются в «подарочке». Но остановить консервацию базы — это потерять очень многое. Восстанавливать бывает сложнее, чем новое строить. Да и энергоцентр нужен нам. Знать бы примерное расположение чужой базы, можно бы было отвести людей от потенциально опасных участков и закончить работы. В шахту больше лезть нельзя, хоть по прогнозу эта взрывчатка и стабильна, причины почему не сработал узел подрыва не известно. Может нет проверки на целостность стен, а может на баллоне с катализатором вентиль окислился. Опять же, что произошло с шахтерами. Если это автоматика, почему не атаковала робота. Почему на скафандрах так мало крови? Почему не просматриваются тела? Значит робота возвращать нельзя. А как же тела? Их нужно вытащить и обследовать, не дело бросать их вот так. Вопросы роились и нарастали как снежный ком.

Повторный осмотр тел добавил в копилку лишь пару новых фактов. Материал скафандра был прорезан с большим усилием острым предметом, а края разреза раздвинуты, вывернуты наружу. Выстрелом охранной системы это быть не могло, от текущего положения тела в глубину пролома не возможно провести прямую линию. А управляемые снаряды нанесли бы другие повреждения, как минимум оставив брызги крови.

С разгрузкой возились долго, штабели контейнеров уходили концами в темноту зала. Лампы освещения то-ли вышли из строя, то-ли включались в другом месте, разбираться было дольше чем сделать без них, была подключена только дежурная подсветка, которой хватало на ориентацию и не более. С лампами скафандров работать было можно, но значительно медленнее. А мы с Настей торопились, по нашему плану мы уже должны были выехать за следующей партией, а разгружен был только мой поезд и пара тележек с ее.

— Слушай, запаса мощности этого тельфера достаточно чтобы брать по два контейнера вместо одного, — предложила она, — хоть сколько-нибудь времени отыграем.

— По идее, ты права. Но это будет нарушением ТБ — с сомнением возразил я, уважение к технике безопасность отец вдалбливал постоянно.

— Мелким. К тому же мы не выходим за грузоподъемность тельфера и строп.

— Ну давай попробуем. — с некоторым сомнением я согласился.

Работа и правда пошла чуть быстрее. Зацепив один контейнер я поднимал его, Настя передвигала поезд под него. Я опускал и перецеплял стропы на нижний. Такой способ действительно давал небольшой прирост в скорости работы.

Пока не пришел очередной скачок мощности. Мы как раз должны были опустить очередную пару контейнеров на положенное им место когда истерично взыв электродвигателем тельфер рванул в сторону. Избыточное напряжение пробило изоляцию и закоротило схему движения. Контейнеры с силой ударили в штабель и потащились дальше, разваливая всю стенку. Вокруг нас начался «эффект домино», одна падающая стопка цепляла другую. Заискрившие и мигающие лампы усиливали начинающуюся сумятицу.

Грохот и скрежет продолжались пару минут.

— Настя, ты как, в порядке? — обеспокоенно спросил я, понимаю что вопрос дурацкий, но ничего лучше в голову не пришло.

— Не совсем. — прозвучал в наушника испуганный голос. — Сама не пострадала, но похоже меня завалило. Ее голос все больше начинал дрожать.

— Не волнуйся, сейчас я тебя вытащу. — главное не впадать в панику. Отец всегда говорил: в любой нештатке, паника — твой злейший враг.

— Только не уходи от меня далеко, мне страшно. — она отчетливо всхлипывала. — Не оставляй меня одну, пожалуйста. Не уходи.

— Настя, я тут, успокойся. Я никуда не ушел. Я рядом. — начал я повторять в микрофон. Я начал перебираться через завал, в который превратились аккуратные штабели. — я почти на месте. Включи все дополнительные фонари скафандра.

— Сейчас. — она ответила, судорожно всхлипывая. — включила.

— Руки свободны? — спросил я.

— Одна совсем, а левую возле локтя прижало. — страха в голосе стало больше. Блин, чего же делать-то.

— Включи еще и фонарики на запястьях, и помаши руками во все стороны. Тебя под ящиками не видно.

— Сейчас, ты только не уходи, не оставляй меня, ладно?

— Я никуда не уйду, успокойся. — краем глаза я заметил отсвет под одним из контейнеров. — стой, верни руки обратно. Пятно света дернулось, — я тебя нашел. Я

перелез через очередной контейнер и сунул фонарь в щель — видишь свет?

— Нет. Наверное с другой стороны. Сейчас рукой пошевелю — свет заметался.

— Сейчас обойду. — я пролез в щель между контейнерами с другой стороны.

— Я тебя вижу — радости в ее голосе не было конца.

Прижало ее капитально, хотя все не так уж совсем плохо. Левая рука оказалась прижата контейнером, который встал над ней горкой, упираясь другим краем на электрокар. Плохо было то, что ноги были прижаты другим контейнером. Сквозь стекло шлема было видно ее испуганное лицо с дорожками слез.

Понимая, что толку от нее в таком состоянии мало я попросил — дай мне руку, — она протянула. А откинул крышку с технического люка и подключился к ее скафандру. Тест не выявил поломок. Состояние девушки тоже не вызывало опасений, учащенное сердцебиение и дыхание, как следствие стресса и паники. Для верности я сверил ее показания со своими. Все показатели были почти одинаковыми с моими, а не совпадающие укладывались в норму. Отличалась только одна строка для скафандра.

— Насть, у тебя установлены усиления экзоскелета? — с удивлением спросил я.

— Да. только по мощности ограничены. Не выйдет с их помощью выбраться. Я уже пробовала.

— Жалко, но сейчас чего-нибудь придумаем. Не переживай. Давай дополнительно подключим видеоканал с внутренней камеры шлема, так ты будешь меня видеть, а я тебя.

— Хорошо.

— Сейчас я посмотрю что с тельфером и вернусь. А ты подождешь меня здесь. — стараясь говорить спокойно объяснил я ей. Главное не спровоцировать новую истерику.

— Будто у меня есть выбор. Ты только не долго. Не оставляй меня одну тут.

— Я тут, рядом — успокаивал я ее. Меня бы кто успокоил. В школе тренировки по действиям в чрезвычайных ситуациях проводились, но не с такой же реалистичностью. И связи нет, но помощь не позовешь. Хотя во всех школьных инструкциях первым стоит запросить помощи у взрослых и специалистов.

Тельфер нашелся в десятке метров от нас. Над кожухом двигателя поднимался дымок, вспомнилась шутка дяди Якова «вся электротехника работает на синем дыме, если он наружу вышел — то все, работать не будет». Значит поднять контейнер не выйдет. Даже вручную через блок, передвинуть балку со сгоревшими двигателями не получится.

С этими невеселыми новостями я вернулся к Насте.

— Кран-балка не работает, вручную контейнер я не передвину. Вытащить тебя отсюда можно только одним способом, если вытащить тебя из скафандра.

— Нет. — прозвучал быстрый категоричный ответ. Я опешил — ну почему?

— Я не одета.

— Прости, что? — я подумал что ослышался.

— Ну, у меня под скафандром ничего нет — произнесла она смущаясь и запинаясь. Щеки и все видимое лицо начал заливать румянец, — так случайно вышло.

— Блин, Настя, никто не носит скаф на голое тело.

— Я ношу. Мне так привычнее. — в ее голосе опять появилась грусть, — Да и не смогу я без него.

— Как это — от испытанного удивления мои брови должны быть где-то в районе темечка.

— Ну... — протянула она, грустнея на глазах. А затем, видимо решившись, выпалила. —

Я орбитальщица, Максим. Я всю жизнь провела в крайне низкой гравитации. У меня мышцы не тянут нагрузку. Без усилителей я почти не могу передвигаться. Я на планете-то всего четвертый месяц.

Это было плохо. Сильно плохо. Не катастрофически, но плохо. Ее придется нести. Иначе она себе что-нибудь повредит. Неожиданно для себя я спросил — и как это объясняет что ты под броней гольшом?

— Ну... — она опять замялась и зарделась от смущения, — Не было у меня одежды моего размера на станции где я жила. Так и привыкла. А теперь не могу переучиться, все время мешается и натирает. — на ее красных щеках Наверное можно было оладушки жарить.

— Так, если я отдам тебе свою одежду и отвернусь, ты сможешь сама выбраться и одеться?

— Наверное смогу, — неуверенно произнесла она.

— Тогда так и сделаем. — сказал я начав раздеваться, тут надо действовать быстро, пока она не опомнилась и не придумала какую-нибудь еще отговорку.

Чтобы раздеться пришлось вылезать на контейнер. Сняв верхнюю одежду и сбросив ее вниз. Я залез обратно в скаф и вызвал Настю.

— Одежда внизу, можешь выбирать.

— Только ты обещаешь не подсматривать.

— Обещаю. Я пока пройду, оценю масштаб устроенного нами бедлама.

— Ладно. Только не уходи совсем. — опять страх и паника. Да что же с ней произошло в прошлом, если вызывает такой ужас.

— Я буду рядом, и не буду подсматривать. — Что за странные существа девушки.

Полоса разрушений оказалась не очень обширной, но вела точно по направлению на выход. Пройдя еще я выяснил, что мои самые плохие прогнозы оправдались — проход обратно был завален, качественно и полностью непроходимо. Мы заперты. Без техники мы не сможем растащить завал, а техника способная на это, лежит под завалом. Замкнутый круг.

В отчаянии я начал обходить нашу тюремную камеру по кругу, двигаясь вдоль стены.

Из четырех обнаруженных мной проходов, три оказались тупиками, такими же складами, но значительно меньшего размера.

Четвертый был более интересным. Начать с того, что он был прикрыт дверью и являлся техническим переходом для кабелей и труб. Двигаясь по нему мы вполне могли выйти обратно в обжитые части базы.

С этими новостями я вернулся к Насте. Она уже выбралась на свободу и теперь лежала отдыхая.

Без скафандра она производила впечатление снежинки на рукавице. Невысокая, стройная и хрупкая, с огромными глазами и пушистыми ресницами. Она выглядела совсем не так как знакомые мне девушки, почему-то появилось желание обнять и погладить ее как котенка. В моей рубашке и штанах ее образ был каким-то законченным что-ли. Гармоничным. Рукава и штанины она закатала, разница в габаритах оказалась довольно существенной.

— Ты нашел выход? — был ее первый вопрос.

— Возможно. Основной проход, через который мы сюда попали непроходим без техники, но я нашел дверь в коммуникационные тоннели. — ответил я.

— Карты которых у нас нет.

— Зато не останемся здесь.

— Тоже верно, — сказала она и поднялась на ноги, — идем?

— Не так быстро. — остановил ее я, и начал расстегивать скаф. — сначала нужно снять с твоего скафандра носимые части.

— Зачем это? И что именно? — она с любопытством посмотрела на меня.

— Связь, запасы еды и воды, аптечку. Фонарики и батареи. Непонятно сколько придется блуждать.

— Понятно. А я только про еду догадалась. Не знала что радио можно снять.

— Ну вообще-то нет. Но мне дядя Яков показывал как это можно сделать. Недокументированный способ.

— Ясно, а скаф зачем снимаешь? — она смутилась.

— Так я в нем там не пролезу. И можешь не отворачиваться, я, в отличие от некоторых, белье одеваю.

Она фыркнула что-то неразборчиво и отвернулась. Потом правда повернулась обратно.

Я слез вниз и протиснулся к ее покинутому скафу.

Закончив с мародерством, мы двинулись в технические переходы. Где габариты коридоров позволяли, Настя ехала на моем плече, в узких местах, переходя пешком, правда очень быстро выдыхалась и останавливалась отдохнуть.

— Насть, а почему так получилось, как ты говоришь, что росла при пониженной силе тяжести?

— Долго рассказывать, — отмахнулась она.

— Ну, других развлечений я не вижу. А так время в пути незаметно пройдет.

— Ну, началось все очень задолго до моего рождения. Когда Земля-Изначальная стала перенаселена, с нее стартовало множество кораблей. Ну, это ты и из истории знаешь. На одном из таких кораблей летели и мои предки.

— Сверхдолгий полет со сменяемым экипажем?

— Да. Мои родители были из, как у вас говорят, касты гидропонщиков, так что свою будущую профессию я начала осваивать почти с рождения. Вместе с ними проводя много времени в теплицах.

— А потом ваш корабль догнали наши, более современные и взяли на буксир? Обычно так делают. «Осколки империи» как вас называют.

— Не перебивай, а то вообще рассказывать не буду.

— Все-все, молчу.

— Все шло к тому, что я сменю своих родителей в теплицах через пару десятков лет. Но служба навигации пропустила крупный объект. Космос не настолько пустой, как о нем принято думать. Гидропонная секция в которой я жила находилась на внешнем кольце, ударом ее оторвало и оставило на орбите вокруг этого камня. Из находившихся в секции на тот момент уцелели только я и дядя Ратмир. Это было почти 9 лет назад.

— Как вам это удалось?

— Мне около шести было, я почти ничего не помню. Скрежет металла, внезапная темнота. Мы выжили каким-то чудом, потом дядя Ратмир показывал расчеты и графики удара, нас должно было размазать ускорением как остальных, но мы оказались в точке где ускорения были приемлемыми. Так и жили, пока вы меня не нашли.

— А воздух, еда.

— Я же говорю, мы в теплицах были. Большая теплица и небольшой склад с продукцией и запасными частями, для текущего ремонта. Дядя Ратмир замедлил вращение нашего обломка, а потом и вовсе уронил его на астероид. Сила тяжести была, но очень небольшая, только чтобы вода в системе не разлеталась. Вот и вышло что я стала полноценным специалистом по гидропонике и генной инженерии растений в 11 лет. И без школьного образования.

— В смысле, без школы? Так не бывает.

— А где школу найти на астероиде с населением в 2 человека? Чего сам знал, тому и учил.

— И как же ты теперь будешь?

— Ну, учусь заочно, некоторые вещи экстерном сдала, некоторые не даются.

— А почему ты жила здесь, а не в большом городе?

— Слишком долго жила одна, не могу адаптироваться.

— Насть, у меня в голове не укладывается, как же вы вообще уцелели при столкновении? Вас же перегрузкой должно было раздавить?

— Ты наши скорости со скоростями ваших последних звездолетов не путай, мы двигались не настолько быстро, а во время удара, когда начал деформироваться корпус, сработали заряды, отстегнув нашу часть от основной массы. А вот дальше нам просто повезло, мы находились в центре вращения. Чем дальше от него, тем больше центробежная сила. У нас был хороший корабль, надежный. Он дальше полетел, а вот мы остались...

— И что дальше было?

— Дальше система замедлила кувыркание до безопасной скорости, исчерпав топливо. Дядя Ратмир рассказывал, что ему пришлось очень много воды потратить чтобы окончательно затормозить и стабилизировать осколок. У нас из четырех уцелевших секций теплиц только в одной полный объем жидкости оставался, и еще в одной меньше половины требуемого, остальное потратили как рабочее тело для двигателей ориентации. Подразумевалось, что по прилету на место корабль распадется по кубикам и сложится по новому, как из конструктора, часть останется новым спутником, часть перестроится в орбитальный лифт, маневровые двигатели станут основой для внутрисистемных транспортов. Вот и были наши теплицы снабжены простенькими двигателями конструкции «сопло и кипятильник», действующие только при отсутствии тяготения, слишком малая у них тяга. Из-за этого так много рабочего тела потратили. Хорошо астероид был с запасами водного и сухого льда. Понемногу, но было. Он развернул обломок к источнику света, установил солнечные панели, которые на складе были. У нас вся поверхность корабля ими выстилалась, поэтому ремонтный комплект был. И начали жить.

— А ваш корабль нашли?

— Насколько я знаю, еще нет. Если курс остался прежним, то лет через 200–270 они долетят до звезды. И обнаружат вас.

— «Нас», ты теперь тоже наша.

— Пока еще нет. Вы слишком другие. Взять хотя бы евгенику, у нас прямое вмешательство в геном человека было строжайше запрещено. А вы почти поголовно модифицированы. И еще много чего.

— Ты преувеличиваешь.

— Ничуть. Смотрела выкладки у своего врача. Сколько, например, ты видел людей в очках?

— Ну, сварщики там, или кто с кислотами работает.

— Нет, не в защитных, а для коррекции зрения? Когда люди плохо видят? Никого, я думаю.

— Ну не знаю, может просто здоровые все.

— Другой пример, вот ты сколько можешь поднять груза и нести?

— Примерно полтора своих веса, больше с инерцией сложно бороться, если в рывке только чтобы поднять, то около трех — трех с половиной.

— А для немодифицированных это не больше трети для переноса, подъем, при условии многолетних тренировок — около двух, причем в меньшую сторону. Ты что, сам не замечаешь, те несешь на себе скаф и меня, и при этом можешь болтать, так, дышишь чуть чаще. Что такое авитаминоз ты только в учебнике прочитать можешь. И еще много всего. Все, я устала, теперь твоя очередь рассказывать.

— А о чем? Я же не знаю что тебе интересно.

— Я в одной книге читала, «хочешь чтобы человек много и с удовольствием рассказывал — спроси его о нем самом». Вот и расскажи о себе. Где ты живешь и как.

— Сложно как-то. Ну что меня зовут Максим ты и так знаешь. Я живу с родителями и младшей сестрой в соседнем городе. Через несколько месяцев закончу школу и перейду на специализированное обучение. Скорее всего на робототехнику. В свободное время гоняю с друзьями в виртуалку или занимаюсь спортом.

— А каким именно?

— Да без особой системы, силовые на тренажерах и штанга, бег и футбол в компании, без особых показательных результатов, для себя.

— Ты сказал школу закончишь, сколько тебе сейчас лет?

— Семь.

— Что? Чего врешь, — ее возмущению не было предела, она даже попыталась перегнуться через плечо, чтобы посмотреть мне в лицо — не хочешь говорить так и скажи, чего врать-то.

— Вот ей-ей не вру. Ты о нашей системе хоть чего-нибудь читала?

— Какую-то заумь, мне эти цифры ничего не говорят, — теперь она смутилась и в голосе появилась неуверенность.

— Смотри, по сравнению с Землей Изначальной, длина орбиты больше — значит у нас год длится дольше, почти в два раза. А оборот планеты вокруг оси, цикл день-ночь, тоже чуть больше стандартного, но незначительно.

— И сколько тебе в стандартных?

— Семнадцать полных. Я в первой десятке родился, так что можно сказать — абориген.

— Ну тогда ладно — она успокоилась и перестала ерзать у меня на спине, постоянно смещая центр тяжести.

— Из-за того, что крайние точки орбиты находятся далеко от местного светила у нас длинная и суровая зима, зато потом почти год лето, — я замолчал переводя дыхание.

— Расскажи еще чтонибудь, у тебя это интереснее чем в учебнике, — попросила она.

— Поскольку планета не была терраморфирована, все растения и животные на ней эндемики, ну то есть местные. земные флора и фауна содержатся в теплицах под землей.

— Ну не скажи, семена и пыльца все рано уже вышли из ваших бункеров вместе с вами, любви вообще склонны засеивать все вокруг себя.

— А вот и нет. за этим у нас специальный надзор смотрит, чтобы не разрушать местную

экосистему.

— Поверь специалисту, жизнь всегда находит лазейку, убежденно сказала она.

— А вот и не поверю, — начал спорить я.

— Точно тебе говорю. Как специалист по генной инженерии растений с дипломом тебя уверяю. Придем на базу, я тебя мясным стейком прямо с куста угощу. Собственной разработки, — она убежденно хвасталась.

— Ты же говорила школу не закончила, — поддел я ее.

— Это по общей программе. А диплом самый настоящий у меня в комнате висит, я его через пару месяцев получила, как меня нашли. Дипломный проект как раз по этим растениям защищала.

— Чисто теоретическая разработка? Ну типа сферического коня в вакууме? — не удержался я.

— Нет, голая практика. Образцов тканей животных на моей станции не было, а потребность в аминокислотах животного происхождения никто не отменял, вот и пришлось придумывать. Я такую цепочку выстроила чтобы от растений к животным перейти в пробирке, — она протянула мечтательно, — ваши долго удивлялись.

— Пока диплом не покажешь, не поверю.

— А чего сложного, он на стенке висит, над моим старым экзоскелетом. Точно, — она аж подпрыгнула, — у меня в комнате мой скаф старый стоит, в нем я смогу сама двигаться. Надо только до него добраться.

— До него надо еще дошагать, — протянул я. Коридор по которому мы шли закончился тупиком. На правой стенке была дверь, закрытая. И открывающие механизмы были, видимо, с другой стороны или она открывалась через сеть.

— Придется возвращаться к развилке? — спросила Настя.

— Да, но тот коридор ведет в другом направлении, как бы не запутаться.

— А куда мы денемся, все равно выйдем. Меня в безбрежном космосе и то нашли, а на базе — тем более найдут. Или сервер починят с сетью, тогда вообще быстро выйдем, — отмахнулась она. И как в ней уживаются подобный оптимизм и паникующая малолетка я не понимаю.

Некоторое время я шел молча, но тут Настя завозилась и сказала: — А чего ты опять замолчал? Дальше рассказывай.

— О чем? — спросил я несколько потеряв нить разговора.

— Ну ты про себя рассказывал. Про школу, про увлечения.

— Да вроде все сказал. Если что-то особо интересует, всегда можешь посмотреть в профиле в сети. Там все есть, — отмахнулся я.

— погоди, то есть где-то в сети можно найти информацию о тебе? — не поняла она.

— Конечно, там есть полное досье на каждого члена общества, со всеми достижениями и неудачами, с фотографиями, какие выберешь, вся моя жизнь.

— И что, вот просто так лежит? — все еще не понимала она.

— Ну, да, в свободном доступе. Захочешь — найдешь.

— А если ты чего-то стесняешься или не хочешь чтобы об этом знали? — продолжала допытываться она.

— Так мне стесняться нечего. Бедокурил как все, дружил и мирился как все. Такой же, как мои друзья и одноклассники. Я понять не могу, чему ты так удивляешься.

— Ну не знаю, бывают же у человека маленькие неприглядные поступки, которых он

потом стесняется, или о которых хочет забыть, — попыталась объяснить она, — домашнее животное мучал или у младших деньги на обеды отбирал.

— Чего?! — я аж остановился от охватившего меня возмущения. Подобное просто не укладывалось в голове. Справившись с эмоциями я продолжил: — Настя, ты чего? Так не бывает. А если бы и было, то тоже будет отражено в профиле. У нас полностью прозрачное общество, все если и не знакомы лично, то через кого-то точно. Вся планета — одна большая деревня. Все всех знают. Подобные наклонности психологи купируют еще в детском саду. Я даже не представляю как такое можно было придумать, — в голове аж мысли путались от возмущения.

— Извини, я совсем мало знаю от обществе, а о вас тем более, — повинилась она, — у меня только книги были, чего прочитала на том и стоила стереотипы. В том что читала — было так.

— Понимаешь, нас в детском саду учат быть достойными членами общества, чтобы мы стремились стать уважаемыми людьми, совершающими правильные поступки. Находят и развивают таланты, способности. Согласись, изучать строение живых организмов понятнее и интереснее с преподавателем, который это хорошо знает и может объяснить. А то что ты сказала — это садизм, попытка возвыситься через причинение боли другому существу, это патология, с которой должны были справиться психологи. Такого у нас не встречается.

— А власть? Точнее стремление к власти, — задала вопрос Настя, после некоторого раздумья.

— И тут так же. Разделяют лидерство и теорию управления. Быть лидером может каждый, обычно выбирается тот кто больше знает по этой теме, на это специальные групповые тренинги проводят. А вот способных к управлению немного, их обычно специально выискивают. Это талант, как к живописи, и почти такой же редкий.

— Как-то сложно воспринимается. над этим надо будет сильно подумать, — заторможенно протянула Настя, глубоко задумавшись, — а деньги? Они есть или от них вы уже тоже отказались?

— Есть, как не быть. Мелкие наличные используются в основном малышами, чтобы счет скорее осваивали. А так, в основном безналичные расчеты. Чтобы хватало на разные мелочи достаточно найти подработку, и с этим проблем нет, рабочие руки всегда требуются. На планшет и очки к нему я за лето заработал, ничего сложного. Грабеж просто неэффективен. Да и уважение потеряешь.

— Если все так радужно, откуда ты знаешь что такое бывает и само слово "грабеж"? — спросила Настя.

— В общем-то оттуда же, откуда и ты. Из литературы. Просто поменялось общество, и героями стали другие личности, с другими качествами, с иной системой ценностей. Изучение литературы должно идти одновременно с изучением истории. Персонажи не должны отрываться от своих корней и общества. Так нам объясняли, — пояснил я.

— Знаешь, у меня все из головы не идет, что к моему прошлому любой может получить доступ и копаться в нем. Даже объяснить не смогу, какое чувство, будто сквозняком потянуло, — попробовала она выразить свои ощущения.

— Ну на самом деле это происходит не настолько часто. Скорее наоборот. Полный профиль просматривают достаточно редко. В основном — при вступлении в брак, садятся рядышком и смотрят. Обычно запрашивают выборки, ну там образование, полученные специальности, надежность как партнера в совместных предприятиях. Это просто еще один

механизм контроля за поступками, ведь если знаешь что все станет известно, постарайся не делать глупостей.

— Ты меня успокоил, но все равно мне надо это хорошо обдумать, давай помолчим, — предложила она.

— Как хочешь, — согласился я, все-таки она меня переоценивает, нести ее и разговаривать далось мне не так легко, как она думает.

Интерлюдия 5

За гулом двигателя и шуршание нагнетающей турбины газоанализатора шорох пересыпаемых камешков и мелких обломков был совсем незаметен. Электрический разряд большой мощности прошил цепи робота и испарил тонкие шины в электронике. Будь шасси робота специализированным и защищенным, подобное скорей отправило его на перезагрузку, чем в хлам, но это был как раз второй случай. Сляпанный из отдельных устройств разведчик мог выполнять свою функцию и не более. Теперь же это были отдельные части, скрепленные и объединенные кабелями и стяжками. Выйдя из перезагрузки портативная рация соединилась с таким же дубовым газоанализатором и продолжила передавать данные.

Внезапно погасшие экраны заставили Брюса поперхнуться кофе. Он отставил кружку и начал выяснять что же случилось. Записи внезапно прервались, а соединение разорвалось. Канал связи появился через пару минут, но основные части разведчика не отвечали. Неожиданно дал о себе знать так и не выключенный газоанализатор, нарисовав на графике несколько пиков содержания веществ.

— Это все бред. Такого просто не бывает — пробормотал он выводя на печать несколько страниц отчетов мобильной лаборатории и фотографии. Сложив листки он прошел в общую диспетчерскую поселка и подключился к сети аварийного оповещения. Жутком анахронизме, по сути, обычная сеть громкоговорителей, дублирующая нормальные каналы связи. Непонятно зачем, но их продолжали монтировать несмотря на более прогрессивные системы. В инструкциях же строка «использовать сети аварийного оповещения в случае нарушения работы других систем» тоже кочевала от редакции к редакции. Брюс криво усмехнулся, эта система на его памяти не была задействована ни разу, вот и испытаем — сказал он себе.

— Внимание всем. Говорит старший лейтенант службы безопасности Брюс. Прошу всех собраться для экстренного совещания. У меня появилась информация требующая срочного рассмотрения. Встречаемся в диспетчерской через час. Вопрос действительно важный, прибыть всем.

— Блин, ну как не вовремя, пробурчал Яков, прикручивая на место очередную ячейку управления, — вот хлебом безопасников не корми, дай посоветаться.

— Да не ворчи, вдруг правда что-то ценное или сложное нашел, что сам разобраться не может. Сходим, послушаем, может кого в помощь к себе перехватим.

— Максимку что ль? Тоже дело, пусть уж малец на глазах будет, все спокойнее на душе. А что за девчонка с ним была вчера?

— Ну а я-то откуда знаю? У него и спрашивай как увидишь, мне ее пока не представляли, благословения отеческого не вопрошали — Михаил криво усмехнулся.

— Да пластика у нее непонятная, двигается очень странно, вот чую что неправильно, а что именно — не могу поймать. Все, прикрутил, теперь прозванивай и подключай, я пока новый шланг в короб заправлю. — Яков повернулся и почти вышел из комнату управления, но обернулся на пороге и спросил — как думаешь чего Костя такого нашел что в панику ударился?

— Иди уже, любопытный ты наш — напутствовал его Михаил, подключаясь очередным кабелем к свежеставленной ячейке. Настройка обычно занимает меньше времени, когда «под руками» есть информаторий и каналы связи с коллегами, иначе, вот как сейчас, приходится старательно выжимать свою память и давно забытые значки с программами по разным уголкам накопителей. На посторонние размышления времени не остается. Значительно проще не допускать ошибку, чем потом искать ее в по всему массиву контрольных систем. Переживания и сожаления придут позже, когда ответственная работа будет закончена. Подобное отношение не делало Михаила совсем уж странным, но несколько отдаляло его от коллектива, хотя к этому все знакомые давно привыкли. Отброшенные переживания возвращались по ночам, принося с собой липучие ночные кошмары на некоторое время. От которых спасала только семья и прогоняла их прочь. Забота и поддержка любимых — вот что держало его «на плаву», позволяя жить в таком режиме «от провала до обрыва» многие годы. Впрочем так живут многие люди, несущие груз ответственности за других, особенно если таковых много. Внезапные кризисные ситуации умеют разруливать все начальники-инженеры, вне зависимости от специализаций и направлений, но немногие делают это своей основной работой.

К моменту когда в дверном проеме появился Василич, Михаил как раз прогонял последние тесты синхронизации блоков. В большом плане работ можно было поставить еще одну жирную галочку и ломиться к следующему участку, стараясь выгадать больше времени на наладку, за счет скорости перемещений.

— Ты готов? — спросил Яков. Но окинув взглядом разложенные при работе инструменты сам продолжил, — Конечно нет, о чем же я. Миш, ну опять ты лишку увлекся, собирайся, пойдём послушаем чего там Костя нарыл.

В столовой собрались почти все, не хватало только самого Брюса и молодежи. пока все расселись и налили по кружке кофе подошел Костя, с какими-то листками в руке.

— Все собрались? — спросил он, в одновременно считая по головам.

— Почти все, нету только младшего Рогова и Насти — ответила Семенова, — они в дальние склады контейнеры повезли, скорее всего не успеют вернуться к сроку.

— Ладно, к этому вернемся позже, — Брюс замялся, не зная как начать неприятный разговор, — Света, мне очень жаль, Коли и Вадима больше нет, и вынести их тела мы не можем. Для шахты объявляется высокая степень опасности, биологическая и техногенная. Любые работы в ближайших прилегающих к шахте участках прекратить полностью. В течении пары часов мы все должны покинуть объект. Товарищи, это очень серьезно, — он положил на стол бумаги и подтолкнул их к сидящим.

Собрание зашумело и переключило внимание на них. воспользовавшись паузой, Костя налил себе кофе и вернулся к столу.

Рогов, успевший мельком просмотреть бумаги, провел по лицу ладонью, будто пытаясь смахнуть неприятные известия, задумчиво спросил: — Кость, ну по техногенке хотя бы понятно, бинарную смесь все видели, а биоугрозу-то ты где нашел?

— Второй лист, Миш. который после сбоя. В анализах аммиак и остаточный озон появились. Кто-то спалил мне робота сильным электрическим разрядом и плохо пахнет рядом, обнюхивая остатки.

— Что-то я не слышал о сухопутных животных вооруженных электричеством — произнес Марк через голову плачущей Светланы, которую он приобнял и успокаивал.

Сидящий рядом Степан встал и сходил к шкафчику настенной аптечки за каким-то лекарством и подал его Светлане со стаканом воды.

— Пока это только предположение, у кого есть идеи, как можно истолковать эти данные я с радостью соглашусь.

— Светлана Валерьевна, а куда ваша с нашей мелочью отправилась? — спросил Яков.

— Повезли контейнеры с гидропонного участка на дальний склад. Перерабатывать и разделять ее слишком долго, прогнали пару циклов очистки и перелили в бочки-кубики. Они должны были перевезти их и оставить до лучших времен. По плану работ уже должны были вернуться за следующей партией, — запив таблетку она немного успокоилась, коротко всхлипывая между фразами.

— Но не вернулись, — уточнил Брюс.

— У меня отметили убытие и все. Настя этот маршрут знала, не понимаю что могло вызвать задержку.

— Так, кто кроме тебя знает этот маршрут?

— Да все, ну может кроме Степана, он позже к нам перешел, тогда эту часть уже выработали. Коля говорил — она разревелась. Марк обнял ее сильнее и прижал к груди, продолжив ее фразу — Вадим с Колей говорили что там полнейший лабиринт переходов накрутили, пока за пластом рудным охотились, без карт никто не пройдет, если сбились — искать долго можно. Кому-то придется остаться их караулить. Ориентиров там немного, я проеду, поищу.

— А что по общей консервации?

— Если не считаться с потерями оборудования, за час мы можем обесточить все. Если аккуратно все отключать — еще пара суток, — высказал свои мысли Кузьма Иванович, старший инженер "Рассветного".

— Это не вариант, — возразил Рогов, щелкнуть рубильником мы не можем, без местных энергопомощностей городу плоховато будет, ближе к весне по топливу мы совсем просядем, придется отключать самых энергоемких. А это сам знаешь что будет. Но если мы доделаем удаленку, то пару лет на объект можно будет не появляться, особенно если перекрыть тоннели от энергоузла к обогатительному комплексу и шахте. Это если уж все так плохо как ты говоришь.

— Рассчитывать надо именно на такой вариант. Что именно они нашли будут разбираться специалисты. Мое дело — чтобы все их дождалось в целости. Включая вас. Чего решим, товарищи специалисты? — задал очевидный вопрос Брюс.

— А чего тут решать, — развел руками Кузьма Иванович, — большую часть оборудования мы уже отключили, сейчас пройдем отключим что еще можно и в помощь на монтаж удаленного контроля. Но ты мне вот чего скажи, откуда вся эта гадость в шахте появилась?

— Раз не было, значит шахтеры раскопали, чего тут думать. Проблема в том как от этого избавляться. Простую отраву можно было бы просто наружу выдуть, по вентиляции. Коробов дополнительных навесить и наружу выгнать. Но бинарка, она сама по себе в природе не образуется, как бы не спровоцировать подрыв, из чего она там вылилась. да и биологией окрестности загадить нехорошо будет задумчиво пробормотал Яков, как бы озвучивая общие мысли. — Слушай Кузьма, а обогатителю на сколько работы сырья в бункерах? Он ведь у вас полностью автоматический?

— Автоматический, да, и отлажена эта цепочка полностью, считай сейчас только он и

остался, ну еще свет по коридорам отключить осталось, мы его на конец оставляли, как самое мудреное. Жалко было, да и бункера полные почти, месяца на полтора полной загрузки комплекса. Как это все остановить — понятия не имею, аж до слез жалко. Столько трудов, и все по ветру пойдет. Конгломерат в бункерах без перемешивания слежится — считай хуже чем с рудного потока его восстанавливать.

— Подожди-ка, — казалось Михаил поймал мысль за хвост, — ребят у кого схемы "Рассветного" по энерголиниям под рукой есть? А физическая карта проходов к шахтам?

— Ты чего задумал? — с подозрением покосился на него Сурин, настраивая проекцию карты на стол перед ними.

— Подожди, сейчас додумаю толком, — взял паузу Михаил, но его оборвал развеселившийся голос Сергея, который первым усмотрел эту возможность, весь его вид был похож на ученика получившего каверзный вопрос и с удивлением обнаружившего, что знает ответ.

— Смотрите, если переложить вот эту и эту линии — он показал на схеме, — то можно не отключать обогатительный кластер. А вот этот проход забетонировать и шахта будет отрезана.

— Это по бумаге гладко, — не согласился Кузьма Сурин, — как ты по этим коридорам питание протащишь, там шины в мое пузо толщиной должны быть, и, главное, где ты их возьмешь?

— А с шахты, если их запараллелить то должны выдержать, и с прокладкой проблем меньше, банально проще гнуть, — торопливо высказал свою идею Зеленцов, будто кто-то мог ее отобрать.

Теперь задумались все энергетики, идея остановить дорогостоящее оборудование непрерывного цикла действия была слишком не по душе, потери были катастрофическими.

— Товарищи, а вы не слишком увлеклись? — обратил на себя внимание Брюс. — эвакуация уже объявлена, дружно собираем вещи и топаем на выход.

— Угу, как раз под трибунал, за угробленную базу — с сарказмом произнес Степан.

— И правда, Константин Николаевич, — подчеркнуто-официально обратился Рогов, — бездумным отключением мы больше ущерба нанесем чем представить можно. Давай искать компромисс. к тому же, смотри, перекрыв вот эти проходы, мы физически изолируем шахту. Единственно — вот с этого прохода нужно будет снять проводку. А вот тут — разобрать транспортер.

— Военных скафов тут нет, но инженерные шахтеров по стойкости даже выше, объемней раза в два и полей нет, правда, но пойдут — подал голос Яков.

— И сколько это займет времени? — заинтересованно спросил Брюс, испытывая внутреннюю борьбу между разными гранями долга. как уберечь людей под своей ответственностью и помочь им выполнить их работу.

Энергетики переглянулись, почесали в затылках и вытащили еще одну схему, прикидывая сколько времени и усилий потребуются. в неожиданной паузе шепот Марка оказался ошарашивающим — Степ, помоги Свету унести в ее комнату.

Все удивленно посмотрели на него, только сейчас замечая что некоторое время уже не слышат всхлипов Светы.

— Ты чего ей дал, — с подозрением спросил Сурин Степана.

— Снотворного с успокоительным, пусть поспит, так будет для нее лучше, — ответит тот, — все равно ее участок можно отрубить без особых потерь.

— Пусть так, — все внутренне согласился с ним, но ответил только Кузьма, — помоги ему Степа, и возвращайся, а ты пока скатайся мелких посмотри, все равно этот участок ты не видел, в путанке этой стороны не сориентируешься, время чуток сэкономим.

Марк кивнул и перехватив со Степаном удобнее спящую Светлану, осторожно вынесли ее из столовой. Через пару минут Степан вернулся, — устроили у меня, не стоит ей сейчас домой возвращаться, одной. Эх была бы хоть Настя здесь, она бы ее лучше успокоила.

— Да найдется она не переживай, — успокаивающе сказал Кузьма, — ничего с нашей маугли с астероидов не случится.

— О чем это вы — заинтересовался Рогов, а Подгорельский оторвал взгляд от схемы и посмотрел на говоривших.

— Долго объяснять, подождет это, — перевел внимание обратно к схеме Сурин, — потом расскажем, в транспорте. Сейчас надо другое рассчитать.

Закончив с помощью Марк двинулся к ближайшей площадке электрокаров, на которых обычно перемещались по базе, если идти долго. Другое дело, что чаще было наоборот, пройти узкими туннелями технических переходов зачастую было гораздо быстрее чем в объезд, поэтому такие площадки были во всех крупных узлах. И раз в неделю по жребью приходилось разгонять неправильно припаркованный транспорт по предписанным ему местам. Взяв первый попавшийся он поехал на поиски.

Грядущие проблемы показали свою темное нутро примерно на середине пути. Пропавшей связью до ретрансляторов и полностью погасшим освещением на одной из разилок и угольной чернотой тоннелей за ней. Причина скрылась за покореженным электрическим щитом. Горело тут явно не долго, но ярко и старательно, быстрому восстановлению этот участок не подлежал, а в свете грядущего отключения и вообще нецелесообразным. Поэтому Марк обошелся тем, что по быстрому расцепил обгоревшие концы и наложил заплатки на поврежденную изоляцию. Поведенная от температуры дверка закрываться отказалась и он снял ее совсем, прислонив к стене рядом. Следующий участок пришлось проезжать значительно медленнее и осторожнее. Внезапно преградившие дальнейший путь створки ворот стали большой неожиданностью.

Остановив машину, Марк удивленно почесал затылок, царапнув перчаткой по шлему, фыркнул от невозможности проделать привычный жест, и пошел разбираться с внезапно закрывшейся дверью. Которую на его памяти ни разу не закрывали, настолько, что первой мыслью было "а не сбился ли ты с пути, дорогой мой человек". Но прикинув по маркировке на соседствующем с приводами створок электрическом щите успокоился, все было правильно.

Электроника управления уже привычно молчала, но подав питание, по живой нитке от аккумуляторов электрокара, напрямую на двигатель одной из створок Марк открыл себе проезд.

Протиснувшись и ободрав краску по одному боку электрокара он внутренне погоревал по этому поводу, предвкушая начальственный разнос и возню с покраской на выходные. За воротами освещение присутствовало, что позволило увеличить скорость и до дверей склада он добрался достаточно быстро. Машину пришлось оставить не доезжая до самого склада, всю площадку занимал уже разгруженный поезд из грузовых тележек. Детей рядом не было.

— Настя, Максим, — позвал Марк по общему каналу связи. Ответа не было. Переключив канал на внешний динамик скафа Марк позвал еще несколько раз. "Вот

паршивцы", подумал он рассержено, но передумал, когда подошел ближе к воротам. Из дверного проема криво выглядывал угол транспортного контейнера. Дальше был затор.

Вернувшись к развилке и выбрав другой коридор мы шли уже достаточно долго, умаявшаяся Настя даже начала придремывать у меня на спине, когда гулкое эхо коридоров донесло до меня какие-то обрывки речи. От резкой остановки Настя встрепенулась и завозилась.

— Тихо, не шевелись и не дыши, — сказал я переводя чувствительность микрофона на полную. "формация. ющая срочного расс. трения. Встречаемся диспетчерской... час. Вопрос... прибыть...". И тут Настя пошевелилась, с таким жутким шумом, что я чуть ее не уронил. Вырубив микрофоны я с трудом справился с желанием наорать на нее. Аккуратно спустив ее на землю я повернулся и увидел смущенную мордашку.

— Извини Максим, я не специально. А чего ты встал так резко? И с чего это не дыши? — спросила она, строя из себя виноватого ангелочка.

— Эхо передачи по ГГС. Громкоговорительной сети, не знаю как она правильно называется, отец ее так всегда обзывал. Сеть динамиков по всему городу. Дублирующая система оповещения голосом, как раз на такой случай как у нас, когда сеть недоступна.

— И чего говорили? — она насторожилась.

— Слышно было плохо и я чувствительность поднял для микрофона, а тут ты как почесалась, — ворчливо ответил я.

— Эй, я уже извинилась, — перебила она, — так что ты услышал?

— Всех собирают в диспетчерской, Брюс нашел что-то важное.

Она погрустнела, — Мы же точно не успеем. Ругаться будут, и за завал, и что не пришли. Еще и на поиски пойдут, от работ отвлечем, — она говорила все тише и жалобнее, вот вот расплечется, подумал я и поспешил остановить приближающийся слезоразлив.

— Подумай о другом, у нас появилась связь с группой, — она удивленно подняла на меня глаза, — ну почти, — поправил я предыдущую фразу.

— В смысле появился и почему почти? — не поняла она.

— Сеть громкоговорителей. Мы можем вклиниться в нее и объяснить что с нами. А они смогут нас найти, по каким-нибудь ориентирам, — пояснил я свою мысль.

— Так чего мы ждем, — она бодро подскочила и сделала попытку меня оббежать, чтобы забраться на спину, но ее занесло.

— Слишком устала, — сказала она виновато, сидя на полу, — нужен отдых.

— Полезай обратно, — сказал я присаживаясь рядом с ней на корточки, — обещаю как только найдем громкоговоритель устройю тебя на отдых. Он не должен быть слишком далеко или за дверью, иначе бы мы не услышали.

С тяжелым вздохом она взлезла мне на закорки и я пошагал дальше, усиленно крутя головой в поисках знакомого жестяного раструба.

Интерлюдия 6

Марк в некотором ступоре продолжал смотреть на завал. "Что произошло, где Настя, они уцелели?" — эти вопросы крутили бесконечную карусель в его голове. Про Рогова — младшего он беспокоился гораздо меньше, сложно переживать за человека, которого даже не видел, знать о нем — знал, но не представлял. Постоянно проматывающаяся в голове лента воспоминаний о Насте внезапно потянула за собой нить мысли. Он вспомнил, как она только появилась в Рассветном. Громозкая фигура в экзоскелете чужой сборки, построенном на других технологиях, и с наивными глазами брошенного котенка. Это когда она окончательно обвыкла, разрешила любопытному парню слазить во внутренности ее старого скафа, который она оставила в своей комнате на память. И еще вспомнился один момент, она сильно стеснялась заговаривать первой, для чего пришлось даже делать ей специальную программу для бортового компа скафа, что-то вроде текстовой болталки. К обезличенному собеседнику она обращалась по любым вопросам. Сменив скаф, Настя попросила перенести эту программу в новый. Марк после недолгих поисков нашел и запустил клиента. Настя появилась в сети сразу, значит она не далеко. Отчего же тогда она не ответила?

"Настя, это Марк, где ты, у тебя все в порядке?"

"Привет, это Настя, сейчас я не могу ответить. Мы в порядке, сбой в электрике завалил нам проход. Мой скаф под завалом, но я выбралась. Попробуем выйти техническими проходами."

"Подожди, мы вас вытащим."

"Привет, это Настя, сейчас я не могу ответить. Мы в порядке, сбой в электрике завалил нам проход. Мой скаф под завалом но я выбралась. Попробуем выйти техническими проходами."

Он понял что опоздал и они уже ушли. В этих лабиринтах не потеряться было сложным делом, а идти на поиски всемером бессмысленно, (Свету он не считал, в ее состоянии за ней самой нужен пригляд). Нужно было вызывать подмогу с города. Как для поисков, так и для ремонта инфоцентрали, что позволило бы подросткам выйти самим. не теряя ни минуты он понесся обратно. "Она же без усилителей ходить почти не может", всплыла очередная мысль-воспоминание, как тоненькая фигурка подбиралась к бассейну и спускалась в воду, под пристальным присмотром Светланы. Психологи посоветовали поместить Настю в малый коллектив по многим своим соображениям, а еще как в наиболее привычную для девушки среду — темные коридоры и теплицы. Все то, как она жила несколько лет до этого. Ее первую научную работу ей помогали оформить всем коллективом, то, что она накрутила с растениями на своем астероиде приводило в восторг Светлану и других генетиков. Растения-животные, растения-птицы, имея в лаборатории только растения и иллюстрированную энциклопедию сотворить такое. Нет, она даже пробовала объяснить, но где-то к третьей-четвертой минуте объяснений у всех слушающих появлялись одинаковые выражения "чего я тут делаю", вроде и интересно, но совершенно зубодробительно-непонятно.

Обратная дорога заняла чуть больше времени, из-за спешки и в темноте Марк промахнулся мимо нужного коридора, пока осознал ошибку, пока нашел где развернутся. Ругаясь про себя последними словами за задержку он добрался до действующих

ретрансляторов сети и тут же вызвал начальника.

— Кузьма Иванович, они потерялись, — выпалил он на одном дыхании.

— Кто? Да не тараторь так. — Сурин постарался переключиться с работы на взволнованного подчиненного.

— Настя и Максим, они потерялись, там завал, а они отнорками пошли, а Настя без скафандра, — пытаюсь сказать сразу все торопился Марк.

— Так, стоп, — появился в канале голос Брюса, — давай медленно и по порядку. Подростки с тобой?

— Нет, когда я доехал до склада, они уже ушли — постаравшийся взять себя в руки Марк начал рассказывать, — произошел очередной "выдох", там проводку во многих местах покорежило, видимо у них на складе тоже. Ворота оказались завалены, им было не выйти и они пошли через технические тоннели.

— Чего ты про Настин скафандр сказал? — подключился Степан к разговору.

— Он под завалом остался, она автоответчик в текстовой болтушке оставила, пишет что они не пострадали и что уходят.

— Там же нет открытых переходов, они только по ключу открываться должны, — осознал проблему Сурин, — они же в глубь базы пойдут когда выйти не смогут. А там даже я без сервера плутаю.

— Идем на поиски? — спросил Брюс.

— Да бессмысленно это. И их не найдем, и еще кого потеряем. нужно вызывать еще людей. Инфоцентральный никто из нас починить не сможет, там что-то специфическое. Либо прочесывать все коридоры, но на это надо еще больше людей, — рассуждал вслух Сурин, — бросить мы их не можем. Вот что, бросаем все, сутки оно без нас протянет и едем за помощью. А если выйдут без нас, то я тут останусь, прослежу.

— Тебя в первую очередь надо в город везти, ты больше остальных знаешь о своем поселке, в штабе от тебя больше пользы будет, — возразил Брюс.

— Что с моим сыном? — на секунду оглушил всех рык Михаила, — где он, почему не отзвонился?

— В тоннелях, вместе с Настей, — ответил Кузьма, сбрасывая ему лог разговора.

— Без сына я никуда не поеду, — с нажимом произнес Рогов, — грузитесь и поезжайте за помощью, как связь появится — вызовете спасателей, пусть выезжают навстречу.

— Так может кому-то одному ехать — предложил Степан.

— А вы не забыли что объявлена эвакуация? — теперь рык исходил от Брюса. — Бегом грузитесь в вездеход. Степан, Марк, заберите Семенову и поехали. Кузьма Иванович, соберите все доступные материалы по Рассветному и жду вас в вездеходе. Чем быстрее вызовем помощь, тем лучше. Пока риски касались вас в большей степени я вам не возражал, вы взрослые адекватные специалисты, теперь все поменялось, под угрозой оказались несовершеннолетние.

— Я никуда без сына не поеду, — возразил Рогов.

— А я не могу оставить вас одного на объекте, — ответил Брюс, сбиваясь на официальный тон.

— Вот и договорились, — подключился в общему разговору Подгорельский. — Пока ждем, доведем до ума энергоцентральный.

— Яков Васильевич, и вы туда же, — возмутился Брюс.

— Правильно говоришь, туда же, чего я могу и чего знаю — ты в курсе, присмотрю за

всеми оставшимися. Поезжайте за помощью. Да, Кузьма, на сколько вы зону покрытия сети восстановили? Центр перекрыт?

— В целом да, если они выйдут к любому ретранслятору связь у них будет. Там разберетесь.

Через полчаса вездеход ушел в город, увозя всех местных. Михаил повернулся в Якову и спросил, — чего же такого про тебя безопасность знает, что Костя возражать не стал?

— Грехи молодости, Миш, грехи и огрехи. Пойдем, у меня мысль появилась, — произнес Яков и пошел из ангара.

Наткнувшись на очередную большую комнату мы встали на отдых. Разделившись мы решили обойти комнату по периметру, в поисках громкоговорителей. На середине стояли какие-то коробки без маркировки, а лезть в них ради праздного интереса — увольте. В итоге обход позволил мне выявить наличие: 1 электрический щит (маркировку на всякий случай запомнил), 12 светильников, 1 непонятная лужица недалеко от входа и двое закрытых ворот, без признаков отпирающего механизма. Видимо как и все на базе открывались с команды сервера. Надо же, я раньше и не задумывался насколько мы зависим от наличия сети. Когда я рассказал о найденном Насте она странно дернулась и отвернулась, когда я упомянул о лужице. Вроде труб там не было, откуда протечка? От усталости ничего не хотелось, ни есть, ни тем более говорить. а Вот подремавшая Настя была настроена по другому и постоянно цеплялась с вопросами. Чтобы отвлечь девушку от своей персоны я сделал крайне глупый (как оказалось в последствии) поступок. Я сунул ей планшет с сочинением и задремал прислонившись к стене. Все тело болело и дрожало, пусть Настя и рассказывает сказки про всяческие генные усиления во мне, но последнее время я держался только на упорстве. Немного перекусив и устроившись поудобнее я вырубился.

Интерлюдия 7

— Можешь подключиться в мониторингу энергосетей? — спросил Яков у Михаила, — он-то небось не на информационную сеть завязан.

— Ну технически, да, могу. Но там сейчас кроме заряда аккумуляторов и расхода ничего нет, да и зачем тебе? — поразмыслив ответил Рогов.

— Ой ли, — со смешинкой произнес Василич, как-то очень ловко сыграв мимикой и став похожим на хитрого дедка из детской сказки, — а срабатывание защиты от коротких замыканий? Насколько я помню, мониторинг пишет где была проблема с точностью до конечной линии от щитка, и эта информация идет по сигнальным проводам, никак не задействуя сервера. А Кузьма сбросил полную электросхемку поселка.

— Так, — согласился Михаил, — и что нам это дает?

— А еще, вспомни-ка как и чем нас Костя собирал на совещание? — с этими словами Василича в голове Михаила словно со щелчком сложился пазл, — ты хочешь заставить Максимку устроить замыкание и по отметке в мониторинге установить его местоположение?

— Вот видишь, почти сам догадался, — усмехнулся Василич, — сразу видно инженер, привык что все оборудование должно работать как положено, а не через правую коленку левой ноги.

— Точно, а зная на какой линии он застрял мы можем его вывести на узловую станцию, откуда заберем, либо сами пройдем к нему навстречу, — окончательно сформулировал повеселевший Рогов, — жалко только нормальной карты у нас нет, местами кабели могут уходить по совсем тонким каналам. Но в этом случае он просто переходит на другую линию, куда его коридор ведет. Отлично, пошли сделаем.

— Подожди, что-то мне подозрительно, все зашибленный Коськин робот покоя не дает. Он ведь неспроста загнулся. Давай распакуем оружейку и пройдем крайними коридорами в шахте, на всякий случай. Что-то тут частенько всякие мелкие нарушения на глаза выползают.

— Ты думаешь оно того требует? — удивленно спросил Михаил.

— Да предчувствие какое-то, как перед дракой, — неуверенно помялся Подгорельский, — да и вообще, в озвученных планах было насчет того чтоб разобрать транспортер из шахты до обогатительного завода и перекрыть этот коридор вообще. Давай просто себя подстрахуем.

— А Максим с этой девчонкой? — усомнился в целесообразности этого Михаил, ему не терпелось скорей найти сына.

— Подождут они, глядишь как найдем, тебя уже кандидатом в дедушки объявят, — подколот друга Яков, — а если серьезно, они только поближе подойдут, ориентироваться по компасу он умеет, да и голова у него не только чтоб было куда есть.

— Тогда пойдем быстрее, заразил ты меня своей паранойей, — Михаил, хоть и сомневался в необходимости этих мер, с Яковым был в большей части согласен. Слишком уж много было тут странностей, да и в сына он верил. Переживал, беспокоился, но верил.

— А ты дорогу знаешь? — вдруг пришла ему в голову мысль, что он на обогатительном заводе точно не был и куда идти он даже примерно не представлял. В ответ прилетела картинка-схема будущих пассажирских дорог, где основные маршруты были выделены цветом, а на стене коридора по которому они шли были нарисованы параллельные полосы

тех же цветов, как и на схеме.

— Блин, а я и не заметил раньше, — повинился Михаил, искренне недоумевая.

— Не переживай, у тебя просто голова другим занята, от Максимки до ремонта централи. А в прошлый твой приезд тут почти ничего не было, строящаяся энергоцентральный и небольшой кусочек жилой зоны. Вот ты и не сориентировался, — успокоил Яков, — вы чай в контейнерных домиках жили. Чисто что было где голову положить, — на этих словах Михаил кивнул и подтвердил, — торопились быстрее запустить объект, работали по полторы смены, эх и нагорело нам потом. Меня на два месяца в отпуск законопатили, к морю, в тропический пояс. Вот я там по выл от безделья, сезонные поселки для отпускников, на солнечных панелях, ни гаек покрутить, ни над схемой какой голову поломать. Зато Диашка с Максей довольны были.

— И Светланку надумали, — не преминул подколоть Подгорельский.

Михаил ухмыльнулся, — ну не без этого, хотя просто по времени совпало, все равно собирались за вторым идти.

Пришли, — произнес Яков, осматривая двери арсенала, — пользоваться не разучился еще? — покосился он, вводя личный код на открытие дверей.

— Разучишься с вами, милитаристами, — беззлобно проворчал Михаил, набирая свой код на второй клавиатуре, — не снайпер, но среднюю цифру держу. Чего брать будем, — без особого энтузиазма спросил Рогов, осматривая шкафы с различным вооружением, выбор был не самым простым, по крайней мере, для человека настолько далекого от этого.

— Полуавтоматический дробовик бери, и разных патронов понемногу, кроме совсем заведомой мелочи. Хотя нет, ты бери десяток кинетиков и картечь, я возьму поубойнее, понадобится — поменяемся. Ты по крайней мере оборудование не пробьешь, если промажешь, — поразмыслив ответил Яков, снаряжая патронташ и подхватывая такой же дробовик.

— А ты гермогранаты не видел? — вдруг спросил Михаил. Василич развернулся всем телом к говорившему и уточнил, — это которые быстрозастывающей пеной выстреливают, от которой потом не отмыться, ни оттереться, так и будешь липнуть?

— И которыми можно быстро перекрыть коридоры, хоть и невелика прочность, но разницу в давлении в космосе такая заплатка удерживает, значит и нам хватит, — усмехнулся Михаил, а пока договаривал, искомый ящик был найден и поделен пополам. Подчеркнуто тяжело вздохнул и добавил, — эх и задолбаемся мы их списание обосновывать если ничего не найдем, хотя — протянул он, — протокол совещания с тем, что проходы решили перекрывать у меня есть, выкрутимся.

— Теперь все, можем кстати Максиму весточку отправить, я тут в углу пост с системой оповещения видел — подвел итог посещения арсенала Подгорельский.

Проснулся я от громкого звука от системы оповещения и увидел как Настя зажимает уши ладонями. — "Максим, это я, если ты меня слышишь, найди ближайший электрический щиток, мы придумали как тебя найти. Береги девчонку и жди когда мы вернемся, обязательно найди щиток, будешь отключать по команде. Мы скоро." — Запись голоса отца пару раз повторилась и отключилась.

— Ну вот, я ты переживал. — с довольным видом сказала Настя, потягиваясь и убирая ладони. — Всего-то нужно было немного подождать. А ты все испереживался, "ах что делать, ой как же мы, бедные-несчастные".

Вот болтушка, будто это не ее пришлось успокаивать и убеждать что все в порядке. Теперь она пытается вывернуть ситуацию наоборот, как в детском анекдоте про ежика-засранца "это не я, это не я". Совершенно непрогнозируемые реакции у нее, какая-то она непонятная даже на фоне моих знакомых девчонок.

— Кушать хочешь? — решил отвлечь я ее, от этого насмешничества. Она на секунду задумалась и согласилась.

— А давай, все равно ты тут под щитом теперь сидеть будем. Заодно расскажешь что дальше. А почему кстати...

Вот тут я и осознал свою ошибку. Ту невероятную глупость которую я сделал, когда отдал ей свое сочинение. Купив полчаса отдыха на бесконечные расспросы после. Как я успел понять, в Насте пряталось невероятное любопытство, и теперь оно проснулось в полной мере.

— А что значит "опоясанный рыцарь", у него что, штаны на подтяжках были до этого? — задала очередной вопрос Настя. То ли издевается, то ли правда не понимает.

— Значит он возведен в полное рыцарское звание, как самостоятельная единица, с флагом и гербом.

— А оно так на самом деле было, или ты придумал?

— Частично, нормальных письменных источников высокой достоверности не осталось, так что считай авторским произволом — ответил я, нудным тоном "ботаника", дома так мой друг Юрик отвечал, когда ему не хотелось говорить. И почему на нее не действует?

— А у них там феодализм или рабовладение, а то я не совсем поняла разницу по истории и социологии, вроде и там и там слуги, разница где? — нет, вроде и не чувствуется фальшь, вполне честно спрашивает.

— Продвинутый феодализм, свободные арендаторы передают часть доходов феодалу за защиту и на развитие территорий.

— А от кого защищают рыцари? От других рыцарей? — вообще-то закономерный вопрос, но не самый удобный для меня.

— От внешней агрессии среды. Монстров уничтожают. — сделал предположение я, внутренне пометив обдумать этот вопрос более подробно. Понятно что просто рыцарей хотелось, а вот чем их потом занять не продумал.

— А в глубине обжитых земель они чего делают? Там ведь монстров быть уже не должно?

— Переходят к окраинам, расчищая территории, иначе титул не получить, — вроде выкрутился.

— А другие королевства есть? Ну там соседи объявленные монстрами и ведьмами, от которых надо очищать территорию? не бывает совсем пустых территорий с людьми рядом. Точно, там что-то про эльфов было.

— Насть, вот ты где сейчас находишься? — задал я вопрос с подковыркой.

— В тоннеле, а что? — удивленно ответила она.

— А глобально? — продолжил напирать я.

— Нуу, на планете, — задумчиво протянула она, — а, я поняла, у них вроде нашей колонизации, в одной точке высадились и теперь расползаются, — хмм, а это мысль, надо будет отметить, вот только...

— А если феодализм, откуда они тут взялись? У рыцарей звездолетов не было. А если были, то культура не должна так сильно упасть, — точно, вот именно это мне и не понравилось. придется как-то обосновывать. Нельзя все оправдывать авторским произволом.

— А если ввести катастрофу при посадке или сразу после? — предложил я, — вполне может объяснить падение уровня технологий и культуры. А чужеродностью заткнуть дыры в сюжете, как для иной планеты. Спасибо за идею.

Настя довольно ухмыльнулась и продолжила, — так что там про эльфов и древних?

— А вот нету там эльфов. И древних, и прочих, — отрезал я.

— А откуда тогда эльфийка из биокапсулы взялась? — съехидничала Настя, — про нее-то ты написал.

— Будешь так вредничать — никогда не узнаешь, — обиделся я, все-таки задела на живое.

— Ну не дуйся, я же не специально, просто мне многое непонятно, вот и стараюсь понять, — Настя старательно изобразила раскаяние, — ну давай пока ждем я тебе помогать буду, текст набирать, а ты будешь сидеть придумывать. Только объясни, магии совсем не будет или ты все-таки чего придумаешь.

И опять тот же вопрос, что и от отца, и на который по прежнему нет ответа: — Понимаешь Насть, я не могу придумать как непротиворечиво вписать ее в этот мир. Да и саму модель магии придумать сложно, а "плеснуть фантазией с плеча" не хочу. Мне хочется именно встроить ее в мир, как привычные тапочки у кровати поутру. А не как овощи в бетономешалке, феерично и всмятку, — я мучительно подбирал слова, чтобы донести но нее свою мысль.

— Хм, а если не магию, а псионику? — после некоторого раздумья задала вопрос она.

— И в чем разница? — хотел уже отмахнуться я, но она продолжила: — В направлении. Магия обычно это что-то внешнее, некая сила пропитывающая мир, а псионика идет изнутри, просто очередное свойство организма, вроде слуха или зрения. Горы так конечно не свернешь, но повлиять на окружающий мир можно с легкостью. Да и противоречий больших не дает.

— Интересная мысль, — я задумался, — а как будут выглядеть проявления этой силы?

— Изменения в животных и растениях, можно перенести часть свойств животных на растения или наоборот, усиления и ускорения в работе мышц, влияние на свойства материалов. То что я могу сделать в пробирке за пару недель волшебники того мира могут поправить просто приложив руки. На закрепление этих свойств уйдут месяцы работы, в отличии от моего способа, но похоже. Ну или размягчить камень и лепить из него как из глины. Я пару таких материалов знаю, прочитала пока дипломный делала.

Я подумал еще, идея была крайне заманчивой, в общих чертах совмещаясь с уже

написанным, кроме небольшой малости.

— Это придется кусочек про эльфийку и капсулу убирать, а жалко, мне он понравился, — произнес я, всячески придумывая как бы его оставить.

— Мне тоже, тем более там обязательно должна быть романтическая история, — с придыханием произнесла Настя. Я с подозрением покосился на нее, — кхм, может ты свою тогда напишешь? — предложил я.

— Не, у меня скучно получится, вот, придумала, пусть эта эльфийка на самом деле пилот корабля-колониста, ее специально в анабиозе держали, чтобы потом чегонибудь доставить с орбиты, — она воодушевилась и вроде подпрыгивала от нетерпения. Она потянулась и продолжила: — И в версию о катастрофе укладывается. Колонистов высадили, а оборудование не успели, вот и просадка по технологиям. А теперь носитель опять с планетой пересекается и можно на него попасть, вот ее и размораживают.

— Так далеко по сюжету я не загадывал, у меня вообще плана не было, писал чего в голову приходило. Но твои идеи вообще крайне любопытны, я постараюсь включить их в рассказ, в том или ином виде, — сказал я, она просияла. Ее довольная мордашка просто лучится удовольствием от похвалы. В такие моменты становится заметно, что она несколько чужая. Я задумался об этом, а очнувшись, оборвал паузу: — Давай перекусим и попробуем.

Рассказ 3 + глава

Сейчас вечер, мы сидим у моего костра и я набрасываю эти строки. Этот поистине знаменательный день подходит к своему концу. Не часто в моей жизни выпадал столь богатый на события день, в течении которого я увидел и познал столько нового, такого, что более никому не доведется увидеть или ощутить. Подобные события как рождение мира, могут произойти лишь раз на всю вечность, более никогда не повторяясь, ни в большем, ни в малом, ни в отражениях. Причина этого — Эльфа сидит напротив меня и задумчиво смотрит в пляшущее пламя костра, жадно грызущего ветки и ласково обнимая дно котелка с кашей. Вечерние сумерки стремительно наступают, принося холод и влагу. Из глубин леса в поляне стремительно бегут тени, фантастически меня привычную картину мира на отрывки сказок и виденных когда-то образов. Наступает тишь и умиротворение, неутомный стрекот кузнечиков сменяют звуки ночного леса. И потрескивание костра лишь ласкает слух и приносит покой, обещанием защиты от ночного холода. В котелке побулькивает похлебка, распространяя вокруг чарующий аромат подкопченного мяса. Отсветы костра широкими мазками проявляют из сгустившихся сумерек мою спутницу, мимолетно очерчивая ее фигуру и наполняя ее черты теплыми багровыми отсветами. Добавляя к ее красоте совершенную законченность в игре света и теней.

***

— Максим, ну где действие, шевеление? Они чего так и будут тупо сидеть и в костер пялиться? — взорвалась Настя, — чего это за хоровод сонных мух.

— А тебе надо было прямо хватать эльфу за шкварник и на попону, полуэльфят делать, вот со всеми анатомическими подробностями? — подчеркнуто сердито отозвался я. Настя зарделась и съежилась. Я продолжил: — Ну можно конечно, но это несколько выходит за рамки моей задачи, так что либо набираешь и не бухтишь, или давай сюда планшет.

— Ладно, молчу, — она насупилась и приготовилась.

***

Следует рассказать о моменте нашей встречи. Она вышла из пещеры постоянно подхватывая слишком большую ей рубашу, одной рукой стягивая ворот, в который, казалось она вся смогла бы проскочить. В движении нижний край рубашки открывал прекрасные стройные ножки, с восхитительными круглыми коленями, идеальной формы. Этому восхитительному совершенству хотелось посветить поэму, воспеть и в прозе и в стихах совершенство, которое мне открылось на этой поляне. Второй рукой с тонкими нежными пальчиками она прикрывала от яркого солнца прекрасные васильковые глаза.

— Максим, а васильковые глаза это какие? — не удержалась в очередной раз Настя.

— Пиши не отвлекайся, — на всякий случай проворчал я, — сине-голубые, ближе к голубому, хотя могут быть всякими, до фиолетового оттенка.

— Молчу-молчу, — отозвалась Настя и продолжила набирать.

***

Она стояла и осматривалась, с такой радостью и обожанием, будто пыталась втянуть в себя, впитать весь окружающий мир, на ее прекрасном лице было написано восхищение и интерес, ожидание и радость встречи. Она пропитывалась миром, его ощущением, дыханием и шумом, движением травы и порывами ветра, писканием мыши у корней дерева и покачиванием его ветвей. Она беззащитно стояла на поляне, погрузившись в свои ощущения

единения с миром что я невольно замер, боясь нарушить эту тонкую связь, это волшебство мгновения. Закрыв глаза она слушала голоса птиц, плавно словно в танце поворачиваясь вокруг себя. Радость единения была настолько велика что она рассмеялась. Она словно плыла в волнах эфира, радуясь долгожданной свободе после затхлого подземелья. Она обнимала весь мир и он отвечал ей взаимностью.

Голос ее был приятного тембра, был созвучен шуму в кронах вековых деревьев, звону ручья и шепоту ночного ветра в камышах, с волнующей хрипотцой, той, что как бархат нежным касанием возвращает утраченный блеск на доспехи, истомившиеся в ожидании битвы.

***

Что опять? — я отреагировал на уставившуюся на меня Настю. Сарказм в ее голосе можно было отламывать кусочками и раздавать как эталон: — "волнующая хрипотца", по этому твоему описанию ЭТО больше похоже на скрежет напильника, обгрызающего ржавчину с забытой железки, когда-то бывшей чем-то там рыцарским. С мерзким скрипом и визгом несмазанной петли на двери, вот на что это похоже, но никак не приятный голос, — она аж передернулась, видимо представив свою трактовку.

— Ах так? Давай сюда планшет, — потянулся забрать, но она спрятала его за спину, и быстро проговорила, — Не-не, я так и запишу, просто непонятно зачем столько цветистостей и украшательств в ущерб сюжету.

— Во-первых, авторский произвол и стилизация под рыцарский роман. Во-вторых, мелкая месть главного героя другому герою. В-третьих, это мемуары, он пишет это вечером у костра, сильно после события, обдумав и успокоившись. Все? — я уставился на Настю.

— Теперь все кристально понятно, — повеселевшая Настя вернула обратно планшет на колени и приготовилась печатать.

— Блин, теперь мысль потерял, — расстроился я, но Настя меня перебила, — Диктуй чего дальше было, потом подрихтуешь чтоб ровно было.

***

Ее ласковый голос ласкал душу, как звон весеннего ручья или пение птиц и донес до меня столько же информации. Она что-то еще сказала, затем спросила, как я понял из интонации. Видя мое полнейшее непонимание и остановившийся на ней взгляд, она вспыхнула, как сухой пук сена от поднесенного факела и попыталась сильнее закутаться в мою рубашку. Потом разразилась гневной тирадой, из которой я опять ничего не понял, но как диво прекрасна она была. Тонкие брови, словно нарисованные одним движеньем кисти живописца, сведенные в гнев. Пушистые ресницы, которые, казались лепестками цветка, таившим в глубине бурю. Прекрасное создание топнуло ножкой, ойкнуло, и присело, держась на уколотую об камень пятку. Я отмер. Расстелив свое походное одеяло в костра я перенес эльфийку на него. Достав из лежащей рядом седельной сумки восковую доску (я всю дорогу хотел ее выкинуть), положенную туда хитроумным Рубеусом и написал "Меня зовут Альберт, а тебя?". Прекрасное виденье в лице эльфы, рассмеялось звонкими колокольцами и исправив три ошибки, ответило тем же способом.

***

— Чего остановился, — спросила Настя после паузы, не дождавшись продолжения.

— Думаю.

— И о чем? — продолжила допытываться она.

— Не выходит придумать как эльфийку звать будут, — со вздохом сознался я.

— Хмм, это проблема, — задумалась она. На ее лице отразилась работа мысли, — знаешь, тоже ничего в голову не приходит. Может какой химией обозвать, ну там Эналаприл Этамзилата или Бета Дигидрооксипрегнадиен Дипропинат.

— Нее, — я помотал головой, — это вообще дичь какая-то. Согласен, звучит оригинально, но совсем не по-людски. А мы вроде решили сделать ее пилотом. Значит ей нужно нормальное имя, просто редкое. И с приятным звучанием.

Настя задумалась, — может пропустим этот момент и потом вставишь? — сделала попытку она.

— И застревать в за каждый раз как понадобится к ней обратиться?

— Элеонора, Серафима, Дарья, Василиса — начала перечислять она, глубоко задумавшись и перебирая в памяти прочитанные книги.

— Не то, вроде и звучат приятно, но не то, вкус не такой, — попробовал объяснить я.

— Может быть Стелла? У моей мамы подругу так звали, — вдруг вспомнила она, — полностью Эстелиана вроде.

— Давай так, — согласился я, идея привлечь ее на помощь стала выглядеть чуть лучше чем я думал раньше, — если придумаем более подходящий вариант потом заменим.

Интерлюдия 8

Идти пришлось долго, висящий на ремне дробовик мешался, а стоило убрать его за спину, как Яков начинал покашливать, хмыкать и всячески выражать свое неодобрение и его приходилось возвращать. Когда это повторилось в очередной раз, Михаил возопил, — Да сколько можно? Сам же видишь, абсолютно пустой коридор, никого и ничего нет, так какого гремлина ты на меня бурчишь?

— А если будет, сколько времени тебе понадобится чтобы подготовиться? Был бы ты профессионалом или на худой конец заядлым охотником — и вопроса бы не возникло, а так — тренируйся, — меланхолично ответил Василич.

— Надо было хоть транспорт какой взять, все не ноги бить пришлось бы, — предложил Рогов, — Хотя бы до ворот в промзону доехали.

— Крупного под руками не было, да и наши учетки в его память не прошиты, взламывать дольше чем ехать, а мелочь слишком уязвима, — отвечив Подгорельский, — и хватит ныть, понимаю что тебе не терпится за сыном рвануть, но надо убедиться что все в порядке, и приведешь ты его в безопасную зону, а не на обед какой зверюшке.

— Да все я понимаю, волнуюсь за него просто, вот и сорвался, — виновато проворчал Михаил, — раздражает это геройство, сначала накосячили, теперь по другому никак. Вот и ворчу.

— Не далеко осталось, а там работать придется, отвлечешься. Ты мне лучше вот чего расскажи, чего тут такая планировка дурная? Обычно же по стандарту строят города, а тут мутотень какая-то. Ты же на этом объекте был с самого начала? — спросил Яков, задумав отвлечь напарника от переживаний.

— Особо много не скажу, я же только своим занимался. Но краем уха слышал, что тут все нестандартно начиналось. Поначалу нашли выходы минералов, нужных то-ли электронщикам, то-ли космачам. Вроде какой-то дико редкий изотоп, что искусственно получать слишком дорого, но это доподлинно не знаю, вот врать и не буду. Начали изучать и оценивать на предмет добычи — обнаружили эту полость, естественную пещеру, пробрили к ней ходы и решили разместить все оборудование в ней, в одной стороне энерголинию, в другом рукаве — переработку и обогащение. А участок с озером — под жилую зону. Вот и вышла такая непонятная архитектура, а когда начали добывать, вышло что сплошной зоной нельзя, своды держать перестанут, выгоднее колупать "кротовые норы", от одного скопления до другого, вот и поселились тут шахтеры. А за сезон все завершить не успели, большую часть работников вернули на зимние квартиры, тут остались только добровольцы, вот они и колупались потихоньку, пока проблему не отрыли. Я-то со своими только энергоустановкой занимался, особо не интересовался чего у остальных происходило, — рассказал Михаил, — я когда уезжал тут еще мало чего было, в основном роботы и "погонщики" работали, они следом за нами уехали, вроде эту команду куда-то на юг перебросили.

— А чего сразу все не доделали, роботами всяко быстрее бы было, — задал провокационный вопрос Яков, нет, ответ он конечно и сам знал, но цель отвлечь Мишу от переживаний и преследовалась.

— Так роботами выполняется только точный монтаж, где человеку не справится, они промзону собрали, реактор и своды укрепили над всем этим и все. Остальное — ручками.

Люди нестандартные вещи лучше делают. Да и заняты будут. Что может быть лучше чем трудиться и видеть результаты своих усилий? Можно, конечно, загнать сюда несколько бригад "погонщиков" с подопечными роботами, доделали бы махом, но жить потом в типовом городе? Нее, такое никому не нравится. Каждый город должен иметь свое собственное "лицо", свою красоту и изюминку. А на то, чтобы из типового конструкта вышел красивый город уходит даже не годы — десятилетия. Такие уж мы зверюшки, при острой необходимости в социальности, индивидуализм из каждого так и прет, — успокоившийся Михаил собрался дальше удариться в философию, но его остановил Яков.

— Мы пришли, Миш, судя по схеме, кроме этого есть еще два прохода и большой с конвейером. С которого начнем? — спросил Яков, заканчивая осмотр арки технического коридора, ведущего в зону выработки. Михаил вытащил схему и карту, совместил их и теперь прикидывал, откуда лучше начать работу, — Давай сначала перекроем мелочь, потом до конвейера вернемся, его только по разрыву разобрать можно, а на схеме его нет. Придется искать самим. Транспортеры редко бывают очень уж длинными, трение мешает.

— Согласен, — отозвался Яков, осматривая какие-то большие ящики, лежащие штабелем недалеко от входа, — ну-ка подсоби, поставим вот эти штуки на попа по разным сторонам коридора и перекроем проход. Еще и гранаты сэкономим, тут пары хватит.

— Не хватит, — прикинул Михаил про себя, — объема не хватит.

— Забьемся? — весело подначил Яков, — если хватит с тебя выпивка, если нет — с меня.

— А давай, — поддержал его Рогов, бывший не слишком азартным до игр, больше любопытным до чужих придумок. Выпивку он заранее списал в расход.

Разломав один ящик на плоскости Василич долго возился устанавливая самые большие плоскости параллельно, затем закрепил между ними гранату и подвесил получившуюся конструкцию на некотором расстоянии от потолка. Вторую закрепил между стоящими ящиками, еще раз проверил соосность между зарядами и, убедившись что все сделано по замыслу отошел подальше. Синхронный подрыв сработал как было задумано, пузырящаяся липкая масса волной ударила в стены и потолок, мгновенно прилипнув и стекла на пол, полностью перекрыв коридор. Увеличиваясь в объеме она плотно закупоривала все возможные отверстия, создавая герметичную заглушку.

— Проспорил? — обратился довольный Яков ко второму спорщику за подтверждением своей победы.

— Согласен, — ухмыльнулся Михаил, — не сильно в общем-то и сомневался, но мало ли.

— Ты главное мой выигрыш не зажми, — посмеялся Василич, предвкушая хорошие посиделки в приятной компании, — ждем пару минут чтобы схватилось и идем к следующему коридору.

Так они и поступили, следующий в очереди коридор перекрыли подобным образом, используя вместо ящиков снятые плафоны от ламп освещения. Три светильника марки "жестяное ведро на веревке" были безжалостно ограблены, немного помяты, до достижения нужной формы, собраны цветком и подвешены на растяжке в середине коридора. Негромкий хлопок, стремительно расплзающаяся пена и коридор был опечатан. Последний указанный в плане проход был вообще перекрыт без лишних телодвижений, с гранаты была снята уплотняющая рубашка, при обычном срабатывании снижающая скорость распространения герметизирующей пены и делающая ее более плотной. Первая граната развесила

паутинчатые ажурные конструкции, широко разбросавшись в сужении коридора, создала основу будущей пробки, окончательно доделанной парой других. Оставался только коридор с транспортером, с которым ожидалась некоторые проблемы. Начать стоило с того, что большую часть пространства коридора занимал транспортер, оставляя лишь узкие проходы по сторонам. К тому же, он был остановлен, но не обесточен полностью, что было не особо удобно. Если датчики определяют что на ленте появился груз, движение запустится, а заниматься поисками соответствующего электрического щита терпения уже не было, Яков беспокоился о Максиме и его подруге не многим меньше Михаила, просто лучше умел это скрывать. Протискиваясь между стеной и транспортером идущий впереди Яков вдруг остановился.

— Что там? — спросил Рогов, озадаченно.

— Смотри сам, — Василич отстегнул от пояса фонарик и поднес ближе к полу. В лучах ультрафиолетовой лампы пол слабо опалесцировал полосами и пятнами.

— И что это? Почему ты так напрягся? — непонятливо спросил Михаил, — может пролили чего?

— Если бы наши чего пролили, то однозначно бы на сапогах растащили, нет, это след органики. Здесь либо что-то тащили, либо оно само проползло, — ответил Яков, — знаешь что, изготвься в стрельбе, патрон дошли и сними с предохранителя. Знаю что так делать не положено, но мой скаф ты не пробьешь, а среагируешь если что быстрее, и отстань на пару метров, чтоб одной целью не маячить. Михаил подчинился.

Яков осторожно двинулся дальше, заглянул под транспортер, осветил фонарем в обе стороны и продолжил движение оставляя смазанные следы на полу, после пятна чужой органики. Нужно было найти разрыв в транспортерах и закупорить этот проход. Факт биоугрозы теперь был установлен доподлинно. Михаил старательно вертел головой по сторонам, озвученная угроза заставила его мобилизоваться, несколько расслабившегося после спокойного закупоривания предыдущих проходов. Он и не подозревал, что давний знакомый еще и сапером подрабатывал, все-таки достаточно редкая специальность, больше присущая сотруднику службы безопасности, чем насквозь привычному слесарю-электрику-технику. Это удивляло.

Наконец они увидели цель своих поисков — коридор в этом месте делал резкий поворот, из за чего здесь сделали разрыв в лентах. Входящий поток здесь просто и незатейливо пересыпался на новую ленту, без дополнительных ухищрений вроде накопительного бункера или поворотного участка ленты. Видимо, иногда куски проскакивали мимо потому что угол под пересечением был захламлен. Яков взял дробовик на изготовку и начал осматриваться, как изловчится и отсечь и этот путь проникновения заражения. Михаил подошел ближе, тоже шаря лучом подствольного фонаря по конструкции. Неожиданно из-под груды осыпавшейся с ленты руды в Якова ударило что-то темное и длинное, Рогов дернулся и выстрелил в ту сторону. Кинетический заряд ударил в грудку камней, отшвырнув несколько некрупных кусков руды и небольшой предмет округлой цилиндрической формы, в полете окутавшийся сеткой электрических разрядов.

— Василич, ты как? — задал он вопрос, сразу же показавшийся ему дурацким, как только он договорил, поворачивать голову он пока не решался, шаря лучом под транспортерами в поисках угрозы.

— З-зарраза, п-покусай ее пчела, — с неожиданным заиканием послышался голос Якова в наушниках, перемежающимся непонятным треском, — ру-руку п-пробило и током

долбанула. Черт. Если бы т-ты в нее не попал, сварился бы. Подвинься, — попросил он, пододвигаясь ближе и снимая с пояса небольшую гранату, другой формы, не той что использовались в предыдущих коридорах. Бросок, граната подпрыгнула и выпустила из себя начинку, светового удара прокатился по коридору.

— Вот тебе, зараза, — со злобным удовольствием произнес он, пристраивая помятый дробовик на запястье левой руки. Пальцы не двигались и торчали в разные стороны, совершенно неестественно.

— Приводы полетели, когда током долбануло, — пояснил он замершему Рогову, — и нет, не больно, только рука плохо слушается.

— Ты серьезно? — переспросил Михаил, видя искаленную конечность друга. Выглядела она жутко. Большой палец болтался сам по себе, по две фаланги указательного и мизинца были выгнуты в обратную сторону и широко растопырены, безымянный с средней наоборот, плотно сжаты и прижаты к ладони, но с тыльной стороны.

— Протез это, не истери. Вернемся — починю. Давай посмотрим, что за птичку ты подстрелил, — пояснил Подгорельский и протиснулся вперед.

Зверушка лежала в паре метров впереди, судорожно подергиваясь и искря разрядами при судорогах. Больше всего она была похожа не червя или гусеницу. Темное складчатое тело с небольшими сегментами, отделенными друг от друга глубокими морщинами. На боках размещались округлые бляшки, маслянисто отражавшие свет. Из пасти, предположительно, торчал длинный язык, снабженный на конце острым трехгранным шипом. Язык трепетал и подергивался.

— Вот ведь... творение, блин, — с отвращением произнес Яков наводя дробовик на тело, — Миш, возьми у меня с пояса картечь и перезаряди свой ствол. Надо ее добить.

— А сам разве не хочешь поквитаться? — спросил Рогов, перезаряжая свое оружие.

— У меня один выстрел, а дальше я не перезаряжусь. Когда тварюшка долбанула, я цевье погнул и механизм перезарядки. Теперь только вручную патрон вкладывать, а одной рукой это несподручно, — ответил Яков, — готов? Тогда стрельни в третий сегмент ближе к центру, и в пятый. Пару раз.

После выстрелов, животное окончательно затихло. Аккуратно подцепив его оттащили на свою сторону коридора. Весило оно не много, но теперь стало мешаться под ногами. Совместными усилиями его оттянули подальше и вернулись к транспортеру.

— Так, давай срежем вот эти стойки, вот тут и тут и загнем весь последний кусок обратно, а тут навешаем гермогранат, — предложил свой план Василич, показывая на детали стволом, резать тебе придется, я прикрою.

— Согласен. Слушай а если поменяться стволами? Ты мне полуавтомат сбагрил, он сам перезарядится, — предложил Михаил.

— А подпись на нем — твоя, — у меня в руках он работать не будет, чтобы поменяться надо быть в оружейке, либо принудительно разблокировать. А это возможно при объявленной боевой тревоге или выломать чип доступа, после чего нас система будет считать пиратами, — объяснил Яков, — сам понимаешь, хорошего у нас из этого нет, а с плохим — связываться дороже.

— Мда, я про это не знал, — задумчиво протянул Михаил, подключая резак к энергосистеме скафандра, — слушай а как же тогда на полигоне мне Игорь из его винтовки пострелять давал?

— За полигоном система следит, там это от настроек конкретного оружия зависит. А

тут у нас система сдохла почти полностью.

— Так, готово, заваливаем? — спросил Рогов отключая резак. Они уперлись, поднажали, но секция не сдвинулась с места. Внимательно осмотрев сооружение еще раз Михаил перерезал еще несколько незамеченных стоек. Теперь под напором двоих мужчин конец транспортера качался, но их усилий было недостаточно.

— Если задача не решается грубой силой в лоб, надо думать, — задумчиво произнес Михаил, — Василич, а у тебя веревка есть?

— Смеешься? Вот как собирался сюда все думал куда бы по веревке слазить. Ты бы еще мыло спросил, намылить чтоб проще пошло. Прямо "помоюсь и в горы", ага, — съехидничал Подгорельский.

— А чегонибудь похожее, тросик или проводов кусок, — продолжал допытываться Рогов. Яков задумался, — вроде было, глянь в мешке, он повернулся спиной и присел, Рогов залез в его рюкзак.

— А говорил нету, — пробурчал Михаил, вытягивая из рюкзака припрятанный моток тонкого стального тросика, — Сейчас заставим ее саму сработать.

— Тонко, не выдержит, крути в несколько слоев.

— Оно и понятно, что в однорядь не выдержит. Меня другое забавляет, как ты умудряешься всегда с собой иметь то, без чего не обойтись. Хоть инструмент, хоть расходник.

— Смеешься? Вот на этот раз повезло просто. Я им кабель в гофру собирался протереть, чтобы меньше возится. Три недели назад. Ага. Как положил, так и обратно не выложил.

Михаил прожег отверстие в ленте транспортера и закрепил там один конец импровизированной веревки, а другой примотал к раме. Осторожно пройдя вдоль дальше по коридору он закинул рюкзак на ленту на ленту. Расчет оказался верным, обнаружив груз в рабочем поле система заработала, лента поползла и потянула за привязь.

— Навались, — Василич на выдохе уперся в подрезанную секцию, когда она пошла в верх. На середине подъема, когда в тросике начали со стеклянным звуком рваться жилки, подоспел Рогов и приложил свои усилия. Со скрипом и лязгом секция транспортера сложилась, открыв достаточно пространства для постройки стенки. Михаил сдернул рюкзак в аккурат подъехавший по ленте и движение остановилось.

— Фух, отлично, — произнес Яков, переводя дух, — теперь присматривай, я заряды установлю.

Он разровнял насыпь, расчистил пару широких канав во всю ширину и выставил заряды. Теперь он не экономил, пробка должна была получиться даже более плотной чем все предыдущие вместе взятые.

— Забирай зверушку и отходим, — скомандовал он, Михаил подхватил их трофей и двинулся в обратный путь. Яков шел за ним. Они почти вышли из опасной зоны, когда транспортер включился. Жалобной струной зазвенела натянутая привязь и лопнула. Мужчины переглянулись.

— Давай убираться отсюда, — предложил Михаил, поудобнее перехватывая трофей и ускоряя шаг.

— И не говори, — поддержал его Яков подрывая заряды и задумчиво продолжил, — а не маловато ли мы толщину стенки сделали? Может еще добавить? Ой как не хочется тут сафари устраивать.

— Добавим попозже, ты мне лучше вот чего скажи, куда мы эту тушку несем? Медблока здесь нет, лаборатории тоже. А идея тащить неизвестный биоматериал в жилую зону мне вот страсть как не нравится, а учитывая что мы оба ее близко потрогали — мы тоже "грязные", и возвращаться нам нельзя. Чего делать будем? — поразмыслив задал вопрос Рогов.

— Черт, вот это мы вляпались, — протянул проникшийся ситуацией Подгорельский. Вся "красота" положения открылась перед ним. Подумав, он добавил: — Даже если мы сейчас внезапно найдем дезактивационную камеру, мне туда нельзя с нарушенной герметичностью, — он покачал покалеченной рукой, — так что вывешиваем знаки карантина для всего поселка и не паримся. Идем в жилую зону и суем тушку в холодильник, забираем Макса с подружкой и не спеша строим лабораторию. Девчонка, как я слышал башковитая, вроде с ученой степенью, пусть она трофей и изучает. Одно плохо, торчат мне теперь в инфекционном боксе до морковкина загovenья. Вы-то если из скафов вылезать не будете, сможете домой уехать, как смена придет. Вот ведь угораздило с ситуёвиной.

— Ди меня удавит, — тоже прикинул Михаил, — и сам в карантин загремлю, и Максу с собой утяну. Как есть удавит. Так куда идем?

— На карте поселка есть еще одна столовка, давай там глянем, может оборудование уже завезли, подключить мы и сами сможем. Трофей в холодильник, меня в комнату по соседству, тебя в душ и за Максом, — предложил Яков, — инструменты мне потом занесешь, я руку себе налажу, привык как-то к ней.

— Договорились, — согласился Михаил, — слушай, а откуда ты про вторую столовку узнал?

— Старая солдатская мудрость, "поближе к кухне, подальше от начальства", совместил электросхему и схему поселка и по размеру и вводам предположил. В жилых кварталах комплекса мощные вводы идут в медцентр и столовые. Лаборатории и технички обычно на отшибе стоят. Для медицины места мало, так что столовая или кафешка.

— А схемы выработок где Макса искать у тебя случаем не завалюсь? — поинтересовался Михаил.

— К сожалению нет, чего смог раскопать в пачке что Кузьма оставил, то и есть, — с сожалением ответил Яков, — если бы оно там было, сначала бы за детьми пошли.

— И пропустили бы нашествие зверушек, — встряхнул ношей Михаил, — не известно еще чего хуже. Да и смысл сейчас жалеть. Могли бы и из дома карты Рассветного взять. Кто же знал, что они понадобится могут.

За разговором они пришли в поселок, Яков не ошибся, в пустом помещении стояло нераспакованное оборудование. Наскоро выковыряв холодильник из упаковки, подключили и сгрузили трофей. Дальше их пути разделились. Василич отправился в свою квартиру, заниматься ремонтом, а Михаил на энергоцентральный.

Глава 10 + рассказ

Прониклись, запомнили? А теперь забудьте. Не было никаких этих красотостей. Устав ждать когда она проснется я сообразил, что за дни занятые переводом слегка подзапустил лагерь и ломанулся его прибирать. Не хочется в глазах представителя древнего народа выглядеть неряхой. На мою удачу, эльфа дрыхла достаточно долго, что я успел (большой частью) переделать запланированное.

***

Я прервался. Настя смотрела на меня с такой укоризной, что хотелось почесаться. От сердитого пыхтения упущенная из высокого хвоста височная прядка колыхалась. Этаким сердитый мультяшный ежик.

— Так что, весь этот сопливо-сиропный кусок можно удалять? Это ты так на до мной измывался? — начала заводиться она.

— Насть, успокойся, ничего удалять не надо, все к месту и по делу, сама вспомни. Похожий кусочек был в самом начале, так что в общую схему укладывается. К тому же, я тебе уже говорил, это месь Альберта Рубеусу, мелкое капание на нервы, — поспешил успокоить я закипающую Настю. Скандала с ней совершенно не хотелось, даже небольшая ссора сильно испортит отношения на долго, а сколько нам тут сидеть неизвестно. Она задумалась, и неуверенно продолжила, — то есть этот сироп ты не из вредности меня набирать заставил?

— Совершенно. Все в рамках выбранной линии произведения, — поспешил заверить ее я, — я очень благодарен тебе за помощь, и особенно за вопросы, которые выявляют тонкие места моего замысла. Спасибо, — поблагодарил я, она перестала рассерженно пыхтеть, но подозрительность так ее до конца и не оставила.

— Сдается мне, что вы, рыцарь-летописец, изощренно надо мной издеваетесь, — продолжала она гнуть свое. Я рассмеялся. Настя вскинулась, услышав смех, — Что? Так это правда?

— Нет, просто этим же самым эпитетом меня меня мама обозвала, — сложив ладони в молитвенном жесте и склонив голову, объяснил я, — поэтому и засмеялся, Насть, ну хватит дуться, ты очень милая когда сердисься, но давай еще немного сделаем, пока мысль окончательно не потерялась. На чем ты остановилась?

— "... я успел (большой частью) переделать запланированное." — процитировала она, — только попробуй еще поиздеваться, заставлю снять броню и покусую. Диктуй, давай, — она устроила планшет на коленях и приготовилась.

***

Я как раз разводил костер когда она вышла на свет, очевидно что некоторое время она наблюдала за мной из темноты пещеры, но кто на ее месте поступил бы по другому. Стройная, тонкая девчонка, на вид совершенно обычная. Ну может быть чуть хуже чем мои подружки из замка и деревни. От человека ее отличали только большие глаза и длинные уши. И совершенно обалделое выражение лица, как у горничной Марты, когда ее в главном зале сын оружейника замуж позвал. Такое же, восторженно-очумелое, и счастлива, и сама себе не верит. Вот и у этой эльфы было такое. Будто она костер, коня и рыцаря раньше только на картинах видела. Стоит в мою рубаху прячется, а ей рукава до коленок достают. Ей-ей не вру. Она один рукав упустила, так еле обратно собрала. Короче, эльфы красивые, но тощие. Я

как водится представился полным титулом, со всеми положенными этикетом телодвижениями, а она стоит, глазами хлопает. Потом озираться начала, по сторонам смотреть, как она потом объяснила — решила что ее разыгрывают, наблюдателей искала. Потом подобралась, приняла гордую позу и прощбетала что-то. И стоим как два петуха, смотрим друг на друга. И ни я ее, ни она меня не поняли. Стоим осознаем ситуацию, понимаешь. Я в затылке чешу, она видимо языки перебирает какие знает, потому что фразы по разному звучали. Никакого отклика. И тут меня осенило, может написать попробовать? Отломил щепку, написал на земле цифры до пяти, она подошла, посмотрела, отобрала щепку и продолжила ряд до десяти. Отлично, значит диалог возможен. Пошел в седельной сумке нашел восковую доску, которую этот хитромудрый интриган взять заставил. Ведь похоже знал, собака серая, что так будет, но молчал как камень. Начали переписываться. Я ошибки делаю, она ржет. Чуть кашу не упустил.

Но даже и с найденным языком общения диалог не сразу настроился. Я половину слов не понимал. Подчеркиваю, пишу "что?", она начинает объяснять, другими непонятными словами. Хорошая девчонка, терпеливая. Всего раз ногой на меня топнула, да на шишку еловую попала. Пищит, шипит, пляшет на одной ноге, за пятку держится. Я чуть со смеху не лопнул. Потом усадил, подул, успокоилась.

Как я понял из ее объяснений, ее зовут Эстелиана, сокращенно Стелла. Она что-то вроде подмастерья возчика большой телеги, что может между мирами кататься как в соседний город. Понимаю что звучит глупо, но она примерно так и объясняла, вот сейчас перерисую. "Лейтенант Эстелиана Лемаршан, стажер-пилот крейсера-колониста "Новая заря". Колонизационный Корпус, Земля-Изначальная". А ладно, потом разберусь что это, когда слов больше узнаю.

***

— Фух, дай передохнуть, пальцы устали, — попросила Настя, отложив планшет и разминаясь. Она потрясла руками в воздухе и продолжила, — можешь ведь когда хочешь. И никакого слюнтяйства, красота. А чего ты с ней дальше делать будешь?

— Я тебе вроде уже говорил, зажарю и съем. — в тон ей ответил я, идей не было, но признаваться в этом не хотелось. Не говорить же что просто вспомнилась статуэтка в отцовом кабинете. А теперь убирать жалко будет, да и в замысел вроде ложится.

— Чего затих, уснул? — неугомонная Настя опять взялась меня тормозить.

— Отбивные из эльфятинки представил, вон аж слюни потекли, — продолжил дразниться я, — а с тобой делиться не буду, и не проси.

— Фу таким быть, — она рассмеялась, — я вполне серьезно, смотри, если она не уроженка этой планеты, то не псионик, а раз ты авторским произволом для местных дал такие способности, то у всего живого на планете они должны быть в разной степени. Биосфера и человек — единая взаимовлияющая система, это правило. Значит и на нее должно оказываться какое-то влияние.

Вот ведь советчица. Сначала выдумала, а мне теперь выпутывайся, нет, в целом я с ней согласен, но чего придумать теперь? Убирать жалко, идея магии-без-магии мне импонировала, но с реализацией придется сильно мозги напрягать. Или?

— Слушай, советчица по делам магии, твоя идея была, вот и давай вместе думать. Кроме воздействия на Стеллу, нужно ведь еще и мир нарисовать. Герою-то он может и привычен, а тем кто будет читать — нет. А я кроме коней и рыцарей ничего не наворотел. Так что сочинение я потом другое напишу, а наше совместное творчество обретает статус

самостоятельного проекта. Поздравляю, партнер! — озвучил появившуюся у меня идею Насте. Вот такой я молодец, ловко вывернулся. Она задумалась, прикусила нижнюю губу, наморщила лоб, покусала ноготь на большом пальце, прямо живая картинка "Глубокие раздумья". Потом себе и ей фото распечатаю, подумал я, будет чем поддразнивать. Она интересная и необычная, с ней хотелось общаться. Любопытное ощущение.

— Пожалуй, если сделать ее полностью нейтральной, ничего показать не выйдет, для него мир привычен, она не чувствует — нет конфликта, противостояния. Просто история. А если сделать ее сверхвосприимчивой, тогда все слишком усложняется, он же ее до дома не довезет. Это триллер получается. Жуткий и натуралистичный, — наконец отмерла она и выдала результат своих размышлений.

— Почему это? — удивился я.

— А представь, что каждая былинка, каждое растение вместе с химическим сигналом проецирует пси-сигнал соседним и они все вместе наносят удар.

— Не совсем понял твою мысль, — честно сказал я.

— То что растения общаются запахами и имеют защитные реакции знаешь? — начала объяснять она. Что-то такое нам рассказывали, но как и все не нужное прямо сейчас после контрольной из головы испарилось, а сейчас никак не хотело возвращаться.

— Вроде припоминаю, — потянул я.

— Неуч, — проворчала она, — но тебе хватит. Раз у нас мир с пси, то все живое этим свойством обладает, это я тебе второй раз говорю. Следовательно, растения тоже, но если аборигенная фауна имеет врожденные защитные реакции на это воздействие, то чужак — нет. Вот и выходит, что ее махом прибывает первым же ударом. Сорвала листочек — лови плюху. Сколько она протянет в таких условиях?

— Мда, что-то ты погорячилась, — теперь я задумался. Картина мира была достаточно стройной, и в целом, довольно правдоподобной. Но героиню было жалко. Я сделал предположение: — Может артефакт какой не нее навесить?

— А где ты его возьмешь? С героя снять не получится, он должен своими силами обходиться, своими способностями.

— Может у нее какая заначка осталась? — попробовал предложить я.

— А ты помнишь что она у тебя в биованне голяком лежала? — ехидно напомнила она.

Вот оно, решение, меня осенило: — Рубашка. На ней сейчас рубашка с вышивкой. Нам по истории рассказывали что вышивка имела обрядовое значение, выступала как оберег и позволяла точно идентифицировать представителя определенной народности. Кроме того, внешние обереги должны быть у детей, которые еще не научились сознательно управлять своими силами.

— Точно, — просияла она и кинулась обниматься, — Ой.

— Прости, я не специально, — повинился я, хотя просто не успел среагировать и остановить ее. Она стукнулась об скаф и теперь сидела и морщилась.

Интерлюдия 9

Рогов в очередной раз поправил сбившийся ремень дробовика. Не то чтобы он был отчаянным пацифистом, просто крайне не любил оружие, особенно, если оно направлено на него. За жизнь всякое бывало, приходилось находиться по обе стороны от оружия, и воспоминания об этом не были приятными. Условия планеты с эндемичной флорой и фауной не располагают к невооруженным прогулкам, поэтому время от времени приходилось появляться на стрельбище. Мог поддержать разговор, опробовать стреляющую новинку у хвастающихся друзей, но пользоваться оружием Михаил не любил, скорее относился к нему как к инструменту, неудобному, несуразному, но в некоторых случаях необходимому. А ведь когда-то давно все было иначе. Детские и подростковые воспоминания о походах на стрельбище, первая пораженная в десятку мишень, сборка-разборка стреляющих хищных механизмов, все это было ярким и выпуклым. Изменилось оно после той спасательной операции в астероидах.

Беспилотные модули обнаружили остов корабля в поясе астероидов когда стажер-энергетик Рогов проходил практику по корабельным энергосистемам от института. Крупный осколок подавал упорядоченные сигналы поэтому было принято решение о исследовательско-спасательной операции. Но когда кораблик приблизился по нему открыли огонь, в считанные минуты уничтожив большую часть экипажа и систем. Терпящие бедствие совершенно не хотели спасаться. Доподлинно о ходе столкновения Михаил не знал да и не особо хотел узнавать даже потом. Когда чужая ракета ударила в корпус в районе энергоустановок его спасло только чудо. А вот большей части экипажа этого чуда не хватило. В космосе редко бывают раненные, повредят ли скафандр или корпус разница только в масштабах. Встреча с любым поражающим элементом пульей, осколком или лучом, всегда несет за собой декомпрессию. Справится с ней автоматика или нет — вопрос случая. Как если кровь идет носом — жгут на шею не поможет. Искалеченный корабль несколько месяцев добирался обратно. Полуразрушенная техника все равно выполнила свое предназначение доставила людей домой. Сколько в этом было его труда и стараний не знает наверное никто. Собранные на живую нитку системы контроля энергосистем. Полуразобранный блок навигации, раскинувшийся вместо одного блоке по половине соседнего отсека, собранный из уцелевших деталей порушенного оборудования. Жизнеобеспечение, работавшее всего в трех каютах. От дополненного стажерами экипажа людей уцелело меньше трети, поэтому хватало. Только те, кто был в скафандрах. В тот момент, перед атакой таких было совсем мало. Потерявшие герметичность отсеки отрезали уцелевших от спасения. Где нет воздуха — звук не существует. Запертые люди переговаривались сквозь стены и вакуум, и один за другим затихали по исчерпанию запаса системы жизнеобеспечения отсека. Мечущиеся стажеры, а в скафах были в основном они, делали все возможное, но не успевали. Вот тогда и появилось это отвращение к оружию. Михаил так и не узнал, сработала ли автоматика, принявшая их за метеорит, или приказ к атаке отдали люди. Но неприятие коснулось только оружия. Людей можно убедить, с ними можно договорится, найти компромисс. Выстрел же несет только разрушение, вне зависимости от того, с какой стороны от него ты находишься.

Из того похода он вынес несколько шрамов, недоверие к людям, которых не знает лично и в той же степени доверие к технике. Тем системам и установкам, что вынесли их обратно,

вернули домой и спасли уцелевших. Таким же побитым и покалеченным, как и те кто их чинил и обслуживал. Техника оправдывала доверие, отзывалась на ласку, стонала, но тянула лямку, они вернулись. Это потом инженеры и конструкторы будут долго ломать головы как вообще было возможно починить такие повреждения, каким образом системы продолжили работать штатно, лишившись всех резервов и запасов прочности. Михаил всегда отвечал: "я в нее верил, а она верила в меня". Закончив учебу Рогов попросился на одну из новых планет и занялся любимым делом — сборкой новых энергосистем. Неизведанный космос его больше не манил. Делом его жизни стала сборка энергосистем похожего класса, этим он как-бы говорил "большое спасибо", той, первой системе, к которой он приложил свои руки. И которая прощала и недостаток квалификации, и незначительные ошибки, и не совсем подходящие материалы. Его система. Которая сделала все что могла и отключилась когда они добрались. От которой нельзя было даже взять кусочек на память, работа в нештатном режиме столько времени вызвала протечки. Корабль после исследований отправили в звезду, иметь источник сильного жесткого излучения под боком населенной планеты не стоило.

Теперь, похоже, оружие опять вошло в его жизнь. Не мимолетной обязательной встречей на стрельбище, не сопровождением в походе по лесу, а всерьез и надолго. Пока не снимут карантин и они не вернутся домой. Что же, если этого нельзя избежать, придется подружиться заново. Может тогда дробовик перестанет постоянно сползать и займет положенное ему место за плечом.

Он прошел к дезактивационной камере возле сердца энергоцентрали — реакторных блоков. Иногда, в самых редких случаях ремонтным бригадам приходилось проводить ревизию и там. А чтобы не фонить потом и была установлена эта камера. Вроде Марк говорил что скаф девчонки остался под завалом, а после переноса трофея на его скафандре могли закрепиться биологические материалы, мало ли чем зверушка болела. Притащить их к сыну и его подружке было бы в корне неправильно. Пусть камера и не давала полной стерилизации но усиленная промывка должна была снизить опасность заражения до условно-допустимого уровня.

Закончив с помывкой и протерев и почистив по-быстрому оружие, Михаил подключился к системе мониторинга энергосетей, сейчас весь поселок был перед ним. Пусть и в крайне схематичном виде. Он готов к поискам. Отбросив неуверенность и переживания последних часов он откашлялся и произнес в микрофон: — Максим, я на месте, открой щит и отключай последовательно рубильники. Я найду тебя на схеме и пройду вдоль линий. Жду твоей реакции.

Недолгое ожидание и вот одна за другой из линии на схеме изменили цвет. Надо же, они почти дошли, удивился он, проследив на схеме приблизительный маршрут до точки встречи.

— Василич, — вызвал он Подгорельского, — я их нашел, еще немного и сами бы пришли, паршивцы. Я отправлюсь за ними, не теряй.

— Вот и славно, — тут же отозвался Яков, — я же тебе говорил, что Максимка не пропадет. Таратайку возьми, нечего им продолжать ноги бить. Натопались чай. Вроде недалеко от тебя была стоянка.

— Да я так и собирался сделать. Давай не скучай, — все-таки хорошие новости здорово меняют человека, подумал Михаил направляясь к стоянке.

Как только эхо последней фразы отзвучало, я уже вскрывал щит. Хорошо еще, что инструменты не потерял со всей этой кутерьмой. Настя в очередном приступе любопытства заглядывала из-за моего плеча. Пришлось отвлекаться.

— Так, любопытный нос, ну-ка брысь за пять метров от меня. Скаф у нас один на двоих и он на мне, а вот ты совсем без защиты, хоть и не должно быть ничего неожиданного, но лучше отойди, — я попытался отогнать ее, но она ожидаемо воспротивилась.

— Сейчас-сейчас, только одним глазком загляну, — скороговоркой произнесла она, заглядывая в недра распределительного ящика, — ух, ну и путаница. Будто пауки поработали.

— Посмотрела? А теперь брысь, — я аккуратно отстранил ее и подождал пока она не отошла на озвученное расстояние. И чего она говорит что все запутано? В моих первых поделках на робототехнике все было куда хуже. А тут все ровненько, вот входной кабель, от него на шины уходят провода потоньше, разбегаясь по разным пучкам. Вот и то что меня интересует — колодка с защитой и рубильники. Убедившись что Настя стоит где предписано я начал отключать. где-то на пятом выключении в коридорах опять зазвучал голос отца: — Отлично, сын, я нашел вас. Включай обратно и можешь идти мне навстречу, основная питающая линия в этом коридоре ответвлений больше не дает достаточно долго. Вы почти пришли. На перекресте дождитесь меня. Я быстро.

Подключив все как было я обернулся к Насте. Она улыбалась и плакала одновременно, вот ведь удивительное существо, одно слово — девчонка.

— И по какому поводу слезоразлив? — спросил я. Пусть лучше сердится и дуется, чем плачет. Почему-то я совсем не мог смотреть как она плачет, странно, не замечал за собой такого раньше. По крайней мере когда ныла Светланка, у меня такого щемящего чувства не возникало.

— Фу на тебя, — отозвалась она ворчливо, — радуюсь я просто. Боялась что мы совсем потерялись, навсегда, старые страхи всплывать начали.

Она вытерла слезы и пошла ко мне, — подставляй спину, поедем дальше, вези меня мой верный конь.

— Ну нет, на коня я точно не согласен, — возмутился я отступая от нее.

— Тогда коварный огр-людоед, — предложила она, продолжая идти на меня, — похитил прекрасную принцессу и несет в свое логово.

— Что-то не сильно похоже, — отпарировал я, — это ты на меня напиралась, а не я за тобой гоняюсь.

— Это частности, — отрезала она, — подставляй спину, поехали. По дороге обсудим.

Она утвердилась у меня на плечах и продолжила: — хм, "похищение Европы"?

— Я на быка не похож, тут скорей Гоголь, злобная колдунья на молодом парне едет, — предложил я.

— Я не злобная.

— Но колдунья, видишь, даже сама не отрицает.

— Все равно не подходит, я милая, красивая и умная. А ты вообще железный, — она постучала меня по шлему. — Точно, я Элли, а ты Железный дровосек, и ты несешь меня в Изумрудный город.

Я представил эту картинку и рассмеялся. Поиграв с ней в голове я предложил: — А может ты будешь говорить "Пиастр-ры!"

— Вот еще, нашел попугайчика, — надулась она.

— А как я лошадь, так тебе ничего. Все устраивало! — отпарировал я, — К тому же, все как заказывала, и умная, и красивая.

Так перешучиваясь мы добрались до перекрестка. Там нас ждал отец. Он сидел на электрической тележке, вроде тех на которых мы с Настей повезли контейнеры, только немного помятой с одного края.

— Привет пап, познакомься, это Настя — начал я с представления участников, прикидывая, как мне нагорит за все "геройства".

— ... твоя девушка, — прервал он меня, — в жилой зоне говорить будем, на нас с Яковым животное напало, так что быстро едем в безопасную зону. Там и поговорим, — мы уселись и он продолжил, — людей Костя вывез, остались только вы двое и мы с Яковым. А пока статус биологической угрозы не подтвержден или отменен будете сидеть по своим комнатам.

— А вместе нас поселить нельзя? — с вызовом сказала Настя, — раз уж вы сами назвали меня подружкой Максима.

Тележка вильнула и Настя повалилась на меня, видимо отец был совсем сильно обескуражен, раз потерял контроль над дорогой. В общем-то как и я. Все все что мне оставалось, это по-крепче прижать в себе Настю и надеяться, что они не будут дальше разгонять конфликт.

— Сами разбирайтесь, — буркнул он, — только чтоб на виду все время были.

Теперь я окончательно потерялся от удивления. Чутье мне подсказывает, что либо они сейчас разругаются вдребезги и надолго, либо объединятся, и меня ей продадут с потрохами.

Отец высадил нас напротив двери в Настины апартаменты и уехал ставить транспорт, взяв с меня обещание сразу придти в нашу комнату.

— Спасибо за приятную компанию, — попрощалась Настя, — извини, но с экскурсией и визитами придется несколько повременить, я сильно устала. Меня ждет продолжительное отмокание в биованне, так что пока.

— У тебя есть биованна? Это же специализированное оборудование, они только в медцентрах стоят, — удивился я.

— А это и есть медцентр этого блока. Я поначалу слишком много времени здесь проводила, вот и обжилась потихоньку. А поскольку медицинское вмешательство больше никому не требовалось так и осталась тут жить, — пояснила она с чуть виноватой улыбкой.

— А как же ты ей управляешь? Для этого надо быть медиком, но если ты скажешь что ты еще и медик, то я тебе совсем верить не буду.

— Нет, что ты, программы по удаленке залиты были, я в них не лезу, знаний не хватает. Сейчас просто запущу процедуры восстановления и поддержания, и спать. А она будет приводить меня в порядок, — пояснила она.

— Слушай, а почему ты тогда себе мышечную массу с костной тканью не нарастила, раз у тебя есть доступ к ней. Смогла бы тогда без экзоскелета передвигаться? — поинтересовался я.

— А вот не надо думать стереотипами, — она щелкнула меня по носу, — биованна не панацея, и такие вещи в ней не возможны. Выправить твоё тело по генотипу она может, вернуть к эталону, так сказать, но модифицировать — нет. Отрастить утраченные конечности можно, прирастить еще парочку нельзя. Сейчас она залечит мне все растяжения и порванные мышечные волокна и все, шагай дальше, нарабатывай свою силу. В геноме размер мышц не прописан, только само их наличие. Объем, структура, состав зависят от развития. Так что никакого волшебства. Отращенную руку или ногу придется развивать и раскачивать долгое время. Восстанавливать мелкую моторику. Много всего. Да, она будет изначально по усредненному значению в толщине костей и прочего, почти такая же как была, но-но... Не бывает волшебства короче. Мне объясняли, но я не до конца поняла. Есть какие-то свои сложности с этим, — она грустно усмехнулась, — все, иди уже, а то я прямо тут расклеюсь и будешь сам меня в нее укладывать.

— Да я бы не отказался, — произнес я, с целью поддразнить.

— Брысь, охальник, — она рассмеялась и скрылась за дверью. Установленная за ней ширма воспрепятствовала моему пытливному взору, и не удалось рассмотреть всех таившихся там чудес и чудовищ. Будто в пещеру дракона заглянуть пытался. Посмотрим в дальнейшем, может и покажет и свой мифический диплом и растения с мясными стейками вместо листьев и биованну, со старым скафом. Хотя последний точно увижу. Должна же она как-то ходить по базе. А как и сколько она ходит без него я уже видел. Кивнув себе на этой мысли я отправился в нашу с отцом комнату.

Помывшись, я оделся в один из припасенных комбинезонов и поплелся в столовую. Кашеварил дядя Яков, поэтому еда была простой и не сложной в приготовлении. Видимо с одной рукой ему было неудобно.

— Привет, малец, где подружку потерял? — спросил он меня, когда я замер в проходе,

недоуменно уставившись на его руку в перевязи.

— Здравствуй, дядь Яков, а ты чего с рукой сделал?

— Да сбедил маленько, потом починим, как раз поможешь. У тебя пальцы потоньше, тебе сподручней будет. Подружка-то где? Задали же вы нам проблему, покусай вас комары. Нет чтоб на месте оставаться, поперлись в лабиринты. Хорошо хоть выбрались быстро, да вот недостаточно. Костя уже за помощью в ваших поисках уехал, людей собирать, чтоб вас вылавливать по коридорам. А сидели бы на месте, навалились бы всей толпой — глядишь за часик другой и раскопали. Получили бы по задницам и сидели ровно, а так, бес его знает как сейчас в город сообщить что вы нашлись. Жуй и думай, может чего предложишь. Думать оно вообще полезно, — проворчал он, пряча усмешку за усиленно-сварливым тоном.

— Настя у себя, сказала в биованну полезет, восстанавливаться. Дядь Яков, а чем я тебе помогу, я же в медицине чуть меньше чем никак, только пластыри клеить умею.

— Эк как, у нее и регенератор есть, запасливая красотка, надо брать, — усмехнулся он, — да не бойсь, тут не медицина нужна, тут гайки крутить, — он потряс пораненной рукой, — это же протез. Всей проблемы только то что работа тонкая, одной руки не хватит.

— А чего не свою вырастишь? Попросим у Насти биованну, будешь со своей рукой, — предложил я.

— Не, старый я для такого. Привык уже, почитай лет сорок с ними живу. Да и почти на год без рук оставаться тоже не дело.

— А почему так долго? — удивился я.

— А то что это не мгновенный процесс. Пока новые руки вырастут, пока я их к себе приучу. Регенератор процесс ускоряет, это да, но не мгновенно. Исправляет огрехи процесса, шрамы убирает. Но никак не за раз. Ранение да, много быстрее зарастет, а заново — нет. Такой кусок как у меня отсутствует это на полгода затянется. Да сколько я еще подвижность и функциональность восстанавливать буду? Мелкую моторику ты всю жизнь нарабатываешь, вон одень рукавицы от скафа и попробуй бисером вышивать. Так скажу, не выйдет у тебя ничего. Руками, брат, надо учиться пользоваться. Был бы моложе — может и попробовал бы, а так, — он сделал многозначительную паузу, — не стоит оно того. Да и как я без них? Я же гайки до 30 без ключей откручивать привык, — как всегда свел к шутке хитрый старик.

— А папа куда отправился? Что-то его долго нету, слишком долго, — забеспокоился я.

— Не кипешуй, он перед тобой забегал, хочет попробовать с городом связаться, идея какая-то у него появилась, — ответил Подгорельский, — но с тебя вопроса как связаться с городом не снимает. Тренируй извилины, чтоб ветвистые были, как мой жизненный путь, — рассмеялся он.

Интерлюдия 10

Михаил как раз в этот момент закрепил страховку и подошел в приоткрытому шлюзу наружу. За эту пару минут в щель намело уже небольшую кучку снега, ветер снаружи выл и бесновался, неся острые колючие льдинки с вполне приличной скоростью. Портативный блок спутниковой связи занял свое место на плечах, решительно выдохнув, Рогов вышел в холодную ночь. Его идея связаться с городом состояла в том, чтобы использовать орбитальный челнок в качестве ретранслятора. Расписание челноков было известно всем, и он надеялся, что не ошибся в расчетах и сейчас он как раз должен проходить над ними. Многодневные снежные бури, тяжелая облачность с перенасыщенными атмосферным электричеством облаками, то и дело подсвечивающимися от разрядов, мешали полноценно использовать этот вид связи, да и подгорное расположение городов вносило свою лепту, поэтому и орбиту решили не замусоривать большей частью бесполезными спутниками связи. В обычное время это было оправданно. Беспроводные ретрансляторы в городах и подземные коммуникации между ними обеспечивали связь по всему миру. Это работало везде, кроме поврежденного аварией Рассветного, где они застряли. Он поежился, неприятное чувство оторванности от остального мира холодными каплями пробежало по спине. Все эти непонятности, тайны и загадки, порядком нервировали. Что лежит там, в глубине шахты, что послало этих гусениц-переростков на них. Здравый смысл и привычка соблюдать технику безопасности призывали держаться от них подальше, а мальчишеское любопытство наоборот призывало к исследованию. Связь Михаилу нужна была еще и за этим: чтобы либо намертво перекрыть тропинки любопытству, либо получить карт-бланш на исследования и вооружившись всеми известными ему технологиями попытаться разгадать эту загадку. Может и не дело, переваливать ответственность на других, но почувствовать поддержку от далеких людей было нужно. Как почувствовать прикосновение плеча к плечу в толпе. «Ты не один, за тобой все человечество».

За створками ветер радостно попробовал на зуб новую «игрушку», упруго ударил волной, закачал, подергал порывами, в попытке свалить с ног и унести подальше. Михаил сделал несколько шагов по ветру и пригнулся, чтобы снизить нагрузку, оперся крепче на ледоруб и пошагал в сторону от ворот, выходя из-под скального козырька на открытую местность.

Добравшись до торчащего столбиком контрольного поста, он развернул и укрепил на нем аппаратуру. Раскрывшаяся антенна повертелась, нащупывая своего большого собрата и засветила зеленый сигнал на пульте. Нажатием кнопки Михаил отправил подготовленный файл с отчетами и письмом для Дианы. В условиях ненадежной связи отправка пакетов документов надежнее голосовой связи. Теперь следовало дождаться ответа и можно возвращаться. В нетерпении Михаил прошелся вокруг поста, следя, чтобы спасательный трос не перехлестнулся или обмотался за что-нибудь. Движение сбило налипший снег и ледовую корку на поверхности скафандра. «Мда, поверхность в этих широтах точно не для людей», мелькнула у него мысль, и пропала, заменившись на радостное ожидание, передатчик начал принимать сообщение из города.

Отец появился когда я уже успел плотно поужинать и перемыв посуду, устроиться с очередной кружкой чая за столом. Записанный Настей текст следовало прочесть со свежей головой и выправить найденные недочеты. Похрустывая ломающейся ледяной коркой на скафе и распространяя вокруг себя холод, папа устроился на свободном месте напротив меня, мимоходом стянув мою кружку.

— Чем угощать будете, разгильдяи? — обратился он к нам с Подгорельским.

— Дык, чем богаты — все на столе, проходи, садись, закуривай, — отозвался дядя Яков, припоминая старый анекдот, — Ну рассказывай, чего такой довольный, удалось связаться с базой?

— Да, все получилось. Макся, тебе привет от мамы, с кучей советов и придинок, потом сброшу, считаешь. Костя с остальными еще не доехали, но успели связаться с городом, так что большую часть они уже знали, поэтому на мой рапорт ответ так быстро пришел. В целом, мы остаемся тут надолго. Обещали наладить связь и инфоподдержку, но через пару дней. Работаем как работали. Игорь просил запускать реакторы по мере настройки, что-то они по мощностям просели.

— Весь каскад только через пару дней сможем запустить, — вмешался Яков, — Можно запустить только третий и пятый энергоблоки, ну да это ты и сам знаешь. И хорош уже юлить, чего по исследованиям? Нам можно пошариться, подсмотреть одним глазком, или строго настрого запретили?

— Василич, блин, всю интригу испортил. Сказали можно, только после запуска каскада, плюсом специально уточнили, что инструкции и руководства отдельно пришлют, как связь наладим. А до того — ни-ни, даже не думай.

— Эт добре, посчитаемся-отплатим, — довольно протянул Яков, — А то неуютно как-то, они на меня охотились, а я на них — нет. Надо будет исправить эту несправедливость.

— Теперь по тебе, мелочь безмозглая, — довольный отец посмотрел на меня, — Тебя немножечко ругали, капельку хвалили и сильно грозили, сам разберешься чего куда?

— Так, ругали — это за то что после аварии решили выбираться самостоятельно, нужно было дожидаться помощи на месте. Хвалили, — я задумался, — Вроде не за что, ошибка на ошибке в общем-то. А грозили чтоб больше без спросу никуда не лазил. Так?

— В целом, да. Похвалу ты за помощь получил и за то что Настю смог успокоить и сберечь. Отчего-то она на отдельном счету стоит у безопасности и ученых, не выяснял правда почему. Кстати, Светлана выполнила свое обещание, всю технику которой поуправлял тебе в профиль внесли. Гордись и соответствуй. Как связь появится чтоб инструкции прочитал.

— Рад стараться, ваше высокоблагородие, — я шутливо вытянулся во фронт, — Разрешите выполнять?

— Вот и хорошо. И где моя тарелка с едой? — переключился он.

— Вот. Приятного аппетита, — произнес я, пододвигая ему еду, которую успел наложить пока он рассказывал.

— Чего на завтра решаем, — спросил он, в перерыве между ложками.

— С утра ты один будешь, Максимка мне поможет с ремонтом моей лапки-хваталки, а там вместе будем.

— А Настя? — спросил я.

— Если освободится к той поре — с нами будет, нет — так пусть у себя посидит. Хотя я больше чем уверен, она на пару дней у себя зависнет, — предположил Подгорельский.

— Почему ты так думаешь? — спросил отец.

— Факты собрал, — усмехнулся Яков, — У простых людей биованны в комнате не стоит — это раз, два — я все-таки вспомнил, где я видел похожую пластику движений. У потомственных орбитальщиков. Но у них еще и в скелете небольшие отклонения есть, так что она не чистая жительница свободного космоса. А при таких ударных нагрузках как у нее вышли, пара дней полной ревизии ей обеспечены, так ведь?

Я с уважением посмотрел на хитро улыбающегося Якова. Или этот старый пройдоха где-то добыл всю информацию по ней, или надо срочно идти к нему в ученики, последнюю мысль я и озвучил. Он рассмеялся.

— И ты бы догадался, если повидал столько же. Про пластику я уже сказал. Скаф с увеличенными батареями и экзоскелетом в глаза не особо бросается, но наметанным глазом видно. Значит она еще не прошла полный курс адаптации к планете. А если учесть сколько вам пришлось пройти, то она точно из медкапсулы не выйдет, не захочет походить на расплющенную лягушку в твоих глазах. По тебе и то видно как умаялся, завтра пицать весь день будешь от боли в мышцах. А она этот период в капсуле просидит с комфортом, — пояснил он.

Отец отвлекся от еды, надел шлем и перебросил на мой скаф письмо от мамы, после чего опять снял его и продолжил ужин. Мне идти за шлемом не требовалось, я заблаговременно подключил свой планшет к скафу, так что открыл письмо и погрузился в чтение. Папы-мамины обнимашки-целовашки и пропустил, да там и было-то всего с десятков строк. Она говорила что у них все хорошо, ругалась на нас, что застрянем надолго. Мне вменялось в обязанности следить за режимом сна и питания отца и Василича. Чтоб ныл, скандалил и не пропускал. Собственно я так и собирался этим заниматься, знаю уже, что они если дорываются до авральных работ, то есть и спать забывают. Про то, что они столкнулись с враждебной биосферой отец ей видимо не сообщал. Тогда и я не буду, зачем ее беспокоить. Забросал ответное послание, дежурно-нейтральные слова, типа: все понял, воспринял и буду неуклонно соблюдать. Перебросил обратно отцу, он с оказией отправит, явно ведь придумал как наладить двухсторонний канал обмена. Хоть я и старательно размышлял над поставленной Подгорельским задачей, ничего путного придумать не удалось. Да и голова от усталости не соображала.

Отец закончил с ужином, насмешливо посмотрел на нас, и сказал: — Ну что, инвалидное воинство, расплзаемся на отоспаться? Утро вечера мудреней будет.

На утро прогноз Якова Васильевича оправдался в полной мере, со скрипами и стонами я сполз с кровати. Шевелиться было больно, то, как ныли натруженные мышцы вчерашним утром это сегодняшнее состояние и рядом не лежало. Хотелось заползти обратно под одеяло и носа не высовывать. Меня спас отец, появившийся с аптечкой в руках на пороге комнаты.

— Шо, хреново тебе, принц гадский? — процитировал он какую-то старую шутку и после многозначительной паузы продолжил, — Заваливайся обратно, лечить буду.

Вколлов мне какой-то стимулятор он старательно размял мышцы, попутно намазав мазью. От его действий было больнее, мог бы — попытался убежать, но сил не было.

— Подремли минут десять и пойдем завтракать, уже должен будешь оклематься. Я пока твою подружку проведаю, — сказал он закончив экзекуцию. Я еще успел подумать что это

он так издевается, но вырубился. Проснулся я от его слов: — Ну что, как самочувствие?

Как не странно, но мне стало значительно лучше. Хотя все тело ныло и дрожало, позывов к прекращению жизнедеятельности больше не было.

— В целом сносно, но далеко от хорошего, — ответил я, — а чего ты мне вколол?

— Потом покажу, стимулятор из аварийной аптечки, он вообще для другого предназначен, это так, нецелевое использование. На себе проверено, при перегрузках помогает, пользоваться только часто нельзя, так что завтра будешь ныть и стонать по новой. Но, глядишь, отойдешь за день, не так все плохо будет, — пояснил он.

На завтрак опять была каша. Наваристая с густым мясным запахом и вкуснейшей подливкой. Дядя Яков тайком от отца поставил передо мной стакан с какой-то бесцветной жидкостью и резким неприятным запахом.

— Махом и запей, — подсказал он, и пояснил, после того как я выполнил — это чтоб мышцы быстрее нарастали.

— А вы меня не потравите, — с сомнением сказал я, — Отец тоже с утра чего-то дал.

— Не должно, — отмахнулся старик, — Он тебе с аптечки четверку вколол, она с моим средством не пересекается. Жуй давай, и пойдём в мастерскую.

Закончив завтракать мы опять разошлись с отцом в разные стороны. А ведь я собирался ему помогать, но за эти дни и виделся только несколько раз. Меньше даже чем дома. Но, думаю, в дальнейшем это поменяется.

Работа в мастерской была мне, в принципе, знакома. Сложно было отрешиться от того, что на этот раз я ковыряюсь не в очередной поделке на кружке, а в живом человеке. Пусть даже эта конечность и была механической. Дядя Яков разделся до пояса, уложил поврежденную руку на верстак и разобрал ее. Жуткое зрелище. Дальше он начал гонять меня между станками за деталями и инструментами и мне стало не до рассматривания. Ухватил только краем глаза крупную татуировку на правом плече с незнакомыми знаками различия. А чем еще может быть рисунок состоящий из полос и звездочек с датами и номерами. Правда я не слышал чтобы у нас была такая традиция. Ну да я много еще не знаю. И еще, мне показалось что это копия, он перенес эту татуировку с левой руки, потому что она была почти вся затянута синтетическим заменителем кожи, только на краешке, там где оставалась живая ткань просматривался край рисунка. Хотя летопись его бурной жизни просматривалась на всем торсе. Асимметричные мышцы, безволосые проплешины шрамов, рубцы. Создавалось впечатление что жизнь его конкретно глодала и только чудом он смог выпрыгнуть из пасти. Странно, почему он не стал это исправлять. Ну ладно избавляться от протеза, он уже объяснил почему не стал, но убрать шрамы не настолько уж и долго, если верить его же объяснениям.

А вот сейчас было почти обидно. Заставив меня вручную навивать искусственную мышцу он запустил станок и сделал такую же, но сделанную автоматом. Ее же и поставил на место перерубленной. И ведь похвалил даже, я сделал почти такую же, различия в двух знаках после запятой, он сам показал. Ну, умом то я понимаю что автоматика не ошибается, но все равно немного обидно. Зато похвала была приятна, да. Заслужил. Не зря столько моделей перебирал на кружке в школе.

Наконец работа была закончена. Дядя Яков с видимой радостью сжал кулак и двигал пальцами любуясь их движениями. Вот если бы он еще и кожу сразу натянул на место, мне было бы гораздо приятнее. А так, серая конечность и проблескивающими металлом шарнирами суставов и болтающийся от локтя лоскут кожи несколько портили впечатление.

— Ну вот, совсем другое дело, прям как старая, хорошо потрудились Максимка, спасибо тебе. Даже калибровка не требуется, идеально в шаблоны вписался. Молодец. Давай помогай, сейчас шкурку на место натянем и обедничать, а то Миха нас, чай, уже заждался.

Мы закончили работу, и пошли в столовую. Я успел забежать к Насте. Дверь она мне, конечно, не открыла, но вполне бодрым голосом (аж завидно) отрапортовала что с ней все в порядке, в норму еще не пришла и пробудет тут еще пару дней. Есть-пить не хочет и вообще у нее все есть, чтоб я шел куда собирался и не мешал ей спать. Почему-то это знание приятно легло на душу, видимо я все-таки о ней беспокоился.

К столовой я подошел одновременно с Подгорельским, избежав чувства неловкости что за мной кому-то нужно ухаживать, делая за меня то, с чем я могу справиться сам. Судя по всему папа опять поленился прийти обедать, поэтому его порцию захватили с собой.

Когда мы добрались до энергоцентрали он сидел в кресле, одной рукой водил какие-то параметры в программу управления, а в другой держал питательный батончик из сухпайка и одновременно обсуждая что-то со своим начальником на соседнем экране.

— Глянь-ка, почти как была, — весело приветствовал его Яков, свернув из пальцев фигу и шевеля большим пальцем. Затем он обратил внимание на экран и поздоровался, — Привет Игорь.

— И тебе здравствовать Яков Василич, — ответил тот, — так когда энергию подадите, разгильдяи?

— Если совсем туго, то к вечеру, если терпит, то через пару дней, но лучше дня через четыре, зато в полном объеме, — предложил отец.

— Ладно, сейчас прикинем-посчитаем, скажу. В целом терпит еще, — отозвался Игорь, — заканчивайте переоснащение пока.

Когда он отключился, я спросил: — Тебе удалось наладить связь?

— Вроде того, мы договорились использовать резервные линии в кабеле, по которому телеметрию с энергоцентрали получаем. Так что связь у нас есть, но пока только с диспетчерами, Игорь обещал нормально подключить нас в сеть через пару дней. Так что будут у нас и карта и нормальная информационная поддержка. Сможешь даже с друзьями созвониться, последние сплетни обсудить.

— Здорово. А то как мышь по лабиринту вслепую шарился. А когда примерно будет? — поинтересовался я.

— Я же говорю, через пару дней. Пока они сопряжение с нашими сетями сделают и с чертежей, что Сурин привез, нормальные карты выстроят. Так что с приключениями и прогулками под луной придется обождать, — он рассмеялся, — Тем паче, что твоя подружка от тебя прячется.

— И ничего она не прячется, — насупил я, — И она не моя подружка. Просто знакомая.

— Ну не буду спорить, — он хитро перемигнулся с Подгорельским, — Ладно, готовы к ударному труду на благо общества?

— Да заканчивай трепаться уже, — поддержал его Яков Василич, — Командуй, чего нести, зачем трясти, куда сваливать.

И мы занялись работой. Мне доверили укладывать новые кабели по коробам и их крепеж. Нудное и времезатратное дело. Зато отец с Подгорельским от этой работы освободились. Работали опять не нормативно, до позднего вечера, поужинали (опять кашей),

и спать.

Новое утро лишь немного отличалось от вчерашнего, в том смысле что выло, ныло и скрипело по прежнему, но обошлось без уколов. А папа, размяв мне спину, просто выдал тюбик, с наказом остальным заниматься самому. А когда я зашел в столовую, они как раз спорили.

— Да ничего ему не будет, только мясо нарастет, — Говорил дядя Яков.

— Блин, я не про это вообще, я спрашиваю, чего ты туда намешал, коновал сельский, чтоб хуже не было. Твои познания в медицине нормального человека в ужас приводят, я уже не говорю про поседевших от ужаса врачей.

— Да не кипятись ты, это стандартный коктейль «новобранец», вот никому с него хуже не было. Ну ни разу. В соревнования ему на полгода дорога закрыта будет, это да, а все остальное нормально будет. Безвредный он. Сейчас хапнет, кулешом сверху прихлопнет и жизнь прекрасна.

— Да я тебе про другое. Ты пичкаешь моего ребенка сомнительными медикаментами у меня за спиной, а мне про еду сказки сказывать начинаешь.

— А я тебе говорю, что лучше сытного кулеша ничего нет! На, как чуял что понадобится, — он протянул отцу записку, — Специально написал.

— Ты сдурел, старый?! — папа в диком раздражении практически кричит.

— А ты дальше первых трех строк прочитай. Не веришь мне — свяжись с медициной.

— Так, Максимка, эту бурду не пей, я сейчас, — и он выскочил за дверь.

— Дядь Яков, а чего это ты намешал, что его так... — я замялся подбирая слово.

— Анаболики, стероиды, немного направленных анальгетиков и протекторы. Самодельный состав для набора мышечной массы и скорости. Привет, так сказать из армейского прошлого. Правда и тебе придется вдобавок к этому на тренажерах всерьез повисеть, чтоб в сало не ушло. Как раз вечером и займемся, — пояснил он.

— А зачем? — задал я интересующий меня вопрос.

— Понимаешь, малой, не верю я что вся эта история закончилась. Сам посуди, до конца карантина нам отсюда ходу нет, а значит шахту придется разведывать и укреплять по настоящему. Так что дополнительные руки с оружием нам ой как пригодятся. Да и не думаю я, что к нам исследователи быстро доберутся. Значит полезем мы сами, дадут допуск и спишут в потери. А с этим твои шансы будут чуть выше. По реакции ты пока на первом месте будешь.

— Что-то ты какие-то ужасы рассказываешь, — усомнился я.

— Да ничуть. Подружка твоя точно на месте не усидит, видел я таких дурноголовых исследовательниц. Как отойдет от последствий вашей прогулки и до тушки доберется — труба дело, либо нас вынудит на разведку идти, либо, что скорее всего, сама ползет. А мы за ней.

— А не перегибаешь? Не совсем же она дурная.

— Вот и проверим. Но готовься, — он замолчал, задумавшись и будто вороша в памяти страницы прошлого.

— Мда, надо было ему сказать, нехорошо получилось. Хотя точно бы уперся и в случае чего были бы не готовы. Сделанного все равно не воротишь. Жуй давай, а то остынет все окончательно.

Я принялся завтракать, примерно на середине порции вернулся отец. Уже не таким бешеным, но все равно сердитым и взъерошенным. Плюхнулся за стол перед своей тарелкой,

грустно вздохнул и со странным выражением лица пододвинул мне стакан с коктейлем.

— Разобрался? — спросил Подгорельский. Отец кивнул и ответил: — Но ты мог мне и сказать. Не мутить за спиной.

— Прости старого дурака, — повiniлся Яков, — но ты никак бы не согласился с моими доводами. И потеряли бы время.

— Медицина дала добро, — обратился ко мне отец, — Но соревнования тебе закрыты минимум на год, любые, ну кроме шахмат разве что. Эта бурда поможет тебе набрать массу, мне еще выдали список тренировок на реакцию и ловкость. На вот, осваивайся, — он подошел ко мне и протянул список, — Прости что не уберег, — он положил руку мне на плечо и крепко сжал, заглядывая в глаза, — Сейчас поедим и свяжемся с городом, у нашего главы безопасников какое-то дело к всем нам.

На вызов глава безопасности Николай Степанович Савельев ответил практически сразу, посмотрел на нас, собравшихся перед экраном, поморщился и потер усталым жестом виски.

— С чего бы начать и как продолжить, чтоб это не было пафосной чепухой и голимым канцеляритом, — наконец сказал он, — Проблема в том, что мы не можем сейчас ни вас забрать с опасного объекта, ни прислать помощь или специалистов. Машины просто не дойдут. Мы с вами, ребята, но далеко. Как только пройдет буря все будет, и люди и техника. Мне надо чтобы вы продержались это время. Причем, судя про твоему, Миша, отчету, угроза из вскрытой шахты начала расползаться, и чем дольше вы там остаетесь тем хуже. К сожалению у нас нет никаких данных по пойманной вами зверушке. Да, Настя где?

— В регкапсуле, — ответил отец, — Сказала еще пару дней точно пролежит. Опасности для жизни нет, небольшие проблемы в мышцах и связках.

— В принципе даже хорошо что ее сейчас с вами нет. Эту информацию до нее лучше не доводить. В общем с ней обнаружили некоторые непонятки, сейчас мы это прорабатываем. Как только картина прояснится, мы вам сообщим. Девчонку беречь, но не жалеть, займите ее на исследованиях вашего трофея. Теоретически она может провести большой кусок исследований на доступном вам оборудовании, эти данные нам очень важны. Пусть развлекается со скальпелем и микроскопом, все свободное время. По возможности держите ее подальше от шахты. Но, подчеркну, но если она полезет сама — ваша задача поддержать ее в этом. Уберечь и вернуть, запирачь и иными способами препятствовать нельзя, — он обвел нас взглядом, — пока можете удерживать так и делайте. Если начнет ломиться — бронируетесь и идете с ней. Большого сказать пока не могу, сам не точно не уверен, но мы над этим работаем, — он замолчал, нахмурился и продолжил, откашлявшись, — Зыбко тут все, на одних почти предположениях работаем. Постарайтесь и сами уцелеть, и ее сберечь. Она очень ценна для нас всех.

— Ну хоть чем она такая дорогая сказать сможешь, секретоноситель ты наш, — обратился к нему Подгорельский.

— Ну например, она разработала само поддерживающуюся искусственную биосферу на своем астероиде в объеме в полкубикометра. Вывела несколько видов гибридных растений для пониженной гравитации. Создала новую теорию вмешательства в геном растений. Хватит или продолжить? — спросил он.

— А это что, еще не весь список, — крайне удивленно спросил отец.

— Нет, — покачал головой Савельев, — Но остальное поменьше размером. Прониклись?

— Мда, чуть более, чем полностью, — сказал Яков, — А чего же вы ее, такую башковитую в город не сманили или в какой институт не законопатили?

— Рады бы, да только не смогли, психологические травмы не пропустили. Она реабилитацию проходила в Рассветном. В привычных условиях, с минимумом общения и коллектива. А теперь вон как все обернулось. Тут пара академиков чуть ли не штурмовой шаттл сажать предлагают, лишь бы ее вытащить, всю связь мне оборвали, — он невесело усмехнулся.

— Задачу я вам поставил, перейдем к пинкам. С этого момента вы все считаетесь призванными на действительную военную службу. Да, даже Максим. В оружейке подберете

снаряжение и оружие. Старший — Подгорельский. Поздравляю, полковник, ты снова в строю.

— А вот хвост тебе за ухо, кончилось мое время, даже из запаса я уже по возрасту вышел, — отмахнулся с раздражением Яков, — отвоевал я свое, не заманите. И не заставляйте.

— Яков Василич, нету у нас времени торговаться и прочие антимонологии разводить, — в голосе Савельева зазвенел металл, — Нету у меня других вариантов. И у тебя тоже.

— Так точно, — с каким-то внутренним отчуждением ответил Подгорельский.

— Вот такие пироги с котятами, — подвел итог Николай Степанович, — Мог бы вас не трогать — был бы счастлив, но-но, — он развел руками, — Берегите себя. Все что сможете придумать как использовать — берите. Оружейка и наши склады в полном вашем доступе. Я или мои замы на связи, чего бы не случилось — дайте знать. На крайний вариант — действительно можем шаттл подогнать. Но надеюсь до этого не дойдет. Вопросы есть?

Мы с отцом вразнобой помотали головами, а Яков Василич ответил за всех, — Нет вопросов тарщполковник, приступаем к выполнению поставленной задачи.

Савельев кивнул нам и отключился. Мы сидели придавленные свалившимися новостями, а сердито пыхтящий Подгорельский экспрессивно выругался, — Да раскудрить его в дугу, чтоб чесалось за ногу аж по самую голову. Опять вытащили, нашли блин спасителя, едрена кочерыжка, чтоб вам икалось чаще, чем хвост заячий дрожит.

В целом речь была крайне прочувственной и цветистой, но особого смысла не несла. Отец некоторое время смотрел на разорявшегося Якова, пока наконец не выдержал и спросил: — Ну и чего ты так скандалишь?

— Да так, в общем-то для самоуспокоения и в ознаменование, блин, покусай их комары. Чего ухмыляешься, Макс, поздравляю. Теперь ты стал взрослым, с большим списком обязанностей и «вечным добровольцем». Для тебя закрылись десятки возможных путей в жизнь и появилась тоненькая тропка армейского спеца. Да, ваши мозгокруты не дадут тебе пожалеть о сделанных шагах, но с твоими планами на жизнь можешь попрощаться. Причем ты сам это сможешь осознать только когда сойдешь на берег. И скорее всего по совокупности травм. А до того — беги-спасай и разбирай завалы. Думать за тебя теперь другие будут.

— Василич, ты передергиваешь, — вклинился в этот поток красноречия отец.

— Да не в жизнь. Не капли не приукрашиваю. А ты для начала осознай разницу, Миша, твой сын не в теплой и уютной службе безопасности. А в числе тех, кто будет разгребать проблемы и конфликты по всему обитаемому космосу. Гонять пиратов и подавлять мятежи. Расселять закрытые этногруппы. И таскать мороженное мясо из корпусов разбитых кораблей. Это тебя туда не пошлют, ты уже специалист, а он — нет. И поверь, он будет от этого счастлив, «Никто, кроме нас», «Спасители человечества», «Мы грудью закроем», — он процитировал девизы различных подразделений, — а на деле, без постоянного влияния мозгокрутов и уснуть-то проблема. Вот что его ждет.

— Да что в этом плохого, — спросил я, не понимая почему от так ругается.

Он с грустью посмотрел на меня и внезапно успокоился, будто выдохнул и уменьшился в размерах.

— Память это и жизненный опыт. То небольшое чего дала мне армия и сколько отняла. И еще, ты теперь никогда не перестанешь быть армейцем. Кем бы ты не стал, какой жизненный путь не выбрал, ты всегда будешь военным. Писателем, электриком, водителем, врачом — ты навсегда закрепил этот значок перед профессией. И всегда будут находиться

люди для которых это будет признаком твоего скудоумия и ограниченности. Идиотов всегда хватало.

— Опять перегибаешь, — поморщился отец, — Ты же сам видел что это не так. Здесь не так. На этой планете, в нашей ветке миров.

— Да? Тогда объясни мне простой факт, почему вместо команды исследования они вернули мне статус действующего офицера и загнали вас в подчинение? Не историков, не специалистов по артефактам, и прочая-прочая? Первых попавшихся людей, замеченных на объекте. Только из-за того, что у меня в профиле стоит этот значок.

— Ну так больше некому. И специалистов пришлют, как только буря закончится.

— Ну, да. Пришлют следующую пачку добровольцев с активным статусом и горящими глазами.

— Яша, — отец встал и взял Василича за плечо, — Та война закончилась. Все успокоилось, больше не горят города и не падают корабли. Ты больше не там. Ты тут, с нами, среди друзей, ты дома.

— Ладно, — он взял себя в руки и успокоился, — Дай мне полчаса и начнем строить планы. Пойду пройдуь немного. А ты, малец, запомни мои слова. Может оно у вас и по другому будет, но не далеко уйдет. Люди всегда одинаковы.

Он вышел. Отец налил чая из термоса в кружки и одну протянул мне.

— Не этого я хотел для тебя, сын. Но увы, поменять уже не выйдет. Яков при всей его горячности говорил правду. С небольшими уточнениями. Ему «повезло» родится на одном из осколков, и до того как их миры включило в себя объединенное человечество, он успел повоевать. Люди сражались с людьми. Поэтому он так отреагировал.

— Нам говорили что войн больше нет, ну на истории.

— Так и есть, но как всегда, с оговорками. Мы не воюем, не за территории, не за ресурсы. Но каждый обнаруженный осколок продолжает эту ужасную традицию, — он замолчал, погрузившись в свои воспоминания. После паузы он продолжил:

— Для того чтобы умирали разумные, не обязательно вести войны. И кому-то приходится это останавливать. Приходить и разнимать дерущихся. Учить обходится без этого.

— Так он все-таки прав?

— И да, и нет. Ты сам выберешь кем станешь после всего этого, но некоторые варианты тебе будут ближе. Прости что не уберег тебя от этого.

— Ничего, пап, я все понимаю. У нас нет выбора, мы должны сохранить этот город и разгадать его загадки. А потом вернемся к маме и Ветке.

— Обязательно. Я горжусь тобой, сын.

Когда зашел Подгорельский, мы уже допили чай и рассматривали схему поселка, полученную по сети.

— Звиняйте братцы, чего-то на меня накатило, — повинился он.

— Держись давай, — отец крепко пожал ему руку, — Ты нам нужен.

— Так чего делать будем? — спросил Яков, наливая себе чая.

— Я так думаю, надо будет разорить склады у безопасников, может там переносные турели есть, охранные. Патроны поменять и крепеж усилить и пойдет, на организацию периметра хватит. Вечером займемся. А сейчас давай доделаем за чем пришли, энергия нужна городу до зарезу.

— А с исследованиями чего делать будем? — поинтересовался я.

— Пока отложим. Может они перестраховываются насчет твоей подружки.

— Она не моя подружка, — устало отмахнулся я, — Пока по крайней мере. Но вы очень убедительно нас сватаете.

— Ладно-ладно, — согласился отец, — Чего задумал? Не с проста же ты такой вопрос задал.

— Да так, тень мысли. На инженерных скафандрах экзоскелеты есть? Штатные я имею в виду, — продолжил развивать идею я.

— Конечно, — отозвался Яков.

— А если повесить внутрь скафа дополнительные гироскопы и камеры выйдет замечательный разведчик полного погружения.

— В принципе, да, — они переглянулись, — Но так никто не делает.

— Разумеется. Никто не будет заменять копеечные модули разведки дорогостоящими скафами, но мы-то как раз не ограничены. Даже наоборот.

Тут они оба задумались. Дядя Яков почесал затылок, а отец прикусил ноготь большого пальца. Выглядело это уморительно. Хоть картину пиши «Крушение стереотипов». Хотелось сделать фото и дразнить их потом, но это было бы слишком по-детски.

— Хм, а ведь и правда. Можно запараллелить оба скафандра, тогда и эффект будет полным, с обратной связью. Мы получим полностью безопасного для оператора разведчика, максимально приближенного к человеку по форме и реакциям, — озвучил результат своих размышлений отец.

— И возни с манипуляторами меньше, более широкий спектр оснащения и вооружения, — поддержал его Подгорельский, — Хорошая идея, малец. Одна проблема — связь, но «почти своими» руками воткнуть ретранслятор гораздо проще, чем культянками работа. Это ты хорошо задумал. Я предполагал что придется в шахту своими ногами идти, а ты выкрутился. Молодец.

— Так, шаромыжники, не спешите. А то уже готовы с шахты монстров пинками выносить и богатства в таверне пропивать, а у нас работа не доделана, — вмешался отец, притормаживая размечтавшихся, — Сначала дело. Василич, пойдем коробки управления поставим, а Маська пока за нами провода кинет.

И мы занялись работой. Вечером была еще одна приятная новость. Когда мы пришли ужинать на столе лежала записка «Еду сами разогреете. Приятного ужина. Настя.» На плите стояла кастрюля с супом, немного непривычным на вкус и цвет (фиолетовым, нет правда фиолетовым), вполне себе вкусным, а в сковородке рядом чесночные хлебцы. Еду смели со свистом, как не подрались только. А через полчаса за мной зашел дядя Яков и для меня началась самая длинная тренировка. Не, по времени она заняла не так много, но нагрузки. Он умудрился загонять меня так, что обратно просто принес на плече, как тряпку.

Утро началось с привычного уже ритуала сползания с кровати. Массаж, зарядка в попытке хоть немного разработать руки и ноги, душ и поход в столовую. Отец, уже разложивший по столу какие-то схемы и дядя Яков, привычно колдующий с кастрюлями. Все было как обычно. Я уронил голову на руки и нацелился немного подремать. Из дремоты меня вывел новый звук. В коридоре послышалось металлическое клацание. Размеренный звук удара металла о металл. Отец оторвался от своих схем и уставился на дверь. Дядя Яков быстрым движением вытащил откуда-то многоствольный пистолет навел его на дверь. Клацание приближалось. И тут в дверь немного пригнувшись вошла Настя.

— Доброе утро! Как суп был, понравился? А то цвет у него был какой-то подозрительный, а на вкус вполне ничего, — в своей привычной мне манере затараторила она.

— И тебе привет, — успел первым поприветствовать ее дядя Яков, — Ты мне потом рецепт набросай, буду наших монтажников стращать, чтоб неповадно было.

— Привет, — я поздоровался и подошел ближе, — Это что на тебе такое?

— А чего не так? она удивилась и попробовала осмотреть себя со всех сторон, со скрипом провернувшись.

Я внимательно осматривал ее монстра. Конструкция выглядела какой-то сильно непривычной и непонятной. Гнутый из труб каркас, на котором вместо привычных тяжелой искусственных мышц стояли пневматические цилиндры усилителей. Большой блок механики и управления был зацеплен как рюкзак сзади. Крупные клешни-манипуляторы были убраны в транспортное положение, зрительно увеличивая и без того объемный торс машины. Нет, она не выглядела несуразной или собранной из чего под руку попало, нет, определенная красота была, но. Но она была именно что не правильной. Не соответствующей целям своего производства и использования. Вот, точно, она не вписывалась в окружение, так наверное было проще всего описать чувство что на вызывала.

— Мда, первый раз вижу такую переделку пустотника, — протянул отец, — Это орбитальный экзоскелет монтажника. С их помощью ведется монтаж на орбитальных верфях, где роботы не проходят. По крайней мере внешне. Обычно они подключаются поверх скафандра снаружи и заменяют свои конечности. А тут у тебя какая-то хитрая переделка.

— Ну да, мне что-то такое говорили ваши спецы, когда осматривали. Еще говорили что таких маленьких не бывает, но вот же он. Он у меня из дома остался, с моего астероида, на память, — пояснила она с крайне довольным видом, будто сама его собирала.

— Забавная зверушка, — пробормотал Яков, почесывая затылок, — Нет, если он тебе нравится — пользуйся на здоровье, вот только я думаю надо за твоим идти. В этом монстре ты нам не помощник.

— А чего не так-то? — возмутилась она, — хороший экзоскелет, большие плюсы по усилению, хорошая мобильность, а тонкие операции я и руками делать могу, — она помахала ладошкой.

— Нет брони, шумный, негабаритный, без защиты атмосферы и так далее, — раскритиковал Яков, — Как резерв на трудные времена — отлично, но лучше все-же твой вернем. Подождешь пару дней?

— Да я и больше смогу, — отмахнулась Настя.

— Поставь задачу по откапыванию ее брони из-под завала в очередь, — обратился Подгорельский к отцу, — Ладно, жуем в темпе и за работу, а ты, краса наша и радость — на хозяйстве останешься, горенку приберешь, да обед сготовишь.

— А чего так сразу, раз девушка так сразу на хозяйство? — возмутилась Настя.

— А с того, что я уже называл. Не годится твоя броня в нашей работе. А за пределы жилой зоны вообще ни ногой, — пояснил Яков, — Тут зверушки любопытные бегают, броневой лист стандартного скафа вспарывают на ура, а ты вообще с голым пузиком. Симпатичным кстати, — с этими словами он попытался ткнуть ее пальцем в живот.

Настя вспыхнула вся целиком и инстинктивно попыталась прикрыться манипуляторами. Мощные лапы выдвинулись из транспортного положения и укрыли ее.

Себя впрочем она не задела, как меня и его. Что не прошло незамеченным для хитрого старика.

— Молодец, собой владеешь, и с броней хорошо управляешься, но все равно не возьму, потому как опасаясь за тебя, — пояснил он.

Настя успокоилась и убрала манипуляторы обратно, по сердитому пыхтенью было очевидно что она задумывает какой-нибудь остроумный ответ, но момент уже был упущен и она это понимала. Этот раунд остался за Яковом.

— А чего за зверушки, — подумав спросила она, — Тут никаких домашних животных не было. Откуда взялись?

— Судя по всему — из шахты пробрались. Только я тебе ее не отдам, потому как у тебя лаборатории нету, — сказал ей Яков измененным голосом, явно кого-то пародируя и подмигнув. Отец рассмеялся глядя на них, что-то такое вспоминалось, детское и забавное.

— А если найду? — с вызовом отпарировала Настя.

— Тогда да, но пока не увижу, не дам.

— А может и нету у тебя ничего? Кроме усов и баек? — усомнилась Настя.

— Как нету?! Вот ей-ей, так меня еще никто не оскорблял, — шутливо взъярился старик, эта перепалка доставляла ему неподдельное удовольствие, — Миша, хоть ты скажи сей недостойной дочери Евы что я никогда не лгу.

— Кашу помешай, внучатый племянник Иезекиля, а то пригорит совсем, — отшутился отец, — Зверушки есть, опасны даже для скафандров, плюсом к этому бьют током высокого напряжения. Постарайся без необходимости не шастать по базе. Лабораторию мы тебе здесь организуем, если сможешь внятно расписать чего для этого нужно. А то мы люди темные, нам по бумажке надо.

— Лабораторный комплекс был возле гидропонного участка, его даже не отключали еще. А вот переместить его не получится, — сразу ответила Настя, чуточку посерьезнев, — Оборудование крупногабаритное и сложное в установке. Лучше уж мы к нему сходим, тем более, что перебьете половину и реагенты выпьете, — не упустила она шанса запустить шпильку, — По глазам вижу.

— Да чтоб я, да какие-то непроверенные реагенты пил, да не в жизнь, — тут же отбил ее Подгорельский, — Исключительно натуральные продукты, чего сам намешаю то и пью. Да, кстати, — он поставил передо мной обычный стакан с его коктейлем, — Вот Максимка подтвердит.

Меня перекосило при воспоминании о вкусе этой мешанки. Настя заливисто рассмеялась, — Вижу-вижу, какой вкуснятиной ты его потчуеть. То-то он такой сморщенный сегодня.

— Зато на ощупь будет шелковистый, — отвертелся ее оппонент.

— Ну не знаю, не знаю, — она подошла ближе и принялась к стакану, — Фуу. Ну нет, я свою долю точно спрашивать не буду, — она зажала носик своими тонкими пальчиками, — Надеюсь готовишь еду ты точно лучше, чем коктейли.

— Да что бы ты понимала, женщина, в скупых мужских радостях, — тут же нашелся с ответом Яков, — Тебе поди и чай надо в фужере подавать, с оливкой и зонтиком.

Их веселую пикировку прервал отец, поставив перед ними по тарелке с кашей. Пока они спорили и болтали она успел разложить кашу и порезать свежий хлеб из хлебопечки.

— Да, старик, а хлеб тебе больше всего удался, — сказала Настя попробовав. — Сразу видно рука мастера.

— Даа? — протянул Яков, — Вот только я не помню чтоб его закладывал.

— Так и я про то же, — кивнула Настя, — Я с вечера программу выбрала. И управление заблокировала.

— Вот тараторка, — рассмеялся дядя Яков, — А еще упираешься, на хозяйстве оставаться не хочешь. А ты вон какая мастерица. Максимка, надо брать однако, а то уведут, — поддразнил он меня.

И как я на это должен был отреагировать, не понимаю. Буркнул, — Угу, — и тут обратил внимание на порозовевшие ушки Насти. Милое и забавное зрелище. Прямо потискать захотелось, так, как моя младшая сестренка своего плюшевого зайца.

Оставив Настю хлопотать по хозяйству мы отправились на энергоцентральный. Почему-то с моего последнего посещения этого места оно немного изменилось. Свободного пространства стало еще меньше, а неубранных по коробам кабелей — больше. Видимо последнюю мысль я произнес вслух, потому что отец как-то смущенно спрятал глаза.

— Ну, как ты спать упал мы еще немного поработали тут, прямо капельку, — смущенно протянул он, — Хочется закончить быстрее.

— Прямо капельку, — передразнил его я, — Пап, вы тут явно полную смену дополнительно проработали, ты сколько спал вообще за эти дни? Ты же на стимуляторах сейчас держишься, вы совсем с ума сошли, оба? — я переводил взгляд с одного на другого, — Спалите мозги себе, чего я с вами делать буду? Тут медицины нет, я вам даже помочь не смогу. Маньяки — трудоголики. А если вы с недосыпу напортачите чего?

— Да не кипятись ты так, — попробовал урезонить меня Подгорельский, — мы не на износ пашем, только вчера и вышли дополнительно. Еще пару дней в таком режиме можно держаться, а вот потом — только после нормального отдыха. Но до той поры мы точно закончим.

— Василич прав, Максимка, зато за два дня закончим. И то, на завтра только тесты останутся и проверки.

— Но зачем такая спешка, куда вы так торопитесь? — не унимался я.

— В общем, — отец переглянулся с Яковым, поиграл скулами и ответил, — Мы боимся не успеть, Максим. То, что вскрыли шахтеры продолжает расползаться. Вчера остановился вентилятор в шахте. Погорели обмотки, такое бывает при резкой остановке двигателя. Какое-то животное сунулось в вентилятор и поломало его. Хорошо если оно тоже поломалось, а если нет, то времени у нас остается все меньше. И знаешь, идея с десантным «кирпичом» уже перестает казаться такой уж бредовой.

— А простой поломкой это быть не может? — предположил я.

— С очень малой вероятностью, — заключил отец, — Шанс на это конечно есть, но лучше мы будем готовиться к худшему развитию событий, чем окажемся без штанов в плохом варианте.

— Тогда не будем терять время, — предложил я, основательно выбитый этими новостями из колеи, — Мое — как всегда коробка и провода.

— Да, — кивнул отец, — Будь добр.

— А по вентиляции оно не сможет добраться до Насти пока нас нет? — задал я пугающий меня вопрос.

— Да не бойся за подружку, у нас разные воздухозаборы, с шахтным больше ничего не пересекается, — ответил Яков, — Просто звоночек тревожный. Вот и торопимся.

Похоже они любой ценой решили настроить подачу энергии в город, не считаясь со

своими потерями. Нет, запроси они эвакуацию сейчас и бросив работу их бы никто не осудил, хороший специалист важнее дополнительного энергоузла. Тем более что можно построить такой узел в новом месте, были бы люди умеющие это делать. Но как всегда — раз специалисты решили что нужно сделать именно так — все соглашаются. Диктат компетенции, так сказать. И мы разошлись по своим участкам.

Как всегда, при активной работе вечер наступил достаточно быстро. Серьезных тем больше не касались, ограничившись только рабочими разговорами и шутками с подначками, имеющими место между занятыми людьми в процессе работы. Новости ждали нас на базе. Помывшись и переодевшись мы сидели в столовой и ждали когда Настя объявит о готовности ужина и начнет, наконец, раздавать пайки.

— Дядь Яков, — вспомнил я, — А что это у тебя за стреляло было такое, ну утром, с тремя стволами?

— Да так, сумасбродная поделка дикого загубления ресурсов. На посмотри, раз интересно стало, — он достал пистолет и разрядил, поочередно вынув длинные патроны из стволов, и пододвинул мне.

Оружие было очень тяжелым и странным. Стволы вращались на манер револьвера, никакой экстракции отстрелянных патронов, да что говорить, на нем даже прицельных приспособлений не было.

— И что это? — повертев в руках и осмотрев спросил я.

— Поделка-самоделка, под подводный патрон. Дальность с прицельностью никакая, зато проникающий урон большой, и без осколков. Это, стало быть, чтоб мяско не портить. В первый вечер собрал, как мне тот червяк руку испортил. На близком расстоянии я ейного родственника насквозь прошибу. Длинная стрелка подводного патрона это позволяет, а уменьшенная навеска пороха мне руку не вывернет, — пояснил он.

— И зачем такое было городить? — теперь пистолет переключал в руки отца, — Чего не взял что-то серийное.

— Так нету в нашей оружейке ничего с такими параметрами. Либо калибр небольшой, либо даст много осколков. А с тем, у чего калибр достаточен с одной рукой управляться не выйдет. Вот и пришлось изобретать, брать хорошее и портить под себя — ответил Подгорельский, — Теперь обе руки на месте, так что вечером схожу — поменяю на что-нибудь более подходящее.

— Так, руки мыть по новой, железяки со скатерти убрать, — распорядилась Настя, поднося кастрюлю и стопку тарелок. Тарелки она несла своими руками, а кастрюлю — в манипуляторах скафа.

— Побойся бога, девица, откуда же тут скатерть? — не ставил ее реплику без внимания Яков, — аль мои глаза меня подводят?

— Вон, видишь под кувшином лежит, — отмахнулась она половником на дальнюю сторону стола.

— Дык то ж салфетка, — продолжил пикировку Яков.

— Салфетка — это маленькое и бумажное, а это большое и тканевое — значит скатерть. Брысь руки мыть, — стояла на своем она.

— Ладно-ладно, — пошел на попятную старик, — Не сердчай хозяйюшка.

В этот раз суп был более традиционных цветов и подозрительно выглядевших в своем составе ингредиентов не имел. Было вкусно, а еще Настя подала пюре с поджаренными кусками мяса. Мы с отцом лопали мясо с треском за ушами, а вот дядя Яков с подозрением

поглядывал на Настю и вертел в руках косточку. Довольная Настя жмурилась и счастливо ухмылялась.

После еды Настя спросила: — Так, и когда мне можно будет чем полезным заняться? Лаборатория есть, где объект?

— А ты разве не из него обед сготовила? — подколот ее Подгорельский, — Чегой-то косточки в твоём мясе совсем подозрительные были.

— Да ты, да я... — Настя зашлась в возмущении, — Слов нет, какой негодяй, вот не буду больше готовить, будете сухпайками питаться. В сухомятку. И сахар с заваркой попрячу.

— Ну-ну, не горячись, все было очень вкусно, — попробовал ее утихомирить я, — Мне все понравилось.

— Спасибо, я старалась, — она улыбнулась мне и повернулась обратно, — Но ты, старик, ты теперь будешь есть с опаской. Я это запомню.

— Да не сердчай ты так, хозяйюшка. Все отдам, и до места доставлю. Но вопрос по мясу это не отменяет, — отступил Василич, — Уж больно кости странные. Всякого зверя ел, но такого — в первый раз.

— Это растение. Считай салатиком перебился, — мстительно сказала Настя, — Моя разработка, принятая и утвержденная к производству, но в активной продаже еще не встречается, не дошли еще до нужных кондиций.

— О как, а почему? — заинтересовался отец.

— Долгий период роста до начала плодоношения, — пояснила она, — Куст растет около года, а потом начинает формировать плодовые листья. А я свой кустик с собой привезла, ему года три, самый хороший период.

— А покажешь? — во мне разыграло любопытство.

— Будешь себя хорошо вести — покажу, — ответила она.

— Так, вернемся к теме лаборатории, — вмешался отец, — Ты уверена что там есть все необходимое?

— Большой частью, нет блока автохирурга, но я знаю где он стоит, его заменить собирались на другой, пока необходимости в нем не было, — ответила Настя, — Старый вывезли, а новый еще не поставили.

— Вот и хорошо, завтра с утра эти два архаровца в твоём распоряжении, съездите за твоим скафом и займетесь дооборудованием. А сейчас у нас с тобой заслуженный отдых, Максимка на тренажеры, а Василич за ним присмотрит. Тебе два часа хватит чтоб ребенка замаять хватит?

— Вполне, — кровожадно оскалился Подгорельский, — Пойдем мученик, на каторгу.

— Пока, Настя, спасибо за ужин, — попрощался я. Для меня этот день почти закончился. После тренировки я смогу только спать, значит больше никого не увижу.

Опять утро. Те же ноющие мышцы, та же комната. Те же лица в столовой. Отец выгладит чуть бледнее, но в целом бодр. На смуглом лице дяди Якова очередной недосып пока не заметен. Настя бодрa, весела и опять цапается с Подгорельским. Я как раз застал окончание их очередного спора.

— ... так что выбор за тобой!

— Ну нет, такую сварливую невестку в семью никто не возьмет, правду я говорю Миша? «Девице следует быть покорной и уважительной, с благоговением внимать словам родителей жениха», а ты нас полотенцем гоняешь. Бесстыдница, — тут же нашелся с ответом Яков, зацепив и нас.

— Если ты не заметил, старик, то скандалишь тут только ты, полотенцем я со стола протирала, а Михаил Андреевич за все утро только поздоровался, а ты уже нашел четырнадцать поводов для скандала.

— Значит от роли невесты уже не отпираешься? — перевел тему Яков.

— Не задуривай мне голову, а то я уже забыла за что тебе соль в чай положить собиралась. О, привет Максим. На завтрак оладьи, джем сам выбери в холодильнике. Меня тут за тебя замуж выдают, ты хоть в курсе? А то я уже почти согласилась, но вдруг ты против, неудобно будет, — Настя заметила меня и поприветствовала в том же ключе.

— Доброе утро, в курсе, и тоже почти согласился, но давай повременим с переездом, вдруг у меня обнаружатся куча подружек и вредных привычек. Вот до этого момента не было, но с этим товарищем надо держать ухо востро, — ответил я поддерживая ее игру.

— Не, ну так не интересно, взяли и согласились. А сопротивляться кто будет? — посетовал дядя Яков, — Где борьба против тирании и самодурства?

— Что, испортили они тебе всю игру? — подколот его отец, — Вот будешь знать, чем не стоит шутить.

— Ну и ладно, другой повод придумаю, раз это больше не работает, — отмахнулся Подгорельский и повернулся ко мне, — Садись лопай, я попробовал, недурственно, вроде еще жив.

— Чего у нас с планом работ на сегодня? — спросил я пододвигая к себе тарелку с горкой оладьев.

— За ночь мы закончили монтаж, мне остались тесты и встраивание каскада в городские сети. Много кнопок и говорильни. Так что вы занимаетесь по своему плану. Насколько я помню, вроде вчера намечали отправиться за Настиным скафандром и оборудовать ей лабораторию. Без меня только вскрытие не проводите, — ответил отец.

— Любопытство замучило? — спросил я.

— И это тоже, но в основном чтобы безобразий не нарушали. И про технику безопасности не забывали.

Одев скафандр я вышел из комнаты. Видимо я справился чуть быстрее чем остальные, потому что их пришлось ждать. За рулем электрокара сидела Настя в новой броне непривычной расцветки, а на платформе сидел дядя Яков на куче ящиков.

— Поздравляю с обновкой, — произнес я, — Может за твоей и не надо ехать?

— Ошибаешься. Этот тиран меня в чужую шкурку засунул. И без усилителей. Так что я и

ходить наверно не смогу, только рулить, — ворчливо отозвалась Настя, — Плюхайся давай и двинем уже.

Я устроился на платформе потеснив немного дядю Якова.

— Зато от тебя много пользы будет, при небольших неудобствах. Так что не мурзись, — пояснил Подгорельский.

— Ну да, буду сусликом торчать пока вы работать будете. Мог бы хотя бы модуль экзоскелета навесить, для усиления. Себе вон не поленился, — продолжала она, — чувствую себя чемоданом без ручки, и бросить жалко и нести не удобно.

— Во первых, типовой модуль есть только для усредненных скафов взрослых габаритов. Макс вон тоже без него шастает и ничего. Во вторых, на подгонку по твоим параметрам мы потратим часа четыре, а за это время возможно уже твой вытащим. В третьих, хорошо зафиксированная девица в уговорах меньше нуждается. Этот скаф нормально защищен, а рабочее место мы тебе дополнительно турельками обезопасим, — он хлопнул по одному из ящиков, — и еще, в твой домашний экзоскелет этот скаф не лезет, я сразу проверил.

— Принято, — отозвалась она, — Надоело в комнате сидеть, скучно.

— А как же вышивка и дамские романы? — тут же нашел повод для подколки Подгорельский.

— Нету. Ни того не другого. В лабораторию вы не пускаете, а у меня там несколько опытов идет, надо будет проверить. Хорошо хоть их можно оставить почти без присмотра, они по времени длительные.

— Ничего, заскочим на обратном пути, посмотришь, — примирительно отозвался Подгорельский, — Только отметь на карте куда тебе надо, а то с города только общую схему переходов выдрать удалось, чего там размещается — отдельная загадка.

— И как мы внутрь склада попадем, тот проход, к которому сейчас нас Настя везет, точно завалило, — спросил я.

— Я же говорю, схема есть, по месту определимся, тоже по техническим переходам пройдем. Сейчас у нас есть инструмент чтобы в нужные проходы пройти. В крайнем случае стенку рядом раскурочим. Нехорошо конечно, но допустимо, — отмахнулся он.

Некоторое время ехали молча, но потом я не утерпел и задал интересующий меня вопрос в приватном канале: — Дядь Яков, а зачем ты все время цепляешь Настю. Все эти подковырки и подколки?

— Все просто, — ответил он в общем канале, — Тебя я знаю большую часть твоей жизни. Как ты движешься, как среагируешь, чего от тебя ожидать. И Миху знаю давно. А вот тебя, мелкая, нет. Вот и стараюсь выявить эти, как их, опорные якоря личности. Что как и куда с тобой поступать. На передний край тебя, или к санитарам, или вообще глубоко в тыл и подушечками обложить.

Настя притормозила и с подозрением покосилась на нас, повернувшись всем телом и ядовито протянула: — Я все слышу. Чего это надумали мне кости перемывать?

— Ты рули, рули, хорош ротозейничать, — тут же отозвался Подгорельский, — До обеда нужно тебя переодеть, а мы еще до места не добрались. Так вот, на чем это я остановился? А, да, ты, мелкая, вызываешь у меня слишком много мыслей. И добрых среди них — меньшинство. Например, скажите мне, в какой стороне север?

Настя как-то странно дернула головой и показала рукой: — Там. Я же замешкался, вызывая на экран компас. Она угадала.

— Вот и ответ, — продолжил Яков., - чтобы научиться чувствовать стороны света

ориентируясь по силе Кориолиса нужно поколениями жить на кораблях с тяготением создаваемым вращением. Да и то, на планетах это чувство может сбоить. У тебя — нет. Еще пример, твоя пластика. Характер твоих движений выдает что ты очень долгое время жила при нулевой или близкой к ней гравитации. А характерных изменений в скелете — нет. «Психи» рекомендовали тебя постепенно встраивать в общество, поэтому ты сидела здесь, но в нашу, абсолютно незнакомую тебе команду ты влилась с легкостью. И особого смущения и прочего у тебя нет. Максимка вон краснеет щеками при шутках над ним про его подружек, а ты — нет. Что для подростка-девушки вообще не свойственно. Твой экзоскелет тебе мал, на пару сантиметров, ты выросла с тех пор как его не используешь, но контроль остался на прежнем уровне. А чтобы так им пользоваться, из него надо не вылезать годами. А ты растешь, значит и экзу надо менять регулярно. Есть у тебя ответы на эти вопросы?

Настя молчала, а я по новому смотрел на них. Вот так бывает, живешь себе и не знаешь что рядом с тобой ходят большие и страшные тайны. На секунду даже почувствовал себя килькой попавшей в драку акул.

— И еще. Не уверен что ты обращала внимание на такую детальку как пневмопоршень в приводе манипуляторов. Нет?

— Нет, а что с ними то не так? — замучено произнесла Настя, в голосе появился отголосок слёз.

— А то, что не смотря на сохранившуюся маркировку, это не та деталь. Нормальный привод с этой маркировкой должен быть на треть толще и длиннее. Может ребята и не заметили, но я думаю что просто промолчали, когда профилактику гоняли. И мне это не по душе. Когда вокруг одного человека появляется слишком много тайн, это вызывает много подозрений, что плохо сказывается на коллективе.

— Да не знаю я ничего, отстань, — она почти расплакалась.

— Ну-ну, не плачь, маленькая. Я не стал бы всего этого говорить, если бы не был в тебе уверен. Все хорошо, ты с нами и мы тебя приняли. Что бы не было в твоём прошлом, теперь ты наша, до кончика хвоста. Добро пожаловать в команду, — сказал он, — И остановись-ка вот тут.

Настя остановила, он встал и подошел ней. Обнял, чуть повернул ее шлем чтобы посмотреть ей в глаза и повторил: — Ты наша. И мы тебя не обидим.

Хлюпанье носа в канале связи усилилось, я тоже подошел и обнял ее. Может прикосновение она и не почувствует, но хоть увидит поддержку. И тут Василич выдал: — А как подрастешь, выдадим тебя замуж за Максимку. Пора мне уже внуков поняньчить.

Мы с Настей ошарашенно отпрыгнули от него. Он засмеялся, — Ну вот теперь нормальная реакция.

— Ну знаешь, — начала рассерженно Настя, но Василич ее перебил, — И свою кружку я теперь из внимания выпускать не буду, от соблазну тебе в нее чего мудреного сыпануть.

Я смотрел на них и никак не мог придумать чего делать, каким должен быть мой шаг по правильному. Но решил просто поддаться порыву. Я подшагнул и обнял Настю со спины, сам не понимая зачем я это делаю. Он широко ухмыльнулся и сделав пару шагов назад наклонил голову набок.

— Вот теперь все правильно. Нормальные обнимашки симпатичных друг другу подростков. И да, Максим, еще дразнить ее было очень забавно. Она так уморительно фыркает, как песчаный тушканчик с Селесты.

Настя фыркнула, я рассмеялся и крепче обнял ее.

— Ладно, едем. Нам еще много порядка наводить, за вами — бедокурами, — пробурчал он, подчеркнуто сердито. И мы продолжили путь. В голове теснилось великое множество мыслей, среди которых были, наверное, самые частые: «что это было» и «что же я чувствую к Насте». Я никак не мог понять что и главное зачем устроил Яков Василич. Чего такого он подозревал в этой хрупкой девушке, что так старательно доводил ее до слез, а потом сам же и успокаивал. И что делать дальше. Общаться по прежнему у меня с Настей наверное не получится. Девчонки, когда узнавали что я к ним не равнодушен начинали задирать нос и всячески капризничать, так что интерес пропадал. Хотя это было давно. Я хорошо научился скрывать свой интерес. А тут... И как теперь она будет себя вести со мной. А что я вообще ощущаю к ней. Интерес, любопытство, симпатию или что-то больше. А что она? Кто я для нее? Случайный знакомый. Первый встреченный ей человек равного или близкого ей возраста. А, будь что будет, я постарался выбросить все это из головы, вот вернемся домой и буду думать. Постоянные тренировки от Якова дали свои плоды, я успокоился и стал осматриваться по сторонам. Со стороны Подгорельского донесся довольный хмык, а его шлем качнулся, будто он кивнул каким-то своим мыслям.

Наконец мы добрались до нужного места. Ну как добрались, почти. Первый из подготовленных нами поездов так и занимал все свободное место на площадке перед дверями склада. Да и не разгруженный кусок второго все также скромно стоял под самой стеной. В тот день, когда мы довели наши поезда до ворот, решили побить длинную цепочку на куски, потому что с длинным хвостом точно бы все перевалили. Хотя и так напортачили.

— Так, бардачники, сидим ждем меня, я тут немного осмотрюсь. Максим, у тебя как со стрельбой? — задал вопрос дядя Яков.

— 76 на последнем зачете, — не без гордости ответил я. На самом деле результат мог быть и большим, если бы я пользовался привычным оружием. А тут на зачет выдали что-то импортное и непонятное. Не иначе как устроили проверку в проверке. Дорогой внешний вид, чеканка и всякое украшательство и совершенно не настроенные прицелы.

— Ну хоть что-то, — проворчал он, — На вот, осваивай.

И он протянул мне ружье. До этого я больше пользовался мелкокалиберными винтовками, а тут в отверстие ствола можно было палец сунуть. Дождавшись пока я более-менее разберусь где чего он подал пару магазинов и коробку с патронами.

— Общие правила помнишь? — дождавшись ответного кивка продолжил, — На меня, Настю и транспорт не направлять. Повредить, конечно, вряд ли выйдет, но удар дроби все равно неприятно. Ко всякой непонятной ерунде не лезть и без уверенности в нее не палить. Так с тобой все. Заряжай и обустраивайся. Теперь ты. Настя, я так понимаю стрелять тебе не доводилось и прочее из этого вытекающее.

— Даже рядом не стояла, — сказала она со странной интонацией.

— Это хорошо что не отпираешься. Смотри сюда. Это магазин от автоматической турели. Патроны вкладываются вот так. Поняла? — он несколько раз показал ей как это делается. Когда она уверенно набила магазин он отобрал его и разрядил.

— Отлично. Идем дальше. Вот три коробки, патроны из них в магазине должны чередоваться, то есть считай сверху, шумовой, дробь, стрелка. Так сказать сначала предупреждаем, потом намекаем, ну и в морду. Да. — он довольно ухмыльнулся, — Тебе это развлечение на все время что нас не будет.

— И много их надо? — с подозрением спросила Настя.

— Вся эта коробка, — он распахнул ящик. Вопреки моему ожиданию пустые магазины

не были разложены как полагается, а просто лежали кучей.

— Дядь Яков, а чего такой бардак? Я думал боеприпасы в образцовом порядке содержаться должны, — поинтересовался я.

— Ну вообще-то ты прав. Это я их так в кучу покидал. Эти «достойные люди», — произнес он явственно выделив голосом свое неодобрение, граничащее с гневом, — заложили на хранение турели с магазинным снабжением. Причем на складе не то что переходника на ленточное, там даже барабанных магазинов нет. Хоть бы дисковый магазин. Радуйтесь что хоть такие нашел, — он еще что-то совсем неразборчиво пробурчал, видимо ругался.

— Максимка, как со своим закончишь помоги Насте. Хотя бы десяток к моему приходу должен быть готов. Я сейчас места для турелей присмотрю и вернусь. Он подхватил свое ружье и скрылся за углом.

Я сразу же подошел к Насте. Она старательно набирала цепочки патронов смешно сморщившись. Разумеется я не мог оставить это без внимания: — И кто это у нас тут носик морщит?

— Я. И мне неприятно. Блин, на знаю как объяснить, будто берешь что-то неприятное, склизкое или испорченное. Мерзко. — отозвалась она. Я чуть в ступор не впал.

— Ты серьезно? — переспросил я еще раз чтобы убедиться.

— Целиком и полностью, — ответила она и ее передернуло.

— Так, стоп. Смотри на меня. И повторяй. Я сортирую пластиковые фигурки. Они смешные и плохо сделаны. Мне нужно их построить по порядку, — медленно проговорил я, а она повторила.

— Хмм, вроде легче стало. Ты меня гипнотизировать пытался? — сказала она через пару минут.

— Не совсем, просто запомни, ты сортируешь пластиковые фигурки, — я замялся, как сказать «а не патроны» не говоря этого слова. Удивительно, но я уже встречал похожую реакцию. Но там девушка не могла сделать выстрела. Могла заряжать, чистить и снаряжать, а выстрелить — никак. Вплоть до тошноты. Правда она с этим боролась изо всех сил. Она хотела стать геологом-практиком, а без умения обращаться с оружием в экспедицию не попадешь. Так вот, она делила все свои действия и подменяла им названия и суть. Оружие переставало так на нее действовать. Но вот с выстрелом у нее пока были проблемы. «Пацифизм в обостренной форме» обзывал это инструктор, но старался ей помочь.

— Давай так, ты строишь столбики рядами, а я делаю с ними прочее, — предложил я.

— Ты меня очень выручишь, — произнесла она с закушенной губой, — что ж так сложно-то «не думай о белой обезьяне».

— Попробуй думать о чем-то совсем другом, — предложил я, — например чего хочешь на ужин?

— Чего я хочу я уже в комбайн заложила. Так что об этом думать поздно. А завтра очередь подготовки меняется. Ты же не думал что всегда я буду заниматься?

— Ну как тебе сказать, — замялся я, — Я хорошо открываю сухпайки и еще варю яйца, но это с непредсказуемым результатом.

— Как это? — не поняла она, уставившись на меня своими бездонными глазами.

— Ну в том плане что повторимость результата не гарантируется. Короче, каждый раз по разному. И вроде все правильно делаю, и по таймеру. А вот... — я развел руками.

— «И чую я здесь запах лжи, тлетворный аромат обмана», — процитировала она, —

сдается мне что кое кто решил меня на кухню законопатить. С особым цинизмом. И то что я девушка вам такого права не дает.

— Ну может еще не моя очередь, — предположил я, — Может еще и обойдется.

— Так ты серьезно? — удивилась она.

— Целиком и полностью, — смущенно подтвердил я.

— Ты не умеешь готовить?! - она расхохоталась., - Да я была уверена что это все могут.

Вообще все. Да за эти полгода здесь они вроде и не повторились ни разу, ну ребята с которыми я жила тут. Что такое каша каждый день я только у вас увидела. И что, вы все такие? В смысле, старик только кашу готовит, а вы с отцом только консервы открывать способны?

— Отец умеет, — немного обиделся я, — Дома чаще мама готовит, она от этого удовольствие получает, вот я и не научился.

— Уф, — попыталась отдышаться она, — Нельзя так над людьми издеваться. Надо же, человеки неспособные себя накормить. Вынужденные грызть корочку посреди избытка вкуснятины.

— О чем это ты? — я вопросительно смотрел на нее, уж больно ее реакция была странной.

— И жевали они пустую кашу, так и не узнав о ломящихся закромах от продуктов. Вы в холодильники в столовке хоть раз заглядывали? Там же всего полно. Я прям не знаю, — она замахала руками в воздухе, показывая свое возмущение, — Там все что угодно можно было сделать. Ну сами не можете, в комбайн бы заложили. Разложить компоненты по ящикам и пару кнопок нажать. А они... — она явно выходила на второй круг веселья.

— Да чего ты, вполне вкусно было, — попробовал утихомирить ее я, — Отличная каша была, сытная, наваристая.

— Бедный, — она изобразила сочувствие всем телом, — Несчастный ребенок, не пробовавший по настоящему вкусной еды. Но я это исправлю... Э-э-э, в свою очередь, — она почти забыла с чего начала этот разговор, но исправилась. И теперь смотрела на меня будто это я ее подбивал на сомнительные эксперименты.

— Мне было вкусно. Можешь лучше — докажи. Кстати, фиолетовый суп был забавен, но требовал присутствия духа чтобы попробовать, — перенес я внимание со своей персоны, она забавно покраснела и потупилась.

— У всех бывают ошибки, о кстати, мы почти закончили — она тряхнула ящик из которого доставала коробки с патронами.

— И самые наблюдательные получают бампером по загривку, — сказал дядя Яков, шлепнув меня по шлему, — Ты, суслик, чего должен был делать? По сторонам смотреть. А он на свою красу ненаглядную пялился. Слопали бы вас если бы было кому.

— Осознал, больше не повторится, — произнес я, мучительно сгорая от стыда, я совершенно не заметил когда он вернулся.

— Надеюсь, — ответил Подгорельский, — Доставай детали с коробки, поясню как собирается.

Собрав первую турель, он снарядил ее набитыми магазинами и унес ставить. Я начал собирать следующую. Болтать с Настей больше не хотелось, ну точнее совсем наоборот, но подводить себя и ее еще раз? Нет. Лучше дома поговорим, за чашкой чая. Чай-то у меня всегда хорошо получается.

На этот раз я заметил когда он вернулся, буркнув что-то невразумительное он забрал

готовые турели и обратился к Насте: — Ну что, красавица, тебе придется немного поскучать пока мы к этой двери с другой стороны подойдем.

— Сильно долго не ходите, а то тут совсем скучно будет, — ответила она с интонациями светской львицы из старых фильмов, очевидно пряча беспокойство за очередной маской.

— Не, мы шустренько, Максимка, залезай на телегу, наведем немного порядок, — он уселся за руль уже разгруженного первого поезда и продолжил выдавать Насте инструкции, — как мы уедем переставь свой транспорт поближе к воротам, возможно потребуется твоя помощь. Да и ты поближе будешь.

— Хорошо, — согласилась она, — А мне точно с вами нельзя?

— Было бы можно — не отставили бы, — ответил Яков, — Постарайся не волноваться, мы быстро. Да и связь должна нас поймать.

И мы уехали. Отогнав поезд до ближайшего пустого коридора мы вернулись к неприметной двери в технический коридор. Подгорельский установил одну из турелей обозревать коридор, попутно пояснив мне, как это делать. Потом вскрыл кожух привода и что-то закоротил внутри. Дверь начала открываться и я дисциплинированно взял ее на прицел.

— Молодец, правильно выполнил. Для новичка и против животного, — сказал Яков, вроде и похвалил, а вроде и нет.

— А в чем ошибся? — решил переспросить я.

— Встал прямо напротив двери, животные от движущегося объекта отодвинутся ну и изменение в освещенности не дадут им сразу бросится. А против человека нужна совсем другая тактика, — пояснил он, — твоя позиция должна быть сбоку и в щель сразу нужно было сунуть разведку. Камеру или зеркало на худой конец.

Он прикрыл кожух и прошел в коридор, — Заходи, я за нами дверь закрою, — сказал он мне, удерживая в руках провод, видимо подключенный к приводу.

По уже знакомому коридору мы вышли обратно на склад. С моего последнего посещения этого места в зале ничего не поменялось.

— Мда, на косипорили вы тут, — протянул дядя Яков, — Устроили кошмар интенданта. Ну да разберемся.

— Тут не совсем мы, — попробовал оправдаться я, — Тельфер закоротило и повело в сторону, грузом штабель и уронило.

— Да это и так ясно было. Давай смотреть как исправлять будем. Где вас привалило?

— Вон там, — показал я лучом нарукавного фонаря.

— Ага, а тельфер? — он зашарил своим лучом по потолку, — Вижу. Ну полезли наверх посмотрим.

— Это вы там? — раздался обеспокоенный голос Насти в общем канале связи.

— Мы, у тебя все в порядке? — спросил я, обрадовавшись что она рядом.

— В полном. Даже заскучать толком не успела, — ответила она, — Изменений в обстановке нет.

Яков Василич уже забрался на поперечную рельсу тельфера и закопался во внутренности крана.

— Максим, движкам хана, сейчас я что мешается отверну и спущу вниз, примешь. Может починим когда. А пока буду руками вал крутить, благо сдвинуть надо не так уж и много. А ты пока обойди периметр, в подозрительных местах еще турели поставь, —

поставил он мне задачу.

С моего предыдущего обхода ничего равным счетом не изменилось, ни дверей новых, ни нор, ничего. На всякий случай я установил турель в направлении соседнего склада и вернулся. Открученный двигатель уже лежал на полу, а рама тельфера медленно отползала в сторону нужного контейнера. Сидящий на ней дядя Яков азартно накручивал какую-то шестеренку в редукторе.

Установив кран над контейнером он зацепил блок и спустил мне веревку с блоком.

— Цепляй его, за две точки. Концом веревки и крюком блока, попробуем поднять, — сказал он и полубопытствовал, — что такое полиспаг знаешь?

— Знаю. Грузоподъемное устройство из подвижных и неподвижных блоков позволяющее поднимать груз с кратно меньшим усилием, — ответил я как по учебнику.

— Правильно, а пользоваться умеешь? — не унимался он.

— Немного. Альпинизмом занимался в секции, — ответил я.

— Блин, что за образованная молодежь пошла, подопнуть не за что, — показал обиду в голосе он, и весело продолжил — ну раз знаешь, тогда я не буду спускаться, цепляй сам. Вот и проверим чему научился.

Я прикинул кратность получающегося механизма и сказал: — Не хватит. Тут почти полторы тонны без учета тары, я столько не вытяну даже с учетом блоков.

— И тут не поймался, — ответил хитрый старик, — а так хотелось посмотреть на твое пыhtение. На, лови еще один, — и он сбросил еще один блок с веревкой.

— Дядь Яков, а собирать в простой или комплексный?

— Как тебе удобнее, тут разницы уже не будет, — ответил он.

Пошкрябав по шлему в районе затылка я приступил к сборке. По моей прикидке получалось 12:1. Это все равно немного больше, чем я мог поднять. Когда я уже собрался сказать о полученном результате, сверху упала дополнительная веревка.

— Цепляй ее восходящему концу, как не крутись, а все равно выйдет больше чем тебе поднимать можно. А вдвоем управимся.

Видимо я чем-то себя выдал, потому что Подгорельский продолжил, — Да верю я, что ты можешь это сделать и один, но зачем перенапрягаться без лишней необходимости? На восходящем сделай «узел третьего» и за него зацепи.

Даже вдвоем поднимать такой груз было тяжело, очень медленно но контейнер начал подниматься на веревке. Когда под ним образовался достаточный просвет, я по команде дяди Якова привязал свой конец веревки к грузу, надежно его зафиксировал.

— Вот и славно! Сейчас отгону его в сторону я ты слезишь посмотришь, можно девичий сарафанчик достать или еще двигать придется? — сказал Подгорельский, шумно дыша в микрофон шлема.

Нагруженный тельфер шел совсем медленно, все-таки он должен приводится в движение источником более мощным, чем мускульная сила одного человека. Судя по движению губ на экране и полной тишине в канале, дядя Яков активно себе помогал в работе применением обценной лексики. Когда контейнер отодвинулся на достаточное расстояние, я спустился к Настиному скафу. Сейчас его можно было легко достать, что я и сделал с помощью рычага приподняв край контейнера, благо он давил не всем своим весом на ноги скафа. Вытянув его на соседний контейнер я вернулся к подвешенному грузу.

— Спускаем? — спросил я Подгорельского, — Тут достаточно места. Встанет как будто тут и должен был стоять.

— Сейчас, дай передохну маленько, — отозвался он.

— Вы мой скаф достали? — спросила Настя, — ремонта много требуется?

— Да, нет, — ответил я сразу на оба вопроса, — «Да», в смысле достали, и «Нет». ремонт вроде не требуется, только поставить на место радио и перезарядить батареи с расходниками. Вечером будешь форсить в своем костюмчике.

— Здорово, — обрадовалась она, — А вы долго еще? А то мне тут совсем одиноко и скучно. Вы тем же путем обратно пойдете?

— Да не трещи ты так, пичуга, сейчас посмотрим. Хотелось как приличным людям в ворота выйти, так что жди дальше. Пока даже не посмотрели чего у ворот творится, — ответил ей Яков и обратился ко мне, — Давай опускать.

Обратная подъему процедура заняла меньше времени, да и с разбором системы блоков управились быстрее. Хотя были и свои сложности, когда в блок чуть не затянуло узел с привязанным к нему вторым стропом. Всем хорош полиспаг, вот только длина хода веревки увеличивается пропорционально кратности. Но эту проблему решили через промежуточный подвес груза, так что выигрыш по скорости нивелировался.

Собрав блоки и веревки мы направились осматривать завал в воротах. Сейчас, имея на руках веревки и блоки, полоса препятствий закрывшая нам выход в первый раз казалась более проходимой, да и присутствие дяди Якова придавало дополнительных сил.

Заваленный проход осматривали долго, со всех возможных сторон и направлений. Результат порадовал и огорчил одновременно. Контейнеров было много и стояли они в расклин, но были они с верхних полок стеллажа. А значит что? Они пустые. Никто не ставит более тяжелые грузы наверх, во избежание перекоса. Да и пустую тару лучше брать поближе, это за полным стоит пройтись, поискать более подходящий по объему или содержимому. Не потащишь же со склада лист проката если нужна тебе маленькая шестеренка из него, а тут в соседнем ящике можно найти если не нужную, то обрезок из которого можно ее выпилить. Вот и появилась такая организация хранения. Ну это я опять отвлекся. — Эх вы, бракоделы, оптом вас и в розницу, — обозвал меня дядя Яков, — Если бы посмотрели путем, сами бы выбрались. Тут работы-то на полчаса. Пойдем тягать.

И действительно, завал вполне под силу оказалось разобрать даже без грузоподъемных механизмов. Но уж явно не в одиночку, тут он все-таки перегнул. Работа доставляла больше психологического дискомфорта чем физических неудобств. Сложно воспринимать контейнер в твой рост шириной и пару ростов длиной как что-то легкое. Оно конечно углепластик и прочие полимеры, но когда ты теряешься а его фоне, далеко не сразу доходит что он тебе по силам. Вдвоем мы достаточно быстро расчистили лаз в который вышли на свободное пространство перед складом. Настя уже вся извелась и постоянно приставала ко мне с вопросами типа: «Ну вы скоро?», «А когда?», «А что так долго?» что я просто дал ей доступ на мою камеру на шлеме и приглушил ее канал в половину, чтобы не слушать ее писки по разным поводам.

Выбравшись на свободу со склада и по трясинам добычей перед восторженной девушкой мы погрузились на платформу и двинулись домой. Ну не совсем домой, к месту нашего постоянного обитания. Когда делать стало нечего я задал вопрос над которым давно размышлял: — Дядь Яков, может все-таки объяснишь, зачем ты дразнил Настю. Не, в то что ты сказал я верю, но чувствуется в этом какое-то двойное дно.

— Хе, тогда рассказ будет долгим и сложным, — начал он издали, — Вот скажи, ты счастлив?

— Ну да, полностью, — согласился я быстрее чем подумал, череда картинок-воспоминаний пробежала перед моим внутренним взором, нет, ну были и грустные эпизоды, и несчастливые, но наверное я всегда мог назвать себя счастливым.

— А можешь ты назвать глубоко несчастного человека в своем окружении? Не в конкретную минуту, а вообще, чтобы постоянно был несчастен и жаловался об этом?

Я задумался. У всех бывали неудачи, малые и большие печали, потери, иной раз безвозвратные. Но рано или поздно каждый находил свое малое счастье, успокаивался и расцветал. Находил себя в каком-то занятии, менялся. Но все равно становился доволен.

— Пожалуй нет, не знаю, — ответил я после долгого раздумья.

— Вот в этом и причина. Но вот такой парадокс, не могут быть все счастливы одновременно. Интересы пересекаются естественным путем. Ты хочешь мороженку, и я, и она, — он кивнул на Настю, — А она одна. Как поступить? Вот тут и начинаются различия миров. Сколько ты сейчас знаешь планет занятых человечеством? — он опять резко поменял тему.

— Ну, — замялся я, — Больше двадцати наверное. Это если про системам считать, а планет не знаю, на каждой наверное кто-нибудь да есть, хоть маленькая научная станция.

— И на каждой свои условия, свой набор флоры и фауны, ресурсов и опасностей. И как объединять настолько разных существ в одно человечество? Как научить находить общий язык настолько раздробленные кучки людей. Над этими вопросами ломали головы все правители и государства, всегда, с обретения разума и пока этот разум нас не покинет. Тем более что люди сами стремятся в обособлению. Вот нет ничего более приятного, как войти в какой-то «закрытый клуб» по интересам. И отгородиться от остальных. Вот и идет непрерывный эксперимент один на всех и везде по-своему. А человечество должно быть едино и сплоченно, потому так дальше начинаются чужие звезды. Эта звезда — край нашей системы, дальше человечество добраться не могло ни при каких условиях. Край карты, так сказать. Мы рассеяны по огромной территории, и разделены не только пространством, но и условиями. Слышали небось поговорку «Бытие определяет сознание». А как объединяться если условия у всех разные. У нас год длиннее стандартного почти вдвое, на Слапагосе, как на Венере в системе Солнца, сутки превышают оборот вокруг светила. На Розалинде линия терминатора движется со скоростью неспешного пешехода, можно сутками закатом любоваться, только стул переставляй. Про астероидные города вообще молчу, там такой бардак что и не разберешь. А поскольку условия разные то и системы воспитания и обучения должны быть другими. Что может быть безопасно для одних, представляет опасность для других. А вот теперь придумай способ как всех объединить. По доброму и ненасильственно. Потому как насилие для обитателей разных планет тоже будет разным. Точнее грани и

способы применения этого насилия системой к человеку. Как строить системы взаимодействия? Фактически, мы давно перешли точку когда все можно автоматизировать, а гайки крутим вручную. И нужно это больше для воспитания, чем для распределения ресурсов. Мы можем все отдать на откуп технике, включая продолжение рода и обучение, но сможем ли мы остаться после этого людьми? И опять баланс, между принуждением к труду и удовольствием от результатов труда. Можно быть и лентяем, но тогда поймешь общественное порицание. Можешь заняться чем-либо художественным, но пока все не увидят результатов — ты лентяй. Эти ваши открытые профили тоже для этого нужны. Ты всегда знаешь что нельзя поступить неправильно и тебе будет стыдно. Воспитание в определенных программах. А, повторяюсь, условия везде разные. И при различиях в программах воспитания личности база должна быть одинакова. И при этом, каждый отдельный человек должен быть счастлив — значит все сделано правильно. Не взирая на возможные различия. Нужно чтобы каждый человек чувствовал себя частицей целого и не терял индивидуальности, чтобы частное не превалировало над общим. Чтобы этика и мораль могли выступать равным критерием оценки поступков, с учетом места и без него.

— По-моему ты отклоняешься, — предположил я.

— Ничуть, это так, предыстория. Так вот, объединять можно общими целями или угрозами. Вот только любимая страшилка прошлого про ксенов уже не должна быть использована. Потому что до них рукой подать. И заранее настраиваться на конфликт — глупо. Вот и пытаются наши правители вести всех к одной цели, кого добром и лаской, кого пинком и краской. Потому вас, молодежь, так и перемешивают, гоняют с планеты на планету, чтобы не заукливались общества, не начинали самоизолироваться. Чтобы своими головами вывели способ объединить кучу идей, методов и учений в одну системы воспитания, для всех планет в единое человечество. А пока все имеют свои особенности, эти особенности можно отловить и нужно учитывать. У тебя к примеру отсутствует понимание собственности. А у твоей подружки — границы ее «я» размазаны. Для нее и скаф, и транспорт, и ты, и большой кусок базы — это она. А вот я не вписываюсь, поэтому мы так много спорим. А вот вы наоборот сошлись в отношении, она считает тебя частью себя, а ты не видишь границ.

— Ты утрируешь, — подала голос Настя, — Нет ничего такого.

— Да ничуть, — он усмехнулся, — Вот только за собой замечать особенности крайне сложно. Мне это удается от того, что общаться я учился уже в разумном возрасте. Таких как я не воспитывали, нас растили, вооружали и расходовали. Уцелел — отлично, меньше расходов корпорации. Программа распакованная из чипа и вперед. Когда ваши меня в порядок привели мне много чему пришлось учиться. Очень многому. А наработанный опыт хоть и не во всех ситуациях помогает, но приучает думать. Хотя тысяча двести четырнадцать способов штурма укрепленной позиции противника не помогут тебе подарить цветы девушке, но вполне позволяют рассчитать маневры подхода и отхода, да и шансы прикинуть, — он усмехнулся и замолчал.

— Это все равно не ответ, — сказал я.

— Это необходимые пояснения. Так вот, чтобы понять кто перед тобой, можно долго жить рядом, смотреть за поступками, наблюдать реакции. А можно расшевелить, раздраконить и когда разум уснет, задавленный эмоциями, из твоих глаз выплывут твои демоны. Вот они никогда не врут. Знаете все эти сказочки про всепрощение, очередные шансы на исправление и прочую милоту? Так вот, люди не меняются. Можно научиться

жить в мире со своим внутренним зверем, но нельзя от него избавиться совсем, и стоит его разбудить, как ты станешь таким, какой есть. То основание, на котором выстроена твоя личность. Тот базис общества в котором ты жил. К чему ты готов и как будешь действовать. Приятного в этом мало, но ты никуда не денешься от самого себя. Каждый из нас несет в себе эти знания и своих демонов. А как и когда они вырвутся — не предугадаешь. Но их можно подсмотреть, угадать, и не трогать в дальнейшем. Вот для чего все это было. Теперь я могу понять общество из которого пришла она, так что больше этого не будет. Твой мир, Максимка, несмотря на внешний лоск и комфорт, не самое приятное место, и твоих демонов я бесить не буду, сожрут.

— Это не так, что-то ты совсем не так говоришь, — обескураженно произнес я, то что он говорил как-то в корне не соответствовало моим представлениям.

— Так. Просто ты живешь с этим всю жизнь. Возьмем например ваши игры, виртуалки, вы всегда боретесь против окружения. У вас нет персонифицированного противника. Вы приучаетесь просто убирать помехи на пути. А что или кто станет такой помехой — значения не имеет. Люди, роботы, животные, погодные условия — вы действуете с одинаковой методичностью и эмоциональностью. Отмахнулись, избавились и забыли. Да, но при этом против людей вы практически не воюете. Нет у вас этого в пропаганде. Наоборот, «Люди с людьми не воюют». Вот только упражнение на подавление огнем укрепленной точки подразумевает что на той стороне кто-то им управляет. А противопоставления человек-человек нет. Так что ты просто смахнешь меня с пути и пойдешь дальше. Даже не осознаешь этого.

— Вот такие вот пирожки с котятами, — пошутил он в своей манере после паузы, — Понятно почему мы ссоримся и ругаемся? Потому что мы слишком разные. Еще сколько-нибудь поскандалим, найдем точки соприкосновения и успокоимся. Настройки у нас всех такие, глобальные. Не бывает утопий, бывают комфортные антиутопии. И да, Настя, ты же собиралась в какую-то лабораторию заехать, забыла или на потом отложила?

— Точно, я совсем забыла, совсем ты меня заболтал вредный старик, — ответила Настя, — через два поворота направо до склада где блок автохирурга хранится.

— А за чем он тебе? У тебя же капсула есть? — не понял я и решил переспросить.

— Ты правда думаешь что я непонятный образец в свою кроватку положу? Или лично со скальпелем в его буторе колупаться буду? — спросила она меня. И тут до меня дошла вся глупость моего вопроса, действительно, заниматься с исследованиями нужно явно не в жилом блоке.

— Все. Понял, проникся, осознал, — скороговоркой пробормотал я смущенно.

— А о месте ты подумала? Как мы его потащим? Тут больше места нет, — вмешался Яков.

— Ерунда, — отмахнулась она, — Там погрузчик точно был, погрузите. Он небольшой совсем.

— Да как небольшой, — продолжал допытываться Подгорельский, — Все не меньше шести кубометров будет. Чтоб пациент целиком помещался.

— А, тогда понятно, — она рассмеялась, — Это вас слово «автохирург» в смущение вводит. Модуль лабораторного комплекса предназначенный для диссекции и аутопсии к хирургии отношение имеет крайне опосредованное. А за которым мы едем так и вообще маленький. У него рабочая камера всего в кубометр с небольшим, так что поместиться. А операционный модуль к биованне, которая и не биованна вовсе, называется совсем по

мудреному, я и то не помню, а вы его и совсем, иначе как изнутри не видели.

— Тогда ладно, — согласился Яков Василич, — Вот только собирать его как будем, я с медтехникой как-то и правда дела не имел, тут ты права.

— Не переживай, я знаю, — ответила Настя, — А конкретно этот модуль так и совсем. Его совсем недавно демонтировали, хотели вместо него большего размера ставить, новую модель. Так что я его обратно соберу и подключу. Если конечно вы его пока грузить будете пару раз не ударите.

— А вот сейчас обидно было, — высказался я.

— А что? Сам же дал твоими глазами наблюдать как вы к выходу пробирались. Вы же ни одного контейнера аккуратно не положили как по инструкции положено, — тут же нашла к чему прикопаться она.

— А где мы тебе свободную площадку найдем достаточного размера, чтобы сформировать новый штабель? Лучше бы похвалила своего парня за героические пируэты с грузом в тесноте и по груде ящиков. Скакал, как юный горный непарнокопытный, даже от потолка пару раз отталкивался. Сам видел, — встрял Подгорельский со своим комментарием.

— И ты туда же. И с тем же. И сам такой. — перечислял я, придумывая подходящий по звительности ответ, но как обычно ничего не придумывалось.

— А я ему добавки десерта положу в обед, — придумала Настя, — Из твоей доли возьму, чтобы не обижал «моего» парня. Раз уж ты так настаиваешь.

— Это смотря чего на десерт, — усомнился Яков, — мало ли чего у тебя на этот раз не получилось. Может это и есть-то нельзя.

— Да нет, все правильно должно быть, — задумалась она, — В крайнем случае помадкой побольше залью. И вообще, старик, — продолжила она с напором, — Ты уже убедился, что я готовлю лучше тебя просто несравнимо, а ты вместо того чтобы поклоняться и благодарить вечно какие-то подковырки измысливаешь. И слова у тебя какие-то прилипчивые. Фу.

— Так, и где нам искать этот модуль? — за разговором мы добрались до какого-то нового склада-пузыря. Как она вообще ориентируется в этих переплетениях?

— Сейчас покажу, — она дернулась слезть с сиденья, но только чуть сместилась, — Ну вот. И как же тогда, — ее голос задрожал, — Вы же без меня точно не найдете.

— Не осилишь? — спросил я.

— Да, — смущенно, ответила она, — Не выходит. Без скафа смогла бы, но еще и его тащить не могу. Слишком тяжелый. А кое-кто, бедной девушке экзоскелет пожадничал поставить и подключить.

— Тогда эту «бедную девушку» пришлось бы вечно за хвост ловить. И почему нельзя я тебе говорил, — ответил ей дядя Яков, — Сейчас оборону выставлю и подхвачу тебя, сходим поищем. А Макс в это время будет нас охранять, как это он и должен был делать все это время.

— Я это и делал, — ответил я.

— Да ну? — усомнился Подгорельский.

— Здесь два коридора и закрытая дверь. По одному мы приехали, следовательно он чист, а во втором я проверил пространство до поворота. Сам же видел, — спокойно ответил я.

— И где по твоему мнению может таиться угроза? — спросил Подгорельский.

— Ну, — я завертел головой, — тут ее нет.

— Есть. Справа от проводов короб лежит. Тут он опасности не представляет, но все равно обращай на такие предметы внимание, мало ли что, — поправил меня дядя Яков, и, подойдя к Насте, повернулся к ней спиной и скомандовал: — Полезай, красавица.

Когда она обняла его за шею, а он подхватил ее под коленки, меня будто что-то кольнуло. Странное чувство, будто отобрали что-то нужное, но небольшое.

— Показывай дорогу, — сказал Подгорельский, — а ты не забывай все обшаривать. На меня сейчас надежды мало, не брошу же я ее. Нет, брошу конечно, но все равно среагирую с задержкой, вот и сделай так чтобы не пришлось этого делать, чай ценность несущ.

— О чем это ты, старик? — с подозрением спросила Настя.

— А тебе что, не видно как от твоего ненаглядного Максика искры ревности летят?

— Вот и поменялись бы, — ехидно предложила она, — мне привычнее на нем ездить.

— Да я бы с радостью, вот только кое-кто лишних килограммов наел с пару пудов, — подколот он ее, — И это без учета скафа.

— Ах так, вот и таскай их теперь, — она подумала и сменила тему, — А нам нужен четвертый проход по левую руку, секция «Е16», его туда отвозили.

— Настя, а зачем его вообще на склад убрали? — поинтересовался я.

— Просто опыты с образцами такого объема закончились, а мелочь и в микротоме подготовить можно. Мы же не просто так его убрали, собирались модель большего размера ставить, с запасом мощности, а успели только старый разобрать и на склад увезти.

— А чего тогда мы за маленьким едем? Поставили бы большой как вы и собирались, — спросил я, так просто чтобы отвлечься от непонятных переживаний.

— А как мы его искать будем и кто собирать будет? Эту модель я знаю, а любую другую, даже если найдем — нет. Мне обычно микротом хватало для нормальной работы, я больше по растениям работала, — пояснила Настя, — вот этот ящик забираем, и вот этот. И через два стеллажа коробку с предметными стеклами и красителями.

— И как мы это заберем? — засомневался я, коробки были не слишком большие, но тяжелые. И как пристроиться нести ящики, Настю и расходные материалы, и при этом контролировать округу на предмет угрозы.

— Тут колесики есть, — хихикнула она, — положите меня сверху на кучу, а я буду подгребать ее под себя и кричать «Мое!».

В целом оно так и получилось, забрав с другой полки несколько коробок Яков сгрузил Настю на упаковку с автохирургом и покатил ее к выходу. И даже погрузилась она нормально. Но вот место осталось одно.

— Отвезете и вернетесь за мной? — предложил я.

— Разделяться нельзя, на запятках ездить нельзя, дополнительного транспорта нет, — размышляла вслух Настя, — Кого-то ждет пробежка.

— Нормальное сопровождение транспорта, не егози, — поправил ее Яков, — Поехали потихоньку, по скорости ориентируйся на нас, чтобы совсем уж не отрываться, но и не совсем прогулочным шагом.

Так мы и двинулись. Сначала шагом, но постепенно все быстрее и быстрее. Неожиданно бежалось совсем легко, даже дыхание не особо сбилось. Вот что чудодейственные тренировки делают с человеком. Похоже последнюю мысль я произнес вслух, потому что синхронные смешки были от обоих сопровождающих? Напарников? Товарищей? Членов группы? И как нас называть, на подразделение мы не тянем. Над этой дилеммой я про

размышлял почти всю дорогу до базы. Да и вообще странно, раньше я не заговаривался так, вслух произнося свои мысли, может этот коктейль на меня так влияет?

Совершенно неожиданно для себя я остался без дела и компании. Отец доделывал что-то на энергоблоке. Дядя Яков забрал Настин скаф в ремонт и скрылся с ним в мастерской. Настя высвободилась от скафандра в своей комнате. До обеда еще оставалось время и мне нечем было его занять. Странное ощущение будто отстал от гонки. Вот все с азартом и веселыми криками неслись к далекой цели, а тут раз, и ты стоишь один на обочине, и в какую сторону бежать не знаешь. Почесав загривок я сходил за планшетом и устроился в столовой. Раз есть время — стоит использовать его по возможности продуктивно.

Рассказ 4

Что же, моя задача тут выполнена, эльфийка освобождена из многовекового плена, а артефакт добыт и упрятан в седельную сумку. Можно возвращаться домой. В моей рубаше она смотрится мило, но в таком виде лучше бегать по комнатам дома, а никак не на природе. Да и с обувью проблема. Ну допустим я могу отдать ей свои сменные штаны и безрукавку от камзола, хотя она в них утонет, а сам остаться в броне. Но чего делать с ногами? Сапоги-то у меня одни. Вроде можно сделать какое-то подобие обуви из гибкой коры, но как? Я этого никогда не видел. А, не боги горшки обжигают. Там и надо-то только подошву сделать. А подходящее дерево я видел неподалеку. Пойду займусь.

Да что же за беда-то такая с ней. Стоило отойти, как она увязалась за мной и ошпарилась. Вот вроде не было в той траве никакой жгучки, а ее ноги выглядят как [моя] спина одного моего друга, когда он за девками в деревне подсматривал за купанием и попался. Лежит теперь у костра хнычет. Я специально пару раз прошел, каждую травинку потрогал, ничего такого не нашел. Пособираю целебной травы, растер, помазал, должно помочь. Опять зовет.

Когда подошел, она одним пальцем в ноги тычет и мне дощечку сует, с надписью: «это должно так работать? Я теперь вообще ничего не чувствую». Отнес ее до ручья, помог смыть. Сидит сохнет, на солнышко жмурится. Запретил отлучаться с вытоптанной полянки вообще. Похоже это будет долгое путешествие.

Всего два часа мучений, помощь эльфийки и две неказистые коробки для ног готовы. Как я не крутился у меня ничего не выходило, пока она не влезла и не начала пальчиком показывать куда полоску загибать. А когда я спросил умеет ли она сама это делать, написала: «тебе пространственного мышления не хватает». Всего у меня хватает, и пространства и мышления. А кора для нее «щиплется». Но на портянку ничего, не жалуется. Ну, в смысле на само ее наличие, да и через ткань раздражать ее ножки перестало. Чего это на нее все так сильно действует?

Уже вечер, мы сидим, смотрим в огонь и думаем. Это был длинный день, наполненный бестолковой суетой и беготней. Эльфийка лежит на пузе у костра с очередным компрессом. Этот она сама накладывала, попросила меня сделать и в пещеру сбегала, намазалась. Я конечно подозреваю чего и как произошло, но не буду смущать ее еще больше. Скорее всего завтра выдвинемся в обратный путь. Чертовски не хватает разговорной речи, с восковой дощечкой не набегаешься. Да и перекося в языковой практике у меня дает о себе знать. Это читаю я достаточно быстро, а вот пишу — медленно и с ошибками. Зато у Стеллы ее родной язык — заслушаешься, щебечет, мурлычет, будто пичугу какую диковинную слушаешь, а спросил что сказала — покраснела и написала «ругалась». Забавная она.

Непонятно только что делать с ее чувствительностью. Траву потрогала — обожглась, коня потрогала — тоже досталось. Это она про это случай и ругалась. Написала что ее какая-то «тока» стукнула. Я потом всего коня осмотрел, никакой токи не нашел, не копытом же он ее. Она этого не перенесет, тоненькая больно. Только к вечеру понял, это она так искры обозвала, которыми он со шкуры мелкую мошкарку стряхивает. Дернет мышцами, а по шкуре искры пробегают. Может через плотную попону ее не достанет. Жаль я ничего с этим сделать не могу, никакой защитной магии не знаю. Она на младенца походит, они тоже поначалу не могут себя защитить, вот и делают им всякие обереги с амулетами. А когда

подростут — необходимость в них отпадает. Сами значит себя защищать учатся.

Я конечно подозревал, что на лошади она ездить совсем не обучена, но чтобы настолько? Когда вечером встали на стоянку ее на руках пришлось спускать с седла и измучена она была так, словно это она, а не я весь путь пешком бежала. Что поделать в походном седле только один человек поместиться может, для второго места не остается. Да и то, стерла все что можно. Опять лежит песни поет, ругается. Красивый у нее все-таки язык.

Если так дело пойдет к концу путешествия я в целители смогу пойти. Натренируюсь на ней. Даже моих куцых способностей в исцелении хватает чтобы ее в относительный порядок привести. А говорили еще что у таких как я, все способности внутрь себя нацелены, ну так усиление и упрочнение своего организма. Наружу почти ничего не идет, как не старайся, а на нее действует. Наверное это из-за ее чувствительности. Так я могу только мелкую царапинку заживить, да и то семь потов сойдет. А с ней прямо себя целителем древности себя чувствую, провел рукой и здоровая кожа, ни потертостей, ни раздражения.

Вот только отлавливать ее приходится постоянно, она же как пчела какая к каждому цветочку тянется. Вроде и понимает когда говорю что нельзя. Вот опять. Ветерок запах сон-травы принес, сразу зашуршала, головой завертела. Беда с ней.

— Чего ваяешь, — спросил Яков устраиваясь напротив меня за столом, — Настолько увлекся что ничего вокруг не замечаешь? Расслабляться тоже надо в меру, у нас тут осада почти.

— Так тут безопасная зона, сам же говорил — отмахнулся я.

— Доверяй но проверяй. Так чем ты таким занят? — продолжил допытываться он.

— Поначалу это было школьным сочинением, а после того как все вокруг приложили к нему свои руки даже не знаю чего выходит. Вроде и я пишу, но советы в дело идут, так что из заданных рамок оно уже выпирает во все стороны, — ответил я.

— О как, — заинтересованно протянул он, — Может и со мной поделишься?

— Тоже советы давать будешь? — прищурился я в ответ на его слова.

— Если будет чего сказать и не побрезгуешь послушать.

— Обязательно послушаю, — уверил его я, все рано дальнейшая мысль провисла и на ее обдумывание нужно было потратить немного времени. Я протянул ему планшет, — Все тут.

— Посмотрим-посмотрим, как раз успеешь чай построить пока все соберутся, — тут же он нашел мне задание, наверное чтобы не мешался и не пялился в него вопросительно.

Когда чайник уже вскипел, а я подготовил заварку дверь с грохотом распахнулась и на пороге появилась рассыпающая искры Настя. Вот как можно с таким шумом распахнуть сдвигающуюся вбок дверь с доводчиками?

— Ты зачем мне броню испортил, старик? Для очередного твоего эксперимента? — взорвалась она потоком обвинений.

— О чем ты? — недоумевающе возрился на нее Подгорельский.

— Зачем ты мои настройки сбросил? Которые по физическим размерам? Она теперь везде жмет, еле втиснулась, — продолжала ругаться Настя.

— Подожди, какие настройки, где? — удивленно допытывался Яков.

— Рост, объем конечностей, и в груди еще, — она немного порозовела. Не так как минуту назад от гнева.

— Да ничего я не менял, у меня даже времени на это не было. Я только батареи заменил и радио в шлем обратно поставил. Даже аптечку и картриджи с питанием не стал трогать. На потом отставил, — ответил он, — вот чем хочешь поклянусь. Да и твой шкаф подстраивать только на стенде. У тебя гелевая подкладка. Это не простые модели, как у нас. Это их можно быстро поменять. Но я точно ничего не менял.

— А чего тогда он мне внезапно стал мал?

— Не имею ни малейшего понятия, но точно могу сказать что ничего не менял в настройках, — продолжал отпираться он, — обещаю тебе заняться подгонкой сразу после обеда. Так тебя устроит?

— Вполне. Но все равно не понимаю зачем тебе это было нужно, — продолжала Настя.

— Да не трогал я их. Я же тебе человеческим языком говорю, подгонка только на стенде, и без тебя внутри этого не сделать — гель неправильно подложку сформирует, он по телу обтекает. Если это без тебя делать — он просто валиками собирается, в него вообще не влезешь.

— Допустим я тебе поверила, — с сомнением протянула она, — Но что тогда могло поменяться? Вот сомневаюсь что я так подросла в некоторых местах за эти пару дней.

Усохнуть он тоже не мог. Тогда что?

— Что за шум опять? Не надоело вам цапаться? — спросил отец, заходя в столовую.

— Не поверишь, меня обвиняют в том что я не делал, — ответил ему Яков, — И самое обидное, я тут действительно не причем.

— А ты чего скажешь? — повернулся он к Насте.

— Он мне скафандр занес после ремонта, а он мал. Я думаю с настройками что-то сделал, из вредности или для очередного своего эксперимента, — ответила она.

— Настя, я тебе очередной раз повторю, в этой модели все настройки возможны только на стенде. Он вручную почти не подстраивается, — опять повторил Яков.

— А, уже почти не подстраивается, — с победой в голосе произнесла она, — еще немного и сознаешься зачем ты это сделал.

— Да не делал я ничего. Технически можно ключами подстроить длину рук и ног, но гелевые прокладки — на стенде. Вот скажи мне подкладка ногу облегает нормально? Без валиков?

Она прислушалась к себе и подвигалась.

— Вроде да, кроме того что жмет немного, — ответила Настя.

— Вот об этом я тебе и говорю. Может ты просто отвыкла от него? — сделал предположение Подгорельский.

— Наверное нет, — она задумалась и с уверенностью сказала, — точно нет. Он именно стал мал.

— И где больше всего? — спросил он.

— В груди, — она чуть порозовела, — глубокий вдох совсем не сделать. Сдавливает.

— Дотерпишь или сходить за ключами? — переспросил он.

— Подождет. Так это точно не ты? Но тогда что произошло? — задумчиво протянула она.

— Обещаю тебе с этим разобраться, обязательно. После обеда, — уверил Яков и поинтересовался, — Так чем ты нас покормишь?

— Суп с зеленью и обжаренный кальмар. И вообще, когда смена дежурства? А то все я готовлю, — ответила она.

— А тебя это не устраивает? — спросил ее отец и после ее энергичного жеста отрицания ответил, — Тогда вечером я буду. Маську до готовки допускать нельзя.

— Что, настолько все плохо? — с любопытством спросила Настя.

— Вот не надо грязных инсинуаций в мой адрес, — высказался я.

— Салаты ты прилично режешь, если продукты выдавать по списку, — продолжал отец, — А то я еще помню как ты тот острый суп с пряниками с начинкой из варенья лопал, с мороженым вприкуску.

Не желая ввязываться в полемику я уткнулся в тарелку. Было вкусно. Они еще сколько-то перешучивались, но вскоре тарелки были убраны а на столе занял свое место чай.

— Так что, ты закончил с энергетикой? — спросил у отца Яков.

— Да, вечером окончательно передам контроль на Игоря, пусть теперь у него голова болит. И с завтрашнего утра я полностью свободен, — ответил Михаил.

— Тогда сейчас перекалибруем скаф Насте и отправимся на сборку привезенного в лабораторию модуля. Максим с нами, чтобы мы не подрались, — внес свое предложение Яков.

— Отлично, а я поспрашиваю, может нормальные карты доделали. Или где модули для

переделки скафандров искать, может кто из уехавших вспомнит. Может у кого схемы есть или программы на такие модели как у нас тут нашлись. Или у Савельева какая еще информация появилась. Покопаюсь в сети в общем, может чего еще полезного найду. Связь с внешним миром у нас пока только там есть, — сказал отец.

На этом и порешили. До мастерской Настя нахально проехала на мне, аргументировав тем что ей скафандр не совсем подходит и вообще она моя девушка если послушать некоторых. «Некоторый» тут же состроил соответствующее выражение лица и начал фальшиво насвистывать какую-то мелодию. Отец только усмехался. А поскольку до мастерской было лишь чуть дальше чем до стоянки транспорта, Настя счастливо доехала на мне. По прибытию дядя Яков загнал Настю в роботизированный стенд, который начал с жужжанием подключаться к техническим портам ее скафандра.

— Дядь Яков, а почему с Настиним скафом столько сложностей? Мой вот столько подстройки не требовал, на воротах тогда одел, он подстроился и все, никаких проблем и прочего, — спросил я, а Настя насторожила ушки.

— Так у нее пилотский скаф. У него почти вся начинка другая. Мощнее и дороже, чем в наших. Усиления экзоскелета встроены, гелевые амортизирующие подкладки, система противодействия перегрузкам, усиленная аптечка и прочее. Я тоже сперва думал что обычный, тем более что все стандартизировано, клапаны и карманы на тех же местах. А когда начал батареи менять и рацию, тобой выдранную, на место ставить, разобрался, — ответил он и обратился к Насте, — Готова?

Она кивнула. Он набрал команду на пульте и настройка началась.

По подключенным трубкам из недр скафа побежал гель из которого после очистки сформируются новые прокладки. Подсвеченный специальными лампочками он напоминал кровь, хоть и был ярко синего цвета. Картина была скорее биологического вида, чем технического, словно присутствуешь при операции. Затем черед пришел приводов подстройки, небольшие двигатели начали вращать подстроечные шпильки, подгоняя размер конечностей под пользователя. Они последовательно вращались то в одну сторону, то обратно, с уменьшающимся шагом, пока не подберут оптимальное положение.

— Дядь Яков, это об этой подстройке ты говорил? — спросил я.

— Да. Теоретически эту подстройку я мог бы сделать просто покрутив шпильки ключами. Беда в том, что внутренняя подкладка не поменяется, и если ее сжать или подтянуть она перестанет соответствовать внутреннему содержимому, — пояснил он.

— А зачем вообще такие сложности? У меня же такого нет, хотя усилители экзоскелетные можно и на мой поставить, — задал я интересующий меня вопрос.

— Тут разница очень во многом, в том числе чисто технологическая, — начал объяснять он. У тебя, меня и большинства скафы простенькие. Заточенные на работу в атмосфере и в основном применяются с целью защиты от окружающей среды. Им подобные навороты не нужны. Подстройка прокладок выполняется пневматикой, заодно и температуру держит чуть лучше. Помнишь как твой отец «с улицы» зашел? На неподвижных частях слой льда, а он считай не за пару минут от ворот добрался.

— Помню. А что в этом скафе совсем другая начинка? — спросил я.

— Да почти полностью. Это скафандр пилота. А у них задачи другие. В атмосфере тепло он похуже держит, в вакууме-то нет теплоносителя, пусть даже он такой слабый как воздух. Гелевые прокладки обеспечивают защиту от падений давления крови при перегрузках, когда под действием ускорения кровь от мозга собирается в ногах или

наоборот. А в особо сложных случаях и на стационарном посту может вообще перевести на снабжение перенасыщенной кислородом жидкостью. То есть сначала утопит тебя, а потом обратно вытащит. Отсюда и более сложная аптечка. И усилители нужны именно для того, чтобы под перегрузкой можно было руками-ногами шевелить.

— А чего я этого не увидел когда к ее скафу подключался, ну тогда, сразу после того как ее завалило? — задал я очередной вопрос.

— Так ты в глубокие настройки не лез. Открыл записи о техническом состоянии и жизнеобеспечении и успокоился, — предположил он.

— Наверное так и есть, — поразмыслив, я подтвердил его предположения.

— Эй, а про меня все забыли? — раздался возмущенный крик от Насти.

— Забудешь про тебя, как же, — тут же отозвался Яков, — Все у тебя нормально идет, сейчас гель обратно заливать начнет, готовься.

— Брр, опять облапает всю, — перекосила она мордашку.

— Что так неприятно? — спросил у нее я, — Как выяснилось, я в такую модель не видел никогда, не то чтобы пользоваться.

— Ну как тебе сказать, — она задумалась, — Представь что тебя начинает сплющивать сразу со всех сторон, неудобно, неприятно и везде. Потом заставляют двигаться и эти валики расходятся как надо, но первые моменты — отвратительны. А иногда система ошибается и геля слишком много, тогда он собирается в комок в любом месте где есть слабина. Чаще всего — в подмышках, между ягодиц, в пояснице, в паху. Ощущения сам понимаешь какие. Зато если все отработало как надо- скаф вообще не ощущается. Вот и приходится терпеть.

Как раз в этот момент и началась эта стадия подстройки, трубки заново наполнились подсвеченным гелем, а Настя сморщилась. От скафандра отошли манипуляторы управляющие подстройкой и освободили ей место. Она осталась как котенок подвешена за шкурку и начала разрабатывать конечности, сгибая руки и ноги, сворачиваясь клубочком и выкручиваясь по всякому. Наконец и эта процедура закончилась. С негромким пшиком расстегнулся замок, удерживающий ее в подвешенном состоянии и она подошла к нам. Странно, но мне показалось что она стала чуточку выше, но люди же не растут так быстро за пару дней.

— Нормально, нигде ничего не мешает? — обратился к ней Подгорельский.

— Не, все отлично, даже лучше чем было, — отозвалась она, и не преминула подколоть, — Можешь ведь работать хорошо, если под неусыпным контролем.

— Вот ведь язва, — он расхохотался, — Ну что, братцы-кролики, пойдём лабораторию осваивать. Вот и посмотрим на тебя в естественной, так сказать, среде обитания.

— Идем, — подтвердила она и прижалась ко мне, заглядывая в глаза, — «Мой господин»?

Меня аж жаром одело, а она звонко рассмеявшись ускакала вперед.

— Эк она тебя, — со смехом протянул Яков, — Бес, а не девчонка. Надо брать!

Взяв себя в руки я молча двинулся за ними, подходящие слова так и не удалось подобрать, просто не помещались они в голове, заполненной этими огромными доверчивыми глазами. Вот опять, запнулся на ровном месте, я остановился и потряс головой, чтобы хоть как-то разогнать эту муть. «Страшная штука гормоны. Еще страшней тот, кто ими управляет», вспомнил я изречение из какой-то прочитанной книжки. Тогда это было не понятно, но теперь осознал в полной мере. Да уж.

Добравшись до жилой зоны мы обнаружили что отец тоже закончил с работой и возился с кухней. Как мне показалось, он был чем-то сильно загружен. Потому что задумчиво перекладывал посуду с места на место по столу, будто выстраивая ей какую-то схему.

— Да поставь ты ее уже на место, сколько можно ей елозить, — сказал дядя Яков, проходя в дверь, — Сам ведь знаешь, от перестановки тарелок по столу добавки не появится.

— О, вы тоже освободились? — сказал отец, выныривая из своих размышлений.

— Да, и теперь готовы вкусно поесть и сладко подремать, — ответила ему Настя.

— Добро, — отозвался он, — Я теперь временно безработный, так что можете мной располагать. Каскад запущен и на контроле у города. Чем займемся?

— Соберем автодок и посмотрим наконец на вашу зверюшку, — в тон ему ответила Настя, — А то разговоров много было, а потрогать не дали. Даже не показали, жадины.

— А ведь точно, — протянул отец, — Мы про записи скафов забыли. Они же должны были снимать все что мы делаем, а раз была стрельба, то эти записи с солидным куском до и после должны быть сохранены дополнительно. А я и забыл совсем.

— Мы. У меня тоже из головы вылетело. Отвык, понимаешь, от того что каждый шаг пишется, — повiniлся Подгорельский, — Сейчас посмотрю.

— Он углубился в настройки скафа, а на размещенном на стене экране пошло видео.

Вот они подходят к повороту, Подгорельский осматривается и что-то ударяет его в руку. Отец стреляет. Короткий разговор, граната. И они осматривают животное. На вид это была гусеница. Толстая такая и не длинная. Но с тонким и длинным языком-копьем, как у хамелеона. Вот только не липким как у него, а снабженным острым шипом на конце. Острие, кстати, от удара в броню почти не пострадало.

Отвлечшись от видео я посмотрел на Настю. Ее глаза светились каким-то диким любопытством и предвкушением, аж пальцы подергивались в нетерпении, будто она сама в него этими руками ползет. Это немного пугало.

— И вы это скрывали, — возмущенно начала она.

— Не скрывали, — ответил отец, — Элементарно забыли. На тот момент у нас были более важные дела. Например, поиск неких потеряшек, одним из которых был мой сын. Да и потом были более важные дела. Про запись вообще не вспоминали. Обычную работу никто не пишет на видео, просто незачем.

— Так. Та-ак, — протянула она, — Сейчас быстренько жуем и идем в лабораторию. Это надо смотреть инструментально. Оно слишком необычный для эндемика. Тут какой-то секрет. Вкусный секрет, — она облизнулась при этих словах, — Я его хочу.

Она метнулась за стойку к плите. С какой-то лихорадочной скоростью накрывая на стол.

— Охолони, красавица, — притормозил ее Яков, — Не пугай окружающих. Доктор Моро, блин горелый. Спешка нужна при ловле мелких насекомых паразитов. Сейчас мы не спеша и обстоятельно покушаем. Спокойно пойдем в лабораторию и соберем этот твой стол для вивисекции. А Миша с Максимом, тоже не спеша, отключат и привезут холодильник со зверушкой. И только потом, ты медленно и вдумчиво начнешь ее потрошить.

— А вот это вот «медленно, не спеша и обстоятельно» можно делать чуть быстрее? — спросила она насупившись.

— Можно. Но для начала тебе все равно стоит успокоиться. У нас полно времени до окончания карантина на нас с Мишей и до того как придет замена. Так что не будем пороть горячку, — подчеркнуто спокойно произнес дядя Яков.

— И правда, Настя, торопиться нет смысла, у нас достаточно времени для нормальных исследований. В дальнейших планах перекрыть имеющиеся проходы в подземелье и эвакуировать тела наших. По возможности проведем зачистку шахт от «зверушек», которые могли проникнуть туда из подземелья, — пояснил отец.

— А этим когда займемся? — тут уже я не утерпел.

— Чем именно? — переспросил отец, якобы не поняв о чем я.

— Зачисткой и перекрытием, как ты сказал- пояснил я.

— Скафами начнем заниматься пока Настя потрошит нам трофей. А полезем не раньше чем получим от нее практический набор информации. Не какое-нибудь заковыристое название на латыни и его место в классификации видов этой планеты, а нормальные тактико-технические характеристики. Где может прятаться, ядовито или нет, как далеко плюется, чем и как его можно отпугнуть или хоть обнаружить. Степень опасности для человека, как его самого так и сопутствующих ему организмов. Не знаю слышал ли ты историю про махаонов с Орхидеи.

— Что-то вспоминается, — я пошевелил в воздухе пальцами, словно хотел поймать воспоминание за хвост, — Но ничего толкового.

— Не мудрено, ты этим никогда не интересовался. Так вот, Орхидея — мир-цветник, с кучей жизненных форм самой разнообразной расцветки. И иным наборов даже не белков — аминокислот. То есть, ни мы их, ни они нас не едят. Практически безопасный мир. Но есть одно но. На одной из станций люди начали слепнуть. Разобрались достаточно быстро, и даже вылечили пострадавших. Так вот, слепоту вызывала мелкая водоросль, споры которой переносят на крылышках тамошние бабочки. Нет, на самом деле они не бабочки и вообще не насекомые, чисто по внешнему виду назвали. И ведь эта самая водоросль даже не паразитировала на людях. Нет, ее просто устроили условия. И она начала активно размножаться на поверхности глазных яблок. А что? Вода есть, свет тоже. Углекислый газ и пылинки всякие тоже есть. Чего бы не пожить? А то что свет через пленку водорослей не проходит — побочный эффект. Так тоже бывает. И пока наша «наука» добро не даст — в шахту никто не полезет, — отрезал отец. А дядя Яков подтвердил его слова кивком.

Дальше все жевали молча, видимо обдумывали эту историю и дальнейшие планы. И даже быстрее всех закончившая с обедом Настя, хоть и подпрыгивала на стуле в нетерпении, делала это молча. Пыхтение не в счет. Задумчивую тишину оборвал Подгорельский, убрав посуду за собой в мойку со словами: — «Ну пойдём, егоза!». Настю как ветром сдуло. На бегу она успела запихнуть свою посуду в мойку, что-то сделать с модулем автоповара, помахать всем ручкой и скрыться за дверью. Мне даже показалась, что на отдельных участках своего пути она вообще размазывалась в ленту от скорости. Дядя Яков только крикнул.

— Вот ведь егоза! — усмехнулся отец, с каким-то странным выражением на лице.

— Вот только не повторяй за эти старым сводником «Надо брать!», — взмолился я.

— Хм, — протянул он, — знаешь у меня есть к тебе некий сложный разговор, который я не знаю с чего начать, — он замолчал собираясь с мыслями. Он помялся, подумал еще и рубанул в лоб:

— Есть некоторая, далекая от нулевой, вероятность что она — не человек.

— В каком смысле, — недоуменно захлопал глазами я. — Вместо ответа отец вывел на экран запись, вроде как со шлема.

— «Включил запись? Хорошо, это чтобы не повторяться и тебе было над чем подумать, — сказал с экрана Савельев. Он протяжно выдохнул себе под нос, сосредотачиваясь и продолжил: — Понимаешь, Миша, этот клубок непоняток еще только начинает наматываться. Та, первая, дальняя разведка, которая и сняла Настю с ее астероида, была сильно ограничена по времени, их расписание штука достаточно жесткая, запасы топлива и рабочего тела для двигателей ориентации плохо растягиваются. Так что они по быстрому осмотрели астероид, сняли с него Настю и двинули в обратный путь. Исследовать то, что она там выстроила должна была другая команда. Вчера от них пришел отчет. Целиком я его тебе отправлять не буду, он тебе не особо нужен, но пару моментов стоит знать.

В одной из кладовок в поврежденных сегментах обнаружили кладбище. Несколько десятков тел с характерными повреждениями от ударного торможения и разгерметизации. Как-бы в ее версию это укладывается. Вот только несколько верхних тел таких повреждений не несут, это раз, а второе — это ее тела. Ген анализ говорит о их полной идентичности с ее геномом.

— Как такое возможно? — спрашивает закадровый голос отца.

— Вот и мы не знаем. Нет разумных идей, ни у исследователей, ни у аналитиков, все предлагаемые теории колеблются от «дурь полная», до «бред откровенный». Сам понимаешь, сама по себе биологическая платформа только в потенциале может дать разум. Даже если тело можно скопировать, содержимое черепной коробки надо развивать, учить, воспитывать. Иначе на выходе получаем зверушку по форме напоминающую человека. А ты, я думаю, уже оценил что это не так. Могли ли быть другие уцелевшие — непонятно. Характер повреждений на обнаруженных телах однозначно говорит — нет. Но кто-то же проделал все эти операции. Как то: заякоривание обломка секции, восстановление гидропоники. Да даже тела собрать и сложить в одном месте кто-то должен был.

Второй вопрос, кто мог ее обучать и воспитывать? В ее рассказах упоминается «Дядя Ратмир», но следов присутствия кого-либо еще ни первая команда, ни вторая, не обнаружила. Но мы имеем перед глазами явный результат — полноценно сформированную личность. С широким кругозором, большим словарным запасом и огромным потенциалом развития. Миша, мы все понимаем что так не бывает. «Маугли» — это сказка даже большая чем «колобок». Если принять теорию что это было вмешательство чужих, то откуда она может знать язык, применять идиоматические выражения, да даже просто писать без ошибок. И при этом, ни крио-оборудования, ни систем пригодных для клонирования человека на астероиде нет. Но если верить результатам сканирования от нашей медицины — она практически человек, незначительные отличия укладываются и в статистическую погрешность дрейфа фенотипа, и в общие правила развития изменений для систем пониженной гравитации.

Ребята, мы правда не можем понять кто рядом с вами. И что с этим делать. Поэтому очень прошу, не спускайте с нее глаз. Фиксируйте все что с ней связано, чего бы она не творила. Даже если принять в работу самую дикую теорию, что она «первая ласточка» от

чужих, она должна быть на нашей стороне.

— Николай Степанович, ты точно меня не разыгрываешь? — переспросил отец.

— Да какой тут розыгрыш, едрить его в кочерыжку! Сам уже весь отдел замордовал, они уже вздрагивают когда я из кабинета выхожу, а ничего толкового сказать не могут. Лепечут невнятно и руками разводят, — рыкнул полковник, — Да понимаю я как это выглядит со стороны. Вот только это не шутки и не розыгрыш.

— И чего вы нам предлагаете? — спрашивает отец.

— Наблюдайте, оберегайте. Да бес знает что делаете. Только не пристрелите. Она уже дала нашей науке не хилого такого пинка, а сколько еще разных тайн может прятаться в ее голове и прочем буторе. Да за одну только технологию, как из размазанного содержимого черепушки по всему отсеку собрать информацию, ей на каждой планете по памятнику в полный рост поставят. И за технологию записи этой информации обратно, второй, побольше. А уж за полноценный и равноправный контакт с иными, тут вообще предположить трудно.

— Знаешь, Степаныч, ну вот все рано не верится в эту байку. Я-то ее каждый день вижу. Нормальная девчонка-подросток, с Максом дружит, с Василичем лается, что дым коромыслом, обед готовит. Тонковата немного, ну да «были бы кости, мясо нарастет», — заступает за нее отец.

— Ты думаешь мне легче? — отвечает Савельев, — Одни мямлю жуют, другие отчетов требуют, и никто ничего не понимает. Если это тайная разведка — как она своим сообщит чего узнала? Если они просто так ее восстановили то почему не высадили на планету, без всей этой мутотени с астероидом и прочем. Ну или тормознули бы разведку и отдали, в коробочке с ленточкой. Если судить по ней, они неплохо должны знать нас.

— Ну и на кой леший ты мне все это рассказал? Ты же понимаешь что в свете открывшихся данных мое к ней отношение не может не измениться?

— Лучше будет, если хоть кто-то на базе будет это знать. А зная тебя — не сильно-то что и изменится. Ты из своих железок голову только «на пожрать» вытаскивал. Зато теперь будешь за всеми присматривать. Яков чай опять в свои «качельки» игрался? Эмоционально раскачивал и пытался разобраться в новобранце? Психолог, блин, доморощенный. При всей топорности его работы, прогнозы в основном близки к истине. Черт, насколько было бы проще работать будь вы тут. Может правда шатлом вас забрать?

— А смысл? Грубо говоря, тут вероятный ущерб минимизирован, правильно Василич говорит, «по блестяшке на грудь и в потери». Мы к исследованию той штуки только сейчас приступить сможем, через пару-тройку часов, как Настя аппаратуру соберет и подключит. Так что до той поры нас все равно по домам везти нельзя. Да и местность вокруг выхлопом движков пропарите, до полной не съедобности. Так что нет, пока откажемся. Но, знаешь, такую вероятность я теперь начисто исключать не буду.

— Да уж, вляпались вы там, как в приключенческом рассказе. То ли завидовать, то ли радоваться что на своих местах сидим, — Савельев провел рукой по лицу, словно смахивая неприятные эмоции, — Мне даже не то что инструкций дать вам нету, а и на совет дурацкий не набирается. Классика, едрить ее в кочерыжку — «действуйте по обстановке», покусай ее пчела.

— Шахту-то почистить — обезопасить можно, а то тут один из вентиляторов встал.

— Когда? — Савельев подобрался, — Почему я об этом не знаю?

— Пара дней, связи не было, а потом не до того было, — отмахнулся отец.

— Ты мне уши не три, должны были сразу сообщить, — продолжал напирать полковник.

— Ситуация под контролем, нечего тут звездами сверкать. Появилась идея как это сделать без того чтобы самим лезть. Надо будет только мастерские немного подзагрузить заказом и кой какие чертежи достать. Сделаешь?

— Так я тебе в прошлый раз сказал, все что есть на базе — все в вашем распоряжении. Хоть дворец с павлинами себе постройте. Каждый.

— Понял тебя. Будем думать думать, да карантин мотать». Запись закончилась.

— Ну и какие у тебя мысли по этому поводу, — спросил отец, пристально всматриваясь в меня. Я же в ответ хлопал глазами и пытался собрать мысли в кучу.

— Выходит Настя не человек? — начал я с самого острого вопроса.

— Знаешь, раньше был шуточный афоризм «если оно выгладит как утка, и крякает как утка — я склонен считать что это утка», — ответил отец, — Вот только правду мы вряд ли узнаем. Она выгладит как человек, ведет себя как человек, аппаратура медблока считает её человеком, она плачет и смеется, так что да, я думаю что она человек. Да и ты думаешь так же.

— А может даже более человечный человек, чем мы, — и я рассказал про ее обостренный пацифизм во время снаряжения оборонных турелей.

— Тут не знаю, потрошить животинку она вон с какими блестящими глазами ускакала, — парировал отец, — Погоня за знаниями не всегда чистая, хоть ты анатомический атлас возьми. Знаешь ведь откуда у него ноги растут.

— Знаю, вопросы этичности во время медицинских исследований неоднократно поднимают в школьных заданиях, — ответил я, поморщившись от не самых приятных воспоминаний. Педагоги иногда устраивали не самые приятные тренинги, не слишком приятно узнавать про свою темную сторону, и особенно, узнавать ее глубину.

— Что еще ты мог бы о ней рассказать, из нас ты с ней больше всего общался, — прервав вынужденную паузу отец начал допытываться.

— Да в сущности ничего особенного, смешливая девчонка, упорная, целеустремленная, умная. Может чуточку более эмоциональная, чем мои одноклассницы, — я попробовал сложить все воспоминания и как-то структурировать их, — Начитанная. По крайней мере, те книги что я упоминал она читала, или знает о их содержании и основных цитатах. Вроде больше и добавить нечего.

— Хорошо, а теперь ответь мне на один вопрос, — отец как-то хитро, по особому посмотрел на меня, — Твоя подруга — человек?

— Да, — вырвалось у меня, — И она не моя подруга!

— Так и запишем, — он ухмыльнулся, — С гражданским статусом пока повременим. И еще, твое мнение, стоит показать эту запись Якову и Насте?

Я задумался. С одной стороны, информация должна быть открыта и свободна, но с другой... С другой стороны, как может усилиться паранойя дяди Якова подкрепленная этой записью, я предсказать не могу. А они вроде только-только пришли к примирению. Да и саму Настю такая ее история может серьезно подкосить. Особенно то, что она не первая попытка. Жутко наверное узнать про себя такое, как понять и принять, что ты не просто результат эксперимента, а случайно получившийся удачный экземпляр. Не знаю, как бы я чувствовал себя на ее месте.

— Знаешь, пап, пожалуй нет, сейчас точно не стоит. Они только-только начали успокаиваться. Нас, людей я имею в виду, здесь слишком мало, чтобы вводить такой разлад в команду. Но как только это станет возможным, обязательно покажи, — попробовал я обобщить результаты своих раздумий.

Я склонялся к тому же решению, — согласился со мной отец, — Ну что, погнали в лабу?

За нужным холодильником пришлось ехать на другой конец нашей базы, это была ближайшая кафешка к месту где отец с Подгорельским ее подстрелили. Забавно, они открыли дверь, сунули тушку в первый же подходящий по размеру холодильник, подключили питание и выставили регулятор на максимум. Не смешно? Так вот, это был выставочный холодильник. В котором покупатели могут смотреть на всякие тортики-пирожные из-за стекла. Знал бы я про это раньше — обязательно бы с Настей сбегал посмотреть.

Наверное поэтому они и не говорили об этом. Манипуляторы хитромудрые. Странно, что несмотря на сильно низкую температуру в камере, тело выглядело несколько подпортившимся, как-бы усохшим, на боках резче обозначились пластины брони, а межсегментные части провалились. Отключив холодильник мы вынесли его и погрузили на очередную электротележку. Хмыкнув, отец за герметизировал шлем и проверил оружие, устроившись на пассажирском сиденье.

— Вот и посмотрим, чему ты научился, — заявил он, — А то все я тебя вожу. Дам тебе шанс похвастаться успехами, ну и дорогу не знаю.

С удивлением посмотрев на него я устроился за рычагами управления. Не знаю почему, но некоторый мандраж все равно был, хотя это был не экзамен. Может от того что он сидел рядом? Да и по шлему нельзя догадаться о чем он думает. Но вроде нигде не накосячил. И груз не потерял, и машину не погнул. И чего спрашивается нервничал?

Когда мы доехали, Настя с дядей Яковом все подключили и собирали защитный купол над установкой, а модуль начал тест сервоприводов всех инструментов. Поочередно разные инструменты поднимались со своих мест, гнулись, щелкали, искрили и брызгали, тянулись и сокращались. Если сказать коротко, штука эта жила своей жизнью. Совсем непохоже на тестирование даже сложных инструментальных центров в мастерской. Хотя может я просто привык к ним?

— Ну что, привезли? — Настя тут же оказалась возле нас. Да уж, рабочий экзоскелет дал ей много дополнительных очков к скорости и бесшабашности.

— Привезли, егоза, все тут, — с усмешкой ответил отец, — Оборудование готово?

— Да, даже проверили. Но этот параноик хочет еще установку дополнительным куполом прикрыть. А зачем? Защитного стекла модуля более чем достаточно для обеспечения герметичности, — отозвалась она с недовольством.

— А перегружать ты как собиралась? Ручками? Чтобы дополнительно контаминировать биоматериал тем, что у тебя на лапалках от сборки осталось? — тут же прилетела подколка от Подгорельского.

— Я? Я ничего не собиралась, у меня для этого вы есть, пока мамонта в пещеру на стол не положили, считайте что с охоты не вернулись, — демонстративно сложила она руки на груди.

— Нет, ну что за нахалка, ей и мамонта добудь, и к дому принеси, и на стол сам тащи? — продолжил дурачиться дядя Яков, — Может еще и челюстью за тебя двигать надо будет, что не перетрудилась?

— Фу на тебя, вредного, — отмахнулась она, — Так чего придумал?

— В целом — ничего нового, дополнительный защитный костюм и ручками-ручками, только проводить эту операцию буду под вытяжкой и куполом. А то что-то он выглядит

подпортившимся за эти дни, а ну как расплывется в инопланетные сопля, как руками возьмешь, — ответил Яков Василич, став чуточку серьезнее.

— Не должно, — ответил отец, — Тогда бы оно еще во время поездки растеклось, да и по температуре должна быть ровненькая глыба льда.

— Должно или не должно, а тащите холодильник в купол. Чтобы мне было меньше утруждаться, — сказал Подгорельский, натягивая дополнительно белый защитный костюм. Мне почему-то подумалось что при этих словах он ехидно подмигнул.

Установив холодильник, мы с отцом вышли из купола и застегнули вход. Дядя Яков, аккуратно перенес замороженный трупик в камеру автохирурга и переставил пустой холодильник, чтобы он не мешал обзору. Отойдя ко входу в купол он принялся вертеться и плясать, по крайней мере это так выглядело со стороны.

— Ну и по какому поводу танцы? — тут же съехидничала Настя, отвлекшись от управления модулем.

— Да поводок этот вредный поймать не могу. Кто вообще придумал застежку в костюме делать сзади? — отозвался он.

— А где же еще ей быть? — не поняла сути вопроса Настя, — Глаза и руки у тебя спереди, вот и защищать сильнее нужно именно лицевую сторону. От брызг и прочего. Хотя насчет твоих рук я не уверена, по моему они должны быть повыше, — не преминула вставить очередную шпильку.

— От ушей только у вашего сестринства ноги растут, а мои руки на месте, — поддержал ее игру дядя Яков.

— Да? — с вопросительной интонацией протянула Настя, — а вот в томике по анатомии написано, что они должны крепится к плечевому суставу, а не к тазовым костям как у тебя.

— Ай молодца, давненько меня так завуалированно не оскорбляли, — развеселился Подгорельский. Ему таки удалось поймать поводок и теперь он выбирался из костюма, выворачивая его на изнанку. Отец расстегнул клапан и он спиной вперед выбрался к нам, оставив вывернутый костюм комом лежать под куполом.

Настя в этот момент очень быстро что-то набирала в управляющем модуле, не отвлекаясь на нас. На экранах мелькали какие-то схемы, таблицы.

— И чего она делает, — спросил я у отца в прямом сообщении.

— Строит программу обследований, вон на боковой экран смотри, там последовательность прописывается, — ответил он так же.

— Ну что, съедобно? А на холодец пойдет? — спросил дядя Яков, но Настя его проигнорировала, с головой уйдя в работу, — А, ладно. Раз больше нам делать нечего, займемся делом. Ну-ка, Максимка, ответь мне, сколько здесь потенциально опасных мест и направлений?

Я недоуменно воззрился на него.

— Плохо, мой маленький помощник, в тех условиях, в каких мы тут сидим, нужна постоянная бдительность. Здесь четыре двери и двенадцать выходов вентиляции, не считая вытяжек над лабораторными столами. Сколько из них ты лично осмотрел и проверил? — продолжил он.

— Одну, а вентиляция закрыта стальными решетками с мелкой сеткой, — быстро осмотревшись ответил я.

— А как же вон та, — он показал пальцем.

— А та вытяжная, — ответил за меня отец, — Василич, хватит уже параноить, и так ясно что ты все заранее проверил, чего повторяться.

— Миша, вот я все понимаю, «хороший инженер должен быть немного лентяем, чтобы делать свою работу хорошо и с первого раза», но тут ситуация другая. Безопасности много не бывает. Внимательность ему точно не повредит. И как определил что она вытягивает воздух, а не наоборот?

— Она в ИК-диапазоне холоднее.

— Понял? — Яков опять обратился ко мне.

— Да, — согласно кивнул я и полез разбираться в дополнительных настройках камеры и других внешних сенсоров. Я и не представлял, что их даже в стандартном наборе так много.

Пока переключал режимы, Настя закончила настраивать оборудование и позвала нас: — Ну что, начнем препарировать ваш трофей? Пока оттаивает, можем посмотреть на рентген и ультразвуковое обследование., — сказала она и начала выводить на экраны снимки. У существа отсутствовал какой либо внутренний скелет, все органы держались только на внешнем панцире, состоявшем из пластин стянутых между собой какими-то аналогами сухожилий.

— Ух ты, как интересно, — с любопытством протянула она и отвлеклась, видимо просматривая что-то внутри своего шлема.

— Ну и чего нашла? — спросил отец.

— А, что? — она переспросила, вынырнув из так увлекшего ее занятия.

— Чего такого выяснила, поделиться не хочешь? — повторно обратился к ней отец.

— Вот, смотрите, — она вывела на экран несколько изображений, показывающих внутреннее строение этих объектов, — Обратите внимание, тут нигде нет скелетных мышц или органокомплексов их заменяющих. Зато есть вот такие трубчатые органы, с клапанами и повышенной иннервацией этих клапанов.

— Ну, мне это ничего не говорит, — отозвался дядя Яков, — нет скелета — значит нет и скелетных мышц. Все же логично.

— А то, что без них это существо не должно было двигаться. А оно способно перемещаться и довольно успешно охотиться, — пояснила она.

— Как тогда? — спросил Подгорельский.

— А так, полная победа гидравлики над электромеханикой, — с восторгом выдала Настя, — Смотри, вот этот многокамерный орган — вероятнее всего сердце. Которое под большим давлением гонит жидкость по сосудам. А вот эти клапаны и выполняют управляющую роль. Перекрылся клапан, участок перед ним поменял свою геометрию и выполнил двигательную функцию, конечность сдвинулась.

— Что-то не сходится, — протянул отец, — при таком устройстве малейшее повреждение стенки сосуда вызовет его разрыв и выброс всей жидкости из системы.

— Но укладывается в способы охоты. Нанести рану и, основное, нарушить сильным электрическим импульсом работу клапанов и сердца. То есть, нарушить управляемость и парализовать. Ранение лишь частично сбрасывает давление всей системы. Пока жертва вводит в действие резервы и заново настраивает работу нагнетающего органа его можно начинать есть. А чтобы пробивать внешние покровы и нужен такой язык — длинный и с острием на конце, — пояснила она, — Основной поражающий фактор тут — электричество,

который и вызывает сбой всех систем жертвы. Но и хищник в момент после атаки становится беззащитным, ведь солидный объем жидкости ушел на движение атакующего органа. И плюсом к этому — разветвленная система клапанов, именно это и не дало вам вдребезги перемазаться в его крови, даже с такими сильными повреждениями. Если бы вы нанесли ему такую рану до атаки, фонтаном бы потолок забрызгало. А так только немного испачкались когда начали тискать и таскать.

— Кстати, — она задумалась, — Я не уверена что вы его окончательно убили. Скорей его остановила глубокая заморозка.

— Это еще почему, — недоверчиво поинтересовался Подгорельский.

— А то, что несмотря на большой масштаб повреждений внутренние органы не разрушены полностью. Та же система клапанов может заставить любой орган или часть его выступать как депо для гидравлической жидкости. Так что поврежденные участки были изолированы, а гидравлический удар от пули, или чем вы там в него стреляли, вызвал шок систем. Уже в камере оно оклемалось достаточно и начало выводить гидравлику из депо периферических органов, но не успело, замерзло раньше. А если это существо имеет какую-либо эволюционную защиту от понижения температур ниже точки замерзания — у нас есть небольшая проблема, — рассказала Настя, постепенно замедляя речь и все глубже задумываясь.

— А что, так тоже бывает? — не поверил я.

— Для многих животных нормально впадать в анабиоз на неблагоприятное время года. Даже для теплокровных. А для многих насекомых потеря головы не критична для выживания. Нет, потом, когданибудь оно все-таки погибнет, но чаще всего от истощения, чем от отсутствия центрального управляющего узла, без головы оказывается нечем есть, так как у большинства животных ротовой аппарат именно на голове и закреплен — пояснила она. Что-то подобное нам на биологии рассказывали, но, как говорит отец, «промеж ушей пролетело». От биологии меня тогда интересовали другие аспекты, бионика и механика строения.

— Ну и как тогда его добивать будем? — ехидно поинтересовался Яков Васильевич.

— Никак, принимаем за аксиому что оно уже готово к препарированию и начинаем разделку по мере оттаивания. — ответила Настя, меня даже немного удивило подобное высказывание от нее.

— Не кривись Максимка, большая часть того что ты ешь тоже еще живое, — поддразнил меня отец, видимо заметив мою реакцию.

— Вот как-то так, — смутилась Настя.

— И сколько нам еще тут ждать, пока ты сходишь за набором своих пил и ножигов и приступишь наконец к кромсанию и освежеванию? — поддел ее дядя Яков.

— В целом, можем возвращаться домой. В первичной программе идет снятие сегментов брони, эта операция пройдет в автоматическом режиме, — пояснила Настя, — Мое участие потребуется только в дальнейших операциях.

— Тогда возвращаемся, — подвел черту отец, — Раз тут твое участие пока не нужно, можем заняться чем-нибудь более продуктивным, например подготовкой к разведке.

— Так нам же запретили в шахты соваться? — высказал сомнение я.

— Это нам самим запретили, а вот про инструментальную разведку ничего не было сказано, — авантюрным тоном произнес отец, — А раз у нас нелимитированное снабжение здесь, грех терять такую возможность.

— И чего ты задумал? — спросил я.

— На базе, все на базе, — хитро ухмыльнулся он, — Чур, у меня за рулем Яков.

— А второй транспорт кто поведет? — подозрительно спросил Подгорельский.

— А на нем молодежь пусть едет, романтично и без старичья вроде нас, — пошутил отец. Так мы и сделали.

Всю обратную дорогу Настя сидела молча, только руки подрагивали, выдавая удаленную работу с оборудованием. Да и я не знал с чего начинать разговор, слишком уж новости меня потрясли. Я смотрел на нее и не мог понять как же я к ней теперь отношусь. Считать ее человеком или нет. Перебирал в памяти все эпизоды с ее участием. Путался, сбивался и начинал заново. Так что когда дорога закончилась я вздохнул с облегчением.

Настя шустро выпрыгнула с пассажирского сиденья и скрылась за дверями столовой. Хмыкнув, я отправился за ней. Когда я вошел, Настя хлопала крышками автоповара, а отец с дядей Яковом сидели за столом с кружками. Без тарелок.

— Не готово еще? — спросил я с надеждой.

— Нет, — ответил отец, — Как раз есть полчаса на языком потрепать.

— И о чем? — поинтересовался я, устраиваясь на стуле.

— Совместим полезное с поучительным, так сказать, — ответил отец, — Пробежимся по твоему тексту, и немного потычим мордочкой в откровенные ляпы.

Я озадачился. Я конечно подозревал что все, скажем так, не очень хорошо, но чтобы настолько. Я машинально почесал затылок и уставился на него.

— Начнем с вопросов? — сам себе ответил отец и начал.

— Каким ты видишь общую концепцию своего произведения? — начал расспросы отец.

— Изначально хотелось что-то вроде дневника рыцаря, выполняющего задание. Но потом вмешалась Настя, и все повело в сторону, — честно ответил я.

— То есть, ты задумывал вообще не касаться каких либо странностей общества и оставить их на фантазию читателя? — уточнил он.

— Ну да, вроде как «все это знают». Пробежаться по стереотипам рыцарского романа.

— А с появлением эльфийки все пошло наперекосяк. И куда теперь ты пойдешь со своими авторскими вожжами?

— Думал довести ее до города, там сдать на руки магу. А там глобальный заговор, система внутри системы, из тайников извлечь последний орбитальный челнок и приземлить основной корабль — колонизатор.

— О как, — крикнул, дядя Яков, — А замысел-то не лопнет от таких переходов?

— Иначе от эльфийки толка нет. Точнее нет смысла делать ее пилотом, — пояснил я.

— А просто поменять ее на что-то более-менее вписывающееся в набросанный тобой антураж? — продолжил допытываться отец.

— Если честно, мне бы не хотелось, — сознался я, — Жаль уже потраченных усилий.

— Мда, навертел ты тут рогопегу, — задумчиво протянул отец, — Как бы не хуже себе сделал. Понимаешь в чем сложность непротиворечивости мира в заявленных условиях? Думаю что нет. Давай разберемся по порядку. Первое. Что ты можешь сказать о первой волне колонистов?

— Полуаварийная посадка, техники уцелело немного, людей тоже.

— Но смотри, на момент описываемых событий анклав разрастается и идет экспансия, так?

— Да.

— Так вот, чтобы избежать вырождения при близкородственном скрещивании размер

изначальной группы должен быть более тысячи человек. У тебя столько есть?

— Наверное, — под таким углом я не смотрел. Да чего это он так рьяно взялся разносить мою писанину.

— Смотрим далее, при наличии такой большой группы колонистов, общий технический уровень и прогресс не может провалиться ниже нескольких поколений в технике. А у тебя обвал аж до феодализма и рыцарей. С чем связать можешь?

— Внешнее давление среды, — пришла мне на выручку Настя.

— Поясни, — левая бровь отца пошла вверх, четко обрисовывая иронию.

— Воздействие среды жизнедеятельности ускоренными темпами способствующее смене поколений. В тексте есть отсылки на использование флорой и фауной иных механизмов самозащиты, от которых люди не имели эволюционно закрепленного иммунитета, — пояснила она. Как по мне, еще больше запутала.

— А простыми словами, — подал свою реплику Подгорельский.

— Старшие поколения вымирали быстрее, чем успевали передать весь накопленный опыт. А молодежь больше была занята проблемами выживания.

— Допустим. А как это вяжется с работоспособным челноком?

— Схрон. Автоматизированное хранилище, — пришелся с ответом я, — Полностью независимое от внешних поставок. Как вариант, сборка одного действующего челнока из нескольких уцелевших.

— А почему тогда материнский корабль не посадили раньше? Пока были ресурсы и люди имеющие нужные специальности?

— Курс, — нашелся с ответом я, — Основной корабль движется под другим углом относительно планеты, так что окно контакта возникает только через большой промежуток времени.

— Допустим. Но с какой целью это было сделано, не проще было вывесить его в точке Лагранжа и иметь постоянный доступ?

— Авария. В этом случае такое положение могло быть, — парировал я.

— Если авария, то что они могут найти на материнском корабле, для чего вообще лететь? Если авария незначительна, то чем она могла помешать нормальной высадке. Если серьезна — то что осталось целым?

— У меня нет идей, — сознался я.

— Так, пока оставим, но пометим, — бодро отозвался отец, воодушевленно потирая руки и ехидно ухмыляясь.

— Второй вопрос. Расскажи о обществе. Его структуре, социальных лифтах и основных законах системы. Как оно работает, как развивается и к каким результатам придет. Как на него повлияет приземление основного корабля.

— А мы точно все еще про рассказ говорим? — задала вопрос Настя.

— Несомненно. А цель этого — подстегнуть ваше коллективное критическое мышление. А то думать умеете, о просчитывать результаты думалок — нет.

— Не вижу связи, — проворчала Настя.

— А она есть, — ответил вместо отца дядя Яков, — продолжай.

— Продвинутый феодализм, свободные арендаторы передают часть доходов феодалу за защиту и на развитие территорий.

— И как на эту систему влияет магия, которая не магия? Все одаренные или только какая-то часть населения? Как они разграничены?

— В зависимости от способностей и направленности. В тексте это указано. Там где он про эльфийку говорит.

— А, вот, нашел, — отец вызвал текст на наручный экран и пробежал глазами, — То есть, способные изменять себя становятся рыцарями и гвардией, а ориентированные наружу и с сильными способностями — магами. Все остальные — прочее население. Так. А по социальным лифтам?

— В зависимости от способностей.

— Способности четко наследуемы или возможен дрейф?

— Неожиданный вопрос, пусть будет случайное распределение.

— Друг мой, а ты внимательно читал учебник истории в главах относящихся к феодализму? — на лице старшего Рогова появилась хищная ухмылка.

— Да, — протянул я, — Но что-то я в этом уже не уверен.

— Правильно не уверен. Потому что феодализм — жесткая классовая система. В которой отсутствуют социальные лифты вообще. Власть передается половым путем без исключений. И без вариантов. Дети магов становятся магами, или не признаются. Дети феодалов — так же. Сын крестьянина будет крестьянином. Да, тут возможен переход в маги, но маловероятен. Ты рассчитывал не так?

— Да. Я предполагал что ведется постоянный отбор в ту или другую группу и последующее обучение.

— Сын, никто не будет этим заниматься за пределами солидарных систем общества. Я понимаю что ты проецировал общество в котором живешь на свою поделку, но это так не работает. Классовая и экономическая теория тебе в помощь.

— Понимаешь Максимка, — вмешался Яков Васильевич, — Феодал — это не руководитель направления или даже всей планеты. Это именно фигура в руках которой сосредоточена вся власть. Вне зависимости от способностей и чаяний ее самой. Отсюда постоянная борьба за власть в несолидарных системах. А раз в одних руках сосредоточена вся власть и собственность, то и передать все это человек будет стараться своему прямому кровному потомку, вне зависимости от его способностей к управлению. Ошибся — значит его заменят. Другим таким же, но более жестоким и дальновидным. Чаще всего, кроваво, путем физического устранения.

— То есть, рыцари идут на свалку? — уточнила Настя, воспользовавшись паузой в разговоре, пока я собирался с мыслями.

— По большому счету — да, — ответил ей отец, — Если считать от классического определения. Можно было бы попробовать вписать их в солидарную систему, но тут мы упираемся в границу способностей и вытекающие из них классовые ограничения. А дальше срабатывает экономический порог.

— Хм, а ведь невестка может быть и права, — подал голос Яков, — Если ввести внешний контроль системы.

— Возможно, — отец задумался, — Но тут тоже всплывает классическая дилемма «кто сторожит сторожей».

— Внешний контроль? — переспросил я.

— Они же у тебя выходцы из постиндустриального мира. Оставить пару-тройку систем искусственного интеллекта и поручить им контроль за обществом. Вот только все равно страшная сказочка выходит. Того хлеще.

— Почему? В смысле «того хлеще», — подключилась Настя.

— А потому, если такие отношения сложились самостоятельно — страшенько конечно, но исторически правдоподобно. Но вот если это умысел и программа развития — тут похуже. Вы тут одного хитрого вопроса не коснулись, я так понимаю Миша, не просто так? — задал вопрос Подгорельский, а отец кивнул в ответ на его реплику.

— Какой еще, — простонал я, раздавленный их аргументами.

— Эволюция пси. Как люди получили эту способность?

— Естественным путем, — протянул я начиная осознавать в какую яму я только что рухнул.

— Значит естественный отбор по Дарвину. Быстрая смена поколений с постоянной выбраковкой. И где тут место женщины? Правильно, ниже низкого. Потому что для восполнения убыли женщины вынуждены постоянно рожать. Вне зависимости от их собственных желаний. Вывод — у них не может быть прав. Красивый замок с прекрасными дамами рухнул. Остался живой конвейер по принесению потомства.

Я уронил голову на руки. Это был конец всей идее. Хорошая сказка про рыцаря вылилась в какой-то кошмар.

— Не убивайся так, Макся, это же еще не конец. Василич слегка перегнул конечно, но да. В целом оно так было, — попытался утешить меня отец.

— Зачем, — простонал я, — Зачем я вообще решил чего-то написать, ничего не зная про это время.

— Это, дружок, литература. В ней автор может как творить всякую дичь, так и усилено работать головой. Не убивайся так, это просто тебе достались негодные критики. Вспомни, были же авторы приключенческих романов о далеких странах, никогда не покидавшие не только Европу, но и свой родной город. Так и тебе стоит подумать и вывернуть все в положительную сторону.

— Как например, — спросил я не поднимая головы.

— А так, что теперь у того самого темного правительства есть поправки к генокоду, которые могут адаптировать переселенцев основного корабля без подобных мучений. Сделай эту жертву необходимой и обоснованной. Возможно такое? — обратился отец к Насте.

— Да. Достаточно базового репликатора для создания измененного потомства или большой генной станции для разработки вирусной системы перестройки организма. То есть можно исправить геном взрослых, а не только на эмбриональном этапе.

— Что, и ты сможешь? — удивленно спросил Подгорельский.

— Да, но пару-тройку лет на подготовку нужно будет, — пояснила Настя, — углубленный курс генетики, биологии и физиологии человека я быстрее не пройду.

— Сильна девка, — протянул дядя Яков.

— Надо брать? — с вызовом продолжила его присказку Настя.

— Да что-то я тебя побаиваться начал, — поддел он, улыбаясь на то, как она насупилась.

— Так, — отец хлопнул в ладоши, — Заканчиваем страдать и принимаемся за еду. И далее по распорядку.

Обед прошел тяжело. Мне кусок не лез в горло, фигурально выражаясь. Я что-то механически жевал, почти не различая вкуса. В результате отец отправил меня спать. Просто взял и отправил «начальственным произволом», а остальные поддержали. Пришлось подчиниться.

Проснулся я в менее подавленном состоянии, уточнив по радио где все находятся, я подхватил свой штатный дробовик и пошел к ним. Из-за принудительного сон часа я, похоже, пропустил все обсуждение, потому что в мастерской все были заняты. Отец что-то собирал на макетной плате, параллельно набрасывая программу, а дядя Яков возился у фабрикатора и сборщика. Только Настя сидела на одном из верстаков и качала ногами. Когда я подошел к ней, она отвлеклась от своего занятия и подняла забрало шлема.

— Ну как, полегчало? — участливо спросила она меня.

— Более-менее, — ответил я, — и кто чем занят? А то сходу и не разберешься кому мешаться надо в первую очередь.

— И ты решил начать с самых красивых? — улыбнулась она.

— Будем считать что так, — ответил ей тем же.

— Старик настраивает производство каких-то деталек для роботов-разведчиков, я наблюдаю за разделкой трофея, а твой отец собирает схему. Начни с него, пожалуй.

— То есть тебе мешать не получится? — подколот я ее.

— Можешь конечно, но во первых я все равно только наблюдаю, а не работаю, во вторых, зрелище это малоаппетитное да и непонятное для недостаточно знающих биологию, — с этими словами она щелкнула меня в нос. Фыркнув на нее, я отправился мешаться к отцу.

— Привет, пап, чего строишь? — спросил я подкравшись к нему за спину.

— То, что сэкономит нам километро-часы на обходах коридоров, — уклончиво ответил он, сохраняя замысел в тайне.

— Что, и не поделишься своей гениальной идеей? Не обучишь своего достойного отпрыска очередной технической премудрости? Не... — я замедлился, подбирая еще, какой-нибудь высокопарно звучащий аргумент, чем он и воспользовался.

— Не. Не обучу, не похвалюсь и далее по тексту, — ухмыльнулся он.

— Позволю себе усомниться в твердости вашего морального духа и незыблемой плотине воли, сдерживающей неодолимые волны бахвальства, — поддержал его игру я.

— Ты прав, — он расхохотался, — Расскажу конечно, но правда чуть попозже, не отвлекай меня минут двадцать, надо базовую программу беспилотника дописать. Настю по донимай, она все равно без дела сидит, скучает.

— Ладно, но потом все подробно объяснишь, — согласился я с ним и отправился мешаться последнему, еще не охваченному моим вниманием, участнику.

— Дядь Яков, ну хоть ты-то меня не прогонишь, как эти двое? — обратился я к нему.

— Оклемался немного? Это хорошо, — пробурчал Подгорельский, поворачиваясь ко мне, — как раз вовремя пришел. Ты пропеллеры считать и строить умеешь?

— Идеально — нет, но в общих чертах знаю как, — ответил я.

— Тогда вон рабочая станция, садись за нее и считай, размеры и прочие характеристики я уже забил, но что-то думаю поднаврал, исправляй. А я пока сборщику мозги продую, чего Миша тут паять надумал, да на склад спашаю, за детальками, — пристроил он меня к делу. С ним в общем-то всегда так, пришел и ничем не озадачен — значит занятие ищешь, сразу найдет какую-нибудь полезную работу. Сам, правда, тоже редко без работы сидит. Если он совсем не в духе — будет сидеть свой колюще-режущий арсенал затачивать. В такие моменты к нему старались не лезть.

Устроившись за рабочим компьютером я запустил привычную инженерную среду и начал собирать необходимые константы для расчета. Не то чтобы я был таким уж

специалистом по проектированию деталей машин, но на кружке каких только монстров не собирали. Да и лопасти для небольшого вертолета я как-то считал по просьбе друга. А через самолетики все проходят, почти в обязательном порядке. Это же классические задания по моделированию. Да и сам по себе полет аэродинамической модели это же песня физики и математики, основа понимания механики. Тем более, что в первом приближении там формул не так уж много. Ну, поначалу по крайней мере.

Нет, все-таки хорошая инженерная среда разработки — это очень большое подспорье. Я с восторгом смотрел как при изменении констант среды пересчитывается и изменяется лопасть вентилятора. Изменилась вязкость среды — и лопасть потеряла в ширине, плотность — стала тоньше, скорость — поменялось поперечное сечение. Сказка. Как-то раз наш наставник в кружке решил устроить нам неожиданную проверку. По условиям задачи мы должны были рассчитать простейший планер без каких либо инструментов. Ручка, бумага, мозги и справочники. Справились тогда почти все. Вот только у некоторых (и у меня тоже), планер не полетел. Тогда-то и выяснилась главная цель проверки. Честность и упорство. В условиях задачи стояли не верные константы. Не, они верные, только не для нашей планеты. И если пользоваться компьютером, то в уравнении появлялись почти незаметные коэффициенты, выравнивающие решение. А при ручном расчете их не было. Это сейчас вспоминать забавно, а тогда... Целая тетрадка расчетов и уравнений. Брр.

Так, сами детали отрисовались и подготовились, теперь надо уточнить способ производства. Потому что есть нюансы.

— Дядь Яков, а лопасти вы отливать будете или как делать? — спросил я.

— А какие варианты есть? — хитро уточнил он.

— Литье, послойная укладка полимера машинным способом, сборка композитного пакета. Вам под что оснастку и программу дорабатывать? — продолжил я, — если под печать, то надо будет вручную доводить, композиты того хуже, мне тогда весь чертеж переделывать надо. Каждую часть отдельно рисовать и сборку прописывать. Литье проще всего.

— Давай литье. Вот список доступных материалов, — он перебросил мне файл, — оптимизируй форму и программу.

— Хорошо, — я вернулся на свое место. Самым сложным был выбор материала, а поскольку мне эти названия ничего не говорили пришлось опять подпрягать инженерную систему. Подходил любой, и решающий выбор был осуществлен методом «пальцем в небо».

Подогнав на модель литниковую систему и прибыли я отправил задачу в обработку. Благо мелкосерийный фабрикатер уже был подключен к системе. Пожалуй это зрелище никогда не надоедает. Как по одному нажатию кнопки в рабочей зоне начинает вырастать вещественный результат твоей мысли.

И только я собрался по приставать с расспросами к отцу или Подгорельскому, как запищал напоминальник. Мне опять предстояла ежедневная каторга — тренировка. В ответ на мой стон Подгорельский ухмыльнулся и приобнял меня за плечи, со словами: — Ну что, дружок, поехали кататься?

Когда я выполз из душа, отец валялся на кровати с книжкой. Судя по обложке — художественной.

— Чего читаешь? — спросил я его.

— Да так, пытаюсь вникнуть в современную фантастику, чтобы тебе полезные советы давать, а не только разносить и обижать, — ответил он, закрывая книгу и убирая ее на стол, — Сильно обиделся?

— Да не столько обиделся, сколько в ужас пришел от вашего анализа, — честно ответил я, — Даже и не предполагал что можно так вывернуть.

— Понимаешь, Максимка, жизнь вообще очень странная штука. И привычное в ней не всегда стоит на добром фундаменте. Гораздо чаще — кровь и кости. Тебе, по малости лет, все кажется незыблемым, потому что так было всегда на твоей жизни. А с возрастом начинаешь замечать все больше отличий между «тогда» и «сейчас», потому что разрыв между ними становится все больше.

— И все же?

— А тут мы переходим к цели сегодняшнего разгрома. Сын, сейчас мы все зависли в очень не простых условиях, и из-за этого вынуждены делать не совсем добрые поступки, — он замялся, и в получившуюся паузу я влез с вопросом.

— Не совсем понимаю о чем ты.

— Хм, попробую подойти с другой стороны. Как ты знаешь, количество необходимой для жизни и работы информации непрерывно увеличивается с каждым годом, совершенствуются технологии, техника, изменяются методы работы с ней. От этого логично вытекает, что за период своего роста до взрослых кондиций ребенок должен усвоить все больше информации. Но если ее слишком много, начинает растягиваться сам период частичной дееспособности. Ваше детство становится длиннее, а вы — инфантильнее. В те же Средние века в девять лет — частично дееспособный, в четырнадцать — взрослый. В двадцать первом веке, эти периоды были 20 и 25 соответственно. Но физическое развитие особи человека не поменялось. Сейчас — еще дальше. Большинство твоих сверстников при полном физическом развитии остаются детьми. Это не хорошо или плохо — это данность. Статистика.

— И к чему ты ведешь? — я задал вопрос не совсем понимая о чем он.

— К тому, что при нормальных условиях ты должен был расти медленно и ровно. Но тут вмешалась судьба, — от грустно усмехнулся, — Трагические обстоятельства. И поэтому мы с Яковом вынуждены тебя экстренно форсировать. Яков — тренировками, а я возьму на себя голову. Вот о чем я говорил тогда. Да и Василич ругался по той же причине. Когда нас вернули на действительную службу. Твое детство кончилось. Потому что от твоей подготовки, твоих поступков и твоих решений зависят люди. В том числе и жизни этих людей, — он замолчал, переводя дыхание.

— Поэтому Василич поит тебя стероидами и гоняет на полигоне, докапывается до твоих действий по охране помещений, заставляет постоянно оглядываться и держать оборону. Чтобы ты не подвел себя и других, тех чьи жизни зависят от тебя. Моя, его, Настина. Каждый из нас зависит от каждого. Его ошибка стоила ему ремонта руки. Но будь на его месте я — место зверушки в холодильнике занял бы тоже я. Потому что не досмотрел, не принял

всерьез, был недостаточно внимателен, — он опять замолчал, обдумывая свои слова. Я же сидел и боялся осознать, что мог его потерять. По настоящему потерять. Навсегда.

— Папка, — я в одно движение оказался рядом с ним и обхватил его руками. Глаза щипало.

— Ну-ну, будет тебе, — он обнял меня и посадил на колени. «Как в детстве» — мелькнула мысль, и я застеснялся собственного порыва. Попробовал встать, но отец удержал меня.

— Сиди и слушай дальше. Так вот, Василич делает из тебя солдата, такого, какой он сам. «Ходи-стреляй, а думают за тебя командиры». Я же хочу, чтобы ты понимал, что, для чего и зачем ты делаешь. И вот эта критика нужна была именно для этого. Чтобы ты начал думать. Начал смотреть вперед, на конечные результаты своих действий. Что бы ты мог предупредить собственные ошибки, не сделать их.

— Но как тебе мой текст в этом поможет? — не понял я.

— Так ты ведь уже задумался над тем, как оно работает. Не просто нарисовал картинку словами, а начал думать глубже. Показать?

— Да.

— Смотри, в твоём рассказе упоминалась калильная лампа. А это технология из другого времени. Как ты ее впишешь? — задал он вопрос, — Рассуждай вслух.

— Так, если брать период с рыцарями, то производство кустарное и мелкосерийное. Без какой-либо стандартизации. В науке идет период сбора информации о окружающем мире. А лампа с пневматической подачей топлива, испарителем и калильной сеткой — это продукт другой технологической ступени, когда наука уже имеет достаточно большой набор известных законов и статистики. И совместить их можно если эти законы кому-либо известны. Монастыри и гномы, — проговорил я цепочку размышлений.

— Да, система внешнего контроля. Искин, даже самый современный нуждается во внешних эффекторах, промежуточной системе. Ими как раз могут быть монастыри. Тут тебе и корректировка политического курса и хранилище технологий, — пояснил он, — А к какому результату приведет появление монастырей в твоём рассказе?

— Прямые — дозирование информации, гонения на инакомыслящих, замедление общего прогресса науки, — поразмыслив предположил я, — Правильно?

— Ну не знаю, это же твой рассказ, — с подчеркнуто серьезным лицом сказал он, но рассмеялся, — Скорее всего. Но если во главе культа стоит бессмертный искин это будет означать неизменность политики. Следовательно постоянное развитие техники и отсутствие массовых войн, репрессий и инквизиции. И раз эта экспедиция была отправлена именно в таком составе, значит этого достаточно.

— Но сказка не перестает быть страшной, — сказал я.

— Не без этого, — согласился он, — Но в целом градус жути понизился. Например можно удержать уровень медицины на безопасном уровне. Одна гигиена и родовспоможение даст тебе прирост населения в половину, за счет низкой детской смертности. А к чему это ведет?

— Ну, — я задумался, — большой прирост населения создаст демографическое давление. Перестанет хватать освоенных территорий для ведения хозяйства, и, как результат, войны за территории и ресурсы.

— Не забывай о внешнем контроле, — подсказал отец.

— Тогда большая скорость экспансии, — решил я, — правильно?

— А я откуда знаю? Это же твой рассказ, — отозвался отец с усмешкой.

— Вот ты... — я встал и прошелся по комнате, — То есть ты предлагаешь делать как делается и только будешь заставлять меня думать над каждым своим и чужим действием?

— Да, — согласился он, — Вот только от таких дум волосы сесть начинают.

— Опять издеваешься? — спросил я.

— Немного. Иногда люди совершают очень странные поступки. И хорошо если просто странные, — он замолчал и лицо его стало грустным, — Знаешь когда мне пришлось повзрослеть?

— Нет, — я заинтересовался и сел рядом с ним.

— Мне было побольше твоего возраста. «Инцидент «Лужок» — как зло шутили некоторые идиоты, не пожелавшие узнать, что там было на самом деле.

В молодости я как и любой мальчишка грезил космосом, далекими походами, неизведанными планетами. Поэтому поступление на энергетика корабельных установок было, в общем-то закономерным результатом. Практика в патруле, исследование астероидного поля. Мда. Я был молод и глуп, — он замолчал и после паузы продолжил, — На очередной петле патрулирования наш кораблик поймал сигнал от чужака. «Крейсер «Зеленые холмы Земли» передает сигнал о помощи». Поначалу его даже во внимание никто не принял всерьез. Посчитали очередной проверкой, нас, стажеров, все время гоняли по каким-то тревогам. Боцман вообще был тот еще выдумщик. Мы все были уверены что это очередная проверка. Вот и действовали без напряжения. «А что такого», «Очередная тренировка», ну и прочая чушь. Мы ошибались.

Никто не знает из каких глубин вынесло тот астероид, с разбившимся об него крейсером, да и я не захотел узнавать. Наша беда была в том, что на том обломке оставались рабочие орудия и не до конца сдохшая автоматика. Астероид медленно вращался, поэтому к нему отправился малый шаттл с частью экипажа и стажерами, что еще больше успокоило и убедило нас что все идет как и должно быть на спланированной тренировке.

Вот чего мы не знали, что не получившие ответ от системы «свой-чужой» торпедные аппараты встали на боевой взвод и когда линия прицеливания совместилась с нашим базовым кораблем система даст залп.

Патрульного практически перебило пополам. Жилые отсеки, ангары, хранилища. Там все исчезло в огне. От разгерметизации погибли те, кто был в коридорах. Остались в живых только те, кто был или в каютах, или в скафандрах. Да и первых это не надолго спасло. Запертые в коробках они замолкали один за другим. Пока мы пробивались через искореженный металл время уходило. Встроенные СЖО кают срабатывали свой ресурс. Спасти удалось лишь нескольких человек, которые были ближе к проломам. Мы не успевали.

— А потом, — я прижался к нему и он меня обнял.

— Потом. Потом было очень много работы. И расписание. Жестко распланировано все. Сон — 15 минут каждые два часа. Еда — раз в сутки. Смена патронов сжо скафандров. Замена капсул регенераторов воздуха для запертых в рубке пилотов и навигатора. Постоянная наварка дополнительного экрана от реактора и двигателей. Срезаешь переборку в одном месте, привариваешь на другое. Потому что выведенный далеко за пределы нормальной работы реактор фонит излучением, как хорошая печка. Потому что Харитоныч, старший инженер энергоустановок перевел его в такое состояние вручную. Когда стало ясно что есть уцелевшие и энергии не хватит с одного оставшегося реактора из трех положенных по конструкции он вручную переварил питатели и токосъемники чтобы хватило. Он так и остался там, в заваренном изнутри отсеке. Со сломанными ногами, обожравшийся анальгетиков он успел переделать реактор и объяснить мне режимы работы и управления этой конструкцией, до того как сгорел в излучении. Техник систем жизнеобеспечения, наладивший способ перезарядки патронов поглотителя углекислоты. Ты к примеру знал, что если патрон поглотителя прогреть резаком во 750–800 градусов в вакууме, то его можно заново использовать. Только охладить надо. А вокруг проклятый вакуум, и разогретому куску металла нечему передавать температуру. При том, что носовая часть постепенно

остывает за счет излучения. А реакторный наоборот. И нет нормальной возможности это тепло распределить. А поглотители нужны срочно. Убивает-то не низкий кислород, по крайней мере не сразу. А вот избыток углекислоты делает это быстро, около 10 % и все. И запертые в своей банке с крышкой пилоты. Мы поглотители снаружи к двери приварили. На монтаж шлюза не было ни времени ни ресурсов. А у них, внутри, скафандров.

Постоянная дрожь корабля, оттого что двигатели работают короткими импульсами. На нормальную тягу нет энергии. В результате двигатель заряжается, дает импульс и отключается, но включается другой, чтобы компенсировать рысканье от несбалансированной тяги.

Бесконечные лестницы. Проброшенные через отсутствующую середину корабля. Сила тяжести соосна тяге и обратна ее направлению. Ее слишком мало чтобы тебе помочь и слишком много чтобы ей пренебречь. Ты лезешь по лестнице подстраиваясь под рывки двигателей и тащишь груз. Сорваться нельзя, тогда в одном из отсеков задохнутся еще живые.

Сварка. Когда от качества твоего шва зависит чья-то жизнь, учишься очень быстро. Сборка деталей и инструментов. Конструирование из чего придется того, без чего нельзя выжить.

— Страшно было?

— Нет. Тогда некогда было бояться. В первый момент, когда засекли пуск торпед, да. Страшно. Пока возвращались к кораблю — очень. А потом некогда.

— А тот, второй корабль? С ним что?

— Он полыхнул почти сразу после атаки. Видимо одна из торпед сработала так и не покинув пусковую. Я даже не знаю люди нажали на кнопку или автоматика. Слишком много друзей я тогда потерял, — он замолчал и отвернувшись от меня протер глаза.

— Зачем я тебе это рассказал? Чтобы ты понял что не бывает мелочей и пустых глупостей в инструкциях, слишком много безопасности и страховки от ошибок. И что где-то есть те, кому нужна твоя смерть. Чтобы тебе не пришлось понимать это глядя на наши трупы. Причины могут быть разными. Результат тоже. Но в своих действиях ты должен учитывать все возможные варианты дальнейших событий.

— А дальше? — нарушил я гулкую тишину после его рассказа.

— Когда мы выползли из затенения астероидов, вызвали помощь. Нас сняли с обломков и загнали в лазарет. Всех уцелевших. Из восьмидесяти трех членов экипажа и сорока стажеров осталось семнадцать. Почти все ушли из космоса на твердую землю.

— А почему ты назвал это «инцидент лужок»? Как-то это... - я замаялся и передернул плечами, словно от холода.

— А это второй урок. Всегда найдется человек, который тебе не друг. Когда я подал рапорт о переводе один не-товарищ, начал насмехаться. Не потрудившись узнать подробности. А название прилипло. За ним оказалось удобно прятать эту историю, пусть и от самого себя, — он замолчал. Потом неловко обнял меня, фыркнул в макушку и сказал, — Ложись спать, я пойду до Василича схожу, надо кое-чего уточнить на завтра.

— Ладно. Спокойной ночи, — ответил я ему и перебрался на свою кровать. Отец одел броню и вышел. Сон не шел, выпался днем, да и история оказалась не самой убаюкивающей. Я долго вертелся и смотрел в темноту.

Интерлюдия 11

Рогов прошел несколько шагов до соседней двери и остановился, задумавшись. Неожиданно для него дверь отошла в сторону и за ней обнаружился Подгорельский, без брони но с оружием в опущенной руке.

— Привет. Чего это ты тут бродишь? И чего такой смурной? — спросил он.

— Да так, старые воспоминания разбередил, — отозвался Рогов.

— Понятно. Заходи давай, я сейчас, — сказал Яков и прошел в глубину комнаты, к своему рюкзаку. Достал фляжку, взял с полки стакан и наполнил его до половины.

— Пей. Сделай глубокий вдох, выпей и медленно выдохнешь, — проинструктировал он.

— Что там? — спросил Михаил, с подозрением косясь на стакан.

— Антистрессовый препарат естественного происхождения. Пей.

— Это спирт, — Михаил взял стакан и принял.

— Да. Не тяни время., - Василич тем временем достал второй стакан и налил в него воды, — Этим запьешь, раз долго собираешься.

— Может не надо? — обреченно протянул Рогов.

— Было бы не надо, ты не пришел бы ко мне под дверь. А были бы другие варианты — их бы предложил. Рогов выпил, сморщился, скривился, быстро запил водой из другого стакана и закашлялся.

— Вот так. Сейчас посидишь полчаса и повторим.

— Зачем.

— Затем, что сейчас на тебе лица нет. И нет, я не хочу знать, чего ты вспоминал. Захочешь — сам расскажешь, — отрезал Подгорельский.

— Практику. Наш учебный корабль расстреляли в поясе астероидов.

— Большие потери?

— Из ста двадцати трех осталось семнадцать. Из них четверо уже в госпитале.

— Много, — согласился Подгорельский, налил в стакан Рогову еще половину и сделал большой глоток прямо из фляжки, медленно выдохнул и продолжил: — Отомстили?

— Они полыхнули одновременно с нами.

Яков кивнул и закрутил колпачок фляжки.

— За Максимом присмотреть или сам справится? — задал он непонятный вопрос.

— В каком смысле? — переспросил его Михаил.

— Сейчас ты замахнешь вторую половину и вырубись. Мне тебя тут положить и сходить посмотреть как там Максим или тебя туда унести? Или ты хочешь посидеть и выговориться? Тогда повремени со стопкой, — пояснил Яков.

— Да перегорело уже все, давно было. Так что к себе пойду, — отозвался Рогов.

— Ну смотри, — протянул Яков, доставая из рюкзака набор оселков и нож, — можем и просто посидеть, помолчать.

Когда он закончил править лезвие Михаил уже спал. Также как и сидел, в неудобной позе, уронив голову на руки лежащие на столе. Василич грустно усмехнулся, переложил друга на кровать поудобнее. Собрал вещи обратно в рюкзак, допил спирт и вышел. Нужно было проверить Максима с Настей. Обойти ближайшую территорию и тоже лечь. До следующего обхода.

Мне так и не удалось уснуть, после часа бессмысленного взгляда в темноту и переворотов с боку на бок я не утерпел и вызвал отца.

— Пап, ты где?

Спит он, — ответил дядя Яков по отцовскому шлему, — и ты спи. А если не можешь — закатись под бочок к своей подружке.

— Она не моя подружка, — сказал я, но он уже отключился. И я вернулся к прерванному занятию, смотреть в темноту и пытаться призвать сон. Это по прежнему не работало. Даже когда я сходил попить и посетил туалет. Спать не получалось. Я оделся и вышел за дверь, до медблока было очень близко, буквально пара шагов. Я остановился у входа и долго думал, постучать или нет. Неожиданно для меня дверь открылась и заспанная Настя протянула: — Заходи уж, раз пришел.

— Извини что разбудил, — повинился я, но она перебила.

— Это не ты. Это старик опять озорует, он позвонил и потребовал загнать тебя с улицы, «чтобы не шлялся по плохо охраняемым коридорам».

— Понятно, — протянул я, чувствуя себя особенно глупо.

— Так что случилось что ты ходишь по темным тоннелям в одиночку и не даешь спать добропорядочным девушкам? — задала она логичный вопрос, — И заходи уже раз пришел.

— Извини еще раз, — сказал я и вошел.

Комната была значительно больше нашей с отцом, и значительно более обжитой. Рисунки на стенах, приклеенные на изоленту, много разных цветов в горшках на столах и в подвесах на стенах. Множество книжных полок, плотно забитых литературой, в основном справочной. Центр комнаты занимала медицинская капсула, сейчас накрытая какой-то занавеской с пестрым цветочным рисунком.

— Снимай броню, нечего тут топтаться, по мытому-то, — она хихикнула.

— Да-да, сейчас, — ответил я раздеваясь и продолжая увлеченно рассматривать ее жилище.

— Да, кстати, а где тот куст, на котором бифштексы растут, ты обещала показать? — неожиданно вспомнил я и любопытствовал.

— Вот тут, за ширмой, — она прошла вглубь комнаты и поманила меня за собой, — Он на постоянной подсветке, поэтому пришлось его отгораживать, глаза болеть начинают.

По большим стеклянным куполом я обнаружил большой куст с крупными, почти черными листьями, окруженный сразу несколькими яркими бестеневыми лампами. Он был больше похож на гриб с широкой шляпкой, правильно сформированной кроной.

— И где? — задал я недооформленный вопрос.

— Вон там, на нижних ветках. Если присядешь сможешь разглядеть, но я недавно урожай собрала, так что плоды еще маленькие, — ответила она.

Присев на корточки и заглянув под раскидистую крону, я присмотрелся и смог разглядеть формирующиеся плоды. Они были некрупными, зелеными и по форме действительно напоминали куски мяса. Не продольно вытянутые мышечные волокна, как следовало бы из логики и природы, а как их рисуют в мультфильмах. Поперечный срез бедра крупного животного, с ядром-косточкой. Совсем молодые плоды были тонкими и просвечивали под светом ламп.

— А что они такие... — я замялся затрудняясь формулировкой.

— Какие? — усмехнулась Настя, — прозрачные? Потому что состоят почти из одного желатина пока маленькие. Непохожи на нормальные мышцы? Ну так это вообще растение, да длинные мышечные волокна быстро грубеют или наоборот, теряют структуру без нагрузок, а чем и как их нагружать? Вот и пришлось идти на хитрость. Насмотрелся? Тогда пойдём, чайник закипел, будешь мне рассказывать отчего я не могу нормально выспаться и должна возиться с тобой.

— Прости, давай я уйду если так сильно мешаю, — сделал попытку я, но она отмахнулась.

— Все равно уже разбудили, да и думается мне все равно успеем выспаться, сомнительно что завтра вообще кто-то встанет вовремя, — с этими словами она повлекла меня за руку в другой угол комнаты, за другую дверь. Как я понял, там был ее кабинет совмещенный со спальней. У одной стены большой стол с лампой и вездесущим цветочным горшком. У другой разобранная постель. Ее шкаф стоял между постелью и шкафом с вещами, почему-то не встроенным в стену, как большинство нашей привычной мебели, а отдельным и деревянным? Seriously? Кто в наше время вообще пользуется деревянной мебелью?

— На что ты так уставился? — заметила она мою реакцию.

— Шкаф. Он что, правда деревянный? — удивленно спросил я.

— Ну да. А что такого? Нужно же было куда-то использовать древесные стволы, которые при ударе моей секции погибли. Не целиком же в стружку переводить, — пояснила она, а из памятных вещей с моего астероида удалось взять только его и книги. Этот шкаф еще дядя Ратмир сделал, давным-давно. Я помню как сидела рядом с ним, а он выводил эти узоры и завитки на досках.

— А что за книги? — поспешил я отвлечь ее от грустных воспоминаний, глядя на ее меняющуюся мимику.

— Вон на полке стоят, — она показала рукой в сторону кровати. Над ней действительно стояли книги, несколько штук. В основном фантастика как я мог предположить по фамилиям авторов: Азимов, Ефремов, Фостер, Бредбери.

— А можно посмотреть? — спросил я заинтересовавшись несколькими незнакомыми мне.

— Можно, но потом, а сейчас давай ты выпьешь чаю и все-таки расскажешь, почему я сегодня не высплюсь, — она протянула мне кружку, указав жестом на стул, а сама устроилась с ногами на кровати, — теперь я готова тебя выслушать.

— Даже не знаю с чего начинать. — Я замолчал и задумался, — Сейчас отец поделился историей о своем прошлом, о том что другие люди не всегда походи на то, как ты о них думаешь. Знаешь, я частенько слышал фразу «Каждый человек смотрит на других через призму самого себя. Оттого и не видит полной картины». Кажется я начал понимать что это на самом деле значит. И это, — я опять замялся, — Скажем так, стало неприятным открытием. До этого я всегда был уверен что меня окружают только добрые и открытые люди, такие же как я, но сейчас я начал осознавать что скорее всего это не совсем так. И это... Странно.

— Поздравляю, — она как-то грустно усмехнулась, — Ты стал значительно умнее.

— Спасибо, — я вернул ей усмешку, — За столь высокую оценку моих умственных способностей.

— Не за что, собственно, — она продолжила, но ее усмешка стала добрее, — Ты

действительно стал умнее. Если отталкиваться от прочитанных мной книг по психологии, ты прошел один из базовых переломов в сознании, научился видеть «лес за деревьями». Начал смотреть на людей как на индивидуальных и обособленных личностей. Просто осознал это. И как обычно, это оказалось не самое приятное ощущение.

— Почему это? — спросил я.

— Да потому, что ты осознал собственное одиночество. Как бы ты не искал, чего бы ты не делал, другого такого же тебя нет. Можно найти похожих, как внешне, так и внутренне, но это будет только самый краешек чужой личности. Та часть, которую тебе позволили увидеть и соприкоснуться.

— И что дальше? — я совсем запутался, да и не ожидал от нее таких мудрых сентенций.

— Ничего. Ты просто начнешь с этим жить. — она вздохнула, — Просто будешь это знать. Ты можешь как начать отгораживаться от окружающего мира так и стремиться к нему, можешь даже попытаться забыть это. Вот только ты всегда будешь об этом знать, — она сделала большой глоток из кружки и продолжила.

— В целом, ты осознал что у твоей личности есть края, и стал больше внутри. Как тессеракт, — она рассмеялась радостными колокольчиками.

— Так можно все-таки посмотреть книги? — я поспешил сменить тему и дал волю своему любопытству.

— Конечно, — она повернулась и посмотрела на книжную полку, — Если хочешь, я даже могу тебе почитать.

Я поставил кружку и подошел к шкафу. Книги выглядели старыми, местами с потертыми обложками, по ним было видно что их часто читали. Я про вел пальцем по корешкам и наугад вытянул одну из них. Это был Ефремов, «Сердце змеи» и «Туманность Андромеды» в одном томе. Мысленно загадав 9 строку сверху я открыл книгу примерно на середине... Страница была пуста. Я перелистнул еще несколько, но ничего не поменялось. Они все были пусты. Не было ни текста, ни иллюстраций, ни номеров страниц. Пустышка. Стараясь не выдать свое удивление я убрал ее на место, взял и открыл другую. Там было то же самое. С листком — закладкой. На пустой странице. В книге, в которой нет текста. Я повернулся к Насте.

— Что? — спросила она меня, — Чего ты так на меня таращишься?

— Знаешь, — я смутился и решил пойти на хитрость, — А почитай мне.

— Лентяй, — прокомментировала она мои действия и взяла книгу. Я взял кружку, которую она протянула мне, и стал внимательно отслеживать ее действия.

Она посмотрела на корешок, раскрыла книгу по закладке, немного подвернула блок, заставив страницы пролистаться, словно посчитала их, и начала читать.

— Что опять? — возмущенно спросила она, насупив брови.

— Подожди, ты правда можешь это читать? — изумленно спросил я.

— А что не так-то? — не поняла она.

— Понимаешь, — замялся я, не в силах правильно сформулировать мысль, — Для меня эта страница выглядит как чистый лист. Я не вижу на ней текста. Для меня вся эта книга пуста.

— Что за чушь, — замялась она, — Подожди. Сейчас найду, — она отлистила несколько страниц обратно и показала мне пустую страницу, — видишь иллюстрацию? Одна из моих любимых в этой книге!

— Насть, — начал я неуверенно, не в силах справиться с накатившими на меня

эмоциями, — Понимаешь, для меня ничего нет в этой книге.

— Ты меня разыгрываешь, — она неуверенно рассмеялась.

— В том-то и дело что нет, — вздохнул я. — Подожди, — у меня появилась мысль.

Я сходил за своим шлемом, надел его и включил запись, — Перелистни несколько страниц, — попросил я ее. Она подчинилась, со странным выражение лица, будто напуганным.

Включив воспроизведение записи я протянул ей шлем, — Посмотри сама.

Она надолго замерла, просматривая ролик. Намного дольше чем требовалось для этого. И потом медленно стянула шлем, в ее глазах застыли слезы.

— Подожди, я бросился к шкафу и вытащил еще одну книгу. Раскрыл ее на произвольной странице и подал ей.

— Читай, Иван Ефремов «Таис Афинская», страница сорок девять, абзац два. Только веди пальцем по строке которую читаешь, — попросил я нахлобучивая шлем и включая запись. Она полными слез глазами посмотрела на меня и подчинилась.

Ее палец сместился на пару сантиметров по пустой странице и она начала читать, старательно ведя пальцем по словам, видимым только ей.

— «— Помнишь мои слова в Афинах: «Ты будешь моей гостьей, когда захочешь»? Так хочешь ли?

— Конечно, хочу! Особенно когда ты удивил меня памятью о короткой встрече с девчонкой-гетерой...

— Я давно собирался позвать тебя, — вмешался Птолемей. — К твоим услугам любые лошади, палатка, рабы — всего этого у меня в изобилии. — Птолемей осекся под взглядом Александра. Полководец смотрел на своего соратника без гнева, а с сожалением — так показалось Таис.» — она запнулась.

— А теперь посмотри на корешок, — попросил я, уже чуть успокоившись.

— «Айзек Азимов. Стальные пещеры», — произнесла она убитым голосом. Книга выпала из ее вдруг ставшими безвольными рук. Она ссутулилась и стала, будто бы меньше в размерах. Я шагнул к ней, повинувшись какому-то внутреннему порыву. Она была такой печальной и расстроенной.

— Убирайся, — крикнула она, вскакивая с кровати, — Пошел прочь!

Она подхватила упавшую книгу и бросила в меня, — Проваливай! Оставь меня одну.

Я отшатнулся. Глядя на ее покрасневшее лицо, искривленный в ярости рот, я увидел бесконечно печальные глаза. Взгляд человека вновь падающего в одиночество.

Я не смог. Вместо того чтобы подчиниться ее требованию и уйти, я шагнул к ней и обнял ее. Она билась и вырывалась, а я старался удержать ее так чтобы она не поранилась. Я все еще был в броне. Подергавшись в моей хватке она разревелась. Я подхватил ее на руки и положил на кровать. Она свернулась в комочек и продолжила плакать. Не так, как плакала Ветка, моя младшая сестренка, громко оповещая мир о свое боли и обиде за разодранную коленку, а тихо и безнадежно. Молча вздрагивая плачами и не утирая текущие слезы. Не понимая что делать, я опустил рядом с ее кроватью на колени и обнял ее.

— Я с тобой, — начал я и замолчал, осознав, что не знаю что говорить и делать. Все что я понимал, это то что ставшему для меня дорогим человеку плохо. И что плохо ему именно из-за меня. Не может быть, чтобы ее странные книги никто не видел. Она же говорила что ее слушали когда она читала вслух. И только я по глупости ткнул в это пальцем, разбередив какую-то старую рану. Я не знал что сказать. В голове было пусто. Пусть она и не человек,

но для меня она нужнее любого другого. Она мне нужна.

— Я с тобой. И буду с тобой. Ты мне нужна. — вот и все что она услышала. Я сидел рядом с ее кроватью и слушал как она успокаивается.

Когда рыдания стихли, я встал, снял скафандр и сел рядом с ней. Она протянула руку, взяла мою ладонь и приложила к своей мокрой щеке. Мы молчали. Я обнял ее и начал поглаживать свободной рукой ее по спине.

— Я останусь с тобой не смотря ни на что. Ты мне нужна. — еще раз повторил я и как-то внезапно понял, что так оно и есть. И что не надо других слов и пояснений, и что эти глупые и корявые слова на самом деле и есть то, что я чувствую. То, что хотел сказать и сделать. А она мне нужна. Просто так. Чтобы просто была рядом и никогда не плакала. Она уснула. Так же молча. Я укрыл ее одеялом и пересел, опершись спиной на кровать. Сон пришел незаметно.

Когда я проснулся Насти в кровати не было. Со скрипом разогнувшись, я вышел из ее закутка в основную комнату.

— Привет, — махнула она рукой на мое появление, отложив книгу, — Сейчас подогрею чай и мы поговорим. И еще, умываться — вон там.

Приведя себя в порядок я устроился за столом сбоку от нее. Почему сбоку, а не напротив? Так моя кружка там стояла. Логичнее было бы устроиться напротив нее, но мне вспомнился один урок из курса психологии, о том что такое положение настроило бы нас на конфронтацию, просто подсознательно. А она хотела этого избежать. Похоже что устроенная отцом мозголомка действительно начинает работать, а я стал «больше изнутри», раз начинаю обращать внимание на подобные мелочи. Я почувствовал что пауза затягивается, но никак не мог придумать подходящих слов чтобы начать разговор. «Как дела?» — звучало бы глупо, «Как спалось?» — еще хуже. «Что мы будем с этим делать?» — испортило бы вообще все. Да еще и могло спровоцировать повторную истерику.

— Ну раз молчишь и слова с мыслями в кучу собираешь — доброе утро, — сказала она.

— Знаешь, я перепроверила еще раз, то что мы обнаружили ночью, ты прав. Страницы в записи пустые. Но в «живую», держа книгу в руках я могу ее читать, даже если до этого никогда не читала. Правда, работает это только с моими книгами. Замена обложки, как это сделал ты не работает с книгой взятой здесь.

— Значит ты уже знаешь что написано в твоей книге, даже если не читала ее раньше — предположил я, — И подмена листа текстом возможна только для книг которые тебе известны.

— Как-то так, — согласилась она. — Страница уже есть в моей голове, когда я начинаю ее читать, но содержания ее я не знаю. Это как работать с дополненной реальностью. Текст появляется из ниоткуда.

Она выглядела грустной и растерянной, совершенно непохожей на комок жизнелюбия и радости, как она выглядела обычно, и мне не хотелось ее еще больше расстраивать. Поэтому я предложил: — А давай забудем на время об этом и займемся чем-нибудь другим?

— Например? Будем искать у меня хвост с рогами или еще какие отличия от человека? — произнесла она грустно и чуточку зло.

— Ну, — я смутился и решил свести все к шутке, плоской и глупой, — Органолептическое исследование будет крайне для меня приятным, но увы недостаточно достоверным. Потискать я тебя буду очень рад, но только после свадьбы.

— Это намек или предложение? — иронично произнесла она, подняв одну бровь.

— Оба, — честно ответил я.

— Я подумаю над этим, — неожиданно серьезно ответила она.

От продолжения этого сложного разговора меня спас звонок. Шлем стоящий на углу стола запищал и мне пришлось его надевать.

— Доброе, — хмуро поздоровался отец, — Ты с Настей?

— Да.

— Тогда собирайтесь и пойдете завтракать, у нас сегодня много работы. Сборка первой партии завершилась, сейчас перекусим и пойдём развешивать.

— Сейчас будем, — ответил я и снял шлем.

Этот короткий разговор помог снять неловкость, и мы с Настей улыбнулись друг другу разошлись облачатся в скафандры.

Наскоро перекусив в столовой мы переместились в мастерскую. Отец подключил аккумулятор к собранной модели и запустил тест. Небольшая коробка с четырьмя пропеллерами на расставленных в стороны штангах, пожужжала винтами на столе, откалибровалась и уверенно поднялась в воздух. Дядя Яков иронично хмыкнул, а отец ответил всем сразу на невысказанный вслух вопрос.

— По сути это детская игрушка, беспилотный летательный аппарат с камерой. Но наши потребности она перекрывает по функционалу. До нормальных патрульных дронов не дотягивает конечно, но нам хватит. Сторожа с потоковым сравнением видео с камер я сейчас настрою и можно будет рассылать их по коридорам. Пусть носятся.

— Ты уверен что этого хватит? — спросил его Яков.

— Конечно нет, но мы уже перестанем быть слепыми на ближайших подступах.

— И что у них со связью? — продолжил допытываться Подгорельский.

— Плохо со связью, поэтому будут работать пакетами, проскочил маршрут, сбросил видео, ушел на новый круг, а оно обработалось и если появилось отличие — подаст сигнал оператору.

То есть даже в реальном времени не послать, — с некоторым разочарованием протянул Яков, — В чем тогда наша выгода? Могли бы так камерами обложиться. Что скажешь, Максимка?

Неожиданный вопрос немного встряхнул меня. Я попытался почесать в затылке, но как и последние дни, лишь поскрежетал перчаткой по шлему.

— Большее расстояние охвата, — сделал предположение я, — А еще оно летающее, а значит вне досягаемости для атаки с пола.

— Молодец, не вся каша в ягодицы пошла, и на мозги осталось, — подколот он меня, — А недостатки какие видишь?

— Шум и емкость батарей.

— Еще.

— Пакетная работа, даст задержку в реагировании на угрозу. Нет вооружения. Нет прямого контроля оператора.

— Василич, ты просил быстро — я тебе дал быстро и дешево, так что ты теперь тут выплясываешь «арбузы у тебя мелкие и кислые», тыча пальцем в крыжовник? — сыграл обиду отец.

— Да все то, Миша, максимум по формуле «быстро-качественно-функционально выбери два». Это чтобы не радовались особо. А развешивать ты их как будешь?

— Ты и сам понял. Вручную. Ставлю ретранслятор, зарядку и по первому кольцу веду в ручную, затем переписываю ключевые точки в другого и оставляю самих крутиться.

— Тогда бери Настю и занимайтесь этим, а мы с Максом кое-что другое проверим.

— И куда вы?

— Поставим шлюз к выработкам и с помощью одной из игрушек осмотрим шахту.

— Внутрь не ползете? — встревожился отец.

— Нет, Максова подбочковая наука еще результаты не озвучила, на что зверушки клюют, на мошку или на блесну.

Настя надулась и засопела, придумывая едкий ответ, но Яков Василич уже

переключился на меня

— Так, Максимка, берем пяток штук с собой и пошли, нам еще дверь делать. Будем к ужину.

Отец провел короткий инструктаж по сборке дронов и скопировал программы управления в память скафандров. Управлять ими оказалось несложно, так что разобрались быстро. Удивила Настя, она успевала рулить десятком дронов одновременно, а на просьбу научить только отмахнулась.

Погрузив собранные дроны мы выехали к шахте со стороны завода. Но где-то на середине пути Подгорельский остановил наш транспорт и полез в коробку.

— А что это и зачем?

— Модуль для внедиапазонного наблюдения. Обычно он настраивается на тепло, но нам сейчас надо в другую сторону уходить, «зверушки» тепло почти не излучают, это я сразу проверил, когда попался, а вот в ультрафиолете их следы видно.

— Дядь Яков, и как же тебе удастся всегда брать нужный инструмент с собой, — удивленно протянул я.

— Да если бы, — он покачал головой, — Сам как думаешь, было бы во мне столько железа, если бы я заранее знал, где соломки подстелить? Когда Костя сказал, что его дрона в шахте что-то органическое прибило я только фонарик с лампочкой Вуда найти и смог. Вот и не уберегся. Это сейчас более-менее подготовился. Иди сюда, помогу закрепить и подключить, пока доберемся чутка попривыкнешь через него смотреть.

— И что я в нем увижу.

— Любая органика в нем начинает светится. Чаще всего оттенками от желтого до серебристого, а вот цвета пропадут совсем, так что нужно время на адаптацию. Следы ты в нем увидишь. Пятна крови, мочу, прочую органику. В прошлый раз мы с Мишей следы так заметили, я на всякий случай подсвечивал.

Сляпанная на скорую руку стенка все еще держалась. По крайней мере в ней отсутствовали дыры и ходы, а перед ней пол выглядел чистым.

— Все еще не проели, — ухмыльнулся дядя Яков, — Так, Максимка, бери турели и ставь их как у тебя мысль сработает, а я потом переставлю как надо.

Разумеется у меня не вышло. Но хоть с направлением угадал, саркастично прокомментировал я его объяснения своих ошибок. В этот раз внутренний диалог наружу не вышел, значит начинаю приходить в норму.

Мы подошли ближе в стенке. Подгорельский подрезал натеки пены с застежек ящика и открыл его. Он был пуст. На что собственно я рассчитывал? Но странная досада на не оправдавшийся сюрприз все равно оставались.

— На, выпиливай дно близко в краям, — он протянул мне инструмент, — а я привезу железо, с той стороны стену обошьем, хотя бы до пояса.

— Так нельзя же разделяться? Ты сам говорил.

— Во первых, разделяться нельзя вам. Во вторых, за железом я съезжу быстро, потому что заготовил его заранее. В третьих, ты остаешься под присмотром этих двух мухобоек. В четвертых, у тебя есть инструмент и задача, и пока ты делом занят, никуда не сбежишь.

— В пятых, «ты еще маленький и должен слушаться старших», — продолжил я за него.

— Нет. Я хотел сказать что ты прав. Мы не должны разделяться, но обстоятельства требуют другого. К сожалению. Не хватает нас тут для нормальной работы, вот и будем

искать компромисс.

— Едем вместе — теряем время, мне — бессмысленно, тогда ехать тебе, — проговорил я цепочку размышлений, — Тогда не задерживайся.

— По возможности. Если закончишь быстрее чем я вернусь, вычищай пену до второго ящика. Они спина к спине стоят. Будем из них импровизированный шлюз делать. И на ту сторону — ни ногой.

— Принято, — и я отправился пилить.

Подгорельский вернулся достаточно быстро, я как раз начал прорезать дно второго ящика. На этот раз я заметил его появление раньше, чем он очередной раз шлепнул мне по шлему, так что я был доволен. Как и он в принципе.

— Кто молодец? — спросил он, и сам же ответил, — Я молодец. Рад, что в тебе появилась привычка контролировать «хвост». Все тихо?

— Совершенно. Даже мухи не летают.

— Добро. Заканчивай тут, а я пока камеру на ту сторону просуну, — я вернулся в работу, а он начал возиться со стеной за пределами моего поля зрения.

— Максимка!

— Что? — я остановился и на всякий случай вынырнул на открытое место.

— Нам везет, — сказал он и перекинул на меня видео с камеры на той стороне. Там был обычный пустой коридор.

— Так нет же ничего, — протянул я посмотрев на коридор пару минут.

— И это очень хорошо, что нет. Значит сможем нормально укрепиться и никто нам не помешает. Так что пили спокойно, со здоровой паранойей, я имею в виду.

— Да я почти закончил, — отрапортовал я, — в верхнем левом и нижнем правом по кусочку оставил, как дополнительную страховку.

— От молодец, растешь в моих глазах как на дрожжах, — развеселился он, — Пусти-ка меня.

Он дорезал кусочки и рывком выкатился на ту сторону, быстрее чем режущий диск остановился.

— Хватай две пушчонки и идем сюда, — позвал он, — Время строить оборону.

Выставив турели мы укрепили наружную стену металлическими листами и вернулись на свою сторону. Пришло время для разведки.

Дрон выполнил предполетный тест двигателей и поднялся на середину коридора. Сигнал с его камер шел стабильно, управлялся тоже.

— Ты молоде, тебе и джойстик в руки, — передал на меня управления дядя Яков, — Рули и исследуй.

Немного приноровившись я повел дрона вглубь в шахту. Ну что я могу сказать — это было скучно. Поначалу еще было интересно, сложно, когда я чуть было не чиркнул стену, излишне разогнавшись, но новизна достаточно быстро сошла на нет. Ни на стенах ни на полу не было никаких признаков активности гусениц. Тишь и благодать.

— Дядь Яков, а ты уверен что это коридор вообще с остальными сообщается? — в какой-то момент засомневался я.

— Схема говорит что да, если ей можно верить. — ответил он и показал мне карту, — Можешь провести его вот сюда?

— Готово, — на всякий случай продублировал я голосом, выведя дрона на нужную точку.

— На экране был обычный коридор свежей выработки. Когда добывающий комплекс уже прошел, но систему транспортировки еще не протянули и от комплекса до приемного бункера катаются роботы доставки, перевозя породу с рудой. Сейчас они все были остановлены.

— Где-то тут нам надо найти тот отнорок, из которого все и полезло. Так что смотри в оба, — пояснил дядя Яков, — На карте его не будет. Но Костя говорил, вроде справа от комплекса.

Мы проверили несколько проходов, но в них ничего не было. Серо-рыжая основная порода перемежалась включениями руды, красивыми фиолетовыми полосами.

— Дядь Яков, а что это за минерал? — спросил я.

— Не скажу, Максимка, не помню. Я вообще в геологии не особо. Так, пару тройку полезных знаний перехватил, из тех что «по этой штуке не стреляй, а за этой не прячься». Это тебе нормального геолога надо спрашивать. Стой!

И я резко затормозил дрон. Под ним в свете лампы мерцало бледно-зеленое пятно. Видимо нашли. Я отвел дрона чуть выше и назад. Пятно перестало быть заметно.

— Зараза, надо ближе подсвечивать. — проворчал Подгорельский, — Лампы слабые.

Я послушно опустил дрон ниже и прошелся по коридору. Выявляя следы от гусениц. Все они расползались от одного их коридоров, причем не того, что мы обнаружили первым.

— Вот и выяснили рассадник, — довольно ухмыльнулся дядя Яков. — Вот теперь мы поменяемся, настала моя очередь на вас охотиться.

Но тут пришел вызов от отца. Я даже подпрыгнул немного от неожиданности.

— Как успехи, разгильдяи? — поинтересовался он.

— Нашли гнездо паразитов, — со счастливой ухмылкой ответил Яков. — Теперь никуда не сбегут.

— Вот и славно. Но война — войной, а обед по расписанию, дуйте на базу. Настя опять эксперименты проводила над едой, и я это в одиночку пробовать опасаясь.

— Сворачиваемся, — приказал дядя Яков, — Паркуй дрона на крышу погрузчика, проверим, съедят его или нет. Заодно и нужный коридор под наблюдением оставим.

Так мы и сделали. Я припарковал дрона, мы еще раз проверили, как закрыт наш импровизированный шлюз и поехали в жилой блок. И хоть шлюзом называть эту конструкцию можно только с большой натяжкой, свою функцию по разграничению доступа она выполняет. А после того, как крышка ящика, стоящего на внешней части стены, обзавелась с одной стороны листом металла, а с другой эксцентриковым запором, так и совсем стало похоже. А если залить спецпокрытием, так и вовсе станет герметичной.

Закончив с обедом и прибрал за собой мы налили по второй порции компота. Отец выглядел лучше, чем утром, и явно задумал какую-то каверзу. По нему это вообще видно, он не особо старается скрывать свое настроение.

— Ну что, перекусили? И пока у нас есть кусочек от обеденного времени, можем немного побросать тапки и позавинчивать кузнечные заклепки, — вкрадчиво начал отец.

— Опять разнос? — с подозрением протянул я.

— Ну что ты, исключительно некоторые факты для лучшего понимания. Начнем?

— Ну, давай, — со вздохом протянул я, настраиваясь на лекцию в которой меня будут тыкать носом в факты.

— С чего начнем, с матчасти или опять за социалку пойдём? — спросил отец.

— Давай за технику. Социальные отношения я с прошлого раза понял что не знаю.

— А нет у тебя техники, мой юный понаписатель, а есть кобыла или жеребчик благородных кровей. И вот тут начинается ад.

Понимаешь Макся, лошадь — это живое травоядное существо, своим метаболизмом принужденное большую часть суток жрать. Чтобы просто жить, оно должно лопать от 50 кг травы в день. А чтобы таскать на себе груз или ходить далеко и быстро, нужно очень много калорий. И их, эти калории, ты должен будешь ей обеспечить. Это раз.

Два. Запомни и постарайся осознать. Лошадь — это живое существо. Это не мотоцикл, который на траве работает. За ней требуется постоянных уход. Каждодневный. Ее нельзя оставить в гараже на выходные, а наутро пришел и поехал. Ей нужна каждодневная нагрузка, минимум хоть пять километров на ней в день ты должен отмахать, или она начнет болеть. И еще, как поработала — два часа ее поить нельзя, опять заболит, застудится. Вот сиди и карауль, чтобы сохранить ее в целостности. Как часто ты ее например мыть будешь? И в каких местах?

— Ну как испачкается, грязные места, — протянул я. Лошадей больше не хотелось, даже в рассказе, но я четко понимал что это еще даже не цветочки, а так, первые листики.

— Не угадал. Лошадь живая, и, что закономерно, потеет. И потеет вся. И мыть ее от пота надо тоже всю. От ушей и до копыт. Да, задницу с пахом тоже. Каждый день. Тепленькой водичкой, чтобы не застудить, а то заболит. Осенью-зимой еще и от сквозняков старательно беречь. И на потертости спину проверять, а то минимум — ты ее не оседлаешь пока спина не заживет. А еще есть копыта.

Что у нас есть копыта? Правильно, роговая пластина, прикрывающая палец от истирания. Лошадь вообще с опорой на один палец бегают, ну да мы не об этом. Как часто меняются подковы и для чего они нужны?

— Эм, раз в сезон, ни и если потеряет, — выдвинул предположение я.

— И опять не угадал. Копыто растет постоянно. Значит подкову нужно менять раз в шесть недель, в среднем. Осматривать — ежедневно, и если есть признаки повреждений то снимай, лечи и подковывай заново. Но это при условии что оно требуется. Если твоя лошадь идет по камням или льду, то подкова нужна обязательно, чтобы она свои копыта не стерла в ноль. По мягкому грунту можно не возиться. Что ставит вопрос о дорогах, но к нему вернемся попозже. И да, подкова для льда нужна специализированная, с шипами, потому что лошадь сломавшая ногу или растянувшая связки — это скоропортящееся мясо на корню. Вылечить

ее нельзя. Точнее, на указанном тобой технологическом уровне.

А еще есть мухи и прочие паразиты. Это технологичный движок их перемелет за счет избытка мощности, а вот живое существо от них страдает. От слепоты от мошки в глазах до язв и гнойников на коже от овода и ему подобных, и это без учета эндопаразитов. Минимум, ты не можешь на ней ехать или работать, пока вокруг выются тучи мух. Они просто заставят твой транспорт перенервничать и сбросить наездника.

Проникся? Давай еще краем заденем рацион. При открытом свободном выпасе тебе надо проверять поляну, на которой твоя живность столуется, потому как не все что растет можно есть. Разлет от поноса и колик, до быстрого перехода в мясо на корню или падаль. И не забывай о витаминах и минералах, как минимум соль должна быть в достатке. Или летит натриевый баланс и работать она не будет. И при этом есть индивидуальные пищевые пристрастия, она же живое существо. Хватило для начала? Судя по твоим грустным глазам, вполне.

Теперь давай вернемся в тому, а как они поедут? Как в том стишке про старика, ослика и внука. Помнишь?

Вспомнил? Так как они поедут? И кроме всадников у тебя еще какой-то вес был.

— Так вроде Стелла и сумки едут на лошади, а рыцарь бежит рядом, — вспомнил я последний кусок текста.

— И снова три залета. Не веришь? Давай посчитаем. Первое. Опять проблема калорий и их добычи. Движение идет равными промежутками. Два через два, три через три, шесть через шесть, чтобы твой транспорт успел поест и отдохнуть. Да, и учитывай, что в лесу травы нет. Только на полянах. А еще нужна вода. Второе, скорость и пройденный путь. Лошадь, мой юный друг, может выиграть в скорости, но вот в выносливости человеку проигрывает на длинных дистанциях. И выше скорость — короче путь. Больше вес — короче переход. Средний дневной переход от двадцати до сорока километров. Всего. Прошли больше — значит взяли займы у завтра, и потребуется более продолжительный отдых. И тут мы подошли к самому забавному. Статус и социология, — он останавливается и отпивает компота, чтобы смочить горло.

— Может длинные уши твоей эльфийки и могли бы спасти ее от статусных заморочек, но только в случае богатой одежды. Это, дружок, хоть и кривенькое, но средневековье. Хотя тут еще много чего уточнять надо, но вернемся пока к поездке. Смотри, при мужчине-наезднике, женщина может ехать четырьмя способами. Спереди — жена или любовница, сзади — слуга, и два варианта переброшенной через седло. Спереди — дорогой груз, сзади — так себе.

— Что это еще за... — возмущенная Настя замахала в воздухе руами, подыскивая правильные слова, — Шовинизм и угнетение.

— Средневековье во всей красе, — отец развел руками, — А что ты хотела. Пусть оно даже искусственное и контролируемое, как у Макса. Мы в прошлый разговор это выяснили, статус женщины вынужденно сведен до вещи, имущества.

Оно, конечно, возможно, более высокий статус у породистых представительниц правящего сословия. Но чем ты это докажешь и покажешь? Дорогие ткани и вычурное платье, обилие золота и иных статусных украшений, эскорт и охрана? Если я правильно запомнил, едет она в одной рубаше с чужого плеча с одним рыцарем. Как кстати его зовут-то, а то я запамятовал, — спросил он у меня.

— Альберт Лонгсворд.

— Не устал его так называть? — ехидно поинтересовался отец.

— Нет, у меня текст от первого лица, я его никак не зову. — ответил я.

— Хитрец, — он рассмеялся с доброй улыбкой, — ловко вывернулся. Но вернемся к порядку движения. Как они будут размещаться?

— По лесу, Стелла едет, Альберт идет рядом.

— Это дружок и так понятно, как они поедут в обжитых местах? Рассуждай.

— Для скорости он посадил ее в седло, а сам идет рядом. Она легче и это дает прирост скорости. Пока вокруг лес, все нормально.

— Так, принимаем. Проговорили уже.

— Когда выходит к людям, берет ее к себе седло, — проговаривая я пытаюсь вывернуться из указанных рамок.

— И куда? Ясно что не как груз, но вперед или назад?

— Перед собой, — я даже немного внутри зажмурился, прежде чем так сказать, уж больно пристально Настя на меня смотрела.

— И скорость падает еще немного. Потому что ее нужно поддерживать и ловить, а для лошади дополнительная нагрузка, — тут же добавляет отец.

— Зато в город приехали. Можно эльфийку переодеть и купить для нее коня.

— Какой город? Это хутор на дальних выселках. У тебя в тексте было. Максимум помыть можешь и слегка приодеть. Сменную рубаху и сарафан какой.

— Почему это?

— Экономика. Дальний хутор — это натуральное хозяйство, тут нет излишков. Практически все что производится — это сырье. Деньги появляются при переделах и торговле. А у начала производственной цепочки — излишков нет. Весь прибыток конвертируется в необходимое, то что не производится на месте. Да, незначительные запасы будут, но я тебе их уже озвучил. Одежда и, возможно, обувь. Ношенная. Хочешь нового — поезжай в город, чем больше — тем шире выбор товаров. Та же проблема и с лошадьми. Все что есть — это либо запас мяса до осени, либо рабочая сила. Свободный выпас и разведение с селекцией — при большом городе, где экономика может это позволить. Вернемся на минутку к лошадам, до полутора лет — мяско, свыше — заготовка под рабочую скотину. Потому что мясо грубеет. Жестче становится. А к работе и седлу начинают приучать после четырех, потому что до этого сил не хватает. Но у тебя в руках есть авторский произвол, рули как хочешь.

— Тогда им повезло. Умылись, приоделись, обзавелись дополнительным транспортом, — решил я. Могу же я хоть как-то уравнивать шансы.

— Принято. И что у нас дальше? — слишком легко согласился отец. У Подгорельского появилась тень усмешки на лице.

— Едут до города, докупают недостающее, прибывают в родное баронство, к магу.

— И никаких проблем?

— А вот нет. Экономика и политика стабильны, как следствие на дорогах отсутствуют разбойники, — отрезал я.

— А самые главные разбойники? — с подковыркой спросил дядя Яков, — Которые удельные бароны и прочие вассальные шишки?

— Одиночный рыцарь со спутницей движется проездом, никого собой не интересуется.

— Несостыковка. Твоя эльфийка любопытна и постоянно ищет приключений на полупопия, — при этих словах отца я немного смутился, а Настя, на которую все дружно

покосились, покраснела.

— Ладно, какие тут подводные камни? — замучено спросил я.

— Тут с более глобального начинать надо. Что у тебя там с исторической ступенью развития общества?

— Феодализм, свободные арендаторы. И я помню чего ты мне наговорил в прошлый раз.

— Именно феодализм, не абсолютизм? — продолжил допытываться Яков.

— Так, что я опять накосячил?

— Слово запомнилось, вот и цепляешься за него. Феодализм, Максимка, это раздробленность, куча автономных банд по сути, и все со всеми толкаются боками. В таких условиях конфликты неизбежны. И ничейный латник на дороге вызовет интерес. Либо это шпион, либо кошелек на лапках, с которого можно что-то поиметь кроме проблем. Как минимум лошадь и доспехи, — пояснил Подгорельский.

— А вот следующий вариант ближе к твоему антуражу. Это когда появляется самая большая шишка в этом болоте и не дает разгуляться всем остальным. Король, монарх, царь, император, ну и другие названия. Его личная банда самая большая, да плюс его сторонники. И пока не соберется достаточно сильная коалиция против него, он продавит любого. Опять же, при короле обычно проявляется дополнительная структура власти — религиозная, обычно с единоначалием и единобожием. И идет параллельно. Твои монастыри, как хранилища знаний, в эту картину вписываются, — подменил его отец.

— Ладно-ладно, я понял и проникся. Но как это может повлиять на моих героев? — я попробовал увернуться от сложностей.

— Наименьшее — побьют твою эльфу, за то что символ веры не знает. Проезд для иноверцев будет дороже. И так далее, — опять Яков. Договорились они что-ли.

— А знаешь, что самое забавное во всем этом разборе? Ты можешь смело его вообще проигнорировать. Оставить за рамками уход за лошадью, как в большинстве книг. Проигнорировать сословные предрассудки и рамки. Эту историю ты пишешь, — выдал неожиданную для меня мысль отец.

— Да вы издеваетесь, — вскипел я, — Закатали лекцию и натыкали носом во что только смогли придумать, а теперь «делай как хочешь, клавиатура у тебя»!

— Да, — спокойно встретил мою вспышку отец, — Именно так. Забей на все, твори любую чушь. И у тебя все равно будут свои читатели. Но вот авторы, внимательно относящиеся к деталям обычно вызывают больше уважения.

— Так, пока ты в драку не полез, добавлю еще пару пятаков, — прибавил Подгорельский, — Не укладываются твои рыцари в картину мира. Тут такая штука выходит, задача любого безземельного рыцаря в ту эпоху — дороже продать свой меч и голову. То есть пристроиться в дружину где кормят получше и по результатам обзавестись землей и людьми на этой земле, чтобы было кого грабить. А твои больше на ведьмаков — охотников на чудовищ похожи. Собираются ватагой, вычищают живность в окрестностях новой деревни, завозят переселенцев и кто-то один получит следующее звание, а поредевшая группа идет дальше. И так пока что-то не кончится, или земля, или рыцари, или свободные переселенцы. Это задача или для вольных охотников или для регулярной армии. Вот только история нам рассказывает что в условиях феодализма с монархией армий нет.

— Да как нет, «Созвал царь ближников своих с дружинами» и так далее, — возразил я.

— А дружина у нас что? Банда, занятая сбором податей с приданных территорий и

охраной границ. И такие же банды признавших твое начальство главарей соседей. И родственники. И по возможности — ополчение, те поселенцы, что можно временно собрать без ущерба для урожая. И ключевое слово тут — временно, — пояснил свою мысль дядя Яков и продолжил, — И учти, воевать и строить — это очень разные задачи. А это накладывает свой отпечаток даже на строение скелета и развитие мышечного волокна. Больше статических нагрузок и выносливость для строителя, и быстрые, взрывные действия для бойцов. Совмещать сложно.

— А как же тогда римские легионы? Они строили и укрепления и дороги, при этом завоеывая все новые территории для империи? — неожиданно задала вопрос Настя, опередив меня на мгновение.

— Так они как раз регулярны, — ответил он ей, — Срок службы в легионе двадцать лет для пехоты и десять для конницы. Это уже армия. Но они из другого времени.

— Совсем вы нашего летописца загрузили, — вступилась за меня Настя, — То запинали с ошибками и невниманием к фактам, то «не нравится — не слушай, ври как хочешь». Чего ему делать-то теперь. Вон глаза какие грустные и уши обвисли.

— А вот и тебе задача, погладить, причесать, нос гуталином натереть до блеска, уши подклеить. Чтоб в целом выглядел здоровым и счастливым. Без этого сего красавца не продашь. И для того вы остаетесь на хозяйстве, — посмеялся отец.

— Мы с Василичем ближней разведкой займемся, а вы тут будете, по горячим впечатлениям может продолжение напишете. С базы ни ногой. И да, с тебя еще доклад по результатам, чего там по зверушке, достаточно нашинковала для супа?

— Достаточно, как раз к ужину сварится, — парировала Настя, — Точите вилки, мойте ложки. Будем расхлебывать чего из вашего трофея наварилось.

Отец хлопнул меня по плечу и они вышли. Я продолжил сидеть за столом подперев голову руками. В голове было пусто гулко, и одновременно с этим, плавали обрывки разговора. Думать, оказывается — это больно.

— Не кисни, — поддержала меня Настя, поставив передо мной кружку с крепким чаем, с поднимающимся парком, — Сейчас мысли в горсть соберешь и такого придумаешь, что только крякнут от удивления. Ты у меня умный.

Она улыбнулась и каким-то маминым жестом подперла рукой чуть склоненную набок голову под подбородок.

Я молча смотрел, как над кружкой поднимается пар. В набитой ватой голове кипели и бурлили мысли, а зацепиться и подумать какую-то конкретную не выходило. Одну идею сбивала другая и так по кругу. Настя сидела и смотрела на меня. Наконец она не выдержала.

— Так что будешь дальше делать?

— Думать. Несмотря на то, что очень хочется все бросить, думаю что надо наоборот продолжать. Этим бессовестным хоть бы что, протоптались сапожищами, переломали все до чего дотянулись и в кусты, а мне сиди теперь, обтекай. Разнесли, блин, карточный домик мечты, — я замолчал, погружившись в раздумья.

— Ну слушай, Михаил Андреевич оставил же тебе лазейку, ты можешь вообще все проигнорировать, что они наговорили. Это же действительно твой авторский мир, и как ты его напишешь, так и будет, — предложила она.

— Так то оно так, но я-то теперь сам буду чувствовать фальш в придуманном мире, а дальше эти трещинки начнут увеличиваться. Они правы и неправы одновременно. Если тащить весь-весь реализм который они вывернули, то надо все сносить и начинать заново. Но это будет совсем другая история, без эльфов, рыцарей, интересного мира с твоей магией без магии. Вообще все другое. А мне хочется именно наперекор этим двум заклепочникам вывести условия, когда написанное уже станет возможно. Вот только я пока не вижу ни цели герою, ни его пути. Буратино родился в богатой семье и золотой ключик ему без надобности, — и я опять погружился в размышления.

— А куда ты хотел изначально прийти? Какая была цель у героя? — не унималась Настя.

— Изначально это было необязательное задание по литературе, «попробуйте описать день из жизни глазами героя из прошлого». В день я конечно сразу не вписался, но было интересно. Еще гордился вниманием к деталям, блин. Шкуры у волков летние, с фонарем возни много, — и я опять сник.

— А оказалось все совсем сказочно и волшебно. А к деталям и не то что рядом не лежало, а даже в ту сторону не смотрело, — развеселилась она, но подобралась и продолжила свои попытки меня расшевелить — Ну не кисни ты так, ничего слишком ужасного с твоим повествованием не случилось, ну добавишь в паре-тройке мест «расседлал и обиходил коня», «задал ему травы», «полечил копыта».

— Это то самое простое, в любом месте подставлю, чуть подправлю и все отлично. Тут в другом дело, я глобальную идею потерял. Для чего это все. Ну да, съездил до схрона, добыл себе эльфийку — пилота. И что с ней дальше делать? Зачем эльфийка нужна? Какой толк от того что она пилот? Зачем все эти телодвижения? — продолжал предаваться унынию я.

— Вот можно подумать ты не знаешь для чего молодым парням нужны молодые девицы, — с ехидцей начала Настя. И у меня лопнуло терпение. Я резко вскочил, перегнулся через стол к ней, поймал ее за голову и подтянул к себе.

— Знаю, — произнес я и смачно чмокнул в нос. Из вредности.

— Ну, знаешь ли, — она опешила и вырвалась, хотя я ее и не держал особо. Встряхнувшись, взяв себя в руки и протерев обслюнявленный нос ладошкой, она продолжила ехидничать, — Судя по натурному эксперименту — нет. И губы у меня ниже носа. И вообще это делается не так.

— А как же все эти твои, «после свадьбы»? — вернул я ей шпильку. И тут она задумалась. И я даже немного заволновался, уже зная ее взбалмошность.

— Пожалуй да, повременим до официального предложения руки, сердца и трех почек, — выдала она результат своих раздумий.

— А почему трех? — обескураженно спросил я.

— Со строением разобраться хотела. И не пытайся укоротить список, — отшутилась она, — Но что-то мы в сторону ушли, так что ты с текстом дальше делать будешь?

— Понимаешь, до всех этих событий я как-то и не задумывался, что условия в которых я живу, были не всегда, да и вообще, мир вокруг устроен гораздо сложнее, чем я о нем думал. Хотя современности мы и не касались.

И тут она расхохотала. Не даже не так, она заржала. До слез, до всхлипываний.

— Ой не могу, — выдавила она сквозь приступы смеха, — И как же ты до этого книги читал? Гвардейцы кардинала режутся с мушкетерами, воровато оглядываясь на приближающегося милиционера в форме. Кorteж с каретой короля стоит на перекрестке и ждет когда на светофоре загорится зеленый.

— Ну не настолько, — я даже обиделся, — Скорее переносил современные и привычные мне условия на читаемое. Свободу, безопасность, социальные лифты. Не задумывался об этом. Я читаю книгу про дворянина, не думая за счет чего и, главное, кого он так хорошо живет. Так повествование этого и не касается. Не задумываешься, что рыбалка — это промысел, а не «посидеть с удочкой на берегу» и вопрос, ляжет ли твоя семья спать голодной, стоит именно так. А вышедшая на дорогу перед героем ватага разбойников, и которых он с легкостью порубит на куски своим булатным сверкающим мечом, это одуревшие с голоду крестьяне, у которых жук посева поел. Или старые фильмы про супергероев, герой в центре повествования, борется со злодеем, бам, бум, бдыщь, все вокруг горит, взрывается, падают дома. Переживаешь за него, сочувствуешь, и в голову не приходит задуматься, а чья это машина пролетела в кадре? Человек ведь на нее деньги копил, на чем-то экономил, а в рухнувшем от злодейского удара доме жило много семей, и все ли успели спастись? Но повествование же идет мимо, переживаешь ты за героя, хотя на самом деле ты один из тех, чью жизнь они сносят мимоходом. Но фильм заканчивается и ты выходишь на улицу, делать свое маленькое дело. Твердо будучи уверенным, что в твоей жизни такого точно не будет, а уж если произойдет, то ты всем покажешь. Ведь ты точно будешь героем. Никто не думает что он будет «вон тот, третий справа в массовке».

— Ну и как это касается твоего повествования? — Настя посмотрела на меня склонив голову набок.

— Та самая экономика с социологией, которой отец меня шпыняет. Я пишу «Рыцарь ехал на коне мимо своего поля» все замечательно, картинка есть. А какого размера это поле, что на нем растет, сколько человек надо, чтобы обработать это поле? И от ответов на эти вопросы будет понятно, во что будет одет рыцарь, какой у него конь и так далее. Дон Кихот, как бы тоже рыцарь на коне. Но есть нюансы.

— Я смотрю ты достаточно взбодрился и вскипел, чтобы писать продолжение, — мягко улыбнулась мне Настя, — Вперед, мой герой, твой верный секретарь готов записывать твою мудрость для потомков. И цветистостей побольше, пусть эти заклепчики продираются.

Я немного растерялся от резкого перехода, но отступить было некуда. Отпив полуостывшего чая из кружки и потеряв ладонью глаза и лоб я принялся надиктовывать.

***

Дорога в цивилизацию прошла относительно спокойно. Летом в лесу достаточно корма и нас никто не беспокоил. Те меры безопасности, что я применял постоянно, дали свой положенный результат. Места лежек крупных хищников мы обходили, а запаховый след я обрабатывал. Больше всего проблем доставляла эльфа, не проходило и часа, чтобы она не попыталась во чтонибудь вляпаться. Погладить бабочку — кожедку, да без проблем. А то что эта красивая и яркая зараза оставит не один десяток мелких яиц на коже и в одежде про это мы не знаем, этому нас не учили. И что растворить клей на яйцах и обеззаразить рукав можно только едким соком с лианы разлапистой, она тоже не знает. А мне потом ожоги лечи. К вечеру я чувствую себя задерганной курицей наседкой, что устроила гнездо посреди торгового тракта. Никогда не думал, что от детей столько хлопот. Она одна заменяет целый выводок ползунков, когда ходить еще не умеют, но передвигаться уже выходит. Соберешь в кучу, моргнул глазом, и нет никого, только пятка самого неспешного за угол спряталась. Вот слово чести, сам такое видел, в замковых яслях, куда бабы детей приносят, чтоб под приглядом были. В деревне обычно в семье старший за младшим смотрит. Так что момент, когда мы добрались до деревни был для меня самым счастливым за последние года три, не меньше.

***

— Да чтоб вас, — остановился я и схватился за голову, — Это же очевидно.

— Что опять? — возмутилась остановкой Настя.

— Ловушку в тексте увидел. Вот не в жизнь не поверю чтобы они этот момент проглядели. Скорей специально оставили себе возможность вечером меня носом тыкать.

Смотри, рыцарь у нас продукт своей эпохи и социальных отношений. И должен заморачиваться сословным статусом эльфийки. Как с ней обходится и так далее. Ладно, с происхождением более-менее равно, он баронет, сын барона, она дочь эльфийского народа. Но дальше то как? Он опоясанный рыцарь, это уже статус. А она кто? Сейчас гляну, — я взял в руки планшет и промотал на нужный фрагмент, вот «Она что-то вроде подмастерья возчика большой телеги, что может между мирами кататься» — это статус слуги, нет, телега такая что и королю не зазорно на облучке посидеть, не то что поуправлять, но это же обслуга. У него нет понимания что это. И для него это проблема. Ладно, мы можем посчитать что герой у нас такой весь из себя продвинутый и либеральный, от этого он сам может общаться с ней на равных. Без сословных и статусных заромочек. Но как дальше? Вот об этом наши заклепочники меня предупреждали. Немного в другую сторону повели правда, но этот момент все равно должен был всплыть. Для всех прочих, рыцарь тащит какую-то бабу, имущество по сути, и общается с ней как с равной. И в глазах окружающих это не он поднимает ее статус, а наоборот. Так может и рыцарь-то поддельный.

— А я возражу, — вклинилась Настя, — у тебя по истории уже написанного есть вариант перехода между сословиями — сила и направленность магии. И у тебя вообще про сословия не было, а скорее централизованное обучение и воспитание всех детей с разными способностями. Это они тебя с толку сбили.

— Ну так и подходил я к этому вопросу со стороны своего наличного опыта. Из жизни общества равных прав и возможностей для всех. Папа инженер мне плюс три к знанию

математики не дает. Возможности одинаковые, способности разные, а для выбора жизненного пути значение имеют только последние, — продолжал я.

— И чем тебе это мешает? — не поняла она.

— А то, что он гордится тем, что он сын барона. Представитель определенной сословной группы.

— А, ну да, — протянула она, задумавшись. Но быстро вскинулась, найдя решение, — Продолжай в том же духе. А любые вопросы окружающих решаем старым-добрым физическим насилием. Ну нравится ему вокруг этой эльфки увиваться и оказывать ей знаки внимания — пусть развлекается, а полез с вопросами — держи аргумент в голову сапогом. Или два. Ибо право сильного. И все вокруг дружененько помалкивают.

— А если эти же вопросы от равных? — начал я просчитывать варианты.

— На выбор «моя блажь» и «королевская воля», — предложила она.

— Какая воля? У меня не было этого в тексте.

— У кого клавиатура, тот и прав, — отрезала она.

— Брысь, негодница! Но ладно, со скрипом принимаем, только воля отцовская, — согласился я с ее доводом.

— И вообще, может он за невестой ездил, с квестом, в дальний монастырь, — предложила еще один вариант Настя, — Можешь вообще это в тексте обыграть, «моя баба, как хочу так ее и танцую».

— Принято. На чем мы там остановились?

— В деревню он ее привез. Мыть и одевать. И что-то красотостей в этом участке маловато.

— Это он просто устал. Пиши давай.

***

О, как же благодатно действуют на душу и тело благородного человека хоть несколько дней праздного отдыха. Поставив коня в стойло, под надзор семьи старосты этой богами забытой деревни и отмывшись до скрипа в специально для меня натопленной бане я ощутил себя как заново родившимся. А одно то, что за этой взбалмошной девицей хоть пару дней не требовался пригляд дало мне насладиться отдыхом в полной мере. Пара монет из похудевшего кошелька, перебитая кулаком балка в сенях и за вежливый пригляд и полную безопасность эльфки я мог быть спокоен. Старостовы бабы, жена с дочерьми, ее и намыли и приодели, пусть не в парчу и бархат, положенные ей по статусу рождения, но в крепкую и добротную одежду, добытые из чьего-то сундука с приданным. А куча заинтересованных материально наседок не дадут ей убиться быстро. А что до языкового барьера, так только лучше, никакую глупость не сболтнет, что может бросить тень на мое доброе имя.

На удивление она очень быстро научилась помыкать своим сопровождением, если в первый вечер еще то и дело лезла ко мне с доской с вопросами, о к обеду уже справлялась сама. Сложно было отогнать ее от бани, когда я туда собрался. И самое сложное было растолковать почему ей нельзя со мной. Ну да и ладно. Смог же, сдержался, не поддался уговорам, хотя и сильно хотелось согласиться. Хотя ее пришлось бы потом от ожогов лечить, я люблю баню погорячее.

Увы, но отдых слишком быстро закончился и нам пришлось собираться в дальнейший путь. Передо мной встал выбор, докупить лошадку и посадить ее верхом, или нанять телегу с

возницей до ближайшего города, у любого решение есть свои плюсы и минусы.

***

— Теперь что? — задал я вопрос примерной ученице, поднявшей руку, и чем привлечшей мое внимание.

— У тебя стиль изложения сильно поменялся. Будем переделывать или так оставим?

— Еще и это. Так и думал что вваленные лекции не пройдут даром. Дай ка мне планшет, попробую перечитать, может выправлю, — протянул я. И не факт что мне удастся бесппроблемно вернуться к прежнему варианту языка и стиля. За эти дни моя картина мира обзавелась изрядными рогами. И копытами. Перековать раз в шесть недель и смазать трещины. Вот жеж. Запало в память.

— Погоди-ка, — когда я в очередной раз перечитал самое начало у меня появилась мысль, — мой герой может смело забить на сословные заморочки. Потому что по оставленным зацепкам можно вывести глубокий план на игру в долгую. Его специально готовили в этой миссии.

— Ты серьезно? — удивленно посмотрела на меня Настя, скепсис, исходящий от нее можно было руками трогать, а упали он на ногу, отдал бы пальцы.

— Абсолютно. Смотри, он упоминает что с ним занимались по специальной программе. Язык, риторика, логика — слегка непрофильные предметы для барона с окраины. Тем более что язык магов вещь вообще закрытая. Так как они отдельная сословная группа. Тут и специальное обучение под миссию и долгосрочное планирование на окно встречи с кораблем, — спеша и размахивая руками пояснял я.

— А отсутствие сословных заморочек? — уточнила Настя.

— А кто по жопе жгучей травой получил, за подсматривание? Поднять руку на баронского сынка это очень дорого выйдет по итогу. Значит его изначально приучали более-менее равному отношению к людям. Кроме того он упоминает, что учился и играл вместе с детьми слуг. То есть запустился процесс перехода к другой общественной формации. В расчете на новых колонистов, чтобы облегчить взаимодействие. Из этого можно целую интригу вывести. Только не потяну, мда, — смазал я под конец свою идею.

— Да чего не потянешь? Ты же ее уже придумал, — удивилась Настя.

— Придумать — это одно, нужно еще и реализовать. А у меня опыта интриг, скажем так — меньше мелкого. А герои не смогут быть умнее автора. Значит сложный план в головы героям я вложить не смогу. Нету у меня такого опыта, — пояснил я.

— А наши хитроумные советчики? — задумалась Настя.

— Тоже сильно врядли, что отец, что Василич, прямые как нивелир. Внутри сложные, а луч прямой. А тут именно нужен опыт манипулятора. Ну да «война план покажет», как иногда говорит Подгорельский, когда ближе подойдем — тогда и будем думать, а так у нас есть зацепка, — и я протянул Насте планшет и смочил горло уже совсем остывшим чаем, — поехали дальше.

***

И путь обратный наш был легок и приятен, не омрачали его никакие беды и сложности. Прекрасные цветы устилали нам путь, невесомые небесные создания радовали глаз. (Бесову

полян убошли по большоу дуге, себе дороже лезть в такие шуки). Встреч случайных, посылаемых провидением, дабы волю и решимость рыцарскую испытать, не случилось. Мирным и тихим был наш путь. И лишь взор прекрасных глаз был моим утешением, да тихие беседы с моеу очаровательной спутницеу были отрадой в этом испытании. (Еще бы им быть не тихими, стилусом по доске). Негде мне было в бой ступить ратный, показать спутнице своей мощь телесную и выучку воинскую.

Со всей возможной скоростью вез я прекрасную дочь эльфийского народа в замок наш, что на холме цветущем стоит, воплощением силы и основательности народа людей. И хоть и был легким наш путь, и пролетел как краткий миг, но встреча с цивилизацией сладка была и радостна. Перекусив явствами добрыми, наступило время к чистоте телесной приложить усилия. Благо староста деревенский, получив монету звонкую, баню истопить поспешил. А поелику была она недостаточно остывшей, добрый жар выдала быстро.

И наведя чистоту телесную, придались мы отдыху славному, дабы утружденные тела наши в должную форму привести, и запасы в путешествии многотрудном порастраченные восстановить. И было явств на столе нашем в изобилии, от каждого двора несли хозяйки лучшее, дабы соседей своих победить и затмить, в неоглашенном поединке кулинарного искусства. Ибо судить это состязания тайное вызвалась гостья заморская, эльфийского народа дочь славная, о каковых не каждое поколение людей работных и в сказаниях слышало. И тяжек был труд сей, для дочери лесов заповедных, ибо тонка она была как тростинка и великолепия всего не могла бы откусать по ложечке, но встал ей на помощь богатырь славный, протянул руку помощи...

***

— А-а-а, — закатилась в смехе Настя, — Боже ну и ересь. Великий герой протянул руку помощи, — она вытирала слезы и смеялась дальше, — Помылся и давай жрать до чего дотянулся, со всей деревни еду собирали. А уж пафоса-то. Ой не могу больше. Живот разболелся.

— Знай наших, — с самодовольной ухмылкой я поднял к небу палец, но тоже не выдержал и рассмеялся, — А представляешь как они это читать будут?

— Ну я же просила, — простионала Настя, отсмеявшись после этой шулки, — Дай отдышаться, давай перерыв сделаем, у меня руки устали. А в духовке должны были печеньки подойти. Сделаем небольшой перекус.

И я с ней согласился.

Интерлюдия 12

Когда двери закрылись, отсекая оставшуюся молодую поросль в столовой, старшие переглянулись.

— Ну и куда мы сейчас? — спросил Подгорельский.

— Для начала в диспетчерскую. Заберем новую конфигурацию для дронов, может и программу под них переделали. А там видно будет, если «на Большой земле» успели переделать, то в мастерские, вносить переделки и будем на маршрут выводить. А если нет, то по твоим планам пойдем, — выдвинул предположение Рогов.

— Постой, так чем вы все утро занимались? Бы же должны были патрулирование настроить с обратной стороны от шахты и завода?

— А не взлетела идея. Воздух, зараза, среда непостоянная и как я собирался запускать патрульных, по лагу и компасу, не заработало. Я же как собирался, провожу первого по маршруту, списываю с него лог. Выбираю из него точки коррекции курса и пишу его в следующего. И на маршрут. В теории все отлично. Да только вышло как всегда. «Гладко было на бумаге», ага. Записал треклист, отправил. На втором повороте лопастями об стену. У лага получилась слишком большая погрешность, а у нас тут кругом стены с потолками. На открытом воздухе — без проблем бы работало, а тут — хвост.

— И как мы тогда? Берем листы и сварочник, и строим консервную банку?

— Это на крайний случай оставим. А так, свалил на ребят Савельева. Пусть у них головы по делу поболят. А то как нам всякую начальственную чепуху слать — так они на коне. Я уже штук пять инструкций получил, в которых они сами себе противоречат через раз. Ладно хоть Николай Степанович не все мозги еще между своими звездами и креслом расплющил, сразу говорил, что б не читал.

— Миша, ты сам себя слышишь? Где это видано, чтоб начальник безопасности с головой дружил? Ты еще предположи, что он эти инструкции читал.

— Сам в шоке. Но нет, на словах нормально объясняет, я потом попытался прочитать. Много смеялся.

— И когда же ты успел? Мы последние дни работали без выдержку. На стимуляторах.

— В перерывы. Чтоб мозги разгрузить. За это он хоть по делу ругался. Что тебе нельзя долго в таком режиме работать.

— Да я немного. Седня вообще всю ночь спокойно спал, — не моргнув глазом соврал Подгорельский.

— Василич, ты мне уши не три, у меня записано сколько раз ты с патрулем проходил по жилой базе. Завязывай так параноить.

— Слишком тихо, Миша. У нас слишком тихо. Зараза расплзается а в каком направлении — мы пока не знаем. Кроме инцидента при вскрытии у нас известно: Раз — Костину разведку съели. Два — на нас кинулась одна, в минус. Три — вентилятором порубило одну. Тоже минус. Хотя это и не доказано. Миш, ну не может их быть только три штуки.

— А то место, что вы с Максей нашли. Там что?

— Только проход определили. Думал завтра туда толпой сходить. На разведку. Первоочередное мы сделали, можно и пошалить.

— А риски?

— А что риски? И так понятно, что высокие. Сегодня еще Максимку в тире погоняем и пойдем. В три ствола оно безопасней.

— Может не стоит его брать?

— Миш, да понимаю я, что он твой сын, но вдвоем мы не управимся. Да и реакция у него сейчас быстрее, даже чем у меня. Опыта — да, у меня больше. А скорость у него выше. Да, кстати, чего по его идее, со скафандрами?

— Идея отличная. И как всякая отличная идея, заработает через полгода.

— О как. И что тут поперек пошло.

— Да все отлично, только равновесие не держит, когда руками размахивать начинаешь. Ты когда двигаешься, всем телом в этом процессе участвуешь. Руку поднял, а корпусом равновесие поймал. Ногу сместил. А тут это все в побочный урон уходит. Если программой вести — все работает. Как только вмешивается оператор — начинаются качели. Руку протянул — наклонился, программа это перехватила и компенсировала, теперь не достаешь, наклонился сильнее — потерял равновесие, потребовалось подшаг сделать. Надо было задницу отключить, в пояснице вперед прогнуться, а система тебя на ровной спине удержать пытается. И все эти микроколебания складываются. Дошло до того, что на четырех лапах ходить проще. Как ползунки годовалые. Обещают недели через полторы-две наладить коррекционную программу. А к той поре буря утихнет и к нам пополнение придет, нормальное. И люди будут, и нормальные работы-разведчики. Так что я бы не рассчитывал.

— Все у нас хорошо, ничего у нас не работает. Как обычно.

— Ну не совсем так, но что-то рядом.

За разговором они дошли до диспетчерской. Михаил привычно устроился в кресле перед экранами, проверяя статистику и погружаясь в цифры и графики работы энергоцентрали. Подгорельский же отошел к кулеру с водой и налил в стаканчик. Незаметно осмотревшись и убедившись, что Рогов его не видит, быстро проглотил очередную таблетку стимулятора. Усталости было уже слишком много, а безопасности — мало. И положиться в ее обустройстве было пока не на кого.

Закончив проверку работы, Рогов вызвал город. На этот раз за пультом сидел Игорь.

— Привет бездельники, — с обычной ухмылкой поздоровался он со своими подчиненными, — Сколько еще от работы прятаться будете?

— И тебе привет, — отозвался Михаил, — Особо не рассчитывай, ты мне еще и отпуск задолжал. И здесь день за два бежит. Чего нового, какие новости «на большой земле»?

— Тишь и благодать, без тебя скучно, ваши мощности влились, как родные, пост контроля оборудовали. Опять сидим в потолок плюем, а как капать начинает — на обед идем. Что у вас?

— Да тоже без особых изменений. Сидим на базе, как все доделали. Будем отдыхать и ждать транспорт.

— А мне за вас еще в кадрах свирепый бой вести, потому что вы, полосатые трудоголики по три смены в день делали. И мне сейчас надо это как-то припрятать так, чтоб и заплатить за все, и по ушам не выхватить, — пожаловался Игорь, — на кой бес нужна была такая дикая спешка? Сидели бы и делали потихоньку, отпускные часы зарабатывали.

— Ну, должна же быть от тебя хоть какая-то польза, а то вон, сидишь до пояса мокрый, как с потолка накапало.

— Ладно, чего звонили то? Опять на город выход нужен?

— Угу. Когда кстати нормальную связь дадите? А то ни сплетни почитать, ни домой

позвонить.

— Так сам понимаешь, режимный объект, — развел руками Игорь, — Я и так вас никуда переключать не должен. Савельевские архаровцы мне знаешь какую пачку бумаги притащили? «Хватать, не тушцать, трясти, не ронять» — молчаливая истерика, одним словом. А молча ржать сложно, чтоб они не обиделись. У них похоже аврал какой-то, бурлят, но крышкой не хлопают. Ну да мне это не особо интересно. Яков Василич, тебе отдельный привет, от всей рабочей братии. Твою заначку говорят нашли и слопали. Ищут следующую, но пока безуспешно. Подсказку дашь?

— Ну раз не все нашли, надо подсказать. А то пока вернусь оно испортится, в четвертом энергоблоке, на вводе охладителей между трубами пусть пошарят. Там полость была, прямо всем видом под естественный холодильник просилась. Только сам сходи, нечего остальным все секреты рассказывать, — сдал свою заначку с салом запасливый старик, — После смены поделите.

— Договорились. Бурундук ты наш запасливый.

— Будешь ворчать — про остальные не скажу. Будет сюрприз следующему поколению ремонтников.

— Молчу-молчу. Ладно, до связи, — он отключился.

— У тебя серьезно есть заначка с едой в охлаждении энергоблока? — удивился Рогов.

— Миша, у меня есть все. А чтобы все мои заначки найти, это половину города перерыть надо.

— Но зачем?

— Пусть будет и не пригодится, чем будет нужно, да негде взять.

— И чего попрыгано? Мне только чтобы масштаб осознать.

— Всего по немногу, скоропортящегося больше ничего нет. А так, всякие нужные мелочи, — заюлил Подгорельский.

— Василич, ну мне-то можешь сказать правду.

— Так сказал уже. Мелочи. Еда, медикаменты, боеприпасы, оружие малогабаритное. Можно подумать у тебя не так.

— Ну не совсем, — теперь очередь смущаться досталась Рогову.

— Дай угадаю. Из того, что я о тебе знаю, это скорее всего изолирующие комплекты и баллоны для СЖО. Кислородные и поглотительные.

— Ну, да, — вынужденно согласился Михаил.

— Вот и нечего мне тут.

Дальнейшую вялотекущую перепалку прекратила появившаяся связь. Пришел вызов от Савельева.

— Доброго, — буркнул он на подчеркнуто уставное приветствие Подгорельского, — Миша, твой заказ переделали, поправки в чертежу и программу я сейчас перешлю. Пачку новых инструкций тоже. Та же дурость, но помытая и в другой руке. Один из планов предусматривает наличие дезактивационной камеры перед шлюзом в шахту. А на вопрос — «Где они ее возьмут?», начинают мекать. Ну и половина в таком духе. Ваши затруднения вызвали такую волну проблем по моему ведомству, что двух из трех побить хочется. Причем ногами. У вас какие новости? На ту сторону ходили? Другая активность?

— Смонтировали эрзац шлюза, укрепили одну из стен-пробок. Провели инструментальную разведку, видео пересылаем, — отрапортовал Подгорельский.

— Активность какая-нибудь замечена?

— В том-то и дело, что нет. Такое впечатление что они только при вскрытии их объема шевелились. Затем все затихло. То есть что-то не дает им сейчас сильно расползаться. Температура может некомфортная, бескормица или еще какая проблема. Вылезли, активно пошастали, вернулись обратно. Других причин для такой тишины я не вижу. Ну или они активно исследуют другие коридоры, в противоположной от нас стороне. Степаныч, ты мне вот что скажи, мне какие ограничения по обустройству безопасности выставили, или я волен делать все что хочу? — задал беспокоивший его вопрос Подгорельский. Савельев потер подбородок и серьезно задумался.

— Так, Василич, можно все, но давай все-таки без явных перегибов. Нам всем Рассветный дорог и нужен. А ты у нас большой любитель снести дом, чтоб выгнать насекомых из пакета с крупой. Никакого оружия массового поражения, электромагнитного и импульсного вооружения и боевых ядов. Город и завод нам нужны целиком, а не в виде руин. А то с тебя станется. Миша!?

— А, что? — вынырнул из полученных чертежей Рогов, — Простите увлекся.

— Пустили козу капусту сторожить, — рассмеялся Савельев, — А инженера до чертежей. Миша, присмотри за Яковом, чтобы у него опять чего не вышло боком. Пусть строит периметр обороны как хочет, единственно, убедись что сами от него не пострадаете.

— Николай Степанович, а когда нам нормальную связь сделаете? Надо бы домой позвонить, Ди успокоить, да и Макся соскучился наверное.

— А вот с этим хуже. Я хоть и доверяю всем и каждому в городе, но рабочую паранойю никто не отменял, и делать такую дыру в безопасности мне ну вот совсем никак не может, да и не хочется. И так далее, и все «Не». Любые письма, видео и фото отправлю без проблем. Но прямой канал в нашу сеть не дам. Не из злобности, вредности или цензуры, просто опасаясь пресловутого человеческого фактора. Уж проще предотвратить, чем потом разгрести, что может натворить один некомпетентный, но крайне уверенный дурень. А я на выводок таких насмотрелся за эти дни. И еще, Миш, наши подозревают что инфоцентрально могла уцелеть на самом деле. И ее можно включить обратно. Посмотрите на досуге.

— Тогда у нас все, в целом. Письма с фотографиями для Дианки заberi, и у меня больше вопросов пока нет. С Игорем до тебя пообщались. Ноет, как нам смены закрывать. У тебя там цензура и секреты или ему можно рассказать?

— Нету никакой цензуры. Шумиху не раздуваем и все. Свету успокаиваем, вроде смирилась. Марк опять же вокруг нее вьется, он в нее со школьной скамьи влюблен был. А когда после обучения вернулся — она уже замуж вышла. А так все в курсе, ну кроме тех кому не интересно, как твоему Данцигу. Переживают, сочувствуют, но истерии нет. Уже куча добровольцев собралась кто на объект поедет вас менять. Сейчас команды формируем. Как буря поутихнет — выдвигаемся к вам.

— Тогда все. До следующего сеанса связи, — попрощался Михаил, а Яков за его спиной с нахальным видом помахал ручкой. Савельева перекосило. Экран потух.

— Нет, ну надо же, как он для тебя расстарался. Как нормальный человек разговаривал.

— А что не так? — не понял Рогов.

— Миша. Он безопасник. Это я паранойей страдаю, а он по должности ей наслаждаться обязан. Это раз. А два — он в больших чинах, хотел бы и посмотреть как он сейчас своих подчиненных скипидарит и нашу запись просматривают и анализируют. Ищут где мы врем и умалчиваем.

— Так мы же этого не делаем!

— Именно. Но он обязан предположить и такой вариант, — поделился опытом Подгорельский, — И что там с чертежами?

— Знаешь, забавно вышло. Они часть компонентов выбросили и добавили камеру мелкую под брюхо. И трафареты с шифром. Камера будет видеть картинку и относительно ее размера подстраивать высоту. А по анализу картинки получает данные куда лететь за следующей. Я думал дальномерами обвесят чтобы позиционироваться могли, а они вон как выкрутились.

— Но нам работы больше стало. Теперь ходить полы красить по всему маршруту, — проворчал Яков.

— Зато надолго хватит. Пишут что даже проверить успели. И вроде как без проблем. Единственно, есть тут проблема — больше двух точек маршрута подряд терять нельзя. Ну и на поворотах ставить чаще. Но там можно и на стены их ляпать. С основной камеры тоже анализ идет.

— Ну так чего сидим? — преувеличенно бодро отозвался старик, — Поперли мотыжить наше поле. А то завтра же на охоту! — и он отсалютовал стаканчиком с водой.

— Пойдем, — не настолько бодро поддержал его Рогов. Ему до чертиков хотелось спать.

И снова те же коридоры. Яков впереди, вооружен, сосредоточен, суров и брутален. Михаил замерил до него расстояние и внес корректировку в наносимый на пол шаблон. Выставил ровнее и пшикнул баллончиком с краской. В голову лезла всякая чушь.

— Идем дальше, — передвинул он Подгорельского на новую метку.

— Слушай, Миш, а ты уверен что эта ваша идея точно сработает. Вдруг краска будет спелая и ее с пола слижут. Или наоборот надуют на нее. Я про то что метки могут оказаться нечитаемы, — задал вопрос Яков, прилаживая какую-то коробку у стены. Пока Рогов возился с переделкой дронов и мастерил шаблон для меток, Подгорельский тоже не сидел без дела, наштамповав пару ящичков со своими коробками.

— Ну начисто не слижут, а так наличие метки все равно читается. Она помечается как испорченная и движение продолжается в том же направлении с половиной скорости и постепенно расходящимся зигзагом. Находит — идет дальше по маршруту. Если нет — продолжает искать пока стены не заденет. Видишь я пропеллеры защитой прикрыл? Вот как ими за стену заденет, разворачивается и возвращается по прежним меткам. Еще скорость урезав. Пока метку не найдет. И посылает сигнал о проблемах. Ну это в теории. Сейчас один маршрут дорисуем — проверим. Ребята, которые это и придумали, себя пяткой в грудь бьют, клянутся, что проверяли. И оно у них даже заработало

— А если его съедят? Как тогда мы с тобой об этом узнаем?

— База средний круг должна будет контролировать. Как время возврата два раза вышло — нам ябедничает. Идем и смотрим, съели дрон или он в трех стульях заблудился. Хорошо еще, что у нас тут ширины хватает. Вот чего с узкими коридорами делать — ума не приложу.

— А что тут думать? Ставим заглушку и иногда проверяем.

Как не удивительно, но дрон прошел круг без ошибок. Четко сел на зарядную базу и выгрузил видео. Эта была победа. Жилая зона приросла контролируемой территорией. Когда они заканчивали последний маршрут патрулирования, Михаил вспомнил, что так и не спросил, чего же Василич за коробки расставлял по пути. Не, любопытно ему было с первой, но он отбросил этот вопрос, чтобы не отвлекаться.

— Слушай, а что это за штуки ты тут ставишь? — поинтересовался он подойдя и

рассматривая одну из них.

— Так, Миша, отойди от нее и не вздумай пинать, — резко остановил его Подгорельский.

— Стоп. Уж не хочешь ли ты сказать... — начал Рогов, стремительно отпрыгивая подальше, — Василич, ты совсем сдурел мины ставить? А если они на нас сработают? Или на детей? У нас два, в теории, плохо управляемых подростка, с шилом в заднице и ветром в голове. Убирай все к дьяволу.

— И не подумаю, — отрезал Подгорельский, — Во первых, на боевой взвод она встанет только по сигналу. Во вторых, контрольный поводок будет у каждого, намертво в скафам прикручу. И в третьих, люди параметрам цели не соответствуют. И даже если она на тебя сработает — ничего тебе не будет. Это зажигалка. Максимум — краска обгорит.

— Василич, это мина. Какого хрена она стоит в коридоре жилой базы.

— А чем, по твоему, можно периметр создавать? Голой жопой да двумя мухобойками? Ты сам говоришь что на базе дети. Это мы свое пожили, а их беречь надо.

— Минами? Давай тогда разнесем все тут в хлам, чтоб никто не подобрался. Ванну с кислотой поставим, газом протравим. Запремся в шкафу и будем дрожать. И помощь не придет, потому что твой периметр не преодолеет. Ты совсем с катушек съехал? — продолжал возмущаться Рогов. Такой дикости от своего старого друга он не ожидал.

— Да что ты так вскипятился? — продолжал не понимать Подгорельский, — Это нормальная практика по обороне периметра. Она даже не осколочная. Не впадай в истерику и ничего тебе не будет. Только если сам себе лоб расшибешь, пока в панике метаться будешь.

— Василич, ты понимаешь что у тебя крыша подтекать начинает? Сначала стены делал и этого было нормально. Потом автоматические турели. Теперь мины. Через сколько ты решишь нас прибить «для профилактики», чтобы врагу не достались?

— Да прекрати ты истерику! — вспыхнул Подгорельский, — Да мины. Да турели. И да, я буду еще строить стены. Потому что я не понимаю логику этой хрени, сожравшей двух человек и рыскающей по округе. Я не знаю откуда и когда она вылезет следующий раз. И на кого кинется. И чтобы вы все уцелели, я буду действовать как привык — окапываться и минировать все до чего дотянусь. И я поставлю десятки мин и кубометры стен, чтобы одна единственная не пропустила врага к вам. Я просто не хочу никого из вас потерять. И все. Понимаешь меня?

— Фуух, — громко и медленно выдохнул Михаил, стараясь взять себя в руки, — Давай успокоимся и договоримся. Ты считаешь что это нормально и оправданно. Я считаю что это дикость и проявление параноидального бреда. Давай выводите среднее. Чтобы и тебя, и меня, устраивало.

— Ну давай, — покладисто согласился Яков, твердо решивший отстаивать свою точку зрения.

— Я меньше твоего понимаю как строить оборону. Поэтому полагаюсь на тебя в этом. Но я лучше твоего знаю, что такое подростки. Василич, я уверен что они в твои ловушки вляпаются. И по закону Мерфи, эта ловушка сработает не так, как ты планируешь. Ты уверен, что скафандр она не пробьет, а я предполагаю, что в тот момент они будут без них. По какому-нибудь дикому стечению обстоятельств. Принес же Макс Настю на закорках в своих штанах и рубахе на базу. Тоже случайность. Но уже было.

— Было, — согласился Подгорельский.

— А значит и от твоих мин она могла пострадать. Вывод — нам такой компот не нужен. Мины убираем.

— Оставим. Но на всех вешаем радиопропуска. И дублируем. А еще тщательно, на два раза читаем лекцию, как с ними обращаться. И пользуемся ими только по наружному периметру базы. Так тебя устроит?

— Ты псих.

— Псих, — согласился Яков, — и ты тоже. Просто мы с тобой по разные стороны от прицела оказывались. Вот только ты с моей стороны не был, а я с твоей — был. И твердо знаю, что чаще убивает не оружие, а беспечность. Мелкая, поганая оплошность. А ты вместо подготовки предлагаешь вообще положиться на случай. Авось пронесет. И на, смотри.

Яков сбросил рюкзак, отложил ствол, подошел к мине и заставил ее сработать. Поток огня накрыл его фигуру сначала целиком, а потом только до пояса. Через несколько секунд пламя утихло.

— Все, успокоился? — спросил он, поднимая рюкзак и свой дробовик.

— Частично, — ответил Михаил, пребывая в некотором шоке.

— Теперь что еще? — терпеливо отозвался Яков, заменяя сработавшее устройство на новое.

— Она точно скаф не прожигает?

— Точно. Блин, да ты своими глазами видел. Не прожигает, не взрывается и разбрасывает осколки или другие поражающие элементы. И да, в отличие от тебя, я знаю какого это, гореть заживо. И другим такой опыт не пожелаю.

— Василич, у тебя точно с головой плохо, сначала мины, теперь это, — С другом точно было что-то сильно не так. И версия про паранойю уже переставала казаться забавной.

— А как мне еще было тебе доказать что это не так страшно, как ты себе придумал? — начал вскипать Яков.

— Ладно, ты меня убедил, — поднял руки Рогов, — Но давай договоримся, в местах, где они чисто теоретически могут оказаться без брони, твоих поделок не будет. А следующие твои идеи сначала обсуждаем все вместе, до того как ты ими подступы укрепляешь.

— Договорились.

— Точно не прожжет скаф?

— Да точно, я тебе говорю. Даже температура внутри не особо поднялась, — успокоил собеседника Яков.

— Закончили тут? А то хочу сегодня Макса в тире поднатаскать немного, — спросил Яков немного позже, у непривычно молчаливого Михаила.

— Да. Сворачиваемся. А чего задумал? — ответил Рогов.

— Пару часов упражнений на скорость и точность огня. Но мне нужна будет твоя помощь. Надо сделать вот что... — и он начал рассказывать свой план.

В процессе распивания чая с печеньем мы заболтались. Настя попросила рассказать что-нибудь и я принялся рассказывать разные истории про мои с друзьями проделки. Как мы со Славиком и Рафом пробирались на территорию рыбозавода с удочками (нас поймали, обругали, дали рыбы и позвали заходить еще). Как пролезли в теплицы и налопались несозревшей сливы (было поучительно). Как были выловлены дядей Яковом при попытке залезть в гараж и три дня крутили гайки под его контролем (тягач, как ни странно, после этого поехал). Как после большой поломки одного из куполов зимнего сада его оставили замороженным и мы несколько месяцев там строили снежные города. И множество других интересных приключений. Настя веселилась и задавала вопросы. Я отчаянно приукрашивал и добавлял забавных деталей. Мы отлично проводили время.

Когда возле двери произошел небольшой взрыв я и осознать толком ничего не успел. Раз и стол опрокинут щитом в сторону двери, Настя спрятана за него, а дробовик в руках и направлен в сторону опасности. Сначала отреагировал, а теперь пытаюсь понять что произошло.

Но дверь открылась, и в проеме очень неспешно появился Подгорельский.

— Ну что, цуцки, чего натворить успели? Миша уже дедушка, а я внуковатый дядька, — с некоторой неестественной веселостью произнес он.

— Пока нет, но к этому все шло. А теперь сначала начинать, — скорее меня сориентировалась Настя, — И зачем было нас так пугать? Вдруг бы мы целовались, а тут такое?

— Ой не рассказывай, ты пока ему в письменном виде согласие не предъявишь, он и не догадается спросить, — высказал свою точку зрения дядя Яков, меня как обычно никто не спрашивал. Опять без меня мою личную жизнь строили.

— Ну да ладно, обернемся к нашим поросяткам. Максимка, я тебя прямо всего хвалю. А чтоб было что исправлять придерусь к паре вещей. Первое, ты оставил дверь без внимания. Иначе бы заметил, что я заглядывал перед тем, как хлопушку кинуть. Второе, при подготовке к стрельбе, предохранитель все-таки снимают. А третье, шлем должен лежать ближе, чтобы за ним не пришлось бежать. А так — кругом молодец. И подружку спрятал, и укрытие сделал, и к отпору изготвился. Хвалю, и делаю это заслуженно. А теперь собирайтесь, нас ждет продолжительное веселье. Будешь смотреть, как твой парень дурное сало сгоняет.

— А папка где? — обратил я внимание что отца не было рядом.

— Со следующим развлечением для тебя помогает. Поднимайся и в борозду, к победе над ленью и вялостью.

Сегодня «Вредный старик» превзошел сам себя. Спустя полтора часа у меня болело и дрожало все. Он словно поставил целью показать мне предел моей выносливости, а потом запихнуть через две ступени выше. А когда я без сил плюхнулся на лавку рядом с Настей он поставил новую задачу.

— Так, теперь подхватывай свою подружку на спину и побежали в тир, там уже все готово, — выдал очень довольный дядя Яков. А я так и не успел перевести дух.

— Может я своими ногами пойду? — спросила Настя, обеспокоенно глядя на мое залитое потом лицо. Сегодня я должен был заниматься не снимая брони, даже шлем снять он не позволил.

— Не-не, он должен быть умотанным, а так пока идет отдохнет, — возразил ей Яков Василич, — Весь смысл тренировки пропадет.

Настя залезла на закорки и мы пошли. Ну как пошли, побежали скорее. А он все подгонял и подгонял. Спасительная дверь тира очень быстро приближалась.

— Так, спортивный инвентарь, ты с Мишей отходи за защитный экран, а этому неудачнику я поставлю боевую задачу, — выдал дядя Яков, принимая от отца разгрузку с магазинами и автомат, — Твоя задача как можно быстрее поразить все мишени. Старайся бить точнее, но в зачет пойдут любые четкие попадания. Главное — не пропускать. А пока ты готовишься, поясню зачем я тебя так вымотал перед этим.

Мы все, дружок, зависли в тех странных обстоятельствах, когда от твоего умения стрелять зависят не победные очки, а реальные жизни. А бой от полигонных стрельб отличается очень сильно. Адреналин в глазах плещется, аж по бедрам стекает. Руки дрожат, коленки подгибаются. Сердце в ушах тараторит, пот глаза заливает. И это только малая толика всех ощущений. А тебе надо не только пальнуть, а еще и попасть. Нейтрализовать угрозу для нас, — и с этими словами он запихнул меня в зал.

Зал для стрельбы выглядел как какой-то склад, заваленный коробками и ящиками разного размера. Мигало освещение, что-то шуршало по углам. Разумеется первую мишень я упустил. Со второй уже получилось лучше, приходилось постоянно двигаться, мишени все ускорялись времени на реакцию становилось все меньше. Дыхание давно сбилось, я хватал воздух крупными кусками. Как вдруг все кончилось. Раздался сигнал и включился нормальный свет.

— Я всегда подозревал, что ты меня за что-то недолюбливаешь, — раздался хохот дяди Якова, — Но вот чтобы настолько. Мда.

Я посмотрел на последнюю пораженную мишень. Момент когда они поменялись с обычных раскрашенных трафаретов на всяких монстров я еще отметил, видимо это была еще одна смена. И я ее проворонил.

Мишень, изображавшая из себя дядю Якова обзавелась тремя отметинами от попаданий. В середину шлема.

— Ну ты глянь. Как четко положил, загляденье просто. С точностью и скоростью у тебя отлично, а вот на распознавании срезался, — продолжил он, переходя от насмешек к нормальному тону, — Стрелять ты научился. Осталось немного потренироваться в крайне важном навыке «А в кого стрелять?». Вот как освоишь, и можно хоть куда, хоть в разведку, хоть жениться.

— Э, ну, извини, — я никак не мол подобрать слова, глядя на пробитое пулями знакомое лицо.

— Да все нормально, — отмахнулся он, — Давно пора, а все никак не спровадят. Успокойся, обычные рабочие моменты. Зато сейчас ты кроме быстрого наведения и нажатия на спуск будешь еще и задумываться, а надо ли. Да грубо. Зато быстро. Переснаряжайся и погнали на второй круг.

И тренировка продолжилась. А потом я вырубился. Организм выжрал все доступные ему ресурсы и отключился.

Очнулся я от того, что меня тормошила Настя.

— Вставай ленивец, а то я тебя не подниму, — проговорила она протирая мое лицо мокрой губкой.

— Где я? И чем все закончилось? — спросил я приподнимаясь и осматриваясь по

сторонам.

— У меня в гостях, — ответила она, без тени смущения, — Раздевайся полностью и залезай в капсулу. Настройки я выставила. Будем тебя в порядок приводить.

— А они где? — задал я второй интересующий меня вопрос.

— Михаил Андреевич принес тебя сюда и оставил на мое попечение, сказал привести тебя в порядок. А сам вернулся обратно, ему тоже надо готовится к вылазке в шахту. Ух и ругались они когда ты свалился. В целом, ты сегодня ночуешь у меня. Но на многое не рассчитывай, — сделала она кокетливый вид и в шутку погрозила мне пальцем, — Ты в капсуле, а я у себя.

Но вопреки всему кокетству и всяческим намека она с медицинской отстраненностью помогла мне залезть в регенерационную капсулу. Никак не комментирую мое смущение и стеснение. Правда, когда крышка уже закрылась, она поцеловала пальцы и прижала их к стеклу, как бы передавая этот поцелуй мне. Я успел ей только улыбнуться.

Пожалуй это было мое лучшее пробуждение за эту неделю. У меня ничего не ныло и не болело. Я был бодр и весел. Крышка распахнулась в верх и я вышел из капсулы. Рядом с моим скафом лежала стопка свежей одежды и записка. — «Доброе утро, как оденешься — разбуди меня. И не подсматривай. PS а ты у меня красавчик:)). Я смутился и поспешил одеться.

Одевшись, я постучался в Настин кабинет.

— Заходи, — отозвалась она через секунду.

По ее позе было заметно, что эта секунда была потрачена не зря. С царственной осанкой на меня смотрела принцесса, в полоборота повернувшись в сторону двери. Кисти рук лежали на краю спинки стула, и на них она опиралась подбородком. Мне было сложно понять, как она так ловко вывернулась. Принцесса блистала умытой красотой и неприступностью. А потом она рассмеялась и превратилась в обычную Настю.

— Доброе утро, соня! — поприветствовала она меня, — Как там твое самочувствие?

— На удивление. Это было самое лучшее утро за всю эту дикую неделю.

— Не удивительно. Чего же ты с собой делать умудрился, и как. Мне пришлось два раза программу твоего восстановления корректировать. Сначала только молочную кислоту выводила, думала этого хватит. Ан нет, пришлось вносить корректировки на поддержку всего бутора. Стероиды, знаешь ли, здоровья не добавляют.

— Вынужденная мера. Отец вон тоже ворчал, но теперь я силен и быстр, смел и...

— Пушист, — закончила она за меня, — Ты бы видел, как они орали друг на друга. Думала подерутся. Даже спрятаться успела, на всякий случай.

— И на чем сошлись во мнении?

— Что сделано все правильно, но тебе дадут передышку на пару дней. Старый сказал что таких результатов надо полгода добиваться, а он тебя за неполную неделю вытянул. И что это просто эффект низкой базы. Мол сначала результаты хорошо прирастают, а потом все медленнее и медленнее. И что для текущих задач этого хватит.

— А отец что?

— Если кратко — он за тебя переживает и беспокоится. Вот я и предложила тебя ко мне унести. Как видишь — не прогадала.

— И в чем это выразилось? — я попытался скрыть смущение за иронией.

— Теперь у меня есть запись, как ты из биованны выпархиваешь и одеваешься, — она сделала очень довольную мордочку. Я подгорал от смущения. Не то чтобы я сильно

стеснялся или комплексовал по поводу своего тела, но это было как-то щекотливо изнутри. Судя по ощущениям, я покраснел.

— Ты такой милашка, когда стесняешься, — не оставила она это без внимания.

— Ах так, — я сделал вид что рассердился и сделав пару шагов вперед сгреб ее со стула и перебросил аккуратно на кровать. Дальше передо мной встала дилемма. Это сестренку Ветку можно было защекотать, до счастливого писка и моря веселья. А что делать с человеком в скафандре. До ее ребер я точно не доберусь. Но она решила за меня. Чуть приподнявшись она нашла мои губы своими. Не сказать чтоб из головы вообще все мысли вынесло, но сильно поубавило. Ее губы были вкусными и мягкими, и мне совершенно не хотелось ее отпускать. А потом у нас кончился воздух. Она откинулась на кровать учащенно дыша и открыла глаза. А я наклонился к ней.

Я очень не сразу понял, что это за противный звук нас отвлекает. На мой шлем пришел вызов. Пришлось отпустить лихорадочно раздумывающую Настю и идти отвечать на вызов.

— Привет пап, — принял я звонок.

— Доброе утро, сын. И как твое самочувствие? Привела она тебя в порядок, как обещала?

— Это было лучшее утро за последний год, — искренне ответил я. Бросив искоса взгляд на Настю, сидящую на кровати. Она смутилась и отвернулась.

— Вот и чудненько, тогда руки в ноги и топайте в столовую, будем план операции разрабатывать в черновом варианте. Василича я все-таки спать загнал. До обеда он не придет. Представляешь Макс, он и сегодня собирался наш покой охранять. Еле уговорил поменяться. Ладно, жду вас, — и он отключился.

Я повернулся к Насте и потерял, что хотел сказать. Вроде и не самая красивая девушка, виденная мной, но какая-то особенная. И я не знал чего сказать. Вроде надо позвать ее в столовую, но гораздо больше хотелось продолжить целоваться без слов.

— Пойдем, — она первой преодолела смутительную паузу и протянула мне руку.

— Пойдем, — согласился я и потянул ее за руку к себе.

— Потом, — она прикрыла указательным пальцем мои губы, когда я опять к ней потянулся, — Мне надо подумать.

— Сначала завтрак, потом думу думать, — сходу рубанул отец когда мы вошли в столовую.

Пока мы завтракали, отец на другом конце стола раскладывал какие-то схемы. Настя выглядела погруженной в себя, напряженно что-то обдумывающей. И что-то мне подсказывает, что это она не над утренними событиями так размышляет.

— Полопали? — задал вопрос отец, — Теперь потопаем. Давайте искать способ как короче добраться до нужного места и поменьше при этом ходить по тоннелям.

— Пап, а есть ли смысл в этом? Может наоборот прочесать все тоннели и выдворить этих зверушек обратно?

— Какой ты стал кровожадный, сына, я с тебя удивляюсь. И не думаешь даже, что папа-зверек не вернется в своей семье с охоты, потому что сам стал добычей? — как-то странно подколот он меня, и пока я раздумывал что ему ответить в таком же ключе, вмешалась Настя.

— А нету у него никакой семьи, — категорично высказалась она, — Эти существа бесполо, и как они размножаются — ума не приложу.

— Почкованием там или еще как? — заинтересовался отец.

— В том то и дело, что я ничего такого не нашла. Они как готовые химеры, собранные искусственно. Половых органов нет, даже похожего ничего на них нет. И я не нашла структур, с которых бы могло начинаться почкование. Или чем закончится — таких следов тоже нет. Странную вы зверушку поймали, — развела руками Настя.

— Ты серьезно? — не поверил отец.

— Более чем. Смотрите, — она вывела на настенный экран результаты своей работы над зверушкой. Разрезы, группы структур по специализациям, органы по отдельности и пустилась в объяснения. Очень быстро я понял, какая же она все-таки красивая. А папка даже вопросы задавал.

С трудом переключившись, я сосредоточился на том, что она говорила. И тут даже я проникся. Начнем с того, что у них была скорее не биохимия, а биофизика. Клетка работала напрямую на электричестве. У них даже не пищеварение, а электролиз какой-то. И в этом они сильно отличались от нормальной флоры и фауны. Нормально — это как? Растения потребляют солнечный свет, углекислый газ и воду — создают крахмал и сахара, на которых строят себя. Травоядные лопают растения и используют накопленное травой, чтобы строить свое мясо. Хищники едят мясо и развиваются дальше, отдавая углекислый газ, пока не станут удобрением для растений. Нормальный круговорот. Эти же способны жрать камни и напрямую строить себя. Только электричество подавай. Шкура — мощный диэлектрик, а для сбора электричества с поверхности оно раскидывает специальные жгутики-щупальца по три с каждой стороны, тем самым создавая себе разность потенциалов. Шаговое напряжение. Вот только под землей с молниями как-то туго, на мой взгляд. Как и с лежащими на земле кабелями электропередач. Хотя тут, у нас, как раз наоборот. Откуда-то пришел тот разряд, что всю технику пожар и столько проблем создал.

— И еще одна странность, — Настя увеличила пару фрагментов и показала на них несколько участков, — Смотрите, вот эти части подключены к нервной ткани прямыми участками нервов. Причем выстраиваются они упорядоченными структурами с четкой геометрией. Вот здесь и здесь, — перестраивается участок. Кусок полностью зачищается, а затем выстраивается новой структурой. И они не клеточные.

— В смысле? Как волосы, живая луковица и отмершая наружная часть?

— Нет, там есть живые клетки и структуры на всем протяжении волоса. А тут именно не клеточная система. Клетка формирует на участке своей поверхности кристаллическую решетку по какому-то шаблону и к ней подключается нерв, а соседние клетки меняют свое назначение на соединительные.

— Знаешь, — задумчиво протянул отец, — Не будь это живым, я бы решил что это микросхема. Эти части похожи на логические вентили. Да, нет, или, исключаящее или. Но нет, это бред. Скорее всего, мы что-то не понимаем. Сама же говоришь, что с таким не сталкивалась.

— Ладно, а по «ГТХ» как дядя Яков говорит, что скажешь, — попробовал сместить тему на более приземленные результаты.

— Язык — не более четырех длин тела. Панцирь не проводит ток, но заметен в ультрафиолете. Глазки судя по структуре и строению видят в более широком диапазоне. Они тебя увидят раньше, чем ты их. Не подпускай ближе двух метров и все будет хорошо. Несъедобны, — ворчливо отозвалась Настя, — Так хватит?

Э, да, — выдавил из себя я, несколько обескураженный таким холодным ответом.

— Продолжаем, — Настя сходила до стола, попила и вывела другую диаграмму.

— Кроме уже перечисленного удивляет и их химический состав, большей части элементов в окружающих породах просто нет. Они и в природе встречаются нечасто. Тот же рений. Будь дело на поверхности, я бы еще могла предположить пути сезонных миграций за нужными элементами, но под землей?

— И каковы твои предположения? — задал вопрос отец.

— Внятных — нет. Да и я не геолог. Возможно что пещера настолько велика что цепляет краем месторождение, но я сильно сомневаюсь. Нужно больше материала для исследований. И обязательно — среду обитания. Как оно вообще развивается. Могу предположить, что где-то имеется гнездо, производящее на свет сразу готовых особей, а они, накопив жирок, возвращаются в гнездо, возвращая затраченные элементы. Аналог муравьиного роя. Но где и на кого они охотятся? Как выглядит гнездо? Какой цикл воспроизводства по времени и механизмам? Все это очень непонятно и интересно, — и она облизнула губы.

— Возможно часть ответов мы сегодня получим. Как Василич проспится и более-менее придет в адекватное состояние. Представляешь Макс, он мне давал побольше спать, а сам каждые пару часов проходил с проверкой ближайшие коридоры. И еще, детеныши. С базы ни ногой. И шлемы всегда держать закрытыми. Он по коридорам мин понаставил. Клянется, что если шкаф закрыт — его не пробьет. Но береженого бог бережет. Лучше не шастать. Выспится — расскажет, как их обходить или отключать. До того — сидите тихо. И вот еще, — он положил на стол два браслета и пару радиосхем. Браслеты- на руки, а схемы я сейчас подключу к вашим шкафам. Это пропуска для мин.

— А вы не перегибаете? — усомнилась в адекватности старшего поколения Настя.

— Перегибаем. И параноим. И много чего еще, — согласился отец.

— Мда, — я не нашел чего сказать более членораздельного.

— И я согласен с вами, что это несколько дико. Но Василича переспорить не удалось, хотя я пытался. Более того, Савельев его тоже поддерживает. Мы с вами в осаде параноиков.

— А я раньше думал что мы живем в спокойном и безопасном мире, — задумчиво протянул я.

— А что тебе мешает сейчас так думать? — подколот отец, — Думай что хочешь, да за буйки не заплывай. И все будет хорошо. Но это тема отдельного большого разбора. А мне пора на обход, я Василичу обещал.

И он вышел. Мы с Настей остались вдвоем.

— Есть вопросы? — ехидно посмотрела она на меня.

— Как хорошо, что ты все объяснила, и как плохо, что я ничего не понял, — ответил я цитатой. Не то, чтобы я совсем ничего не понял, но многое.

— Не прикидывайся.

— И не пытался. Так ты что, подозреваешь что они не настоящие? Не, не так, что они искусственно собранные химеры?

— Большую часть фактов можно трактовать именно так. Странно конечно, — она задумалась.

— Зато понял, какая ты у меня умница и красавица, — я приблизился к ней и потянул ее к себе.

— Так, пока не забыл, — дверь открылась и в нее заглянул отец, — Я вас за яйца все равно не удержу, извините за прямоту, но от шалостей лучше воздержитесь, до подходящих возраста или, хотя бы, условий. Вы меня поняли?

Мы с Настей синхронно кивнули, чуть не стукнувшись лбами.

— Отлично, — сказал папа, и скрылся.

— Интересно, он за дверью специально нас караулил? — задумалась Настя, — Или совпадение?

— Скорее специально вернулся, когда за нами в камеру подсмотрел.

— А я и забыла, — зябко передернула плечами она, — Немного неприятно знать, что за тобой в любой момент могут наблюдать.

— Ну не знаю. Я всегда так жил, за маленьким мама с папой присматривали, за школьником учителя. Чем больше растешь, тем меньше за тобой смотреть надо, самостоятельности учишься.

— Все равно странное чувство, будто ты на ладошке сидишь, а за тобой смотрит хищный глаз.

— Дикие у тебя какие-то фантазии, — покосился на нее я.

— И никакой личной жизни.

— Почему это? Живи как хочешь, тебе никто не мешает. Никак и ни в чем.

— Но ведь кто-то будет знать где я и чем занимаюсь, — продолжала она.

— И что в этом плохого? Зато помощь придет быстро. И вообще много плюсов.

— Нет, ну а если, чисто гипотетически за мной будут наблюдать со злым умыслом? — выдвинула она предположение.

— И факт подключения к камерам для наблюдения тоже будет зафиксирован. А инфоцентральный даст доступ только если в поле зрения камеры есть родственник или подчиненный. Ну там свои сложности с правилами и приоритетами. Хотя я твою точку зрения понимаю, хотя и не разделяю полностью.

— Ладно, потом обсудим, тем более что Михаил Андреевич собирался какое-то большое разбирательство устроить, про мир в котором ты живешь.

— Договорились.

— Чем займемся? — поинтересовался я о дальнейших планах.

— Будем учить тебя готовить! — развеселилась она, — Я научу тебя мыть овощи и складывать в приемные лотки автоповара.

— Так я вроде это и без специального обучения умею, — надулся я.

— А чего тогда так однообразно питались?

— Некогда было. Ты заметила, что после того как они работы в энергоблоке доделали, стали больше окружающим интересоваться. Нас вон поймали. И вообще больше времени стали с нами проводить.

— Вообще-то заметила. А вообще, зачем нужна была такая гонка? Они же первые дни вообще не спали. Да и потом физиологическую норму ни тот ни другой не выбрали полностью. Вчера только. И тоже, со стрельбища они пришли за полночь.

— Не успеть они боялись. Что нас сожрут раньше, чем они успеют закончить ремонт и переключение. Или придется бросить все и уходить. А так, энергоцентральный полностью автономна. Там даже шины и токопроводы изоляцией заливаются, чтобы ничто никуда.

— И теперь вы можете уехать в любой момент? — погрустнела она.

— Без тебя мы не уедем. Тебе еще с мамой знакомится и Светкой, — не совсем понял я ее. Будто мы могли бросить ее одну.

— Ладно, пойдем обучаться. Я буду держать тебя за талию и крутиться перед тобой в одном фартучке. Поверх скафандра, охальник, — подколола она меня. И мы пошли учить

меня готовке «по Настинному».

За этой милой возней остаток времени до обеда пролетел незаметно, я опять травил байки и много рассказывал, а Настя веселилась и слушала. Сегодня она больше спрашивала о моей семье. Как-то незаметно я очень соскучился по мелкой прилипале — сестренке. А ведь когда она была рядом, то вечно меня доставала и вредничала. Но дверь открылась и на пороге замер дядя Яков, внимательно смотря на меня. Я опустил ствол и расслабился.

— Молодец, что сказать, — похвалил он, я было подумал что меня, но он продолжил, — Сделал таки из дурня средненького новобранца. Готов к ратным подвигам?

Я задумался. Ответить да — но это не совсем правда, не думаю, что справлюсь, а ошибка может стать очень дорогой. Ответить нет — тоже не совсем так. Но я все же определился.

— Не готов, но вариантов нет.

— О, я смотрю в твоей бестолковке уже извилины заводиться начали, — похвалил он, — До нормального пехотинца тебе минимум года полтора надо. И то, как повезет. Но в наших условиях это лучше чем ничего. В нас не попадешь, себе яйца не отстрелишь — почти герой. По маршруту чего с Мишей надумали?

И тут я вспомнил, что отец изначально собирался маршрут прокладывать, но мы отвлеклись на лекцию о внутреннем мире зверушки. А до чертежей и карт мы так и не добрались. А потом и вовсе заигрались.

— Нет. Тебя ждали, встречные предложения обсудить хотели, — нашел я лазейку, — Папа предлагал идти по кратчайшему пути к входу в логово. А я предлагаю проверить и зачистить ближайшие подступы, и вообще, зачистить шахты по максимуму, перед тем как лезть в логово.

— Интересно. И что нам это даст? — Подгорельский почесал седой ус и устроился за столом, подтянув поближе чертежи.

— Обезопасим себе жизненное пространство. Найдем другие точки проникновения.

— А если их нет?

— Тогда убедимся в этом. Вход в логово у нас все равно под наблюдением сейчас.

— А знаешь, я тебя пожалуй поддержу, — протянул дядя Яков, — Пока по пустым коридорам ходим, маленько опыт наберем. Но это только пол вопроса. Чего с твоей подружкой делать будем? Стрелять она точно не может, я проверил.

— Я чего-то пропустил? — я повернулся и посмотрел на розовую до кончиков ушей Настю.

— Да так, — со смешком ответил Подгорельский, — Не обращай внимания.

— Я тут останусь. «Горенку приберу, сольфеджию поизучаю, рушничок вышью в приданное», — выдала Настя, — А за вами дронами присмотрю. Так и мне безопаснее, и вам спокойнее.

— Ой молодец, Максимка, уговорил таки девицу, ужо за приданное взялась, — развеселился Яков.

— Да и к ужину надо синтез диоксифталофенона закончить, для твоей порции, — невозмутимо продолжила она.

— А я от него совсем помру, аль так, помучаюсь?

— Всего лишь очистишься изнутри.

— Ну тогда не страшно. Я с твоими женихом тарелками поменяюсь.

— Учту, — очень серьезно кивнула она.

— Добро, договорились. Тогда можем пойти собраться пока.

— Дядь Яков, а что за вопрос с минами? — поинтересовался я.

— А что с ними? Миша браслеты с маяками отдал? Подключил?

— Да, — ответил я, — Браслеты надели, платы еще не подключили.

— Ну вот и все. Чего тут еще обсуждать? Я и так уже весь язык смозолил, объясняя зачем. Иди сюда, мелочь ершистая, дублирующую схему подключу.

И пока он отвлекся я задал вопрос Насте, благо шлем был на мне и забрало закрыто:

— Насть, а что ты ему добавить собиралась оксифту... а, не вышепчу без подготовки.

— Диоксифталофенон. Фенолфлалеин, он же пурген. Сильное слабительное.

— Может не надо? Он ведь и правда сумеет тарелки подменить.

— Да я и не собиралась, если совсем честно.

— Тогда ладно, — мне значительно полегчало, лишнее обострение в их конфликте точно было не к месту.

— Ну вот, — Яков закончил с установкой и подозвал меня, — Теперь твоя очередь.

— А зачем дублировать? — постарался отвлечь его от нашего с Настей тайного разговора.

— Мало ли, батарея в браслете сядет, скаф придется бросить, критические узлы положено дублировать.

— А ты уверен что это вообще надо? Базу минировать?

— Ну хоть ты не начинай. Мне уже весь мозг чайной ложечкой вычерпали. Просто прими как данность. Все, с тобой тоже закончили.

В дверь постучали, она объехала в сторону и зашел отец.

— А чего это ты стучаться начал? — поинтересовался Яков, — Вроде раньше в таком непотребстве замечен не был.

— Да ну тебя, — отмахнулся отец, — Чтоб на пальнули с перепугу, вы вон какие резкие стали. А некоторые чтоб успели помаду со щек стереть. Не будем показывать пальцем, кто.

— Я помадой не пользуюсь, — открестился я, поддерживая его шутку.

— И я тоже, — подыграла мне Настя.

— Эк я чего пропустил, — заинтересованно протянул Подгорельский, — И как племянников моих называть будете, решили уже?

— Придет время — узнаете, — продолжила забавляться Настя.

— Мда, — крякнул отец, — Это что, опоздал я с предупреждениями?

— Ну пап, хватит уже.

— Индо ладно, индо будем посмотреть, за где похохотать, — выдал странную фразу Яков, — Хозяюшка, мечи на стол свои харчи, вкушать будем.

И мы принялись за обед. Дядя Яков демонстративно поменялся со мной тарелками. Настя театрально всплеснула руками и пригорюнилась. Обед прошел весело.

К этому выходу за периметр пришлось готовиться специально. Мы переоделись в специальные комбинезоны и подключили систему удаления отходов. Новый для меня опыт, и не сказать, чтобы очень желанный, но отвертеться не удалось. Снарядили магазины, разложили по разрузкам. Спокойно и буднично вышли. Меня всего потряхивало и в каждой тени мерещился враг.

— Так, Максимка, перестань трястись и дергаться, — дядя Яков положил мне руку на

плечо, — Тут пока еще никого нет, хватит паниковать, перегоришь.

— Что-то не выходит.

— А ты постарайся. Наука же твоя сказала, что они опасны ближе двух метров, а на этом расстоянии ты их увидишь раньше, — добавил папа.

— А я вообще за всеми вами присматриваю, — добавила Настя, чьи дроны выписывали вокруг нас карусель на приличном расстоянии.

— Здесь мы просто ищем следы. Присматривай за дронами, не зря же на них лампы повесили.

Переговариваясь мы прошли до поворота. Потом до следующего. И так дальше, пока перед нами не появилась линия транспортеров.

— Стоп.

— Что-то заметил, дядь Яков? — я напряжился и поднял штурмовую винтовку к плечу

— Нет. Но тебе надо передохнуть и поменяться.

— Но я же не устал.

— А шилопопая наука пока дронов прогонит по маршруту в обе стороны, — невозмутимо продолжил он.

— Я запросто, — тут же отозвалась Настя, и ведомая ей четверка стремительно разошлась по сторонам конвейера, по два в каждую сторону. Мы подождали, я успел попить сока из запасов скафа и хоть немного расслабиться.

— Есть засечка, — радостно возвестила Настя, — Недалеко от этой копательной штуки есть следы обвала и светящиеся пятна.

— «Копательной штуки?», — не понял ее отец.

— Ну на лопату или экскаватор это точно не похоже, а как оно на вашем техническом обзывается я не знаю, — выдала она.

— Проходческий щит или комбайн? — предположил отец.

— А в чем разница?

— Как тебе по проще объяснить, — задумался отец, — Щит создает круглый канал в породе, по принципам корабельного червя, который и не червь вовсе, а совсем моллюск.

— Тогда это оно, — отозвалась Настя.

— Проверяем что за обвал?

— Сначала дойдем до нашей пробки. Мы выходит основной поток заблокировали, — возразил дядя Яков.

— Принято.

Мы осторожно прошли вдоль пустого конвейера, до самого конца. Крайняя секция была опрокинута а за ней натеками и наплывами бугрилась застывшая пена. Точно такую я прорезал, когда делали шлюз.

— И где оно? — вслух подумал отец.

— Ты про тот момент, когда конвейер включился? — с полуслова понял его Подгорельский.

— Да.

— Прямо под ногами, — ухмыльнулся дядя Яков, — Не успела зверушка спрыгнуть. Растерло ее в сопля сложившейся секцией. Затянуло в сгиб и крутило пока вся не кончилась. Нашим легче.

— Согласен.

— Так, возьмите хоть какие-нибудь образцы, — вмешалась Настя, — Мне на... Суп не хватает. Уж больно дефицитный ингредиент.

— Вот заноза, — проворчал Подгорельский, доставая пакет и длинный пинцет, — Так и думал, что пригодится.

— Насть, тут почти ничего не осталось, — присмотревшись я нашел лишь пару фрагментов панциря. Выглядело достаточно мерзко. Удовлетворил любопытство, блин. Хорошо хоть оно не пахнет.

— Мне и жидкости сгодятся, — исправилась Настя.

— Уволь, — отвертелся Подгорельский, — Хочешь собирать эти сопли — пойдешь сама.

— Ладно, принесите хоть чтонибудь.

Кое-как наскрябав ей материала мы двинулись обратно. Больше следов пребывания нам не встретилось до самого обвала. Кстати, следов на полу так и не было. Где-то мы ошиблись. Я специально на корточках прополз исследуя солидный кусок пола. Ничего не нашел.

Обвалившийся кусок потолка подсвечивал один из Настиных дронов. Второй шарился по округе, подсвечивая вдалеке заднюю часть проходческого щита — гигантской добывающей машины, с помощью которой и осуществлялась основная добыча.

Провал был сравнительно небольшого размера, я бы в него не пролез, даже без скафандра. И он находился в аккурат над конвейером.

— Теперь понятно, почему мы не нашли следов, — высказал свое предположение я, — они сразу на ленту падали, а рывки ленты не дали им удрать с нее.

— Тут я с тобой согласен, — поддержал меня отец, что-то разыскивая в рюкзаке.

— И куда мы смотрим? — задал вопрос Подгорельский.

— По сторонам, — бодро ответил я, подозревая что это очередная проверка.

— А я что-то не заметил, — проворчал он, — Но хоть помнишь. Только тут надо не говорить, а делать.

— Ага, — отец наконец-то нашел что искал и вытащил из рюкзака руку с коробочкой. В ней лежал совсем мелкий дрон — квадрокоптер.

— Специально его собирал, подумал что все равно придется в каком-нибудь узком месте пролазить. Запаса аккумулятора хватит минуты на полторы, так что не отвлекайте, — и он поднял его в дыру пролома.

Пока отец был занят, я еще раз осмотрел все вокруг. Ничего не нашел. Ну или не понял что нашел. Камень, пыль, мелкий гравий под ногами. Под прикрытием дрона дошел до приемного бункера транспортной ленты. Немного не доехав до него висела грейферная тележка с молотой породой от проходчика. На самом проходчике светились все лампы, а дверь была прикрыта. Интересно, а что там, за дверью?

— Все. Вырубился, — сказал отец, начав двигаться, — Не так далеко я успел его загнать. Проход очень узкий.

— Ну показывай, чего усмотрел. А мы посмотрим, по очереди, — заинтересовался Подгорельский, — И пока я буду смотреть, вы по сторонам смотрите.

— Перебросил всем, — ответил отец одновременно с сигналом о новом сообщении. Когда дядя Яков дал отмашку я развернул файл.

Перед камерой прошел достаточно длинный извилистый ход в скальной породе, сильно порушенной трещинами. И вот наконец дрон выскочил на свободное пространство. Слабые лампы и камера не дали увидеть весь объем, просто стены хода резко исчезли, а когда дрон

развернулся в обратную сторону стала видна стена пещеры. Странная стена если честно. Насколько я не сильно интересовался спелеологией, но все же неоднократно видел фото и видео, и на них стены были обычно гладкими. Заполированными водой. Здесь же они больше напоминали выработку, по которой мы шли. Не совсем ровные сколы, следы инструмента, заметные радиальные выемки. Пещера выглядела искусственной, прогрызенной в породе.

Дрон сдвинулся и показал пол пещеры. На нем сплошным ковром рос небольшой в высоту мох. Тоже неправильность. В глубине пещер никогда ничего не растет, ну в основном. Там нет источника питания как солнце или органики, из которой можно вытягивать питательные и строительные вещества. Как и чем этот мох поддерживает свою жизнь? Потом у Насти спрошу, хотя и так понятно, что она скажет: — «Дайте мне образцы, я запущу их в свои жерновцы», ну и так далее.

Скорость перемещения дрона увеличилась, видимо отец спешил осмотреть как можно больше, пока есть энергия. На небольшой высоте было видно как под дроном стремительно пролетают ровные поля мха. Но местами в нем появлялись проплешины. Неровные извивы шириной примерно в пару пальцев, змеились непрерывно участками в пару метров. Может его, мох этот, кто-то ест, переключивая с места на место. И иногда встречались какие-то еще высокие стебли. Толстый бутылкообразный ствол заканчивался розеткой цветка с широкими и тонкими лепестками. Над ними висели штук шесть тычинок, слабо светящихся в темноте пещеры. Отец подвел дрона осмотреть только один, но за ним можно было рассмотреть еще пару светящихся точек, наверное это еще такие же цветки. Дрон двинулся дальше... и резко пошел вниз. Заряд кончился. Отец отключил двигатели и на последней секунде в поле зрения камеры попало какое-то существо. Краешком. Суставчатая лапа с большим кончиком. Кистью, стопой или как-то еще этот пушистый помпон назвать сложно. Широкая штука больше всего напоминавшая шарик или колесо... Экран потух совсем. Ролик кончился.

— Какие идеи, коллеги? — отец терпеливо дождался пока мы все отсмотрим видео.

— Мне нужны материалы, — выпалила Настя.

— Ну в тебе никто не сомневается, — проворчал Подгорельский, — Мое предложение: временно блокируем это лаз, а как выполним первоочередные задачи — вскроем и проведем разведку. Или передадим специалистам, когда они подтянутся.

— И за это время Настя замаринуется в собственном любопытстве, — хихикнул я.

— И не говори, — рассмеялся со мной отец, — Сморщиться и станет совсем вялой. Придется ее сильно наглаживать, чтоб форму сохранила.

— Ах так, значит? Переходим на овсянку, без никого, три, нет четыре раза в день. И соленый чай, — пригрозила нам Настя, но не выдержала и рассмеялась серебряным колокольчиком.

— А мы и сами умеем, «У тебя здесь нет власти», — поддразнил ее Подгорельский, в конце поменяв голос.

— Ладно, вернемся к нашим проблемам, — продолжил он, когда мы отсмеялись, — У нас впереди логово. И если не тотальная зачистка — то хоть перекрыть от расползания мы его должны.

Все посерьезнели. Я зачем-то дополнительно передернул затвор и быстро поднял выскочивший патрон. Нервозность повисла в воздухе.

— Так, сделали пару тройку глубоких вдохов-выдохов и успокоились. Сейчас идем к

шлюзу, подбираем материалы и прямой наводкой на логово, — успокоил и поставил задачу полковник. Интересно, раньше этого не особо и замечал. Как Яков Васильевич меняется в разных ситуациях, обычный балагур-затейник может превращаться в командира и обратно. Сколько же у него масок?

До шлюза проверенной дорогой мы дошли достаточно быстро. Прошли его, отдохнули-посидели-перекусили и начали собираться на второй поход.

— А это, Миша, придется тащить тебе, — показал дядя Яков на тележку с кучей материалов, — Максим впереди, я сзади, а ты с телегой в середине.

— И чего ты туда наприпасал? — заинтересовался отец.

— Сетка, анкера, немного арматуры, термитная сварка. Все чтобы закрыть логово и оставить щелочку под наблюдение.

— А почему я потащу, а не Максим например?

— Миш, я понимаю что тебе хочется оградить сына от всей этой катавасии, но вдвоем мы не справимся совсем, рук не хватит, да и стреляет он быстрее и лучше тебя. Мог бы — вообще всех на базе оставил.

— Ладно, поехали, — с тяжелым вздохом согласился с ним отец.

— Максимка, ты тут не стесняйся, пали во все, что тебе покажется подозрительным, там разберемся, кто в чьи тапки нужду справил, — подшутил Яков.

— Принято, — отозвался я. И чего папка так сильно переживает, меня вон сколько времени готовили к этому выходу. Я точно не подведу.

Не слишком долгий переход и вот мы стоим в прямой видимости от логова. Ну не совсем прямой, до него остался один поворот, но я уже могу его видеть. Я контролирую вход, а за моей спиной отец с Яковым осматривают следы. Теперь их стало видно, видимо те первые твари действительно не успели натоптать, потому что падали сразу на ленту конвейера. Тут они порезвились всласть. Весь пол передо мной испещрен точками — следами их лапок. Но чем дальше от логова, тем следов меньше. Они выходили на разведку и возвращались обратно. Не самое понятное поведение.

— Смотри, Василич, они штуки упорно лезли к шкафу с распределительным щитом, — высказал свое наблюдение отец, — Видишь как натоптано. А тут еще и пара десятков заусенцев свежих, языками облизывали, да внутрь не попали.

— Я так думаю их что-то привлекало. Потому что все остальное они не облизывали. И что это может быть? — с каким-то намеком протянул дядя Яков.

— Электричество, — осенило меня, — Они лезли к источнику электричества.

— Возможно. Но почему?

— Может как рыбы, наводятся на источник слабых возмущений? Думают что там еда прячется?

— Скорее электричество само по себе для них еда, — высказалась Настя.

— Ты серьезно? — удивились все, но высказался только отец, — Что-то до этого не встречалось животных напрямую потребляющих электричество. Свет да, встречались, но и там это больше растения и лишайники.

— Когда-то все бывает впервые. Мы знаем лишь крошечную часть от законов организации материи, — сказала Настя.

— Ладно, дома додумаете, — остановил диспут Яков, — У нас еще работа не выполнена.

И мы медленно двинулись в логово. В отличии от обычных коридоров шахты, этот был

сделан крайне наспех, на полу был толстый слой колотого камня. Ясно, что все убрать не успели, да и не особо старались, в тот роковой день они собирались все отключить, но что-то привлекло их внимание. Даже в мыслях я стеснялся что-ли упоминать погибших. Все-таки, это достаточно редкое событие — гибель людей на объектах. Но скоро мы получим ответы.

Отходящий от основного ствола узкий проход, названный нами «Логово», под значительным углом уходил вниз. Мы медленно и с паузами двигались вперед, вслушиваясь и всматриваясь, стараясь не упустить новую зверушку.

Удача улыбнулась мне в самом конце, ты почти вышли в конечную камеру где стоял комбайн как я заметил светящееся пятно у самой стены.

— Вижу цель, — подал я сигнал остальным.

— Ну так стреляй, — скомандовал Подгорельский. И я нажал на спуск. Из короткой очереди на три патрона в цель попали только две, как я потом узнал. Существо подкинуло и отбросило на стену. А у меня задрожали руки и во рту появился кислый привкус.

— Сойдет, — прокомментировал дядя Яков, подойдя ближе и осмотрев тушку, перевернув ее ногой, — Два попадания. Третья в «молоко».

— Ага, — проскрипел я, пытаюсь сглотнуть липкую и кислую слюну.

— Эк тебя растарашило, — удивился он, — А, ну да, это же первый трофей.

Желудок прыгнул к горлу. По ощущениям слюна прямо потекла струей, как всегда бывает про сильной тошноте. Отец сделал несколько шагов и притянул мою голову в шлеме к груди.

— Так, Макся, дыши нормально и успокаивайся, все хорошо. Ты все сделал правильно. Это нормальная реакция, — успокаивал он меня. Постепенно я успокоился.

— Полегчало? — отец отодвинул меня и попытался заглянуть в лицо, — Не смотри пока на свой трофей, тебе надо немного привыкнуть к этому ощущению. Убивать на самом деле не так просто, как об этом думают. Ты еще неплохо держишься.

— У тебя было так же? — я с трудом проглотил колючий комок.

— У меня? По другому, у всех по разному. У каждого человека своя история. И с чем и куда он приходит, зависит лишь от стечения обстоятельств. Для тебя это так.

С другой стороны от комбайна раздался выстрел. Мы рванулись туда. Полковник добивал израсходованный патрон в магазин дробовика.

— Отошел? Отлично, проверяем все еще раз, собираем трофеи и наших ребят, — обратился он к нам.

— В кого стрелял? — обратился к нему отец.

— Еще одну штуку увидел. Настя, ты тут? — обратился он к нашей поддержке.

— Тут, ответила она с задержкой и каким-то странным голосом.

— Тоже рыгаешь? — грубовато задал вопрос он.

— Тоже, только Максим сдержался, а я — нет, — грустно сказала она.

— Работать можешь? — продолжал он.

— Смогу, только дайте пару минут воды попить и умыться.

— Только быстро, потом за собой приберешь. Нам нужна поддержка с воздуха.

Пока шли переговоры, я выдвинулся вперед, за комбайн, и тут увидел их. Тех самых ребят, как выразился о них дядя Яков. Ближний лежал в перекрученной позе, будто до последнего боролся. Левая рука прижата к груди, а правая отброшена в сторону, он будто замахнулся но таки не успел ударить своего врага. Возле ног мелкий щебень был разбросан.

Видимо он двигался. Левая нога полусогнута в колене, а правая сильно опиралась на стопу, разворачивая все тело полубоком. Левая пластина на животе была сорвана и висела косо. К горлу опять подступил комок. Я поспешил отвернуться. Но мне не повезло, отвернувшись от одного, я увидел второго. Он стоял на краю более глубокого пролома и заглядывал в темноту, которую фары проходчика не дотягивались разогнать полностью. Как живой он продолжал всматриваться в глубину, поставив правую ногу на кусок бетона и придерживаясь за торчащую арматуру левой рукой. И тут меня осенило. Бетон. Точнее железобетон, судя по прутьям. Вот что привлекло их внимание и что они искали в последний день. В глубине выработки они натолкнулись на чужие постройки. Я подобрался и на полусогнутых ногах начал подкрадываться ближе.

— Макс, назад! — раздался голос полковника в наушнике, — Быстро отошел от края и вообще прижми жопу в уголке.

— Есть, — отозвался я, возвращаясь к комбайну.

— Настя, ближний патруль, — скомандовал полковник, от привычного дяди Якова сейчас почти ничего не осталось. Это был именно полковник.

— Осторожно проведи дрона в пролом и подсвети что там происходит. Если его атакуют, не дергайся и визжи в полголоса, я гранатами накрою, — проинструктировал он ее.

— Сейчас, — один из дронов осторожно двинулся в пролом.

И видео с дрона вывеси на отдельный поток, — добавил Подгорельский. На появившуюся картинку я подглядывал одним глазом. Наверное как и все мы.

Камера миновала проем и стоящую фигуру, и показала обычную комнату. Судя по затынутым какой-то серебристой паутиной столам и приборам — лабораторию. Причем абсолютно нашего вида. Пару тройку стеклянных колб и трубок я точно видел в школьном кабинете химии. Но окончательно меня убедила в земном происхождении лаборатории кружка, стоящая на краю стола. Обычная керамическая кружка с какой-то надписью и большим розовым сердечком, как его рисуют обычно. Знаете анекдот про плюшевую попу? Вот именно такое.

— Это наша лаборатория, — выпалил я в шоке.

— Очень похоже, — согласился отец, — Это нужно как можно скорее передать в город. Насколько я помню, колонизация началась всего лет двадцать назад и до того наших здесь не было. Вероятно это «осколок». Но куда делись люди? Все выглядит, брошенным, словно они на перерыв ушли, но так не вернулись.

Меж тем, камера сделала круг по комнате и двинулась в сторону дверного проема. Откатная дверь была почти полностью убрана в стену, а ее край выглядел подъеденным. Точнее источенным, как древоточцем.

Коридор выглядел совершенно обычным. Ровные белые стены, светильники на потолке, кабель-каналы по стенам. Правда из них выглядывали развесистые пучки зеленых иголок. А на полу был уже виденный нами в пещере фиолетовый мох. Сейчас его было удобнее рассматривать. Не было такой дикой спешки, у этого разведчика достаточно энергии.

Настя снизилась еще ближе в полу. Листочки мха колеблющиеся от воздушного потока вдруг обрели жизнь. Они начали тянуться к дрону. Старательно преодолевая давление воздуха.

Дрон поднялся выше. Мох успокоился, листочки все также колыхались в потоке. Настя опять снизилась. Мох проснулся и потянулся к дрону.

— Забавно, — прокомментировала Настя это явление.

— Потом побалуешься, — остановил ее Подгорельский, — Прикрой нас, мы ребят упакуем.

Настроение резко упало, я вспомнил зачем мы здесь. Как не интересно исследовать коридор у чужой базы, но мы здесь со спасательной миссией. Хотя спасти тут было некого. Я повернулся к остальным. Отец с Яковом уже расстелили один плотный черный мешок рядом с телом первого погибшего и сейчас примерялись, как его лучше перенести. Я подошел ближе и прочитал табличку на груди «Николай Семенов». Это был муж Светланы Валерьевны, с которой я работал ранее в теплицах.

— Макся, брысь отсюда, — шугнул меня отец, — Насмотришься еще за жизнь.

— Ладно, — я отвернулся. Меня опять замутило.

— Черт, — выругался Подгорельский. Я на автомате повернулся к ним. Лучше бы я этого не делал. Когда они аккуратно подняли скаф Семенова, оказалось что у него нет нижней стороны, ее кто-то съел, и сейчас тело выпало на землю. Еле отскочив я распахнул забрало. Меня вырвало. Потом еще. Кое как продышавшись, я захлопнул забрало и повернулся обратно. Они с подозрением смотрели на меня.

— Что? — я смотрел на них, а они смотрели на меня.

— Запах разложения, — пояснил отец, — Был?

— К-кажется нет, — замялся я.

Еще более странно, — протянул он, — Отвернись-ка. Мы не закончили.

Я поспешил выполнить этот полезный совет. Во рту было противно, а на душе гадко.

— Смотри, пласталь совсем расползлась, а кожа и одежда выглядит нетронутой, — заметил отец.

— Только гнется, как резинка. У него что, совсем костей не осталось.

— Очень похоже. Но ты мне другое скажи, сейчас мы их вывезем, а дальше куда? Морга тут нет. Холодильников такого размера тоже. Да и разобраться во всех этих метаморфозах тоже нужно. И я сильно сомневаюсь что наша наука сможет провезти вскрытие.

— Ага, вон как блюет и плачет, — цинично заметил Подгорельский, — Ну что ты, девочка, держись. Отверни от нас камеры, выпей воды. Держись, моя хорошая, — обратился он к ней совсем другим тоном, ласковым и заботливым.

— Один у нас вариант — на мороз. Вынесем наружу и положим в снег, — ответил он отцу, — Поднимай осторожнее, он как течет весь.

Меня опять замутило. Но я нашел в себе силы переключиться на другой канал.

— Как ты, — с сочувствием обратился я к Насте.

— Плохо, — практически простонала она, — Досталось любопытной кошке, да большой ложкой.

— Переключись на чтонибудь, — предложил я, — Может чтонибудь еще заметила? Странного.

— Да тут все странное, от начала и до конца. В глубине каменного массива внезапно обнаруживается лаборатория с надписями на одном из земных языков. Столы, стулья, шкафы — целые, зато стальная бронированная дверь в лабораторию съедена в труху. Мох этот фиолетовый тянется за источником электромагнитных колебаний. Его бы изучить.

— Да чтоб тебя! — в приглушенном мной канале раздался рев Подгорельского. Я резко обернулся. Дядя Яков сорвал с себя визор, и судорожно нагребал мелкую пыль, посыпая себе переднюю часть скафа. Отец ему помогал. В стороне медленно дымился визор, постепенно оплывая под действием какой-то сверх едкой кислоты.

— Это ж надо, второй раз подставился, — проворчал он, когда им все-таки удалось нейтрализовать остатки кислоты попавшей на лицевую сторону скафа.

— Аккуратнее надо быть, — напомнил ему отец, — Сам Максю гонял за осторожность, и сам же везде лапы суешь.

Что случилось, — заинтересовалась Настя, понемногу приходя в себя. Воистину, она состоит наполовину из любопытства.

— Хотел рану ближе осмотреть, тронул, а оттуда на меня какая-то хреновина кислотой плюнула, — пояснил дядя Яков, — И куды я полез, я ж все равно по ихнему не разумею, — свел он к очередной шутке.

— Смотри, а пакет кислота не берет, — поделился наблюдением отец.

— Нашим легче, — проворчал дядя Яков, — Застегиваем и убираем второго. Что-то здесь стало неуютно.

Я постарался отвлечь Настю.

— А Еще что-нибудь заметила?

— Эта серебристая паутина. Она не из нитей сплетена, а скорее напоминает грибницу по структуре. И это очень славно. Потому что с такого размера пауками мне бы очень не хотелось встречаться.

— А ты уверена?

— Насколько это можно, в этом месте, — с некоторым раздражением ответила она, — Тут все слишком странное, не так как у меня на астероиде, в учебниках или теплицах. Нужно больше информации.

— Мы закончили, — сказал отец, подойдя ко мне, — Ты как?

— Средне, — честно сказал я, — Участвовать — совсем не так как видеть на экране или представлять читая.

— Прости меня, — отец обнял меня, — Не такого я тебе хотел, когда с собой брал. Думал спокойно поработаем, ты глазки девчонкам построишь, сладости вымарщивая. А через недельку домой, за мамой с Веткой и на море. А вместо этого вот это все.

— Ничего, пап, я справлюсь, — я уткнулся лбом в его грудь.

— Ну, часть он выполнил, — подкинула шпильку Настя, — Глазки строил, за попу лапал.

— Когда это? — возмутился я

— Когда по коридорам в сторону базы нес.

— А ведь правда, — согласился я, кажется это было так давно. А всего четыре дня прошло. Но кажется что мы тут уже месяц живем.

— Ну хоть до «сладкого» не добрался, надеюсь, — влез в пикировку отец.

— Пока, — с намеком ответила Настя. И захихикала.

Дядя Яков поднес поближе материалы и мы начали перекрывать пролом сеткой. Точнее начали отец с Яковым. Я же отошел за комбайн и наткнулся на еще один «подарок».

— Пап, тут еще одна тушка.

— Что? Какая еще тушка? — не сразу понял он.

— Ту, что об работа Брюса самоубилась.

— Сейчас подойду, — ответил он, а я начал осматриваться внимательнее.

Когда зверь атаковал робота, он был повернут неудобно, и язык пробил один из основных аккумуляторов машины. А заряда в банке хватило чтобы прибить тварь на месте. Как еще пожар не начался, не понимаю. Но результат — вот он, зверек дохлый, робот тоже.

А рация и анализатор продолжают работать. Надо все-таки им какое-нибудь название дать, а то все время разными словами обзываем. Когда отец все осмотрел и вернулся обратно, я надел перчатку и аккуратно выдернул застрявший язык зверушки из робота. Он был мягким и упругим одновременно. Как силиконовый шланг. Причем когда я его сжал, остатки гидравлической жидкости перетекли в тело, заставив его шевельнуться. Я напрягся. Он оно осталось безжизненным и ко всему безучастным. Освободив, я оттащил робота ближе к пролому. Пусть он и не может больше двигаться, но анализатор на нем все еще работает, может что покажет.

Доделав забор, мы двинулись в обратный путь. В голове было пусто, и волнами накатывало безразличие. Видимо это и называется «перегорел». Я слабо запомнил обратный путь до шлюза и от шлюза до базы.

— Так, мелочь, дезактивируйся, вон там душ для этого сделали, и топай в комнату. Там сам помоешься, а как закончишь — подходи в столовую. Можешь с Настей помиловаться, но чтоб вам не пришлось перед нами краснеть, — напутствовал меня Подгорельский, — а нам надо ещё одно дело закончить.

Я подчинился. Апатия побеждала.

Помывшись, я пришел в столовую и молча плюхнулся на стул. Настя копошилась возле автоповара. Тоже молча поставила передо мной пару металлических стаканов и прозрачный заварочный чайник, залитый кипятком. Чаинки набухали и плавно опускались на дно, окрашивая воду в темнокоричневый цвет, рисуя извилистые линии в своем медленном падении на дно. Она молча села рядом и прижалась своим плечом к моему. Мы сидели и молча смотрели за падением чаинок. Странно, раньше я не верил что можно просто сидеть и молчать, и при этом чувствовать поддержку. Мне всегда казалось, что для этого нужны слова, действия, что-то еще. Я потянулся и налил нам чай. Добавил сахар, и шумно, со звоном размешал его ложкой. Настя улыбнулась, по крайней мере, мне так показалось. Мы так же молча сидели, держа стаканы в руках, будто греясь о них и друг об друга.

— Можно я останусь с тобой сегодня, я боюсь, — ее дыхание пресеклось на середине фразы, — я боюсь что не смогу уснуть одна.

— Конечно.

Дверь открылась и зашли отец с Подгорельским.

— Эк вас, — дядя Яков проглотил конец фразы, — Я сейчас.

Он подошел в аптечке и долго копался, разыскивая что-то нужное. А когда вернулся, плеснул в наши стаканы что-то из темного бутылка. Без точной дозировки, на глаз. Потом сходил до раздачи и поставил перед нами тарелки.

— Жуйте и спать. И еще, Настя, может не будешь сегодня одна ночевать, Мишу я к себе уведу, — предложил он, без обычных подколов, а с сочувствием. Если уж его проняло, наверное мы совсем плохо выглядим.

— Да мы так и решили, — ответил я за нее. Отец согласно кивнул.

Когда мы поели и собрались уходить, папа меня остановил.

— Макся, можно тебя на минутку? Хочу дать тебе совет, будешь ты ему следовать или нет, дело твое, только помни. «Только мужчина ищет единения душ в слиянии тел». Поторопишься — все испортишь. Я люблю тебя, сын, — и он обнял меня.

Я догнал Настю и взял ее за руку. Ее холодные пальцы крепко стиснули мои. Пока Настя снимала скафандр я успел перестелить мою кровать, сам устроившись на отцовской. Несмотря на то, что ложиться спать было еще рано по времени, мы решили последовать

совету Якова. Сегодня был очень длинный и сложный день. Я приглушил свет и лежал в тишине. Заснуть не удавалось.

Настя повозилась, затем встала, взяла одеяло и подошла по мне. Я подвинулся и она устроилась рядом, обняв, уткнулся носом в ее макушку. Ее волосы очень вкусно пахли, и это последнее что я запомнил, провалившись в сон.

Интерлюдия 13

Когда за понурой молодежью закрылась дверь, Михаил еще некоторое время смотрел им вслед. В душе боролись разные чувства, больше всего было сожаления, что испортил ребенку отдых. Не возьми он Макса, история свернула бы по совсем другой колее. И не было бы сейчас так печально и тошно на душе. Но оставался еще один вопрос, к другу, раз за разом переходящего в ранг "домашнего отравителя". И который опять что-то делал за его спиной с ребенком. Возможно, это пойдет Максиму только на пользу, но хоть предупредить-то? Подгорельский как раз вернулся от стойки, держа в руках свеженалитую кружку с чаем.

— Ну и чем ты их на этот раз порадовал? — саркастично поинтересовался Рогов.

— Сейчас только вкусной валерьянкой, как котиков, — не менее едко вернул шпильку Подгорельский, — Им и того хватит. А вот тебе и мне — нет. На, две сейчас, одну в обед.

Переброшенный через стол блистер с таблетками не имел никаких пометок, кроме срока годности.

— И что это? — Рогов продолжал вертеть в руках упаковку.

— Нейролептик. Чтобы ты с катушек не слетел. А так как ты у нас мужик большой и взрослый, значит падать будешь, как тот шкаф, с повышенной громкостью. Я тоже не далеко ушел, но мне, к сожалению, это на один чих, а что-то серьезнее у нас нет.

— Ты всерьез? — в голосе Рогова проявилась забота и напряжение.

— К сожалению. Перегрузка трупов вообще никому радости не добавляет, даже если это твоя работа, тем более в обстановке круговых подозрений. Я знаю, что вы чего-то мутите, ты знаешь, что у меня тоже есть свои секреты, и только этим двоим все до флага, у них «любоффь», — Яков показал кавычки жестом.

— С чего ты взял про секреты? — сделал непонимающее лицо Рогов.

— Ой, Миш, даже не пытайся, — с некоторым раздражением отмахнулся Яков, — Не умеете вы врать и прятать, так нечего на ходу пытаться научиться. Я — могу от тебя что-то спрятать и умолчать, а вот ты — нет. Не учат вас врать и изворачиваться. Будь это даже сто раз полезно. У тебя все на лице написано. Вот валерьянку ты увидел, потому что я тебе это показал. А то что перед выходом я всем по паре капель этого средства дал, ни ты, ни Макс не заметили. Настя скорее всего заметила, но она отдельная история, за нее мы с тобой потом поговорим, — сверкнул глазами полковник, — Вы блин, как ручные кролики, «эта наша полянка и мы ее топчем». Ничего не видите пока в суп не попадаете.

— И зачем все это?! — всерьез разозлился Рогов.

— Зачем? Да затем что вы мне адекватными нужны. Затем, что я за вас двоих отвечаю, и не перед кем-то, а перед собой. И вы у меня должны нормальными вернуться, а не психами, готовыми только на «бей-беги». Ты Миша, ответь на пару вопросов, но так чтобы совсем честно, не мне даже, а перед собой. Готов?

— Ну давай, — кивнул Рогов.

— Ты понимал куда мы лезем и зачем? Не, не в романтику с патрулем и поисками пришельцев в шахте. А то что мы идем выносить трупы. Недельной давности трупы. Понимал? — в голосе Подгорельского шипела и плевалась искрами горечь потерь.

— Понимал.

— И что за неделю разложения в более-менее нормальной температуре, это будет полужидкий смердящий мешок с костями, распухший и подтекающий? — мимика осталась

прежней, но яда в голосе стало больше.

— Да.

— Да ничего ты не понимал, — с грустью покачал головой Подгорельский, — Головой может мог предположить, но старательно обходил эту мысль стороной. Потому, что даже думать о таком неприятно. Согласен? И что выбора, брать или нет твоего сына с собой, у нас не было?

— И тоже да. На оба вопроса.

— Так какого хвоста ты его сам к этому не подготовил? Не проговорил, не накормил таблетками, как я, хотя бы. А я тебе отвечу — потому что ты сам об этом не думал, это слишком травмирующе, даже для тебя. Отвык ты от смерти. Забыл, что это бывает и это всегда рядом. Вот ты у нас достаточно информированный инженер, с допуском к информации по чп и травмам. Скажи, сколько было «холодных» за время колонизации, что мимо тебя прошли?

— «Холодных» это погибших?

— Да.

— Десятка три, — Михаил задумался, большая работа всегда берет свою плату жизнями, а колонизация — работа огромная, — Может чуть меньше. В основном грубые нарушения ТБ.

— Вот и я тебе об этом. Ты отвык, что смерть всегда ходит рядом. Тут еще и усилия приложить надо немалые, чтоб убиться, вот и перестали бояться. И возраст колонистов тоже свое дает. У вас нет еще естественной убыли, и вы забыли, стали чувствовать себя бессмертными. Ты, дурень, уверен, что у тебя еще будет время на все твои задумки. А вот нет его никогда. И ты еще можно сказать образчик адекватности. Но вот о том что ребят из шахты забирать надо будет — ты думать не захотел. А нам всем просто очень повезло, что эти фиговины держатся своей территории, а не рыщут по всей базе в поисках пожрать. Несказанно повезло. А знаешь, что в нашей ситуации самое поганое? То, что нельзя вас переучивать. Вы потом в своем обществе чужими будете. Сестринство непуганных институток.

— Тебя опять несет?

— Если бы. Так, ты ответил для себя, почему не поговорил с Максимом? Сформулировал? А теперь ответь, были там слова: «забота», «оградить», «молодой»?

— Да, — Рогов скис.

— В этом и беда. Для тебя он все равно остается этим мяукающим свертком, который тебе в больнице отдали. Твой маленький котик — твой первенец-сын. Он рос и ты стремился его защитить и научить. Но когда мы столкнулись с совсем хреновыми делами, ты струсил, — на этих словах Рогов вскинулся и навис над собеседником, но тот продолжал без паузы, — И попытался его защитить как можешь. И вот это оказалось неправильным. Ты оказался не готов сам, и не мог подготовить его. И я не могу. Несмотря на все прожитые рядом с вами годы, я все равно думаю по другому.

— И ты поступил по своему. Тайком накормил его таблетками, — почти прорычал Рогов, скрипя зубами.

— Да. И знаешь что, мне стыдно, — эти слова, хоть и не охладили Рогова совсем, но серьезно поубавили ярости, — Мне действительно стыдно. Несмотря на то, что я знаю что прав.

— И почему же?

— За то, что пришлось вмешиваться. За обман. За то, что у твоего сына не будет нормального взросления, с постепенным расширением границ. Да много за что, — теперь скис Подгорельский, начав выглядеть на все свои годы, которых было немало.

— И что ты можешь предложить?

— В том-то и проблема, что ничего. У нас есть пара тайн, и мы их будем потрошить здесь. Я не хочу притащить угрозу в город. Там наверняка найдется не один такой бессмертный дурак, что упустит угрозу. Вы отучились бояться. Вам стало это не нужно. Вот только страх эволюцией был придуман не зря. А потеряв нормальные здоровые страхи, вы начали выдумывать свои, искусственные, и настолько в этом преуспели, что настоящий не распознали.

— Так все же, зачем ты всех лекарством накормил?

— Я уже ответил. Чтобы с катушек не слетели, — повторил Подгорельский, и пояснил свою мысль, — И я очень доволен что не ошибся в дозировке. Теперь он научится бояться правильных вещей, не поймав какую-нибудь фобию и кошмаров на пару лет. Он знает, что люди умирают, и делают это некрасиво и внезапно. Но паники у него это не вызовет. Мог бы он прожить без этого знания? Судя по твоей кислой роже — мог, а судя по твоей жизни — нет. Просто столкнулся бы позже, а подготовлен был меньше.

— К этому нельзя подготовиться, — пробурчал Рогов, понурым тоном.

— Ну хоть это заметил. Ты даже сейчас стараешься смерть не назвать смертью. И да, подготовиться нельзя, но научиться встречать последствия можно. И еще. Тебе придется очень сильно с ним поговорить. По взрослому, без прикрас и увиливаний. С утра. А после обеда мы поперемся в шахту еще раз. За материалами.

— Зачем? Ты же сам не собирався лезть в шахту, и вообще был против всей этой затеи. Запросим эвакуацию, нагоним людей с города, пройдем шахты из конца в конец огнем и мечом, выжжем заразу под ноль.

— И я не дам никому из присутствующих уйти отсюда. Любой ценой.

— Что!?

— Что слышал. Ни ты, ни я, ни твой сын, ни эта притвора базу не покинут. Даже если придется пристрелить всех.

— Ты совсем с ума сошел?

— Не понятно, ну так давай поясню. Я не знаю, что вы там от меня пытались спрятать, но вот не вышло у вас ничего. Если бы только они подозрительно переглядывались, я бы списал все на "познание запретных плодов", мол добрались детки до сладкого, взрослые удовольствия пощупав. Но ты вел себя также. Рожа только подозрительная. Косился, суетился, перекапывал докуметы, подозрительно поглядывая то на них, то на меня. И знаешь, что меня убедило окончательно? — он поднялся и взял из мойки Настин стакан, — Вот это.

Михаил осторожно взял в руки поставленный перед ним стакан. Совершенно обычный, такой же, как до этого стоял перед ним. Гладко отполированная нержавеющая сталь. Тонкостенный. Он повернул его боком...

На полированном боку рыжел отпечаток узкой девичьей ладошки. Это же бред, пищевую нержавеющую сталь (08X16H11M3, она же AISI 316) ни кислоты, ни щелочи без дополнительного нагрева не берут, и она явно не может вот так просто пойти пятнами коррозии. Но факт был перед глазами. Михаил неверяще вертел проржавевший с стакан в руках. Пальцы пятнали рыжие хлопья.

— Я не знаю, что она выжрала из стали: хром, никель или молибден, но стакану резко поплохело. И единственное, что меня удерживает от того, чтобы снести ей башку — это ее поступки. Пока она все еще притворяется достоверно.

— Макся, — Михаил рванулся из за стола.

— Сядь, — резкий окрик приморозил Рогова к стулу, — Вот кому-кому, а твоему сыну абсолютно ничего не грозит. Иначе на стала бы она вокруг него так увиваться. Ей он нужен целым и невредимым. Она вон, для него жопку с титьками отращивает.

— В смысле, — Михаил непонимающе уставился на кривую усмешку Подгорельского. Почему он так спокоен, надо срочно изолировать Максима от Насти или что там ей притворилось. Быстрее.

— Помнишь, как она скандалила на утро, когда ей шкаф вернули?

— Ну да.

— А помнишь в каких местах жало? — Михаил чуть задумался и кивнул, — То-то же. А серьезно, у нее подвздошные кости на три сантиметра разошлись в стороны, и охват груди на четыре.

— Ты думаешь...

— Да, она начала готовиться стать женой и матерью. Нашла себе идеального партнера.

— И ты уверен что Максиму ничего не грозит?

— Кроме потертостей на определенной части тела — абсолютно ничего. Иначе бы этот процесс прошел значительно раньше. Еще до нашего приезда.

— Да почему ты так уверен что с ней что-то не так?

— Потому что люди не умеют прикосновением вытягивать нужные минералы из сталей. Потому, что нормальные люди не могут распараллеливать сознание на десяток потоков. Ты заметил круговорот дронов вокруг нас?

— И что с дронами не так?

— А то, что она рулила ими без поддержки инфоцентрали. Руками, просчитывая точки контроля и вмешиваясь в нужный момент. Не прекращая контролировать лабораторию и обед готовить. Одновременно.

— Женщины вообще проще справляются с параллельными процессами.

— Да, но не на таком уровне. И про изменения тела, это не умозрительное заключение. Это со стенда информация. Там еще процесс увеличения мышечной массы в гору попер. До знакомства с твоим сыном подгонка нужна была не чаще раза в месяц, и то, больше для проформы делали. Сейчас этот процесс ускорился в десятки раз.

— И ты уверен что Максиму ничего не угрожает.

— Угрожает. И множество вещей. Но с ее стороны — точно нет.

— Но уйти отсюда ты никому не дашь.

— В точку. И не дам привезти сюда еще людей. Пусть она сожрет нас, но не доберется до города, где сможет развернуться по полной, если я все-таки ошибаюсь и она по настоящему опасна.

— И ты готов убить меня, Максима и ее, если она начнет изменяться? — внутри у Рогова все кипело, хоть он и старался это не выпускать.

— Хоть два раза. Отсечь малое, чтобы не допустить заражения. Этому я у вас научился. Самопожертвованию.

— Так что будем делать дальше?

— Ты — воспитывать сына, учить его на будущего главу молодой семьи, я наблюдать.

— Знаешь, пожалуй ты прав. Но мы сделаем по другому. Будем играть открытыми картами. Утром мы проговорим все это. Расскажем им о своих подозрениях. Максим, думаю, меня поддержит.

— Вот этим вы меня тогда и купили. Не купили даже, а убедили и заставили поверить. Открытостью. И у вас не без темных пятен история, но вы это не прячете.

— А раз так, тебе тоже придется поступиться своими секретами. Мы все на одном плату.

— Пусть так. А теперь глотай таблетки и ложись спать. Во второй половине ночи патруль на тебе.

Больше серьезных тем они не касались.

Выпитые таблетки помогли, заснул Михаил быстро. Тяжелее было просыпаться, выручила только добрая порция крепкого кофе. И пока он проходил по пустым коридорам, в голове крутились и мешались друг другу обрывки мыслей. Что делать? Как? Можно ли верить, а если верить то кому из них? К кому можно обратиться за помощью? Савельев? Нет, тот скорее поддержит Якова. Игорь? Тоже нет, не набрал он еще «жизненных трудностей преодоления». Умен, да, но тут требовался другой опыт. Наконец, устав от пустых переживаний, Михаил определился. Есть только один человек, которому можно доверять безоговорочно и безоглядно. Жена. Женщина, прошедшая с ним рядом не один год, и встречавшая с ним рядом все удары судьбы. И пусть прямой связи нет, это не мешает получить совет и поддержку. В дни кризисов, а было их за эти годы все равно немало. И пусть тема была слишком сложной, чтобы с нахрапа проговорить ее с глазу на глаз, всегда оставался еще один способ проговорить проблему. Даже самые непростые конфликты они решали так. Михаил свернул в диспетчерскую. Там, в тишине и привычной обстановке будет проще написать письмо. А уж ребята на пульте с той стороны его переправят без проблем и любопытства.

«Здравствуй, моя родная! Ди, солнышко мое, похоже что я опять подвел тебя с отпуском, хоть большие головы и обещают добавить к нему дней, и тебе тоже, отдыхать мы поедem позже. Прости за эту мелочь. Наш сын обзавелся подружкой. Твои инструкции пропали даром, надо было не его учить, как от меня девок гонять, а как раз таки наоборот. И об этом я хотел с тобой поговорить. Понимаешь, солнышко мое, Настя хорошая девушка, но за ней тянется большущий хвост из многих вопросов на которые у меня нет ответа. Она милая, добрая, отзывчивая, но странная. И способная на нечеловеческие вещи. Я не хочу вмешиваться в их отношения, но сильно переживаю. Подскажи, дай совет. Хоть они и все время на виду, у них тоже появились какие-то тайны, но знаешь, если они просто тискаются в тихомолку — это будет меньшей из возможных проблем. Мы застряли здесь и Василич боится нас возвращать в город, то, с чем мы столкнулись не предусмотрено инструкцией, или чем-то еще. Словно вокруг нас идет фантастический фильм, и мы актеры, которым не дали сценарий. Декорации стремительно меняются, и что будет завтра предугадать невозможно. Как и жанр фильма.

Знаешь, мне кажется наш сын сильно повзрослел за эту неделю, наверное даже больше чем за предыдущие полгода. Подтянулся, поумнел, стал аккуратнее. Я горжусь им. Очень соскучился по тебе и Ветке. Как она там, моя вредная мелочь? Поцелуй ее в нос за меня. Мы постараемся и скоро вернемся домой.

Понимаешь, родная, очень сложно сформулировать то, что меня гнетет и не вызвать какой-то опаски у тебя, чтобы еще и ты за нас боялась. Здесь сложно? Очень. Опасно?

Капельку. Но здесь очень много тайн и каждый день их становится больше. Например сегодня мы узнали, что до нас здесь уже были люди, мы нашли их лаборатории. Пыльные и в паутине. А еще, что бывают животные на гидравлических лапах. А до этого — что мясо может расти на ветках кактуса. Ну или из чего там Настя эту штуку слепила. И я опять вернулся к Насте — Максимковой подружке. Девочка со звезд, умеющая готовить вкусный суп, но не способная донести кастрюлю до стола от комфорки, без помощи экзоскелета. Умеющая разобрать неизвестный науке вид, но не способная его подстрелить. Заботящаяся о нашем пропитании, но имеющая острую потребность в микроэлементах, как выяснилось. Она странная, но вызывает доверие. Открытая и с кучей тайн на хвосте. У меня не получается разобраться. Но вроде нравится Макс, как и он ей. Напиши ответ как сможешь, ребята мне переправят. Люблю тебя.»

Связавшись с городом, он отправил письмо, дежурный пультавщик, Васька, клятвенно пообещал переправить сразу же. Немного пустых коридоров и промежуточная остановка в столовой. Там-то они и обнаружили. Немного сонный Максим и аппетитно уплетающая кашу с маслом, и огромным бутербродом с колбасой, Настя.

— Ночной дождь? — ухмыльнулся старший Рогов.

— Именно, — с улыбкой подтвердил Максим, только Настя молча кивнула, ускоренно работая челюстями.

— И чего не спиться, до утра дотянуть не могли?

— Вой голодного желудка заглушал храп Максима, — отрапортовала Настя, прожевав, — Была вынуждена проводить операцию по усмирению.

— Нормально себя чувствуешь, ничего нигде не ноет, не болит?

— Нормально, а что случилось, пап?

— Да я не про тебя, кабана, соленья твои уши.

— Нормально, — Настя поежилась от пристального внимания, — Аппетит только немного вырос.

— Отлично тогда. Ну-ка сделай так, — Михаил согнул руку и напряг бицепс.

— Так? — она повторила. На тонкой ручке появился небольшой бугор. Почти незаметный. Но сейчас она пришла сюда на своих ногах, и по ее виду не было заметно, что сильно устала. Хотя еще неделю назад, даже чуть меньше, Михаил вспомнил, как она выглядела. Уставшая девченка в промокшей от пота рубашке сына, испарина на лбу и щеках, дрожащие от перенапряжения конечности. Да, сегодня она так не напрягалась, но и набрать силу настолько быстро она бы не смогла.

— Этак ты скоро Максима обгонишь, — свел он на шутку, — Смотри, мелкий, скоро она тебя на руках носить начнет.

Оба невнятно пробурчали, застеснявшись, Макс в кружку с чаем, Настя в бутерброд. Какие же они забавные. Михаил строился в стороне за столом, заваленном схемами, и продолжил украдкой наблюдать. Вот Максим сходил за чайником и сахарницей, прошерстил ящики и принес несколько обнаруженных конфет, заботливо пододвинув блюдце с ними ближе к Насте. Вот она благодарит его за это проявление заботы, доброй улыбкой и ласковым пожатием ладошки. Милые такие. Как же давно была его первая встреча с его ненаглядной Дианой? В датах он не то чтобы путался, но испытывал определенные сложности, особенно, если они не касались работы. А Диана, она была с ним всегда. Нет, ну когда-то ее еще не было, зато как появилась — была всегда. А год, пять или десять? Да какая разница на самом деле. Они вместе, и пусть так будет всегда. Глаза зачесались, он

повернулся к чертежам.

Налопавшаяся мелочь тихонько смылась из столовой. Михаил сидел и смотрел в чертежи, занятый своими мыслями. У детей должен быть шанс, пусть даже она не совсем человек.

***

Наступившее утро традиционно собрало всех в столовой. Взъерошенного Максима, чем-то довольную Настю, сосредоточенно вычерчивающего на листке Якова. Завтрак прошел спокойно, хоть в воздухе и витала некоторая напряженность. Когда убрали посуду и принялись за чай, Михаил откашлялся и взял слово.

— Ну что, робяты и зверяты, у нас всех есть проблема, и я считаю что ее надо начинать решать. И начнем мы с того, что проговорим ее и признаем, что она есть, — он прихлебнул чай, чтобы убрать появившуюся сухость в горле.

— Давай я начну, — предложи Подгорельский, и после кивка Рогова продолжил, — У нас тут поднакопилось тайн, и далеко не все они связаны с этим местом. А, бес с ней, с дипломатией, не умею, и нечего начинать. Настя, — в твоём отношении у меня возникло много подозрений, что ты не настолько человек, как пытаешься показать. Максим, не дергайся, я все равно быстрее, седи и слушай. Или ты попал ее влияние, или тоже начал меняться. Миша у нас как воплощение правосудия, пока носом не ткнули, ничего не видел. С кого начнем?

— Дядь Яков, ты опять Настю обижать собрался? — выступил Максим.

— Снова. Я, робяты, видел много людей, но чтобы они прикосновением стали портили — ни разу. И чтобы за пару дней кости на сантиметры выросли, тоже не видел. И как без поддержки сервера с математикой и контрольными мощностями десятков дронов на короткой дистанции контролировали, одновременно, тоже не доводилось. Тебе кстати твой скаф не жмет еще?

— Нет, — тихо проговорила Настя, почти спрятавшись за Максима.

— А по моим прикидкам — уже должен. Но это мы на стенде проверим. Пойдем по очереди?

— Мы тебя слышали, Василич. Давай я про тебя скажу. У тебя прогрессирующая паранойя, и ты видишь связи где их нет. И выражается это в возрастающей агрессивности и подозрительности. Не знаю насчет диагноза, мы тут не специалисты, но мы за тебя тревожимся. И за себя, если уж на то пошло. Максим?

— На мой взгляд, все нормально. Папа поначалу нырнул в железки, но сейчас выправился. Дядя Яков, на мой взгляд ты перегнул с минированием территорий, но тоже прокатит. Настя обычная, и ничего такого дикого я в ней не вижу. По себе. Несколько раз ловил себя на том, что проговариваю мысли в слух, сейчас вроде исправилось. Ну и силу с выносливостью поднял, но замеры не делал, качественно не скажу.

— Мы с Максимом обнаружили еще одну мою странность, — тихо начала Настя, — Я вижу текст на пустых листах книг, которые привезла из дома. И да, мне кажется, что я стала немного сильнее и подвижней. Устаю меньше. Может быть настройки экзоскелета поменялись? В этом я не понимаю. Вас я так хорошо не знаю, чтобы сказать, как вы поменялись. Максим хороший, старик — злой. И что за история со сталью?

— Тот стакан, из которого ты вчера чай пила. Я еще удивился, почему ты их взяла, до

этого кружкой пользовалась все время. После вашего ухода я обнаружил пятно ржавчины на нем. Навскидку — из металла вытянули часть элементов. А оставшееся железо окислилось. Химию специально не делал. Но это сплав хорошо держит и кислоты и щелочи. Темнеет, мутнеет, но при достаточно высоких концентрациях и не при комнатной температуре. Пятно по форме напоминает твою ладошку. У нас лапы шире, у всех, — Яков обвел рукой присутствующих, — В твою защиту скажу, что это только подозрения, твердой уверенности в твоей инаковости у меня нет. Да и мое предложение касалось больше наблюдения и контроля. Тебе — пока верю, тому, что может в тебе сидеть — нет.

— Но меня всю обследовали на корабле, и тут тоже.

— Могли просмотреть. Могли забыть указать. Процесс мог запуститься позже. Кстати о процессе. Поздравляю, когда ты натискалась Максима, ты начала стремительно расти. Постарайся поменьше находиться в скафандре, он может тебе мешать.

— Где доказательства? — осмелела Настя. Бедовой девчонке опять вскружило голову любопытство.

— Стакан — в шкафу. Лог настройки — в стенде. Ты прибавила полсантиметра в росте, три в размахе подвздошных костей, и четыре — в обхвате грудной клетки.

Настя порозовела, на ее светлой коже румянец смущения был очень заметен, и потупилась, Максим с интересом повернулся к ней. Видимо попытался увидеть все эти изменения. Но скафандр все скрыл.

— Для неучей, подвздошные кости — это тазовый пояс. И на ощупь ты это не почувствуешь, — не выдержав, прокомментировал Михаил, вгоняя обоих в краску.

— Ну пап...

— Сам виноват, расширяй свое знание биологии и общий кругозор.

— И еще один стакан в копилку, — вмешался Подгорельский, — Ты слишком спокойно и рационально воспринимаешь этот разговор. Твои реакции недостаточно эмоциональны для девушки. Покраснела, смутилась, но не более того. Пусть небольшой, но факт. Согласен, Миша?

— Частично, очень многое зависит от воспитания, но да, не самая распространенная реакция.

— И что я должна была сделать?

— Как минимум, проявить больше эмоций. Напугаться, заплакать, спрятаться за Максимом, убежать из комнаты. Или захныкать, замкнуться в себе. Но не участвовать в дискуссии, тем более, приводя новые факты. Ты спокойна и рациональна, а краснеешь, когда мы задеваем тему вашей с Максимом связи, вот опять щеки порозовели. Мне уже начинать беспокоиться, как сказать Ди что она бабушка?

— Ничего такого не было, — заступился красный Максим за малиновую Настю, — Может, хватит ее дразнить?

— Знаешь в чем беда? Ее беременность дала бы нам однозначный ответ на вопрос, человек ли она, и совместима ли с нашим геномом. Но цена доказательства непомерно высока. Эмоционально и психологически вам слишком рано становится родителями. Годика три местных подождите до этого, или хотя бы полтора.

— Ну или после соития она откусит тебе голову и пристроит в тебя оплодотворенное яйцо, — высказал версию Подгорельский, — Тоже однозначный ответ. Печальный для тебя, но четкий.

— Хватит, — сердито рявкнул Максим. Он вскочил, догнал и обнял Настю.

— Больше не будем, — с честными глазами сказал Подгорельский. Но в это не верилось вообще.

— Сомневаюсь.

— Садитесь обратно, — позвал их обратно Подгорельский, — У нас еще есть что обсудить. Теперь меня будем бить, Миша?

— Начинай, — с некоторым облегчением вздохнул Рогов-старший.

— Сначала еще раз задам вопрос Максиму. Когда ты блевал в шахте, ты запах разложения чувствовал?

— Скорее нет, — после некоторого обдумывания ответил тот, — Наверное больше от ваших комментариев, воображение разыгралось.

— И это очень странно. Ты сможешь провести вскрытие? — обратился Яков к Насте.

— Нет, — отрицательно замотала она головой, с усилием подавив рванувшийся к горлу желудок.

— Ладно, понял. Понимаешь Максимка, да и ты тоже мелкая притвора, — начал издали Яков, — Когда я планировал вынести погибших ребят из шахты, я как-то упустил этот момент из виду. Такую работу нельзя поручать молодежи. Бывает, что больше некому, но мне от этого и хуже. Все на что меня хватило, когда вспомнил — подсунуть очередную химию. Чтобы сгладить моральную травму. А проговорить и проработать, попробуем сейчас. Простите меня дети, что вам пришлось в этом участвовать, но к сожалению вдвоем мы бы не справились. Я должен был это предусмотреть, но просмотрел, привык подобным заниматься с равными. Но получилось, как получилось. Если не касаться совсем неприятных подробностей, то мы не знаем, что произошло у них при разведке. Нормальному разложению они не были подвержены, но какие-то процессы перестройки в телах прошли. А раз так, опять Настя вернемся к тебе, «как человеку я тебе верю, как особи — нет», то разведка ложится на наши плечи. И одну подростку на три сантиметра задницу.

— Да хватит уже, — Настя вспыхнула и закрыла лицо ладонями.

— Вот о чем я говорю — ты слишком быстро адаптируешься. Это ненормально, — Подгорельский опять вернулся к своей зацикленной идее.

— Василич, хватит, тебя пинаем.

— Так вот. Можешь мной располагать, я буду таскать тебе образцы из шахты, какие закажешь. Кроме выхода на большую землю. Пока.

— И когда мы все сможем вернуться домой?

— Когда однозначно будем уверены, что это никому не повредит. И в первую очередь — Насте. Почему-то для ее адаптации выбрали именно Рассветный, а не любой другой город или поселок.

— Это я выбрала, — смутилась Настя, — Просто по названию.

— Тогда нам проще. Ждем когда ты перестанешь меняться, и если ты нас не съешь до той поры...

— Принято. Травить можно, есть нельзя, — взбесилась Настя, резко оборвав очередную фразу Подгорельского.

— Именно, — согласился он.

— Всех попинали? — оглядел присутствующих Михаил.

— Ты у нас остался и Максим. К которому претензий нет, — поправил его Подгорельский, — Но ты у нас как всегда, дорвался до работы и нырнул в нее без брызг и кругов. Ладно хоть Максиму уже хватает разума не лезть куда не просят. Ответственное надо

быть, товарищ родитель.

— Все живы, целы и работа выполнена — значит не так все плохо. Хотя штурмовщина это всегда скрытые недоработки. Теперь по команде все? От себя добавлю, что теперь буду внимательнее приглядывать за всеми. Особенно за Василичем.

— И правильно, а то все Настя то, Настя се, — поддержала Михаила поименованная девица, — И это не я варенье слопала. Оно само кончилось.

Немудреная шутка отпустила немного перенатянувшиеся нервы. Все по доброму посмеялись, хоть неприятный осадок и оставался. Обиженная на всех сразу Настя поднырнула под руку Максима, будто он ее обнимает, но он неожиданно поддержал ее игру и притиснув, громко чмокнул в нос. Как отец Светку. Сам Максим не очень любил обнимашки и прочие проявления чувств в свой адрес. И обычно родители это принимали, до нападок Очень Хорошего Настроения, когда проявлений любви, обожания и радости хватало всем. В таких моменты было проще притвориться котом — быстрее натискаются, скорее отпустят. Или упустят. Настя насупилась, вытирая мокрый кончик носа. Мир был восстановлен.

— Ладно, вернемся к нашему совещанию. Слово предоставляется науке. Что у нас есть, и чего надо добыть еще.

— А куда вашу вчерашнюю добычу спрятали? Мне в руки она не попадалась.

— Все на мороз вынесли. Но тебе не отдадим.

— «Усы, лапы и хвост» не той системы? — улыбнулась она, сдув упавшую на глаза прядку волос.

— Нет, просто из жадности, — предположил Максим.

— А что ты еще можешь выжать из этого материала? Вроде уже до клеток разобрала.

— Самое-самое малое — перекрестная проверка результатов. Но и так много чего еще можно найти. Поврежденные в первом случае структуры исследовать. Вы же не всегда в одну точку попадали.

— То есть, мы от тебя можем новым экземпляром старой зверушки откупиться?

— Не-не-не, так не пойдет. Лучше несите новое, а старое пусть и дальше хранится. Соскобы только дайте сделать, для анализа на микрофлору.

— А что, в прошлый раз, лентяйка, не сделала?

— Сделала. Но не уверена в достоверности результатов проверки. У них нет никаких микроорганизмов на поверхности, кроме привнесенных во время транспортировки. Или вы свою зверушку помыли дезинфектором и повторно контаминировали?

— Не было такого. Сам же перекалывал, при тебе. До этого из шахты сразу в морозилку Миша положил.

— И на внутренних полостях нет микроорганизмов. Абсолютная стерильность.

— А вот это вызывает много вопросов, — заметил Михаил, — В телах ребят достаточно своей микрофлоры, чтобы вызвать разложение. Но судя по состоянию тел, нормальный процесс был остановлен, и был заменен на какой-то иной. Затронувший кости. Ты точно не можешь провести вскрытие?

— Сожалею, но нет. У меня и оборудования соответствующего нет.

— А по старинке? Стол, ножик, пила и лампочка под потолком?

— Тут навыка не хватит. Я по биологии растений. Ты, конечно, тот еще сорняк, но царством не подошел.

— Тогда нам нужно поймать свежего представителя нового вида. И допросить с

пристрастием. Даю час на подготовку.

— Вот и договорились. Пакуемся, причесываемся и идем на происки приключений.

Сдвоенное “Ура” и молодежь смылась. Михаил потер лицо ладонью.

— Что, уверился было, что они поумнеют? — почти зеркально повторил его жест Подгорельский.

— Были надежды.

— Зря надеялся. Ты уверен что ее стоит брать с собой?

— Наоборот. Я уверен, что надо вызвать челнок и черт с ней с экологией. Почистим потом. А кроме челнока через бурю ничего не пройдет. Но теперь ты уперся. И тут наступает выбор из двух вариантов, или мы идем все, или они втихомолку натворят чего нибудь. Упрутся на прогулку и еще раз потеряются. Или найдут кривую лазейку в пещеру или чужую лабораторию. Блин, еще отчет надо было отправить Савельеву. Замотался вчера и забыл.

— Успеем перед выходом.

— Только его еще и написать надо.

— Вот это хуже.

Отчет составили быстро, сложив в кучу весь собранный материал и снабдив небольшими комментариями. Пусть у всех остальных головы болят, их задача — уцелеть. Переправив все это в город Михаил получил ответ на свое ночное письмо от Дианы.

«Здравствуй, мой хороший. Отложенный отпуск, это конечно не очень приятно, но мы легко это перенесем. Лучше займись Максимом. Лекцию ему там прочитай, ну там бабочки, цветочки, итд. Мне еще рано становиться бабушкой, я еще одну дочку хотела. У нас все по прежнему, со Светкой увлеклись рисованием, без вас можно бардак разводить и прочую рабочую обстановку. Веселимся от души. Но по вам все равно соскучились. И на Настю нужно взглянуть требовательным родительским взором. Это ты можешь сто раз повторить что девчушка хорошая, но мне надо самой увидеть. И что это за кухонное рабство? Вы всю готовку на нее скинули? Ну-ка быстро установили очередь. Вот все у вас в этот раз наперекосяк. Девки липнут к Максиму, вместо сухпайков комплексный обед.

Мышик мой, а там точно не опасно, все эти тайны, лаборатории, эксперименты? Тебе по шапке не прилетит? Вдруг это тоже какой-то секрет?

Ладно, пока ты за нее ручаешься — принимаем, все равно нужно смотреть самой. А Максимка все равно будет поступать по своему, он в тебя — упертый. Так что невестку мне обижать бросьте. Но побеседуй с ними. Ничего из взрослых удовольствий от них не убежит. А первые радости цветочно-конфетного периода лучше продлить подольше. Предвкушение бывает слаще самого результата. Ей, бедняжке, и поговорить-то наверное не с кем, одни «сапоги» кругом. Надо будет ей отдельно написать. Напутствовать и предостеречь. Целую вас. Диана. Ps от Светки большой привет и фото.» Светловолосая еще по малолетству дочь сидела за столом и старательно раскрашивала большой глаз дракона. Вполне уже узнаваемый, оставались только мелкие детали. На щеке пятно от краски, за ухом подкрашенная прядка. Опять поленилась прибрать волосы перед работой. Родная мелочь. На душе у него стало тепло.

В первый раз я проснулся от того, что Настя под боком возится и хнычет. Ну, не совсем хнычет, а издает какой-то похожий звук.

— Что с тобой? — прошептал я в удобно расположенное ухо.

— Не спится, кушать хочу, — жалобно прошептала она в ответ.

— Хочешь немножко перекусить, — вспоминая о припрятанном в рюкзаке питательном батончике, — Или нормально поесть.

— Прямо много и всерьез, — фыркнула она, да так жалобно. Разумеется я не мог отставить это без реакции.

— Тогда пойдем, поищем чего тебе можно слопать.

— Ага, — согласилась она, еще плотнее прижимаясь ко мне.

— Вставай, значит вся вставай, — я передвинул руку и пощекотал ее за животик. Она захихикала и задергала ногами от щекотки. Провернулась в моих руках, чтобы оказаться нос к носу и спросила: — А ты правда меня не оставишь одну?

— Правда, — с уверенностью подтвердил я. Может она и не самая красивая виденная мной девушка, но я ей нужен, а она мне. Как-то я это целиком понял в этот момент. Я ведь тоже не предел мечтаний, и может быть потом она встретит кого-то лучше меня. Но пока этого нет, я буду ее поддерживать. Она потянулась ко мне с поцелуем. Ее животик издал жалобный хнык. Вкусный поцелуй так и не случился.

— Но-но, у нас были планы, и нам не до глупостей, — я старательно изобразил на лице суровость и непреклонность, ну как мне думалось. Она усмехнулась и смешинки разбежались искорками от ее глаз.

— Глупость сделаем утром? — поддразнила она.

— Посмотрим на ваше поведение. «Глупость», знаете ли, еще заслужить надо, — я наставительно поднял палец вверх, относительно позы конечно. Мы расхохотались.

— Поедем, — она встала и потянула меня за руку.

— Будешь в броню одеваться? — поинтересовался я, подхватывая автомат. Как-то незаметно я стал все время носить его с собой. Этак и фобию какую можно заработать.

— Нет, тут недалеко, а ты рядом, — она прижалась и потерлась щекой об мою щеку. Почему-то мне казалась что она ниже ростом. Нет она и сейчас ниже и тоньше, но вроде чуточку подросла.

В столовой я ограничился кружкой растворимого чая, когда как Настя развела кипучую деятельность по организации ночного перекуса. Я сидел и смотрел, как она насыщается. Она так аппетитно и вкусно ела, что я не выдержал и стянул у нее с тарелки один бутерброд. Второй она сама отдала, соразмерив видимо объем оставшейся еды и свободное место.

Пришел отец, мы немного поперекидывались шуточками, и он погрузился в какие-то чертежи. Настя перекусила, прибрала посуду в мойку и мы вернулись обратно. Когда я лег и притянул ее к себе, она возразила: — Но-но, глупости отложим на утро, я такая кругленькая сейчас, меня тискать нельзя.

И повернулась на бок, почти мгновенно сонно засопев. Милая такая. Я укрыл нас одеялом, обнял ее и уткнул нос в ее макушку. Внезапно навалилась куча сомнений и переживаний. «А что ей во мне понравилось? Вдруг она со мной только от безысходности? И как только у нее появиться выбор она найдет себе парня лучше? И что делать мне? А что

мне самому хочется? Я хочу быть с ней, чтобы она не оставалась одна, или это что-то большее? Или я хочу просто физической близости с понравившейся девушкой? Но нет, возразил я сам себе, не только. Скорее мне нравится, как она дополняет меня, и это ощущение хочется сохранить, как можно дольше. А может я выдаю желаемое за действительное?» Но тут она завозилась и все рефлексии вынесло из головы, оставив чисто физиологическую проблему — как удобнее устроиться, чтобы она этого не заметила? Уж очень смущающе. Она что-то сонно мурлыкнула и я расслабился, задумавшись об «утренних глупостях». В голове замелькали разные приятные картинки. И я задремал.

К моей тихой печали, утром мы проспали время на запланированные глупости. Так что пришлось ускоренно умываться и бежать в столовую. А после завтрака началось...

— «... ты не настолько человек, как пытаешься показать...» — я вскипел и дернулся от этих слов, но Яков Василич как-то по своему истолковал мое движение и осадил меня. Он что, правда готов стрелять в Настю? И в меня, если я буду ее защищать? Но не выступать в ее защиту я не мог.

Совсем неожиданно сама Настя поделилась найденной нами случайно информацией. Вот ведь. Она что, не понимает что делает?

Пока я раздумывал про отношения Насти с высоколегированной сталью, разговор вильнул, и я опять оказался обсмеян всеми. Да знаю я, где эти подводные кости, только забыл немного.

И опять они ее дразнят, на этот раз вдвоем. Только у отца вид очень обеспокоенный. И я вспомнил еще один факт о Насте, на записи что показывал мне отец, там еще начальник Безопасности про это рассказывал. Что Настей было много. Но тут их совсем понесло. И тут я заметил, что отец внимательно следит за движениями Подгорельского, а на нас с Настей, лишь искоса посматривает. И тут меня осенило. Он доверяет нам, но не доверяет Якову. Настина чаша терпения переполнилась и она попыталась убежать. Я подскочил за ней. Догнал и обнял. Она дрожала, а в карих глазах стояли слезы. Я шепнул ей: — Все будет хорошо, я с тобой, — и украдкой чмокнул в висок. Мы вернулись за стол, но я не отпускал ее руку.

И все продолжилось. Вопросы, извинения Подгорельского, как я понял, для него это был новый опыт, уж очень коряво это прозвучало. Вроде извинился, но раскаяния в голосе нет. И опять подколки в Настину сторону. Но уже добрые. А после ее реплики про варенье, гнетущая атмосфера начала рассеиваться. Вот и Настя завозилась и поднырнула под руку. Обычно так к отцу мы со Светкой подлазили, ну, когда я был маленьким. Вот я и среагировал как он обычно. Притянул и чмокнул в нос. Он так мило сморщилась, вытирая нос ладошкой, забавная такая. Кажется я понял, что папа в этом находит. Но тут ей задали вопрос и она подобралась и посерьезнела.

Когда совещание все же закончилось, мы с облегчением слиняли из столовой. Как бы сказал папа: — «Впереди собственного визга», преодолев звуковой барьер. И несмотря на послабление в конце, эта беседа оставила много неприятного осадка в душе. Но оставался еще один большой вопрос, не знаю почему папа его не озвучил, он же сам мне ту запись показывал. Посомневавшись, я все-же решил его задать.

— Насть, а ты на своем астероиде во всех помещениях была?

— Конечно, а как иначе? Там не так много места, чтобы какие-то свободные площади игнорировать.

— Прямо во всех-всех, и даже... — я замялся подбирая правильное слово. Кладбище?

Так там тела не захоронены. Склеп? Тоже самое. Костяница? Савельев говорил о телах, а не костях. Колумбарий? И тоже мимо.

— Что даже? — разорвала затянувшуюся паузу Настя.

— Усыпальнице, — нашел я более подходящее слово, — Ну, помещение, где лежат тела погибших при столкновении.

— Нет. Не в том смысле что не была, помещения такого не было. Понимаешь Максим, человеческое тело, это не только памятный предмет, но еще и хранилище большого числа ценных материалов. Кальций, калий, фосфор, натрий, железо и прочих. Про углерод, водород азот я и говорить не буду. Как бы неприятно это не звучало, но терять материалы в условиях их тотального дефицита нельзя, — сказала она откровенно, хоть и с некоторым напряжением.

— Ты точно уверена? — продолжал допытываться я.

— Да. Мне пару раз приходилось по поверхности астероида лазить, в поисках метеоритов, чтобы критические потребности в минералах пополнить. А это знаешь как страшно. Одно неловкое движение и будешь минут шесть обратно падать, тяготения почти нет. А запас воздуха в баллоне очень ограничен. В такой ситуации, если бы рядом были чьи-то тела, то заплакала бы и пустила в переработку.

— То есть, ты абсолютно уверена, что такого быть не может.

— Ну да, а что? Ты как-то слишком уверенно допытываешься.

— Понимаешь, — я замялся, — Отец показал мне запись своего разговора с безопасником города. У него в отчете о твоём астероиде указана такая комната. И несколько верхних, более новых тел — твои.

— Что-о? — протянула она шокированно.

— Я понимаю что это звучит дико, но он четко сказал, что там нашли несколько твоих тел. Ну в смысле с твоим геномом. Твои копии.

Настины ноги подкосились, я едва успел ее подхватить. Осторожно усадив ее на пол я устроился перед ней. Она пребывала в ступоре каком-то. Не знаю, как бы я сам реагировал на такие новости, если бы мне их вот так вывалили. Может быть, надо было начать этот разговор как-то по другому, или не мне. Наверное, отец справился бы лучше, но он меньше общался с Настей. Да и с чуткостью у нас с ним есть некоторые проблемы. Нет, с эмпатией все нормально, но вот с пониманием момента и комплиментами, есть много сложностей. Из нас всех, говорила мама, комплименты красиво и к месту умеет говорить только Светка. У меня вечно получаются двусмысленные полуоскорбления. Настя заморгала и ее глаза наполнились слезами, я поспешил обнять ее.

— Ну все, все. Я с тобой, я тебя не оставлю, — успокаивал я ее.

— Даже если я — «неведома зверушка»?

— Даже. И особенно. Такая только у меня есть, — и она обмякла после этих слов.

— Правда? — она чуть отодвинулась и посмотрела мне в глаза.

— Правда-правда, — заверил я. Я и в самом деле сказал чистую правду. Мне не важно кто или что она, я рад что она у меня есть.

— Если так, то это обратная сторона моих книг, — поделилась она результатом размышлений, — Раз я вижу текст на пустых листах, почему бы мне не видеть стену вместо двери, где она есть. Другой вопрос, кто и зачем так сделал.

— Знаешь, папа иногда говорил, «договориться можно хоть с чертом, был бы человек хороший». Вот ты у меня — хорошая. И вернули тебя мне хорошие люди. А были у них шесть

пальцев или зеленые щупальца — не так важно. Ты-то у меня хорошая получилась.

— Какой ты смешной, — она спрятала лицо у меня на груди, — А вдруг я только притворяюсь, как старик думает, вот откушу тебе голову.

— И потом обратно приделаешь, а то как ты без меня будешь?

— Угу, — она помолчала, уткнувшись в меня, — Пойдем, надо собираться. У нас сегодня впереди много открытий.

И мы пошли в медцентр, он же Настина комната. Ей тоже надо подготовиться. Это мне только переодеться с нормальной одежды в комбинезон и разгрузку с дополнительными боеприпасами взять.

— Так, я буду переодеваться, а ты будешь "неподглядывать". Дверь я оставлю приоткрытой, чтобы тебе было удобнее, — поддразнила она меня.

— А вот и не буду, — надул щеки я.

— "Неподглядывать" или подсматривать?

— Ни то, ни другое. Я с тобой все время буду. Так что буду просто смотреть, — и я показал ей язык. Почему-то с ней так приятно дурачиться? Прямо как в детстве.

— А вот и нет, я дверь закрою.

— За мной и закроешь, чтобы не зашел никто и не мешал мне наслаждаться, — она порозовела до кончиков ушей. На ее светлой коже румянец был очень сильно заметен.

— А... — она не успела придумать следующую фразу, потому что уже дошли. Конечно я никуда не пошел, оставшись в основной комнате. Мне ведь тоже надо было переодеться, а это не настолько и быстрый процесс. Ведь надо разгладить каждую складочку, а ткань достаточно плотная и упругая, чтобы это было просто.

— Максим, ты мне не поможешь, — неожиданно позвала Настя. Видимо она специально ждала, когда я закончу влазить в скаф. Воображение успело нарисовать много красивых картинок, как и с чем именно ей нужна помощь. Но вопреки моим мечтам, Настя уже переделалась.

— Что случилось?

— То, что и говорил вредный старик. Я еще чуточку подросла, — она трогательно посмотрела на меня исподлобья и чуть выпустив нижнюю губу.

— Но это же хорошо, — заверил ее я, — Скоро ты станешь ко мне еще ближе. На целый скаф.

— Я боюсь, — созналась она, — Я тоже не понимаю как и почему это происходит. Сколько я себя помню, я всегда была небольшой и слабой. Такие резкие изменения меня пугают. А что если этот процесс будет все больше ускоряться? И в конце я превращусь в монстра?

— Главное разум не теряй, а ко всему остальному притерпимся, — что мне еще оставалось сказать. Только успокоить. Да и не вижу я особых изменений в ней. Ну, может милее становится. Но это скорее влюбленность говорит. Моя-то голова на месте осталась. Наверное.

— Подстроишь немного скаф.

— А ключи?

— Вот, я приготовила. Еще в прошлый раз, когда старик про такую возможность сказал.

— Но ведь стенд лучше.

— Лучше, но замену геля я все равно не люблю. Да и поправить надо совсем капельку.

— Так, молодежь, если на вас одна простынь на двоих, в поход не идете, — раздался

голос отца от двери в отсек.

— Сейчас, две шпильки докручу и мы готовы.

— От дурак-человек, и на кой ей пышная прическа на шпильках под шлемом? Мох очаровывать или зверей Якова? — подколот нас отец.

— Да нет, ты не так понял, не те шпильки.

— Да понял я, — отмахнулся он и обратился к Насте, — Растешь?

— Расту, — кивнула она. А я поспешил добавить, — На два оборота ключа голени, на треть оборота по спине прошел, и три примерно грудь в ширину, но тут с запасом сделал, вдруг дышать будет активно.

— Ладно. Самочувствие нормальное, таблетки от тошноты и испугивания приняла?

— Первые да, а разве вторые существуют, — она подозрительно подняла бровь.

— Это ты у нас за науку, вот и ответь.

— Тогда нет. Не успела вдоволь Максима наоблизываться, — поддразнила она обоих. Я немножко порозовел, судя по ощущениям, а отец ухмыльнулся.

— Еще бы, вы у меня теперь на постоянном контроле. Я еще молод и красив, куда мне в дедушки. Ну а теперь серьезно, — он подождал пока мы сосредоточим внимание на нем.

— Можно прочесть кучу книг, горы инструкций, но к моменту контакта, ты все равно готов не будешь. Я думаю Максим не утерпел и рассказал тебе о нашем с ним разговоре, — Настя кивнула и он продолжил, — Так и думал. Тогда проясним. Я считаю тебя человеком, от макушки до кончика хвоста. Но в тебя долго и аккуратно вмешивались, чтобы ты стала мостом между нами, людьми, и ими, другими людьми. Это не плохо и не хорошо, это просто еще один факт. Живите, стройте отношения, взаимопроникайтесь культурами, понятно, что остановить вас от чего-то большего я не смогу, просто будьте осмотрительны. И еще, Диана, мама этого оболтуса хотела бы с тобой пообщаться. Пока только по переписке. Да, и вот еще. Настя, постарайся не задевать Якова. У него процент конкурентности и ксенофобии все рано остался чуть выше, чем надо. Он пришел из немного другого общества с другими социальными законами. Ну это он сам расскажет, вечером. А сейчас, если готовы — вперед к приключениям! — весело и задорно почти прокричал он.

На него это было не похоже. Я насторожился. И угадал.

— А теперь выдохнули, успокоились и задумались над текущими задачами. Первое, мы идем на опасную территорию, значит никаких лишних движений. Увидели — предупредили. Второе. Любой образец брать только после того, как его проверят. Что оно не кусается, не бьется током, плюется кислотой или еще какую дичь творит. Третье. В прицел не лезем. Даже если очень захотелось. И ты увидела лошадку, бабочку и цветок папоротника в руках любимой бабушки. Проговариваешь, мы действуем. Со всем согласна?

— Так точно, — козырнула Настя.

— Или остаешься на базе, поддержишь нас дронами отсюда.

— Не-не, мне своими глазами взглянуть хочется. Обещаю никуда не лезть и вести себя осмотрительно.

— И понятно.

— И понятно остальным. Чтобы Максиму не пришлось за меня краснеть, — она ткнула в меня пальцем. Ладно-ладно, будет и у меня шанс, покажу как научился щекотаться.

— Раз все готовы, пойдете к шлюзу. Василич уже там наверное, я за вами пошел, а он через арсенал и мастерские. Снасти звереловные готовил.

— Вы ожидаете встретить что-то новое? — заинтересовалась Настя.

— Обязательно. Главное уцелеть в процессе поимки.

Экипировавшись, мы собрались перед шлюзом. Попрыгали — побрякали и пошли. Настя как ни старалась, на ходу больше трех дронов вокруг нас держать не смогла, или шагает, или карусель крутит. Пришлось брать ее за талию и вести, чтобы она меньше отвлекалась от управления. До логова добрались без происшествий.

— Так, суслики непарнокопытные, дальше так дело не пойдет, — не выдержал Подгорельский, — Или мы возвращаем Настю обратно, или делим команду. Двое тут, двое лезут дальше. И ты, Максимка, идешь дальше, а за твоей ненаглядной пусть Миша смотрит. А то ты от ее задницы ни глаз, ни рук не отрываешь.

— Да не было такого, — попытался оправдаться я, но не вышло. На меня с укоризной посмотрела даже Настя.

— И что, мы с ней останемся тут, просто посреди коридора? — задумался Рогов-старший.

— Нет конечно, сейчас проведем вас в кабину проходчика, там засядете. И одного дрона.

— Если не надо шагать и будет где расположиться, я смогу больше в воздухе одновременно держать, — предложила Настя.

— Верю, но слишком много тоже плохо. Загоняй своих стрекоз в логово, проверь не напоззло ли новых языкастеньких.

Пока ждали результата разведки, я караулил свой сектор и параллельно обдумывал, как сильно поменялась моя жизнь за эту неделю. У всего что я считал постоянным и неизменным, внезапно появилось второе, а то и третье дно. А что-то вообще перевернулось с ног на голову и оказалось, что оно так и должно было быть. Мир вокруг стремительно вырос, а я словно вернулся в раннее детство, когда все вокруг такое огромное, а ты совсем маленький. А еще ты ничего не понимаешь в окружении умных взрослых, и хочется мороженое и чтоб книжку почитали.

Пока мы с дядей Яковом держали оборону, Настя с отцом проверяли дальнейший путь.

— Впереди чисто. Можете двигаться, — дал отмашку отец. И мы выдвинулись.

Логово осталось ровно таким как мы его и оставили. Остановленный проходчик. Разбитый робот. Оплавленный кислотой визор Подгорельского. Все ровно так, как мы оставили вчера.

— Чисто, ходите, — скомандовал оставляемой половине команды полковник. А когда они подошли, открыл дверь в кабину проходчика, — Залезайте. Рычаги можно дергать сколько влезет, у всей такой техники сложная процедура старта, так что ничего не поломаете.

— И ты думаешь, что я не найду инструкцию? — ухмыльнулся отец.

— Ну, ты же точно не знаешь, что искать ее надо за вот этой дверцей, точнее на самой дверце с внутренней стороны, — вернул ему подколку Яков, — Но покататься с ветерком один бес не выйдет. Его и улитка обгоняет на поворотах, 2 ке-мэ в час для него крейсерская скорость.

— Ну да ему больше и не надо, — подтвердил отец, запихивая Настю в кресло оператора, — Садись давай, с комфортом. Поднимай двух стрекоз, а я одну поведу, я не такой уникум как некоторые. Ты смотришь за разведкой, я слежу за тобой. А вы топайте,

топайте, нечего над душой стоять, — за его подчеркнуто-бодрым голосом стояла большая тревога за сына. Отпускать его одного в логово наводненные непонятными монстрами было страшно. Да, он не один, с ним Яков, но тот уже один раз чуть не попался. Так что кто кого беречь будет — не до конца ясно.

— Поднимаю дронов, — продублировала голосом Настя, а мы с Подгорельским в этот момент открыли ворота в чужую лабораторию, чтобы дроны прошли на разведку. Мимо нас с шелестом проскочили все три. Разойдясь по широкой дуге сразу за воротами.

— Мы же собирались одного тут оставить? — не понял я их маневра.

— Так я на месте буду сидеть. Уже веду еще парочку, — отозвалась Настя.

— Потопали? — предложил Подгорельский.

— Идем, — согласился я и перевел флажок предохранителя на позицию «ОД». И мы вошли в пролом.

Красиво позвучало? Не то слово. На самом деле уровень пола после пролома был почти на метр ниже. Так что мы аккуратно спрыгнули на кучу колотого бетона, что проходчик наломал.

Дроны, покрутившись какое-то время вокруг нас уже умызнули в коридор, оставив нас в тишине. Мы же осматривали столы и лабораторное оборудование. Я никак не мог найти отличия от нашего кабинета химии в школе. Самые обыкновенные штативы, колбы, и прочий стеклянный набор юного химика. Судя по маркировке, даже в метрической системе. Буквы только непонятные — квадратиками. Но именно буквы, не иероглифы.

Я осторожно выдвинул ящик стола. Пыльные пробирки на потерявших всякий цвет чернил листах бумаги. В уголке — комок ржавчины. Скорее всего от канцелярских скрепок. Как не странно, но и в наше время это бюрократическое изобретение продолжает свой труд на благо общества. Хотя и не так часто пользуются бумажными носителями.

— Что застрял, пойдем дальше, — позвал меня дядя Яков.

— Иду, — и я так же медленно закрыл ящик. Не хватало еще неосторожным движением испортить бумагу. Она и так явно на пафосе держится. Давно пора в труху превратиться, а она еще форму сохраняет.

Я подошел к полковнику. Он как раз закончил перефотографировать шильдики на оборудовании вдоль стен. Мы перешлем их в город и дальше, пока не найдется человек, способный их перевести.

Оборудование, кстати, было плотно затянуто в паутину. Хотя наверное Настя права, это ближе к грибнице. Какой безумный паук будет охотиться на такой глубине? Тут явно никаких мух нет. Да и ловчие сети тогда должны быть раскинуты все-же на большем пространстве комнаты. А не расползаться из одного угла комнаты, точнее шкафа в углу.

— Проверяем? Очень похоже на паучье логово.

— Да, вставай сбоку, по команде распахнешь, — скомандовал Подгорельский, заменяя патрон в дробовике, — На счет три.

— Готов, — я ухватился за ручку шкафа.

— Раз. Два. Три! — я рванул дверцу и отскочил в сторону. Тоже беря на прицел внутреннее пространство шкафа. Но паука или какой другой живности там не оказалось. Только два баллона с осыпавшейся краской и густо заплетенными вентилями перед каким-то устройством, видимо смешивателем и распылителем, судя по раструбу в верхней части. На одном вентиль почти отсутствовал, превратившись в невесомо-воздушные хлопья кристалла, от которого и начинала тянуться вся эта паутина. Как кристалл, так и паутинка

не отличались ни хрупкостью, не гибкостью. Вентиль второго отсутствовал полностью. Лишь в паутине грустно висели детали запорного механизма, из другого сплава, видимо не такие вкусные. Мы закрыли шкаф и двинулись на выход.

— Образцы, — напомнила Настя, — Вы мне образцы обещали.

— И куда мы их тебе наколупаем? В карманы чет не хочется, — проворчал Подгорельский, — У меня только мягкие пакеты, больше ничего подходящего не нашлось.

— Стой, я вроде их видел, — я метнулся к лабораторному шкафу, за одной из приоткрытых дверок с осыпавшейся краской обнаружилась батарея тонких пробирок. И что особенно ценно, со стеклянными же пробками. Взяв несколько штук, я вернулся обратно.

— Обожди-ка, — остановил меня дядя Яков, когда я уже протянул руку к паутинке. Он внимательно смотрел на какой-то прибор, то приближая, то отводя щуп от места где паутинка соприкасалась со мхом.

— Что там, — заинтересовался отец.

— Электричество, туды его в качель. Мох под напряжением. Не сильно большим, но есть. Точнее наоборот, напряжение высокое, сила тока маленькая, частота большая. Нам повредить не должно, но ситуация подозрительная.

— Василич, тебе сейчас все подозрительно. Даже как твоя струйка в дно унитаза бьется. Просто аккуратно возьмите образцы того и другого. Кусачками, чтоб под разряд не попасть, если оно начнет сопротивляться.

— Так, Максимка, дай мне пробирку и пару шагов назад. Если меня все же дернет током, то я назад отвалюсь, отволочешь подальше. Понял? — выдал мне инструкции Подгорельский.

— Принято, — я переместился к нему за спину, поставил автомат на предохранитель и убрал его за спину.

Он осторожно настриг несколько веточек мха и сложил их в пробирку. Так же поступил и с паутинкой.

— Ну что там? — не утерпела Настя, пожираемая своим неугомонным любопытством.

— Когда отрезал, небольшие скачки напряжения на мхе. Паутина — без изменений. Режутся плохо. Мох плотный, вязкий. Паутина больше на стекло походит. Крошится по срезу и ломается от давления, — прокомментировал дядя Яков. Он закрыл пробирки и спрятал каждую в свой пакетик. Одну пустую тоже.

— А ее зачем?

— Неуч, а как мне определять, что на мхе было, а что в пыльной пробирке завелось, — отчитала меня Настя, — Вроде умный, но местами такой...

— Красивый, — заступился за меня отец. Мы посмеялись. Мне было чуточку обидно. Иногда мне начинает казаться, что я здесь единственный ребенок, да еще и дошкольник. А они все большие, а я маленький, им до пояса. Хотя почти догнал дядю Якова в росте.

— Нашли что-нибудь?

— Прошли коридор в оба конца, большинство дверей закрыты, несколько штук прогрызены, как эта, остальные держатся. А еще в конце этого коридора переход на большой зал. Но там стеклянный шлюз, а у нас лапки, — пошутил отец.

Нашли еще место, откуда начал распространяться мох. Это на другой стороне коридора через три двери от этой, — дополнила Настя.

— Но вы туда врядли доберетесь. Там мох сильно разросся. Думаю и выдаваемое им напряжение будет выше.

— Так, а что по живности? Языкастеньких видели?

— Нет, но видели несколько медленных улиток. Грызут мох, ползут дальше.

— Крупные?

— С литровую кружку.

— Ага. Сейчас попробуем взять. Ты охотишься или я? — этот вопрос был неожиданным. И что выбрать? Скажем честно, мне не понравилось убивать. Но и сваливать грязную работу на товарищей нехорошо. Гниловастенько. Лицемерно.

— Давай я, — определился я с ответом.

— Давай, — подтвердил Яков и немедленно пошагал на выход из комнаты. Впереди меня. Под его ногами скрипел и искрил мох.

— Нормально. Скаф не пробивает, — поделился он наблюдениями, — Но нервирует.

— И зачем?

— Да жалко мне тебя. Хоть ты и легче по весу. Тебя выдернуть проще было бы.

Мы вышли в коридор. И как и все на этой базе, он был странным. Нет, коридор сам по себе был вполне обычным. Широкий, высокий, с регулярно висящими пыльными светильниками. А вот на полу было как всегда. Начнем с того, что мох покрывал не всю ширину коридора, а шел неширокой полосой ровно посередине. Второе, все повороты строго под прямым углом. Никакой анархии в живых порядках. Что так не бывает, было понятно даже мне. И третье. Мох шел только к открытым дверям. К закрытым — узенькая полусухая полосочка. Я мог бы предположить, что он рос просто на какой-то подложке, но под ногами был обычный полированный бетон. Без каких-либо признаков покрытия, за которое могли зацепиться корни.

— Как всегда, — протянул я, отшагивая в сторону, на пустое место вдоль стены.

— Ну ты глянь, а я и не догадывался, что знания по растениеводству, поцелуйными путями передаются, — ввернул шпильку дядя Яков.

— Даже если так, тебе предстоит оставаться в невежестве, — поддержала шутку Настя.

— Ну и где ваша дичь? — вмешался я в их перепалку.

— Слева от входа ищи. Метрах в семи.

Я вскинул автомат к плечу. Впереди копошилась тварь, обозванная ими улиткой. Скажем так, к улитке это и близко не лежало. Толстая гусеница с тонкими лапками на переднем и заднем конце тела жрала мох. Ее пасть широко раскрывалась, затем она будто выворачивалась на изнанку, облизывая кусок пола, и втягивала мох в себя. Затем делала небольшой шаг, поднимая переднюю часть, вытягивалась и опускала ее на облизанную землю. Таким же методом подтягивая заднюю. Как обычная землемерка.

— И где вы в этом улитку увидели? — не понял я.

— Подожди пару минут. Сейчас у нее цикл размножения начнется — увидишь. Да и метод питания аналогичен, — пояснила Настя,

Действительно, спустя каких-нибудь полминуты на спине гусеницы начал надуваться спиралеобразный горб. Он медленно разрастался, пока не остановил ее совсем. Негромкий щелчок, эта ракушка лопается и новая мелкая гусеница извиваясь встает на лапы во мхе. Родительница разворачивается, подьедает остатки скорлупы и начинает новый цикл набора массы.

— И как быстро они размножаются?

— По моим засечкам цикл занимает около семи минут.

— И что же мы тут стоим еще не по колени в них?

— Значит, кто-то их ест с такой же скоростью, что они и размножаются. Но пока никаких признаков не обнаружила.

Мда, до чего многообразна жизнь, — протянул я, вскидывая автомат, но вспомнил и попросил Настю, — Отвернись.

— Угу, — дрон под ее управлением развернулся и улетел в конец коридора.

Выстрел расплескал почти половину гусеницы. Пока я подошел чтобы забрать ее, стремительно разрастающийся мох почти оплел остальную часть.

— Они едят мох, мох ест их. Забавно, — прокомментировал Подгорельский, — Ладно, прячь в пакет, пусть сама разбирается.

— Идите сюда, — позвал отец, а управляемый им дрон провернулся в воздухе, чтобы привлечь внимание. Он висел возле стеклянной стены в кольцевой коридор и светил на стену. За второй такой же стеной расходился в стороны большой коридор.

— Смотрите, — на стене была прикручена полуосыпавшаяся табличка со схемой комплекса. Время не пощадило ее, но из-за высоты до нее не добрались охочие до материалов в составе зверушки. На пластине методом гравировки была начерчена схема. Когда-то линии были дополнительно заполнены краской, но теперь они частично высыпались, когда краска разрушилась. Вертикальный лифт со смещением по этажам нанизывал на себя блины кольцевых коридоров, от которых отходили ветки и листья рабочих помещений. На третьем снизу была обозначено точка.

— Вот мы и определились с местоположением, — высказал общую мысль отец, — Какие идеи? Крадемся дальше или обратно?

— Я за дальнейшую разведку, — в Настином любопытстве можно было не сомневаться.

— Я за Настю, — проголосовал я.

— Но черт-те куда своими ногами лезешь ты, а не она, — возразил отец, — Будьте осторожны.

— А я против. Просто в пику вам, — Яков Василич широко ухмыльнулся, — Все равно же полезем. Но я, типа, был против.

— И как мы эти двери открывать будем? Я вообще никаких приводов не вижу. Толстое стекло и все, — заметил я после осмотра. И действительно на сплошной прозрачной стене лишь небольшая ступенька выдавала что в ней есть проход. А материал? ну проще всего было считать его стеклом. Очень пыльным и в большой массе отливавшим синим. Это если смотреть с торца пластины.

— Хм. Я тоже не нашел ничего. Но я сильно сомневаюсь, что его так просто будет разбить. Так что давай возьмем образец и покумекаем с нашей наукой.

— Какой образец? — не сразу понял я. Все обнаруженное до этого мы уже рассовали по пакетам.

— Иш ты какой охотник, — засмеялся Подгорельский, — Стреляет во все что шевелится и в суму прячет, а все что не шевелится, сам шевелит. Стекло это возьмем. Надо знать что за противник нас сегодня остановил.

— И как? Я не вижу мест где можно что-нибудь отколупать.

— Смотри, сейчас научу, — он залез в сумку и вынул молоток и моток изолянта, — Это клеишь на угол, и лупишь со всех своих хлипких сил, чтобы сбить крошки. А чтобы не собирать их с пола и нужна изолянта. Понял?

— Сейчас попробую, — я сделал как он мне сказал, размахнулся посильнее и ударил. Руку отсушило. На стекле не осталось даже царапины.

— Или ты ослаб, или тут какой подвох, — протянул он, осматривая ссаженную от удара изоленду.

— Э. Честное слово, старался изо всех сил.

— Ну-ка, дай мне попробовать, — он размахнулся и вложился в удар всем телом. Раздался мелодичный дзиньк. На сорванной изоленде прилипли несколько мелких осколков.

— Забавная штука, — задумчива протянул он, потряхивая рукой, — Я было подумал что мышцы не выдержали.

— Так они же у тебя железные, — подколот я его. Может и не совсем корректно, но он-то такого шанса точно бы не упустил.

— И не говори, но и это почти не помогло. Забираем материалы и в обратный путь.

Обратно мы вышли по своим следам совершенно спокойно. На участке где мы потоптали мох копошилось несколько новых улиток, которых мы предпочли обойти. Можно было взять еще образцов, но зачем? Как мы предположили из их поведения, они были исключительно травоядной кормовой базой для языкастых охотников, которых мы выбили в предыдущую вылазку. Надеюсь это не нарушит биоценоз в этой системе полностью.

Была еще одна интересная мимолетная встреча. В свете дрона промелькнуло новое существо, судя по его поведению — хищник. Окрик дяди Якова: — «Лови его», пропал втуне. Я не успел, да и Настя, чей дрон его и подсветил почти ничего не смогла сделать. Но может хотя бы смогла заснять быстро удаляющуюся зверушку.

— Не успел, — констатировал я убирая приклад от плеча.

— А почему? Правильно, расслабился, что пошли в обратный путь. А зря. Вернулся — это когда ты сытый, помытый и довольный начинаешь байки про этот поход травить в расположении, а до того — ты еще в походе. Так что жопу в горсть, руки в ноги, мысли в кучу и ждем атаки.

— Принято, — отозвался я. Было опять немного стыдно.

— Главное целы, а новую зверушку в другой раз поймаем, — утешил меня дядя Яков, — Да и нельзя твою подружку подарками за раз заваливать, а то обнаглеет сверх меры.

— Я все слышу, — со смехом прокомментировала Настя, — А ты, старик, просто жадина.

— Хватит вам, — остановил перепалку отец, — Василич прав, самое сложное вернуться без потерь.

Обойдя по дуге пасущихся улиток, мы вернулись в лабораторию. На мой взгляд ничего не поменялось. Мы дошли до пролома и перелезли в пещеру. Я почти залез, когда у меня появилась идея.

— Насть, а языкастые прыгать могут?

— Нет, — с некоторой задержкой ответила она, — Двигаются они не очень быстро по идее. Засадный хищник. А что?

— А как они тогда этот перепад высоты преодолевали? Здесь метр с небольшим по высоте. А они как-то перебирались из лабы в логово, да еще и достаточно массово.

— Думаешь есть еще кто-то? Кто им помог?

— Скорее всего.

— Ладно, мы выходим, — сказал отец, когда мы закрыли ворота в лабораторию. А у меня в памяти всплыл совсем короткий эпизод. Когда мы ставили забор и ворота на пролом, я отбросил странный шланг или кусок толстого кабеля висевший с края. Но ведь с той стороны не было никакого оборудования! Он не был никуда не подключен. С этой стороны

тоже. Он как мостик соединял пол логова с полом лабы. Я постарался припомнить куда я его откинул. Так, он висел здесь, я взял его левой рукой и отбросил назад и влево. На полусогнутых и взяв автомат наизготовку я начал осторожно приближаться к тому месту где он по расчетам должен был лежать.

— Всем стоп! Максим, ты чего? — обратил внимание на мое поведение Яков Василич.

— Мне кажется я понял как они перебрались, — полушепотом сказал я, хотя какая разница, как говорить, но внутренней-то связи. Но инстинкты, куда ж от них деться. Яков тоже подобрался. Я осмотрел место, куда он должен был упасть. Ничего не было.

— А чего ищем? — озаботился вопросом Подгорельский.

— Черный шланг или кабель. Средней толщины. Я что-то сомневаюсь что оно не живое.

Мы осмотрели пол по обоим сторонам погрузчика. Ничего не было.

— Выходит оно смылось, — с сожалением констатировал я. Убирая автомат и успокаиваясь.

— Не совсем, — хмыкнул Подгорельский, подозрительно рассматривая проходчика, — Смотри сюда, — он показал пальцем.

К рабочей головке бура по всей стреле лежали пыльные шланги гидроприводов, которые приводят в движение саму вращающуюся часть бура и управляют ее движением. Штук восемь пыльных и заляпанных маслом. И один черный, новенький. Непарный. Я вскинул ствол.

— Тихо, тихо, — остановил меня дядя Яков, — Перебьешь шланг, все вокруг маслом уляпаешь, да еще и ремонту наладишь на пару дней. Тут другое надо решить, судя по тому, что ты его лапал и остался цел — оно не быстрое и не хищное. Да и броню не прокусит. Надо решать, берем сейчас или пусть пока тут прячется. А мы его типа не заметили.

— Забирать, — тут же вклинилась Настя.

— Не отдам живодерке Васю. Это теперь мой питомец, хоть он и тот еще кабель, и я его буду сам выращивать, — тут же парировал Яков.

— Оставляем и наблюдаем. Раз оно спряталось среди ему подобных — оно как минимум имеет глаза и начала мозгов. А раз не смылось обратно до этого, то никуда не денется отсюда, — предложил отец.

— И у нас аквариума такого размера нет, — добавил я.

— Жадины, — притворно надулась Настя, но согласилась, — Пусть живет. А потом сделаем террариум и поместим его туда.

— Пометить бы его как, — проворчал дядя Яков, — Но ладно. Уходим.

Мы забрали Настю с папой из кабины и вернулись на базу. А перед этим Настя заставила нас с дядей Яковом обтирать обувь специальными салфетками, «чтобы ей пробы провести».

Первыми помывку-дезактивацию прошли Подгорельский и Настя, тут же умотав в лабораторию, исследовать добытое. Хоть мне и не хотелось ее отпускать, дело все равно требовалось делать. Только волновался немного. У них не самые простые отношения.

Переодевшись и взяв планшет, я перебрался в столовую — центр нашей социальной жизни. Отец уже был там, что-то колдовал с автоповаром и кастрюлями.

— Чего готовишь?

— Лапша по домашнему с тефтелями, — отозвался он, — Я тут с Ди пообщался, и был бит мокрым полотенцем, за то что мы готовку на твою Настю свалили. Вот, исправляюсь по возможности.

— А, — я собирался привычно ответить, «Она не моя», но понял что это было бы обманом. Моя, что еще тут скажешь. А я — ее.

— И об этом, кстати, я хотел с тобой поговорить, пока никого нет. Я как бы не сомневаюсь в твоей теоретической подготовке, ну там пестики-тычинки. Что такое девочки и где их надо трогать, я думаю ты и без меня знаешь, но хочу внести пару вопросов тебе на подумать.

— Ну, па-ап! — озвученная тема вызвала смятение в моей душе.

— Я не сомневаюсь, что некий теоретический набор информации у тебя уже есть, ты у меня парень социально активный, все равно про эту сторону жизни мог не только слышать-видеть-читать, может даже и на практике попробовал, но не суть. Поговорить я с тобой хочу не за технические моменты, а за психологию отношений. У нас, сына, есть большая разница в восприятии секса с женщинами. Для мужчины секс — это цель. Или промежуточная цель. А вот для женщин — это только небольшой этап в развитии отношений. Да сложный, ключевой, можно сказать. Но цель совершенно иная. И когда вы, разгоряченные, лежите под одной простыней после процесса, для тебя — это финал. Фанфары и ленточка. То для нее все только начинается на самом деле. Тебе предоставили кредит доверия и твоя задача его не потратить впустую. Так было, сына, и так будет. Она включила тебя в свои планы и начинает строить дальнейшую жизнь вместе с тобой. И тут начинаются танцы на граблях. Не передавить и не дать слабину, оба варианта ухудшают отношения. Начал потакать ее желаниям — твоя ценность понижается. Не учитываешь ее в своих планах — то же самое.

Поэтому, первое что вам нужно найти — это общие интересы за пределами постели. Книги, настолки, игры, рисование — любое хобби, но главное чтобы были совместные занятия.

Второе. Не пытайся быть для нее всем. У тебя есть интересы, в которые она не входит. Не отказывайся от них просто по тому что у тебя появилась девушка. Дай ей время соскучиться.

Третье. Нам с Ди рано переходить на следующий этап предков. По методам контрацепции лекцию читать думаю не надо. Сам наверное читал, ну или слышал. Телом ты может и вырос, но вот головой, мозгами и психологией — нет. И даже не спорь.

— Пап, а зачем это все? Почему ты вообще читаешь эту лекцию, если сам говоришь что я это знаю.

— До мозгов твоих хочу достучаться. Перевести фокус с постельных радостей, до которых вы так охочи в этом возрасте, на сопутствующие проблемы. Как ты сам понимаешь,

твоя Настя — далеко не самый простой представитель бабского рода. И какие фееричные идеи могут родиться в ее милой голове я даже не представляю. Особенно, если наши подозрения верны и она частично чужачка. Хотя она и так чужачка. Потому что ты не знаешь в какой среде она выросла. Каждый человек — большая коробка с проблемами, и какую достанешь в следующий раз, не угадаешь. Ты у меня тоже не подарок. И если вы действительно решите стать семьей, то нам с Ди проблем от вас все равно достанется. Просто по определению. Вот я и хочу дать тебе максимум советов, чтобы вы нам потом нервы не мотали.

— А в то, что мы сами справимся ты совсем не веришь?

— Не-а, — он с грустинкой рассмеялся, — Вот ни капельки. Знаешь, Маська, я знаю, пусть и не так уж много, фееричных в постели женщин, но тех с кем бы я мог состариться рядом — только двух. И на одной из них я женат. Мне повезло, да. Их в моей жизни было целых две.

А в твоей бестолковке сейчас намешано очень много всего. Вот я и хочу чтобы ты немного постарался разобраться с этим содержимым. Давай я буду называть, а ты будешь зажимать пальцы если это так. Можешь мысленно, если стесняешься.

Первое. Узаконенный секс. Тебя до жопки греет возможность тискать Настю не стесняясь меня и не прячась по углам. И да, я правда собираюсь перетащить свой рюкзак к Василичу. Будете жить как большие.

Второе. Долг. Ты принял на себя ответственность за нее. Ты считаешь что должен защищать ее от всего мира, из-за того что она тебе доверилась.

Третье. Интерес. Чисто исследовательский. У тебя раньше не было такого друга, воспитанного в других социальных нормах, а свои простые и понятные, с детства знакомые. А здесь кругом загадки.

Четвертое. Чисто гормонально-эволюционное. При повышении уровня стресса мужчины стремятся оставить потомство, а самочка у нас только одна.

Пятое. Возрастное. Тебе проще общаться с ней, чем с нами, она ближе по возрасту. Как бы мы не старались, мы тебя все равно давим опытом и серьезностью. Нет, слушаешь ты нас с удовольствием, но говоришь редко. А тебе тоже есть чего сказать.

Шестое. Психологическое взросление. С появлением пары ты начинаешь перестраивать свое мировосприятие.

Седьмое. Самоутверждение. Тут и пояснять, я думаю, излишне.

Ну и этот список можно еще долго продолжать и продолжать, выбирая сочетания вышеперечисленного. Половина из этого будет замешана на сексе, треть на долге, и все вместе подогрето гормонами. Ну и она может на тебя влиять.

— И как это?

— О, дружок, тут мы становимся на зыбкую почву предположений. Начиная от «ночной кукушки» и до бесконечности в твоем случае.

Я вам, ей и тебе, уже говорил, что считаю ее человеком. И что в ней определенно чувствуется чужое вмешательство, это тоже нельзя отрицать. Но вот сколько этого чужого, и в чем оно в конечном результате отразится — угадать или предположить нельзя. Может быть какие-то внутренние закладки, чисто на психологии. А может и более физические. Собранные из ее же нервной ткани импланты тебе ни один аппарат не покажет. Как видишь ее развитие нелинейно. Мы даже не знаем сколько ей лет. Три, шесть, или сто двадцать? Отлаженная система жизнеобеспечения на ее астероиде — это плод не одного десятка лет

работы. Пробовали мы однажды собрать такую систему замкнутого цикла. Наиболее успешный вариант протянул три года. И это в системе отсутствовали люди. Которые все могут испортить своим вмешательством. Ну да ладно. Ты ведь больше трех пальцев зажал, я прав?

— Да, — после того как он натыкал меня носом в этот клубок противоречий мне проще не стало. Скорее наоборот. Я думал что Настя мне просто симпатична и все такое, а даже он насчитал вон сколько всего. Сиди и собирай мозги в кучу.

— Да я и не надеялся, что ты со мной согласишься. У тебя сейчас в голове пусто, и только ветром несет лепестки яблони. И кровь в другие места ушла, — он ухмыльнулся, беззлобно, с грустью, — Все от оттого, что я на твоём месте был, а ты на мое ещё лет через десять только попадешь. И я ещё помню, как оно было. Но ты держись лучше меня, я, помнится, больше шумел и скандалил. Как же, кто-то посмел усомниться во мне и моём предмете обожания. Первая серьёзная влюбленность, первые поцелуи, первый секс. Ну и первые конфликты, первые семейные скандалы. Ну и так далее, — он опять криво ухмыльнулся, вздохнул и резко хлопнул ладонями по столу, и поднялся, — Но это дело прошлое. Для меня. А вот ты мотай на ус.

Он вынырнул из своих воспоминаний и сходил помешал свою готовку на плите. Уселся передо мной обратно и снова задумался.

— Давай ещё вернемся к нашим проблемам. Как ты уже понял, я не очень доверяю в нашей ситуации Якову. Меня сильно беспокоит его состояние. Он летит в пропасть и надо постараться чтобы он не утащил нас за собой. Ну и его вытащить. Он «зверь в хозяйстве дюже полезный». Есть идеи?

— Пап, я даже не понимаю с чего он так. Настя же самая обычная, почему он так к ней относится? То доверяет, вон, до лаборатории ее повез, то руку на пистолете держит.

— Понимаешь, сына, для него мир так и остался черно-белым, как для тебя сейчас. А на самом деле он фиолетовый в крапинку. Для него есть только один маркер «свои-чужие». И вторые разом вычеркиваются из людей и разумных вообще. Его так воспитывали. В постоянной конфронтации и конкуренции. А у конкуренции и соревнования есть одно большое отличие — в методах. В первом можно не бежать быстрее всех, а сломать ногу сопернику. Ведь победителей не судят. А в неоднозначной ситуации, когда нет конкретного врага или препятствия, он и теряется.

— И как мы можем ему помочь? Я тут персонифицированного врага тоже не вижу. Не с кем воевать. Не Васю-шланга же назначать новым Темным Властелином, с больших букв, ага.

— Да, и что делать с этим представителем славной семьи шлангов я тоже не могу придумать. Мы мало пока знаем, как они устроены. Но знаешь что, мне все больше кажется что все что мы нашли в пещере и чужой лабе — оно чуждое этой планете. Все остальное, что мы видели тут раньше, создано по привычным лекалам. Да, есть отличия в составе белков, сахаров и так далее, но сами принципы остаются прежними. Энергия для жизни отнимается от менее развитых форм. Мы об этом уже говорили. Все кого-то едят, и получают от этого энергию и материал. Но тут... знаешь, я подозреваю что сейчас сюда придет кислая как три ведра лимонов Настя и тоже повесит голову, потому что мох окажется таким же сложным композитом, как и языкастые. Только ещё сложнее и интересней. А вся эта пещера с лабой — поле эксперимента.

— Почему ты так думаешь?

— Электричество, Макся, мох постоянно под током. И он зеленый. А тут вылезит несостыковка. Зеленый — это цвет хлорофилла, который поглощая часть видимого цвета из воды и углекислого газа собирает крахмал и сахара. Ты тут свет видел? Кроме как от своего фонаря?

— Нет.

— Да для других, известных нам способов органического синтеза тут нет источника энергии. Нет света, нет другой органики, нет излучения для радиосинтеза, нет материалов для хемолитосинтеза. Ничего нет, а они распространяются. И, судя по форме дорожек, искусственно. Кстати, ты знал что в реакторах встречается паразитный грибок, счастливо лопающий излучение?

— Пап, у меня в последнее время все чаще появляется мысль, что я вообще ничего не знаю, пока обратно в детский сад переселяться, — вскипел я.

— Вместе пойдем. Я тоже все чаще понимаю, как мало я видел и узнал за свою жизнь. Вот только не возьмут. Да и не успею все интересное изучить.

— Ну так у тебя не переворачивается картина мира.

— Не печалься так, сына, вырастет и твоя картина, что этот получившийся ковер не перевернешь. Это пока он маленький его вертеть можно. А когда разрастется, будешь только новые нити в него добавлять. Оттенки.

— Знаешь, пап, я вот одного понять не могу, а почему ты так легко принял, что меня Настя выбрала. Нет, не в том плане, чтобы отбить или еще чего. Почему ты не возражаешь против этого?

— Тут сложный вопрос. И глупый ответ. Как родитель, я хочу чтобы мои дети были счастливы и в безопасности. Вот я тебе и не мешаю. Ты нравишься ей, а уж понравиться тебе она все равно найдет способ. Я всего лишь присматриваю, чтоб это не было для тебя опасным. Что бы мы, мужики, о себе не думали, выбирают все равно женщины. Да, первую оценку можно туда-сюда сдвинуть, но выбор все равно за ними. Это даже охотники до баб признают, просто выбирают из уже клюнувших на них. Сначала высматривает тех, кому он понравился, а потом из этого списка выбирает себе цель.

— И что, совсем никакой возможности на это повлиять нет?

— Почему же, будь лучше, успешнее. Или используй старое доброе физическое насилие и способности психики подстраиваться. Стокгольмский синдром, слышал такое выражение?

— Не слышал.

— Вот ты неуч необразованная. А выражение «стерпится — слюбится», или хоть «Привычка свыше нам дана, замена счастию она».

— Последнее из Пушкина.

— Ну хоть что-то. Все эти слова описывают один и тот же механизм работы нашей психики. Ну чтоб в дебри не лезть. Больше комфорта и обнимашек, и крепость падет. Правда во втором варианте не всегда к твоим ногам.

— А у Насти может быть что-то такое? Ну, что она со мной, — я окончательно замялся. Вот ответит он «да», и как мне потом с этим жить? Или вообще...

— Это ты у нее спрашивай, не задавая глупых вопросов.

— Как это?

— Вслух она тебе ничего не скажет. Никто и никогда не может ответить на такой вопрос. Смотри на реакции, ищи мотивацию, старайся понять поступки. Жесты очень хорошо показывают истинное отношение. И еще. Сына, отношения — это путь, а не

результат. По прошествии времени все может поменяться много раз. Вы за час можете семь раз влюбиться-разлюбить, и еще время на тортик останется.

— Да что ж так все сложно-то, — я схватился за голову, а папа откровенно заржал.

— А ты думал оно как в твоих игрушках? Съел конфету на плюс один к силе и навсегда? Нет, дружок, это так не работает. Тем игры и подкупают, что в них все просто и понятно. Да еще и прогресс видно сразу. Сколько вложил усилий, столько и получил. Вот ты сейчас благодаря химии и тренировкам от Василича сколько сил набрал. Как думаешь, на сколько их хватит, если вообще заниматься бросишь?

— Ну... — я задумался, — Может на полгода.

— Скорее меньше. Ты же не чистыми тренировками мышцу добывал. Вот с них дольше уходить будет. Но тоже потерять можно. Ленишь, не поддерживай — и потеряешь. Такой вот закон природы. И с людьми так же. Перестанешь общаться — и нет у вас общего настоящего. Прошое есть, можно оттолкнуться и новое построить, а прямо сейчас — нет. А могут и совсем дороги разойтись.

— Но ты так и не ответил, почему ты не отговариваешь, не возражаешь, не пытаешься задавить авторитетом?

— Да потому что я это прямо сейчас делаю. Я просто говорю тебе правду в глаза. Только ты пока этого не замечаешь. Согласись, начни я давить, ты пошел бы наперекор, искал бы аргументы против и на определенном этапе смог бы убедить себя самого. А так тебе приходится думать и искать подвох. Самому. Без моих подсказок. Думать вообще полезно, я тебе об этом много лет говорю. И еще, что бы я не говорил, но свои шишки ты сам соберешь, сейчас ли, или в будущем. Твоя жизнь это твой танец по граблям. Может быть это жестоко с моей стороны, но я не могу прожить за тебя твою жизнь. Да и никто не сможет. Иди, совершай ошибки и исправляй их. Все что я могу — дать тебе совет. И даже на то, как ты его услышишь я повлиять не могу. Как я сказал, или перевернешь в процессе.

Он отошел к готовящемуся ужину и погремел кастрюлями. Я сидел и думал над его словами. Вроде он говорил банальности, до которых и самому додуматься можно, лишь немного пораскинув мозгами. Но что-то в них было гораздо глубже. Двойное, а то и тройное дно. А много проще сказать, чем сделать. Как к примеру найти общие интересы? Хотя тут у нас есть небольшой прогресс, нас связывает моя писанина. Ее взгляд на мир, который я рисую. Вроде и немного, но мир под ее воздействием поменялся. Может так и стоит продолжать? Менять мир внутри сообразно изменениям во мне? Ввести глобальный заговор, перекраивающий всю систему? Устроить противостояние в целях ордена и власти. Ну так я не думал об этом раньше. История была для меня не самым интересным предметом в школе. Какие-то байки, к которым надо еще и даты заучивать, с именами главных героев, разной степени подлости.

А что делать с Настей? Она милая и мне нравится. Хочу ли я большего? Да конечно хочу. Тут и думать не о чем. А что я могу дать ей взамен? Чего хочет получить она от меня? Постель? Вот уж не думаю. Тут отец прав, это точно не результат, а процесс, как не двусмысленно это звучит. Помощь и поддержку? А много ли я ее могу дать? Ведь мне самому пока нужна поддержка. Все что я сейчас могу ей дать это понимание и соучастие. Мы можем говорить, дурачиться и баловаться. И пусть это немного, но это вырвет ее из одиночества, которого она так боится. Странно хотя. Она много лет жила совсем одна, самодостаточно, и настолько сильно боится оставаться одна. Может именно поэтому. Чтобы долгое время выживать одному нужна очень сильная воля и упорство. Раз за разом

подниматься и идти вперед. Продолжать эксперименты, терпеть неудачи и искать ответы. Тут впору думать что это она меня себе взяла, а не наоборот. На этой мысли я и понял что хотел сказать папа своей фразой: — «Я прямо сейчас тебя отговариваю». Он сделал так, что я сам себя затопчу. Я вспылал. Разъярился. И утих. Он прав. Пусть у меня ничего особо и нет, я могу дать ей все что есть у меня. Потому что она делает то же самое.

Не знаю до чего бы я еще додумался, но они наконец-то пришли. Настя и дядя Яков. Как и предположил отец, Настя была кислой.

— Привет, — я постарался ободряюще ей улыбнуться.

— Привет, устало поддержала она.

— Не выходит каменный цветок?

— Какой цветок? — подняла она на меня взгляд, с неким удивлением.

— Есть такая книга «Уральские сказы» Бажова. Одна из историй про мастера-камнереза, которому нужно было сделать цветок из малахита, неотличимый от живого. А это выражение используется как синоним «не можешь сделать невозможного».

— Вроде того. Понимаешь, оно не так должно работать. Тут невозможные структуры и механики работы, — она пустилась в объяснения. А я сидел и кивал в нужных местах. Отец правильно предположил. Все эти существа и животные завязаны в систему, работавшую на иных принципах. Ближе к механизмам и устройствам, чем к живому. Мох — токопровод и транспорт для материалов. Улитки — сборщики и склады. Все они нужны только для поддержания языкастых. Масштабный эксперимент для создания в языкастых. Чего? Разума? Для этого структур подобных нейронам слишком мало по объему. Новых алгоритмов охоты? Так тот, кто создал этот эксперимент должен быть гораздо разумнее, и уж ему это проблемы не составит.

Настя заметила что я погрузился в размышления и перестал поддакивать. Хотела уже обидеться, но вместо этого надула щеки и попробовала щелкнуть меня в нос. К своему счастью, я как раз вынырнул на поверхность и успел перехватить ее руку со свернутыми в кольца пальцами, до того, как они должны были распрямиться и ударить мне в нос или лоб. Я успел, развернул ее руку и поцеловал запястье. Она залилась краской. Я умилился.

— Было очень интересно, но к сожалению ничего не понятно, — максимально честно признался я.

— Вот ты... — начала она, но я перебил.

— Но у меня появилась идея. Может быть это глобальный эксперимент? Кто-то ищет понимания частей нашей цивилизации, подходя в этому вопросу не с той стороны? Считаю частные решения за общие принципы?

— Как это? — она заинтересовалась.

— Ну, видела когданибудь как по скелету восстанавливают внешний вид животного художники? Не по генам, а только по костям. Придумывая больше чем зная? Без шерсти, перьев и большей части мягких тканей.

— Нет.

— О, тогда это будет тебе очень интересно. Но суть не в этом. Что если экспериментатор пытается понять как выглядят люди, имея в руках только технические артефакты. Машины, механизмы, сооружения.

— Да ну, дичь какая-то.

— Может и дичь, но ты подумай об этом на досуге, — предложил Подгорельский, сидящий рядом и незаметно греющий уши, — Иногда в дурацких идеях смысла лежит

больше, чем изначально вкладывалось.

— Так, завязывайте с мудрежом, время ужинать. А я еще хотел немного Маську попинать по его тексту, до тренировки, — вклинился отец.

Ужин прошел спокойно. И большей частью мимо меня. Я механически жевал, погруженный в свои мысли, а они подшучивали между собой и немного веселились за мой счет. Когда с содержимым тарелок было покончено и все взялись за чай, слово взял Подгорельский.

— Ну что, подошла моя очередь сказки рассказывать? Миш, ты не будешь возражать, если я узурпирую кусок времени на твои пинки?

— Бери на здоровье. Тоже с удовольствием тебя послушаю. Посмотреть на себя со стороны всегда полезно.

— Это ты правильно сказал. «Полезно». Знаете, что меня всегда удивляло и продолжает удивлять в вашем обществе? У вас нет лишних людей. Вот никаких. Каждый человек ценен и находится на своем месте. Даже там, где они должны быть, у вас нет лишних. Для нормальной работы экономики всегда должен быть некоторый процент безработных. У вас этот процент сверхнизкий. И знаешь откуда ноги растут? С последней войны. Вас оставалось настолько мало, что потерять человека стало критичным. Для выживания стал нужен каждый. А теперь, восстановив численность, вы все равно живете по этим же лекалам.

Забавно, правда? Когда вас осталось настолько мало, что популяция должна была вымереть, вы вдруг взялись за голову и построили нормальное общество. А до этого за всю историю в календаре от рождества Христа было лишь несколько дней, когда не было войн.

Ну так вот, давай подумаем, какими механизмами это все работает. Отличная медицина, доступная и бесплатная, такое же образование. Массовое производство нацеленное не на прибыль, а на удовлетворение спроса, без игры ценой. Очень большой процент товаров имеют не только предположительный срок службы, а пожизненную гарантию. Казалось бы, подобное должно свидетельствовать о стагнации и замедлении прогресса. Но нет же. Технологии меняются, экономика развивается, общество бурлит и перемешивается. Вот все хорошо, правда? Как бы ты назвал все это одним термином?

— Утопия? — высказал предположение я. Вроде пока он ничего нового не сказал.

— Правильно. Вот только общество с подобными характеристиками может существовать только на книжных страницах. А вы вон — и сами существуете, и других под себя гребете потихоньку. А почему так происходит? Да потому что вы живете в самой жесткой клетке — антиутопии, какую можно только представить. Что, Миш, не согласен?

— Ты дальше рассказывай, я тебе потом возражать буду.

— Так вот, знаешь, что меня больше всего удивляет? Когда я рассказываю все это умным людям, они со мной соглашаются. Мол, да, все так, и пусть так и будет. Потому что все это очень четко работает. Все завязано на простые законы. «Не справляешься — вернись на шаг назад, научись. Не можешь или не хочешь — меняй специальность.» и постоянная жесткая выбраковка. Вас с малых лет воспитывают и учат, постоянно и незаметно ограничивая. Почему например ты, Максимка, не хочешь стать инженером-энергетиком, как Миша? Ведь он мог бы тебя научить очень многому? Да от того, что дети таланты не наследуют. У тебя совсем другие интересы, а чтобы уйти от династийности тебе в голову изначально вкладывали, что лучше выбрать другую деятельность. О, ты можешь конечно упереться, но тогда учиться будешь в другом городе. И на работу пойдешь тоже не здесь. Именно для того, чтобы отец меньше влиял на тебя. Чтобы избежать застоя системы.

И вот мы подошли к очень интересному вопросу. Воспитание. Сомневаюсь что ты обращал внимание на такой интересный момент. Все ваши детские игры нацелены на сотрудничество. Те же кубики-лабиринты. Помнишь, как вы с приятелями из них замки строили? Простенький механизм, а как работает. Берем кубик легкого плотного материала и пробиваем в ем отверстия, только чтоб ребенку пролезть. По углам ставим удобный крепеж и вуаля. Готовый набор для постройки лабиринта. Дети объединяются и строят домики с разными интересными ходами. Сами. А поскольку поднять такой кубик можно только вдвоем-троем, они вынуждены объединяться. И им приходится выделять человека для контроля стройки, чтобы ходы не потерялись, заблокированные неправильно установленными элементами. Идея простая, зато сколько полезного выхлопа. Тут тебе и кооперация, и выявление лидеров, и поиск будущих инженеров. И дети под присмотром.

Мило? Мило. Но на этом этапе уже ведется отбор. Кому что посоветовать, кому что проработать, где скорректировать отклонения. Дальше — больше. Вы подрастаете и начинаются более серьезные уроки. Вот к примеру рукопашка у тебя была? Любая секция, где учат как сделать ближнему своему больно?

— Была.

— Вот. А для чего? Правильно, для нормальной работы механизма внутривидовой конкуренции. Чтобы вы в процессе друг-друга не поубивали. Сцепились, подрались, успокоились. Оба живы, а синяки за неделю пройдут. С одной стороны у вас каждый человек ценен, с другой, каждая ошибка на виду. И слететь с пьедестала можно в любой момент. Миш, ты сколько раз с должности старшего специалиста слетал?

— Два, причем с переводом на другой объект.

— То-то же. Чтобы ты свои ошибки не мог на других переложить и продолжал развиваться в выбранной тебе сфере. И нет, я не оговорился. Это поначалу ты сам себе род занятий выбирал, но в процессе обучения тебе ее выбрали. Преподаватели, психологи, старшие наставники и так далее. Туда, где от тебя будет максимум пользы. Это побочка, что тебе там комфортно.

— Дядь Яков, по моему ты опять перегибаешь.

— Не, Максимка, не капельки. Просто эти механизмы хорошо вплетены в вашу жизнь. Вот ты к примеру, сколько раз получал общественное порицание?

— Ни разу.

— И ни разу ничего не бедокурил?

— Нет, ну было конечно. Много и всячески.

— А теперь подумай почему?

— Ну если идти от твоей логики, за мной есть тотальный контроль и все шалости останавливаются до того, как нанесут какой-нибудь серьезный ущерб.

— Правильно. А в твоём профиле появляются соответствующие записи. И незаметно от тебя, подрезаются те возможности, где люди с подобным типом мышления не нужны. Опять же, все твои поступки прорабатываются психологом, и подравняются в нужную сторону. У тебя даже шанса запороть собственную жизнь нету.

И кроме того, вас с самого детского сада начинают готовить под строящиеся города. Кто, куда, в какую область или сферу. Исполдволь, но твоя жизнь уже спланирована. То, что тебе комфортно — это побочный эффект. Даже последний полотер доволен своей работой, хотя ему самая дорога бы сидеть, пить горькую и жаловаться на судьбу. Но нет, сидит, радуется и занимается другим делом, параллельно. И если уж ты совсем не вписываешься в

это общество, тебе найдут новое место для жизни. Оплаченный переезд на другую планету, где ты попадешь в общество таких же. По сути, вы перемещиваете население именно для исправления недостатков системы. Тебя двигают не для твоего комфорта, а для большей отдачи.

Чувствую не убедил. Тогда ответьте мне на вопросы. Кто обладает возможностью планирования на десятки лет вперед? Кто управляет вашим обществом, что может позволить себе выращивать специалистов под определенные критерии? Куда и зачем движется ваше общество и кто ставит цели? Почему исчезли как вид большие города, с населением более полумиллиона. И не только на этой планете, а вообще? Зачем вообще собирать осколки старого мира, если все они уже живут по установленным собой правилам? Если даже межзвездная торговля вещь скорее из анекдотов, чем реальный товарообмен?

Нет ответов? Вот и выходит, что из постапокалипсиса вы плавненько вышли в антиутопию. Просто чуть ее облагородили и добавили комфорта на личностном уровне.

— Интересная гипотеза, — задумчиво почесал бороду Михаил, — За товарооборот не скажу, но за управление небольшая ремарка есть. Я несколько раз представлял в местном совете наш квартал. На начальном этапе собрали задачи, мы обсудили, наметили их очередность и передали следующему звену управленцев. А они отчитались за предыдущие, что, как и почему сделано, где появились проблемы и какие пути решения были предложены. Я так думаю, это же механизм работает и дальше. Проблемы только укрупняются, а работает так же.

— Ладно. Примем. А за товарооборот и прочую экономику почему промолчишь? Это же деньги — кровь государства.

— Знаешь, честно не интересовался. Но посмотрю, как домой вернемся.

— Вот и я о том же. Вон напротив меня сидит, возможно гениальный нейрохирург, несбывшийся, потому что в нужный момент ему сказали, что биология это скучно. А нужны инженеры-робототехники. Вот он ее и не знает. Вас растят в заданной программе, отбивая интерес ко всему постороннему.

— Да почему ты так в этом уверен? Да, начальное образование всегда шаблонно, но тебя никто не ограничивает, изучай все что тебе нравится. Развивайся. Можешь получать и вторую, и третью, и десятую специальность.

— А сколько ты знаешь людей, хотя бы с двумя специальностями?

— Ну, с десятков-другой наберется.

— А большинству этого не надо. Согласен?

— В целом да.

— Вот о том и речь. Тебе подбирают наиболее нужную роль к концу твоего обучения, и перекрывают прочие дороги. И ты прешь по этим рельсам.

— Но если передумаешь, тебя не будут останавливать.

— Да. И самое большой плюс, ты не умрешь с голоду, пока будешь доучиваться. Тебя подстрахуют на любом этапе.

В разговоре возникла пауза, каждый сидел и обдумывал вываленные Подгорельским факты и предположения.

— Что еще сможешь сказать?

— Мы как-то с ребятами касались интересной темы, про собирание осколков и того базиса на котором этот процесс происходит. Может ктонибудь внятно сказать, зачем и для чего вы рассылаете разведку по космосу в поисках давно ушедших кораблей? Или

потерявших связь колоний? Для кого становится лучше? Да, нельзя отрицать, что появление в сложившейся системе эксплуатации иного независимого центра с большей социальной продвинутостью ведет к некоторым улучшениям. Но всегда ли оно работает именно так? Я например знаю несколько эпизодов, когда появление ваших флагманов на горизонте планирования корпораций вызывало такую крысину резню, что любые демоны тонули в крови. Я ведь, Миша, гораздо старше чем выгляжу.

Да и за различия разных систем можно долго говорить. Про взаимодействия систем управления с разными идеологиями и прочим. Как во всем этом многообразии искать правильные? И что вообще правильное... Как и какими критериям их можно оценивать? Как взвешивать вашу мягкую систему ограждения от вредного — и сверхжесткие правила городов астероидного пояса? И таких примеров можно приводить множество. И множество вопросов. А вот ответы... Их никогда нет.

— Василич, если ответов нет у тебя, это отнюдь не значит что их нет совсем.

— Да согласен я с этим. Но подумать все равно есть над чем. Вот тебе еще один хитрый вопрос: На какой идее можно объединить все эти разрозненные части человечества в режиме «Вот прям щас»? Давай разберем идею контакта с чужими, например.

Вот к примеру мы сталкиваемся с ними завтра. Передаем эту информацию в город, он по цепочке дальше и так далее. И что? Ладно, принимаем что они все из себя злые и мы начинаем первую межзвездную войну. А зачем? Да, может и выйдет выковать единый кулак человечества для этого. Стальные легионы огнем и мечом покорят планетарные системы врага. И что дальше?

Или наоборот. Они добряки, дадут нам по вкусной конфете для детей, бабам цветочков, мужикам новые игрушки. Но все те же вопросы: Зачем? И Что дальше?

Не нравится? Берем еще один вариант. Нейтральные отношения. Вопросы остались теми же.

Что нам даст этот контакт? Фантасты много думали об этом. Играли в разные варианты. И в глобальные конфликты, и в добрых соседей. Вот только ответов нет и не будет. Что например даст человечеству членство в каком-нибудь Межзвездном Совете, все с больших заглавных букв? Или нам навесят новых проблем, или мы попытаемся свои проблемы на кого-то еще свалить. Но все рано никто ничего не выиграет. С чего многие думают что у чужих проблемы будут отличаться от наших? Или что у других найдутся ответы на наши вопросы?

Что может дать нам этот контакт? Технологии? Так если они нужны, они рано или поздно появятся у нас самих. Идеи? Да то же самое.

— Вот ты сейчас протоптался грязными сапогами по святой чистой мечте многих поколений. И не жалко? — с ноткой грусти улыбнулся Михаил, — Вон смотри как молодежь скисла.

— Да знаешь, тоже жалко. Но чем меньше радужных иллюзий, тем больше трезвого взгляда на жизнь. Тем более, я знаю, какого это, когда с неба приходят ангелы и забирают тебя в Вальхаллу. Я это видел.

— Так расскажи. А то, думается мне что нашу молодежь надо будет чем-то покрепче валерьянки отпаивать, вон они снулые, как ледяные рыбы.

— Это долгий рассказ, из тех, что не к ночи стоит вспоминать. Знаешь что такое мир корпораций изнутри? Пауки в банке это лишь слабая аллегория. Когда монополии начинают сражаться друг с другом за рынок, обычно достается всем вокруг. Меня создали для таких

вот мелких необъявленных войн. Клонирование, быстрое доращивание, обучение и перепродажа для тех кто может купить: — «Вот тебе ствол, враги там». И все. А чтоб тебе было попроще стрелять — расскажут сказку про повстанцев, пиратов или еще каких врагов. Вот только с опытом ты начинаешь набираться ума. На последней зачистке пиратской базы я задал слишком неудобные вопросы. И мы остались там. Я и мои братья. А пираты оказались мелкой добывающей корпорацией, еле сводившей концы с концами, чья рудная залежь приглянулась большой корпорации. И вместо тотальной зачистки мы прибили контролеров и рассказали правду. А потом они за нами пришли. Такое пятно с репутации надо было смыть. И лучше всего нашей же кровью.

Ваши пришли на выручку, когда почти никого из нас не осталось. Гражданских мы успели перепрятать, а я оставался в блоке, которым могли пожертвовать. Лежал и ждал нового штурма, прикусив взрыватель в зубах. Рук с ногами у меня уже не было. Ждал, чтобы забрать с собой побольше. Искал ответ на вопрос: — «Как тебя зовут?», — он вытянул цепочку с медальоном и снял ее с шеи, положил на стол и подтолкнул ко мне, — До того момента к нам обращались по последним цифрам номера.

Я поднял нагретый его телом кусочек металла. «JB 865437». я поднял глаза на него. Усталый седой старик грустно смотрел на меня через стол.

— Джей Би восемь шесть пять, четыреста тридцать седьмой. Это и было моим именем. Так же звучали имена моих братьев. Ваши с линкора, что пришли на наши сигналы, обозвали нас как смогли. Кто-то сам выбрал. А я оставил так. Джейкоб Безил, с чьей-то легкой руки, превратилось в Якова Василича. А Подгорельским меня хирурги обозвали, когда я на операционный стол к ним попал. Пропекло меня тогда знатно. Да чинить нас проще было, чем простых людей. Набор запчастей на каждом поле боя лежал. Если стимуляторами не совсем дожгло, — горькая усмешка пробежала тенью по его лицу.

— Уцелевших забрали. А предмет раздора разнесли на кучу кусочков поменьше. Людей вывезли и дали новый дом. И новый смысл. Я начал приходить на помощь, а когда дорос в чинах до того, что перестал ходить сам на выручку, ушел на планету. Создавать, оно всегда лучше. Вот такая история. А первый, кто попытается меня пожалеть, получит в Максимова лоб, — предупредил он. Я перевел взгляд на Настю. Ее нижняя губа дрожала а на щеке оставила мокрую дорожку слеза.

— Пойду я, робяты, проветрюсь. За мной не шастать, — и он вышел за дверь.

— Ты знал? — спросил я отца.

— Не все, — задумчиво ответил он, — Мда, не выйдет сегодня тебя подонимать по твоему рассказу. Займитесь тренировкой. Мне тоже надо подумать.

Интерлюдия 14

Находясь под впечатлением, мы тихо вышли в коридор, оставив Михаила обдумывать услышанное. Сегодня старик был особенно в ударе. Да уж, кажется я не самая странная из собранных здесь. У всех, оказывается, есть по большому темному шкафу со тайнами. Мои просто самые яркие. А скелетов, пожалуй, за стариком больше всех.

— Мне надо на тренировку, — извиняющимся тоном проговорил мой Максим, — Проводить тебя в твою норку в медцентре?

— А можно я с тобой побуду? — спросила я, а он смутился. Милый такой когда смущается. Щечки розовеют, взгляд убегает. Мррр.

— Там же ничего интересного не будет. Да и я молчать буду, чтобы дыхание не сбивать.

— Обещаю тебе не мешать, — торжественно пообещала я, даже правую руку в верх подняла.

— Ну пойдем, — он взял меня за руку мы пошли в спортзал. Наверное уже скоро я тоже смогу там заниматься, как он. Вообще-то я и раньше пыталась, но силы очень быстро заканчивались. Зачем нужна гиря, если просто поднять руку или ногу с выключенными усилителями, это уже работа? Как же обидно чувствовать себя такой слабой. Зато мне очень понравилось плавать. В воде тяжесть тела отступает и можно резвиться. Вот бы показать ему, как здорово я научилась плавать. Ой, а наверное надо будет другой купальник. Старый уже не подойдет. Я здорово прибавила в объемах, только бы не расползтись в стороны.

Ой, совсем забыла, у меня же анализ идет в лаборатории! Когда дойдем надо будет проверить. Что-то старик и меня заразил своей паранойей, сама себя на генетические отклонения проверяю. Хотя заодно можно проверить совместимость. Волос Максима я тоже добыла. Вот и посмотрю, сильно ли он от меня отличается. И какими будут детишки. Я хихикнула.

— Что?

— Ничего-ничего, я так, о своем, — успокоила я и прижалась к нему поближе, перехватив его руку за локоть и заглядывая ему в глаза, — Правда, мой господин?

— Кхмм, — выдавил он какие-то нечленораздельные звуки. Обожаю когда он так смущается и краснеет. Милашка просто.

— И что же такое ты себе надумала? — наконец нашелся он с ответом. Теперь покраснела я. Ну не говорить же ему прямо. Хотя, наверное, он бы смог понять.

— Да так, девичьи глупости.

— Мда? Вот и поделись.

— А вот и нет. Это личное.

— Даже от меня?

— Ах так?! Ладно. Я проверяю свою генетику и сравниваю с твоей. И режим совместимости в потомстве тоже. Дочки у тебя должны быть красивыми. — Совсем думать перестая, когда его тискаю.

— Эм. Наверное, — он, возможно, покраснел, но я не могу поднять на него глаза, стыдно-стеснительно.

— А мне потом покажешь результаты? — нашелся он после паузы на победу над смущением.

— Покажу. Но попозже. Пока только меня обсчитывает. Старик меня тоже заразил

своей паранойей. Везде ему чужие мерещатся. Вот и решила удостовериться.

— Настя, — он остановился и повернул меня к себе лицом, — Ты человек. И ты мне нравишься. Это все что тебе надо знать.

А какой же он все-таки красавчик! Четкий подбородок, сурово сведенные брови, морщинка на лбу. А эти серо-синие глаза под пушистыми ресницами... Ой, мамочки, как же его от конкуренток спасти придется!

— Открой-ка шлем, — он щелкнул пальцем по стеклу. А когда я подчинилась, он притянул меня к себе и поцеловал. Сам. И не отпускал пока воздух не закончился, а ноги не начали дрожать и подгибаться.

— Ты — человек.

— Ага, — да я во все что угодно поверю, когда он так говорит. Не совсем, конечно, но критичность мышления падает. Да что же за муть у меня в голове! — Пойдем уже.

Я потянула его за руку. А то мы так и будем стоять в коридоре и целоваться. Пока нас старик не найдет и не начнет опять донимать своими шуточками.

Уф. Пока он ушел переодеваться, я немного перевела дух. Интересно, это нормальная реакция или что-то неправильное. Я вытянула отчет с последним анализом. Вывела графики сравнения за пару недель. Кровь вообще не стоит на месте, показатели плавают в достаточно широких интервалах. Вот и сейчас все показатели укладываются в норму. Ну повышены гормоны: высокий окситоцин-дофамин-серотонин-эстроген. Но так они в принципе никогда не стоят на одном уровне. И да, согласно справочника они и должны так действовать. Вот только в справочнике не описывается их действие конкретно. Что у тебя ноги подкашиваются, дыхание перехватывает и мозги отключаются. А внизу живота теплый комочек стучит в такт с сердцем. И мокро. Понимать головой и переживать это самой — очень большая разница.

Пискнуло сообщение из лаборатории. Анализ генома завершен. Отличия минимальны. Совместимость подтверждена. Если бы не сидела, ноги бы точно подогнулись. Какое облегчение. Слышать, что я то человек, то не человек — это одно, знать это — совсем другое. Теперь я точно знаю. Биологически-то точно. Мало ли какие цели преследовали они, когда первый раз проверяли, вдруг что-то скрыли. А, меня точно старик покусал. Тоже начинаю никому не верить. Как он вообще дожил до такого возраста, с такой-то подозрительностью?

Муррк, Максимка пришел. Разминку делает. Специально для меня футболку скинул — красуется. Мням. Мышцы так и играют. Да что же это, опять все мысли перевернулись в ощущения и сползли теплом в низ живота. Что ж это за напасть за такая — чуть что, в голове розовый туман? Нужно срочно отвлечься, о чемнибудь другом подумать. Не о красивом мальчике, детях и беременности.

Ой. Вот это «ой» так «ой». Моя память выбросила картинку. Сработал триггер на слово. Раньше это тоже случалось, довольно часто. Но редко эти картинки были настолько контрастны.

Как работает память? На слово из закромов вытягивается значение, и если постараться, источник. В этот раз вытянулась страница из энциклопедии про внутриутробное размножение теплокровных. А еще картинки — воспоминания. Ладонь на теплом большом животе, и толчок изнутри в нее. Маленькое большой волшебство. И ощущение этого толчка в своем животе. Только ладонь широкая и покрытая коротким темным волосом. Мужская ладонь. Но со всеми ощущениями. А оттенок кожи женского круглого животика немного

другой. Я покосилась на свой — да, я гораздо бледнее.

Иногда память ведет себя как карточный домик, рассыпаясь и складываясь в непонятные фигуры на полу. Поймав такое несоответствие я принялась перебирать собственную память в поисках такого диссонанса. И даже нашла. Смутное, давно забытое. Я просыпаюсь голышом в луже на полу возле одной из дальних грядок. Рядом лежит большой увядающий цветок на достаточно толстом, но мягком стебле. Повторяющееся воспоминание. Потому что растения на соседних грядках я не могу вспомнить отчетливо. Они разные: то больше, то другого цвета. Мне стало страшно.

Я вскочила и подбежала к Максиму. Он как раз закончил со штангой и прибирал ее на место.

— Обними меня, — потребовала я.

— Что случилось? — он подчинился и сейчас требовательно ловил мой взгляд. А я ткнулась шлемом в его грудь. Немного постояла и сняла его. И снова уткнулась в него. Он пах свежим потом и силой, здоровым телом и чем-то непонятным, но вкусным.

— Что с тобой? — продолжал допытываться он.

— Кое-что вспомнилось, — я хлопнула носом. Он прижал меня сильнее и чмокнул в макушку.

— Я с тобой. И все хорошо.

Когда я немного успокоилась и перестала дрожать он спросил еще раз:

— Так что же случилось? Почему ты дрожишь, как мокрый котенок?

— Я случайно вышла на несостыковку в памяти. И это вызвало еще цепочку таких же спрятанных воспоминаний. И я напугалась, что моя память на самом деле не моя.

— Знаешь, что бы сказал папа на это? "Значит нужно больше твоих новых воспоминаний, чтобы было что помнить", — и он опять поцеловал меня в кончик носа. Ну хоть не слюняво, как в первый раз. А даже приятно как-то. Интимно. Хотя и без эротизма.

— А ты закончил тренировку?

— Почти. По хорошему надо лезть в скаф и бегать несколько километров. Но...

— Но ты не хочешь лезть в него потным, потому что передо мной красовался, а если помыться и залезть, то все равно по новой вспотеешь, — засмеялась я.

— Ну да.

— А без скафандра ты не хочешь, потому что тебе надо именно в нем реакции наработать?

— В точку.

— Я переживу два раза мытого Максима, — чмокнула я его и выпуталась из его рук, — Брысь-брысь, заканчивать начатое. Нас еще ждет работа над твоим рассказом, ты там что-то хотел поменять.

С тяжким вздохом, победив лень, он ушел в раздевалку. Я улыбнулась ему в след. Не понимаю, почему мне от него так голову сносит. Ведь не пропадают же мозги и навыки.

Глава 34 + рассказ

Когда я в конец убегался, мы все-таки покинули спортзал. Шевелиться сил почти не осталось.

— Так, кто-то забыл помыться, — напомнила мне Настя.

— Дома. И помоюсь и переоденусь. Еще и скаф надо изнутри обработать. А то он уже начинает припахивать, — возразил я, — А тебя куда провожать?

— Как куда? К тебе. Пока есть время, можем с твоим текстом поработать. Ты займешься профилактикой, а я буду записывать твои бредни. Я-то помню эту твою руку помощи в попытке слопать всю еду в деревне, — он захихикала.

— Ладно.

Как и обещал днем, отец забрал свои вещи из нашей комнаты. Не знаю, как он сам к этой ситуации относится, но меня подобное уже основательно напрягало. Слишком подозрительно.

— Ты чего встал в дверях?

— Хм, как бы тебе вежливо намекнуть, думаю.

— О чем это ты? — в Насте, как обычно, тут же проснулось любопытство.

— Как предложить тебе сюда переехать.

— О, ты таки зовешь меня в замуж? А где цветы, кольца, подружки невесты? И ты мне еще обещанные почки не отдал, и улитка не считается, это для общего блага. Так что нет. Я живу у себя, ты у себя.

— Как скажешь, — я не стал спорить.

Быстренько ополоснувшись и переодевшись, я занялся скафом. Поставил батареи на зарядку, и взялся за тряпку с дезраствором.

— Диктуй уже, я приготовилась.

— Я думаю.

— Некогда думать, время писать продолжение. Недовольные читатели ждут, за что можно попинать несчастного автора.

— В том то и беда, — вздохнул я.

***

Взяв в аренду бричку старосты (с самим старостой), мы смогли значительно ускориться, уже к вечеру добравшись до следующей деревни. И почти с ходу договорившись со следующим наемным экипажем для моей ноши. Все же передвижение не верхом благоприятно сказалось на состоянии дочери эльфийских лесов. Она была бодра и пронырлива вдвойне, а количество вопросов от нее выросло в разы. Благо, разуменья моего хватило на превентивные меры, и я предпочел ехать верхом. Посему в дороге она была неспособна заваливать меня вопросами, а к моменту остановки уже перегорала.

Истинно молвят, дорога домой вдвое короче. Путешествие наше бодро глотало расстояние и монеты из моего кошелька. Увы, но настал тот день, когда эльфа пересела с подушек обратно в седло. Теперь мне было не отвертеться от непрерывного допроса. Я даже не буду перечислять то бесчисленное множество вопросов, на которые ваш покорный эльфийскому любопытству рыцарь вынужден был ответить. Через какие бесчисленные

мучения пришлось мне пройти станет вам ясно из одного предложения. «Я могу писать на древней речи без помарок на спине скачущей лошади». Прониклись? То-то же. К этому времени она поставила мне правильное произношение и я с наслаждением прибрал доску в сумку. Счастье мое было безмерным.

***

— Дай минутку, руки отдохнут.

— Угу, — согласился я, протирая последние сантиметры скафа, — Твой чистить надо?

— Не, у меня скаф на длительное ношение предназначен. Поэтому мне вечером понадобится твоя рубашка и шорты, — она подразнилась высунутым языком.

— Вот как, — на моем лице расцвела хищная улыбка, — Значит кое-кто под броней совсем даже голенький и мягонький. Хе-хе.

— Ой.

Я развел чуть в стороны руки и зашевелил растопыренными пальцами, «коварно» подкрадываясь к ней, — Вот сейчас выговорю кое-кого из твердой раковины и буду щекотать!

— Я уже отдохнула, время продолжать, — быстро нашлась Настя, когда до ее боков оставалось около метра, — Работа прежде всего!

Я вспомнил прочитанную отцом лекцию и остановился. Иногда на него накатывало и он пускался в такие вот длинные монологи, которые проще дослушать не перебивая. Тем более, что он обычно говорил ценные и нужные вещи. Просто иногда не вовремя. Не по возрасту. Он всегда говорил со мной, как со взрослым. И последняя лекция не стала исключением. Нужно будет обдумать все хорошенько.

***

Благо, до границ родного баронства оставалось совсем немного, когда нас встретили дурные вести. Старый отцов слуга перехватил нас на повороте в сторону дома. Он же и известил меня, что замок наш в блокаде, а мне вручил письма от отца и нашего придворного мага.

Внимательно прочитав их и взвесив в руке приложенный кошель, мы свернули прочь от дома. Путь наш лежал в монастырь Святых Посланников у подножия Стратоса.

**

— Вот так и все? Ни тебе пафоса, ни воды сопливенькой?

— Настя! Я тебя с таким отношением уволю, — пригрозил я, улыбаясь.

— Ну а что?

— Ничего. Просто ты вредная девчонка. И своими хулиганскими комментариями сбиваешь меня с мысли.

— Напиши письма целиком, будет и объем, и пафос — все как ты любишь.

— Ну во-первых, я вообще не могу придумать, что и как дальше написать. А во-вторых, письма вообще сложно писать. Попробуй какнибудь на досуге. И в-третьих, я не уверен что выдержи стилизацию.

— Хм, ну попробуй так: прими героическую позу и пафосно вещай своему посланнику, что замок в осаде и отныне его задача — перевезти артефакт в монастырь... — она подсмотрела, — Вот, святых посланников! Никому же невдомек, что он вместо чуда везет бабу.

— Уволю. Вредительница ты мелкая. И не обижай моих героев. Они хорошие.

— Ладно, больше не буду, честно, — при взгляде на нее сразу становилось ясно: будет, неоднократно. Я походил немного по комнате и расставил вещи по местам. И тут мне пришла идея.

— Так. Убирай конец написанного, все будет совсем не так.

***

Старый отцов слуга перехватил нас на повороте в сторону дома. Он предупредил, что в замке гостит большое представительство от короля. По виду своему явно нацеленное под благовидным предлогом отжать у меня добытое в дальнем походе. И пусть проблем Стелла доставляла куда больше, лучше я отдам статуэтку. О том мы с ней и договорились. Я продолжил путь к замку, а ее старый слуга проведет в деревню и устроит на постой.

В честь моего возвращения в замке закатили пир. Ну не совсем уж пир горой, так, пирушечку. Много мяса и вина. Добытая мной статуэтка заняла место в середине залы. На красной бархатной подушечке и под охраной наших гвардейцев. Которых, вот странность, охраняли гвардейцы королевские. А после трапезы мы с отцом и братьями, да придворным магом в нагрузку, долго торговались с королевским посланником за артефакт. Король хотел его себе. Нам он, в принципе, был не нужен, но вопрос престижа и прочее. Торги затягивались. Но в конце-концов ударили по рукам. Мы получили налоговые послабления на несколько лет, отряд гвардейцев из королевской академии и право взять под свою руку дополнительные территории, так что еще один мой брат станет полновесным бароном. А возможно и я. И все это за бесполезную железку. Неужели вы думали что я не пытался пробудить артефакт все время пути? Зря. Но железная баба оставалась глуха к моим потугам. В отличие от живой. Она куролесила, ей было скучно и я был вынужден отвлекаться от своих местоблюстительных обязанностей. А когда посланец со всей своей компанией убрался в обратный путь, увозя бесполезную статую, я привел в замок Стеллу.

Здесь разговор шел по другому. Стелла ржала над произношением мага, но с каждой фразой становилась все серьезнее. А я видел переворачивающуюся картину мира. Смотрите сами.

Мир наш, в котором я родился и рос, не был нашим изначально. Когда-то в незапамятные времена людей привезли сюда великие звездные корабли. Но высадить всех они не сумели и встали на устойчивый круг вокруг мира, (не понимаю, почему нельзя было просто крепче привязать корабль на одном месте. Может веревки не хватило?). И помнят об этом только в нескольких монастырях. А посему мне нужно доставить ее к ближайшему.

***

— Так, и где обычное ля-ля-ля и хи-хи? — выкатила претензию Настя, разминающая пальцы, пока я обдумывал следующий кусочек паззла повествования.

— Не сбивай с мысли, может я вообще решил перейти к серьезному стилю?

— Воля ваша, барин, токмо доколе сие тянуться будет?

— Вредная Наська, перестань с идеи сбивать, за уши покусаяю.

— Ой боюсь-боюсь, — он потянулась, — Продолжаем?

— Я думаю.

— И над чем?

— Знаешь, за эту неделю я столько всего узнал и на очень многие вещи посмотрел с другой стороны. И мне хочется рассказать об этом. Но я никак не могу все это внятно сформулировать.

— И в чем у тебя основная загвоздка?

— Мир не будет прежним. Кажется, веселые похождения юного рыцаря закончились. Дальше будут суровые будни, потому что смешно рассказать о серьезном у меня не выйдет.

— Выходим в черный юмор и подчеркнутый цинизм?

— Вроде того. Но вот как-то не очень хочется. Знаешь, Насть, — я почесал затылок, — До меня начало доходить то, о чем они всю неделю понемногу рассказывали. Может я и тугодум, конечно, но по-моему люди редко пытаются налаживать то, что и без этого работает. Кому-то не интересно, у других нет на это времени, да еще и сотни других причин. Папа как-то сказал: — «Я начал задумываться, как работает политика, когда начали подрастать мои дети, какой мир я им оставлю после себя». А до этого, ему тоже было не интересно.

— И что ты предлагаешь? Стибрить где-нибудь лекцию по политэкономии и аккуратно утрамбовать ее в свой текст? — ухмыльнулась Настя над моими проблемами.

— Нет. Но я могу показать столкновение интересов разных групп глазами моего рыцаря. До этого он фактически чистый лист, в голове подвиги, магия, артефакты. Бабы и вкусная еда.

— И тут он внезапно прозревает и неведомыми методами получает информацию о действующих центрах силы и действительных, а не декларируемых, целях. Божественным проведением, не иначе.

— Вредная Наська. Но ты права. Ему неоткуда это взять. А рассказывать каждая сторона будет только за хорошее у себя. И если уж эльфийка попадет кому в лапы, то ее постараются не отдать конкурентам. Вплоть до устранения. Точнее не так. Давай прикинем:

Первая группа. Это монастыри, в которых история сохранена полностью. Они за отправку челнока и полноценную колонизацию. Им пилот жизненно необходим.

Вторая группа. Это король и крупные землевладельцы. Им смена жизненного уклада не нужна совершенно. Наоборот даже. Им лучше перейти в обычную монархию и феодальные отношения.

Третья группа. Серединка. Для них меняется все при любом варианте, это крестьянство и прочие. Но они это информацией не владеют. Забавно, да? На них вся система и построена, они и были лабораторным материалом, и они же получает меньше всех бонусов.

— Да оно всегда так. Кто же с культурой в чашке Петри разговаривает. Но что-то я запамтовала, это у тебя что за исследования проводились?

— Так ты же сама мне эту идею навялила, — подпрыгнул в возмущении я, — С психокинетической системой вместо магии. Зацикленные на себя — рыцари, открытые — маги. Телекинез, пиро и криокинез. Воздействие на растения и животных. А еще весь мир обладает подобными способностями. Та самая причина по которой колония была вынуждена откатываться в развитии, чтобы вывести новую породу людей естественно эволюционными

способами.

— Тихо-тихо-тихо, — Настя встала из-за стола, подошла ко мне и начала успокаивать поглаживаниями, — Не буянь, все у тебя получится. Просто я чуть-чуть подзабыла. Это ты историю придумываешь, вот ты и должен все тонкости помнить.

— Фух, — протяжно выдохнул я. Успокаиваясь. Вот ведь. Она вмешивается, меняет часть истории, и не помнит об этом. А я еще и не кипятись.

— Чем я могу помочь тебе... — и я быстро прижал ее губы пальцем. А то она сейчас скажет свое «Мой господин», состроит умильную мордашку, и у меня опять все мысли из головы выметет. А она именно это и задумала, по глазам вижу.

— Нет. Мы продолжаем думать. Чьи еще интересы может задеть эльфийка-пилот?

— Духовенство — еретиков. Те что историю не знают, но одеяло на себя тянут. Они в стане короля будут.

— Ладно, прощена. Я больше все равно придумать не могу. Теперь вопрос как мы это можем показать?

— Отряды отправленные на перехват?

— А откуда они узнают? Операция проходит в тайне, на текущий момент. Про нее не знают, — привел я контр-довод.

— Предательство или соглядай.

— Возможно. Но учитывай скорость распространения информации. Перехватить их могут только на последних участках пути.

— И еще вопрос, почему это не сделали раньше?

— Тут мы с папой пришли к соглашению, что особенность курса. Окно контакта возникает не так часто. Хотя да, предыдущие экспедиции могли бы вывести на более удобную орбиту. Так. У меня появилась мысль. Бери планшет, погнажи.

***

Когда сложная часть разговора закончилась, а Стелла отправилась в свои покои, мой отец барон Септим и маг Рубеус принялись просчитывать последствия. Какой ценой будет выполнено пророчество и как его лучше воплощать в жизнь. Расставляли фигуры по шахматной доске и прикидывали варианты. Я же тихо прятался в углу кабинета и внимал мудрости. Чутье мое подсказывало, что сопровождать дочь эльфийских лесов снова будет вынужден тот, кто и довез ее целиком.

Для подстраховки же, отец с раннего утра отправил несколько групп. Меня же со Стеллой отправили тайно. Сначала в деревню, а на полпути высадили и лесными тропами отправили в самый дальний монастырь. И как выяснилось потом, не зря. Увы, но ни одна из подстраховочных групп до поставленной им цели не добралась. Одна встретилась с разбойниками. Две загостились в соседях, а еще одна исчезла бесследно.

Натренировавшись двигаться в непролазной чаще, от скалы с головой дракона до цивилизации, мы очень быстро миновали участок облагороженного леса, отыграв больше двух суток движения по дороге. Нас не смогли догнать до самого монастыря.

Каким же безмерным было мое удивление, когда встречать нас вышел сам настоятель. Обычно люди такого ранга простых путников у ворот не приветствуют. К ним гостей приводят уже отмытыми и основательно промаринованными ожиданием аудиенции. Да и то, далеко не всех.

И почти никого не пропускают в глубокие подземелья за алтарем.

***

— А алтарь это что такое? — сбила меня с мысли Настя.

— Главная часть храма. Заходить за него имеют право только служители, да и то не все, ну вот. Сбила с мысли.

— Так давай отдохнем, — предложила она разминая кисти, — А что за облагороженный лес?

— Ну смотри, лес рядом с которым живут люди будет почище. Будут убраны сухие сучья, сухостой, ветровал на дрова. Проложены тропки в обход заболоченных мест и косогоров.

— Ладно, это понятно. А тогда почему они пилота так далеко спрятали от основного места проживания? Логичнее было бы рядом с кораблем, чтобы не бегать далеко.

— Интересный вопрос, — задумался я, — А если предположить что это именно подстраховка на случай катаклизмов? Землетрясения там или наводнения. Не зря же они так глубоко капсулу спрятали. А расстояние побочный результат, когда искали достаточно прочную горную породу.

— Ну ладно, соглашусь. А что с кораблем? Пилот, знаешь ли, сам по себе не летает.

— Но если хорошо подтолкнуть... — пошутил я, — С кораблем два варианта. Первый, такое же хорошо упрятанное хранилище. Но тут вылезают проблемы деградации материалов. Не все может храниться веками. Особенно топливо. И второй, когда автоматические заводы собирают новый корабль к определенному сроку. Но как бы и сам завод надо поддерживать и обслуживать. Я больше склоняюсь ко второму варианту, но не могу придумать как его спрятать и как прописать что про него все забыли за пределом небольшой группки людей. И, особенно, как эта самая группа не воспользовалась возможностями этого завода в своих целях.

— Да, придумал ты себе задачку, — сочувственно протянула Настя, — А первый вариант чем плох?

— Деградация материалов. Коррозия, кристаллизация аморфных материалов, распад пластиков. Много чего. И плюсом — топливо. Оно точно столько времени не протянет. Многосоставная формула топлива, даже если оно будет из одного химического вещества за пару столетий точно подпортится.

— А если пойти вообще в крайность: они летят на последнем оставшемся челноке, собранном из пары других. Этаким прыжок веры. Самый что ни на есть героизм, который хорошо смотрится на плакатах и печально в семьях. Но люди любят слушать про героев, и никогда не задумываются о цене.

— То есть, ты предлагаешь, как выражается дядя Яков: — «Эльфийку — в расход». А с рыцарем что тогда делать? Помашет ей ручкой и пойдет девок по деревням портить?

— Нет, отправить их вместе.

— И в каком качестве? От него толку, только грузы таскать, он гаечный ключ ни разу не видел, потому что гаек еще нет.

— Максим, вот теперь ты сам своих героем обижаешь. То, что он не знаком с технологиями не отменяет его ума и сообразительности. Научат. Дадут навыки минимального ремонта. Потому что в случае серьезной поломки им все равно хана. А

подтянуть разболтавшееся или приварить отвалившееся он сможет. Да хоть аккумуляторы скрутками объединить. Этого уже хватит.

— А знаешь, над этим надо хорошо подумать. А сейчас давай вспомним старые сказки.

— Умыла, покормила, спать уложила?

— Звучит конечно, чертовски привлекательно, но нет. «Утро вечера мудренее». Мне надо поразмыслить над продолжением, и чтобы оно в голове непротиворечиво уложилось. А тебе пора спать. Проводить тебя?

— Куда?

— Ну в твою нору в медцентре.

— Так я тут собиралась оставаться. Или ты меня выгоняешь?

— А кто скандалил: — «Каждый в своем домике живет»!?

— Так то живет, а ночевать я буду у тебя под боком. Ты теплый.

Она отодвинула от себя планшет и потянулась. Прямо как кошка, всем телом. И позевнула, прикрывшись ладошкой.

— Что-то мы засиделись. Так что, ты выделишь мне свою футболку и шорты или как?

— Выделю, — согласился я, выуживая запрошенное из своей сумки. Интересно, а если бы отказал, она гольшкой передо мной гарцевала?

— Хорошо, — она взяла протянутую одежду и потянулась к застежкам скафа, — А теперь брысь. Мне надо переодеться. А поскольку я ничего такого не планировала на сегодня, чтобы раздеваться *для тебя*, и не принижать тебя раздеваясь *притебе*, сделай милость, выйди за дверь. А заодно со столовой перекус захватишь. Как раз пирог подошел, наверное. Я его в прошлый перерыв по удаленке запустила.

Я пожал плечами и вышел. Интересно, а заметил бы я разницу в этом «при тебе» и «для тебя»? Мне думается что нет, не в этом возрасте. И так фантазия сейчас работает на полную катушку.

Неожиданно для этого времени, в столовой было многолюдно. Отец с дядей Яковом стояли возле нового объекта. Большущего аквариума из многослойного стекла. В аквариуме на куске зеленого мха из лаборатории лежал Вася-шланг. И многозначительно подглядывал. Ну по крайней мере на верхнем конце бухты виднелись объекты похожие на глаза.

— И зачем? — задал я первый пришедший на ум вопрос.

— Скажем так, мне надо было выпустить пар, — пустился в разъяснения Подгорельский, — Я отправился в пещеру и немного пробежался по коридорам. Никого не нашел, кого бы стоило пристрелить, но успокоился.

— А почему один? Ты же сам говорил чтобы мы не разделялись за пределами жилой зоны.

— Максим, ну хоть ты не начинай, мне уже Миша всю плешь проел. Так что давай я тебе отвечу в краткой и грубой форме: без балласта я быстрее среагирую, а если бы меня слопали, вы спокойно эвакуировались. Страшно мне за вас, черепах тугодумных. Вот и сходил посмотреть. Ты кстати чего тут делаешь?

— За перекусом пришел, пока Настя в душе.

— Опосля, аль перед оргией? — тут же уцепился хитрец, нашедший способ улизнуть от справедливой разборки своих нарушений.

— Перед тихим и скромным сном, — попытался я прервать эту цепочку беззлобных насмешек.

— А сахарница уже нашлась? — теперь в эту игру вступил отец, с не менее хитрым

видом. Прямо лучатся оба довольством.

— Какая сахарница?

— Значит нет, — пап хлопнул дядю Якова по подставленной ладони, — Караулим дальше.

— Вы о чем? — продолжил недоумевать я.

— Завтра, все завтра, — со смехом пропел папа.

— Какие-то вы подозрительные.

— Еще какие, — согласился Подгорельский и отвернулся обратно к собираемой конструкции, всем видом показывая что разговор окончен, — Помогай Миш.

Ну раз они больше ничего говорить не хотят, сделаю все-таки то, зачем пришел. Как Настя и сказала, в печке нашелся пирог с яблоками а из холодильника я забрал кувшин с компотом. С таким нехитрым перекусом я вернулся к ней.

Довольная Настя сидела по-турецки на моей кровати и что-то проверяла на планшете. Моя футболка ей была явно велика и прятала все интересные выпуклости. Влажное полотенце валялось большим комом рядом с ней.

— Принес? Давай скорее, умираю как кушать хочу, — она потянулась за принесенной мной снедью. От ее движения задравшиеся шорты на мгновение показали чуть больше чем прилично. Видимо это отразилось на ее лице.

— И хватит подглядывать за приличными девушками, — возмутилась она.

— Приличные девушки, мокрые полотенца как попало не раскидывают, — указал ей на беспорядок я, — И кушать садятся за стол.

— Зануда.

— Разгильдяйка.

— Сноб. Пуританин и, — она на мгновение задумалась, — А ладно, есть хочется сильнее, чем скандалить.

Но я все равно сгрузил съестное на стол и подошел забрать и повесить полотенце. Вредная Наська стремительно клюнула меня в губы и смылась к столу, сцапала кусок и принялась жевать. Я повесил полотенце на сушилку и устроился напротив нее.

— А ты что-то долго ходил, — обвинила она меня, выбрав момент между укусами, — Хоть я и не торопилась, а все равно пришлось тебя ждать.

— Завтра увидишь, — решил я не портить сюрприз. Но не учел ураганного любопытства Насти.

— Что там? Ну скажи, скажи.

— Завтра. Утром сама увидишь, — стоял я на своем, тоже принимаясь за вкусный яблочный пирог.

— Я же теперь не усну, — продолжала допытываться она, — Так и буду вертеться под боком. И тебе спать не давать.

— Будешь вертеться — на другую кровать уйду. Или нет, лучше — я за последствия твоей вертихвостости не отвечаю.

— И где это у меня хвост? — она покачала ягодицами, заглядывая себе за спину.

— Вот прожужеешь, и будем твой хвост искать, органолептическими методами, — ответил я ей мудреным словом. Не зря же они вокруг меня столько науки развели.

— Я буду сопротивляться.

— Я тоже.

— Заключим соглашение? Ты не ищешь хвост, я не верчусь, — предложила она.

— Согласен, — произнес я придвинувшись ближе и положив руку ей чуть ниже поясицы. На крестец вроде, — Скрепляем поцелуем?

— Скрепляем, — они вытерла крошки с губ, — Только руку убери.

И после, мы закончили ужин и устроились спать. А мне вспомнились отцовы предостережения, так что я взял второе одеяло, от греха. Лучше будем спать под разными. Если уж решимся — это не остановит, а так хоть сделал что мог. Хоть и сильно хотелось узнать, о чем все говорят с таким придыханием. Папа прав, не стоит торопить то, что никуда не убежит. Настя устроила голову у меня на плече и закинула на меня ногу.

— Давай просто помолчим, — попросила она.

Я лежал и смотрел в темноту пока она не уснула. Потом уснул и я.

Проснулся резко — всю базу встряхнуло так, что я чуть было не слетел с кровати.

— Что случилось? — с дикими глазами спросила Настя.

— Пока не знаю, — на бегу ответил я, срочно экипируюсь в скаф, — Но на всякий случай бронируйся.

На ходу пристегивая шлем и включаясь в таксеть, я выскочил за дверь. Из соседней двери как раз выбежал папа.

— Что произошло?

— Разбираемся. У меня вызов на энергоцентральный. Требуется срочная калибровка по выходу мощности.

— Хлопнуло где-то в районе производств, Максим, драпай туда. Настя, пакуйся в броню и шеметом в столовую, поддержишь нас дронами, — выдал по сети полковник.

— Принято.

— Поняла.

— Миш что у тебя?

— Скачком снизилось потребление. Система сбросила излишек на парилку, сейчас добегу и перенастрою.

— А что за парилка? — как всегда, Настя не смогла удержаться в себе любопытства.

— Проблема генерации. Большого объема энергии. В том, что нельзя резко. Менять потребление. Реакторы уходят в разнос. Поэтому автоматика. Перебрасывает свободный излишек. На нагревание резервного. Объемом с водой. Просто, чтоб потратить, — короткими фразами на бегу рассказал отец.

Когда я почти добежал на до мной промчались дроны. Значит Настя уже добралась до столовой и устроилась.

— Проверь герметизацию и пойдём, — поторопил меня Подгорельский.

— В норме.

Мы прошли шлюз. Весь завод был поделен на секции и пешком бы мы только пару дней все обходили. На нашу удачу сразу за шлюзом находилась парковка с электрокарами.

— Миша, ты на месте?

— Да. На сброс ушла секция помола и обогащения. Схему движения сейчас перешлю вам.

— Принято.

— Падай, Максимка, поедём посмотреть. Раз оно дальше не бахает, значит не все так уж страшно.

— А что произошло?

— Раз Миша сказал, что отключился помол, а нас всех хорошенько встряхнуло, значит что скорее всего бахнула пыль. Маленький объемный взрыв с последующим пожаром. Это если найдется чему гореть. А так просто проверим что уцелело.

— Но в цехах же должна быть какая-нибудь взрывозащита, или еще что-то.

— Вот поэтому мы тобой и не едем в огненном аду. У нас даже свет есть. Переборки отсекали.

— А пожар?

— А его, Макся, я только предполагаю. Не факт что он вообще будет.

И он остановил электрокар перед очередным шлюзом. Мы добрались. Пара из сопровождавших нас дронов нырнула в шлюз и устроилась на полу..

— Так. Если опираться на логику и здравый смысл, где то тут должен быть шкаф с термозащитой. Ты в право от шлюза, я в лево. Ищи красный шкаф с блестящими огнезащитными робами. Как найдешь — свисти. А начинай одевать.

Мы разделились. Но ничего похожего мне найти не удалось, хотя я прошел достаточно далеко. Странно, обычно Яков Василич в таких вещах не ошибается.

— Макся, дуй обратно. Я нашел. Эти му-удрецы его в шлюзе поставили.

Вот, что я и говорил. Обычно он не ошибается. Большой опыт позволяет прогнозировать с большей точностью. Я поспешил обратно.

Когда я прибежал, он уже упаковался в блестящую металлизированную робу. И поджидал меня с другой в руках.

— Так, автомат и боеприпасы оставляй, от греха, и запрыгивай. Я поддержу, — скомандовал он, расстегивая и расправляя робу., - Просовывай ноги в штанины, на спину я тебе подкину, чтоб в рукава попал и не перепутал, а то мало ли какой ты спросонья.

— С такой побудкой? Сна не в одном глазу, — отшутился я.

— Тогда идем, — он еще раз проверил правильно ли я застегнул все застёжки и мы прошли шлюз, — Настя, передвинь свои машинки подальше от внутренних ворот. На них защиты никакой, а при критичном перегреве аккумуляторы могут нам добавить похихотать.

— Принято, — отозвалась она и осторожно переместила своих летунов.

На удивление долго шлюзовались. Мне даже стало интересно, но я решил повременить с вопросами и больше внимания уделил фонарю в своих руках. Интересно, а он не перегреется, если на той стороне действительно что-то горит?

Но открытого огня к нашему появлению уже не было. Конвейеры и оборудование остановлено. Бункеры перед участками помола смяты внутрь.

— Черт, это же сколько работы будет, — протянул дядя Яков и добавил, — Настя, сделай съемку сверху, температура здесь в норме.

— А почему их так..? — я замялся, подыскивая слово.

— Сплющило вместо растарацило? — отшутился он, — Потому что хлопок был верхний. А не изнутри бункера. Количество пыли висящей в воздухе превысило пороговое значение и произошел подрыв. Если что-то очень хорошо перемешать с кислородом, то почти все горит. Кроме уже сгоревшего, но и тут есть варианты. А эта руда даже не окисел, как в большинстве случаев. Вот и пыхнуло.

— А отчего оно так могло? Автоматика же должна следить за уровнем пыли в цехе.

— Ну-ка подумай, — отозвался он. Так, опять какая-то подковырка. Что я вообще знаю о таком цехе и о текущей ситуации. Помол процесс пыльный и грязный, значит датчики должны уровень пыли контролировать. И должна быть система фильтрации и вентиляции. Датчик отмечает превышение значений и передает на ... Инфоцентральный. Которая не работает. И вентиляция не включается. А после взрыва все оборудование остановилось. Я поделился своими выводами с Подгорельским.

— Угадал. Можешь думать, если подзатыльник схватишь. Но тут еще один момент наложился. Один из вытяжных вентиляторов встал. Мы с Мишей думали шахтный, а он вон чей оказался. Две проблемки сложились и выросли в разы.

И сколько здесь ремонта?

— Много, Максимка. Не особо сложный, зато очень много. А линию нужно запускать

обратно, потому что накопленного агломерата хватит не надолго. А в применении к нашим реалиям, нужно вызывать помощь с большой земли. Сколько я вижу, подозрения мои не оправдываются. Ты, вон, целым ходишь, и даже за бочок не укушенным, значит я все-таки ошибался насчет твоей подружки.

— Я тебе давно говорил, Настя — хорошая, — твердо выразил я свое мнение, а поименованная сохранила благоразумное молчание.

— Хорошая-то она хорошая. Но подозрительная.

Мы прошли еще по цеху. Признаков пожара так и не обнаружили, хотя многие участки оборудования были теплее прочих. Может быть оно так и должно быть, а может быть нагрело при взрыве.

— Дядь Яков, а что мы так долго шлюзовались сюда? — вспомнил я заинтересовавший меня вопрос.

— Так чтобы атмосферу в цехе кислородом не обогатить. После того, как независимые датчики засекли взрыв, приточная вентиляция заблокировалась наглухо, а атмосфера заменилась на углекислый газ. Он тяжелее воздуха и вытеснил кислород. Это чтобы гореть перестало. В некоторых цехах, правда, для этих целей азот используют. Но его требуется кратно больше. Потому что приходится воздух разбавлять, пока не потухнет. Его используют там, где углекислый газ может сам с чем-нибудь задружиться может.

— Я больше ничего не вижу, что бы представляло опасность. А ты?

— И я думаю что надо Мишу звать. Я чинить учился, в тех случаях когда не надо ломать. А в порядке оно или нет — я не понимаю, — ответил он и добавил очередную подколку, — Дыр от пуль нет — значит целое. Пойдем, Максимка в обратный путь, ты досыпать, а мы кумекать, чего тут в каком порядке делать.

— А почему вообще с этой пылью не борются? Она же для работы любого оборудования не слишком полезна.

— А кто тебе это сказал? Наоборот, очень даже борются, я бы даже сказал используют. Размолотую в пыль руду как раз и обогащают и флотируют. А собранную, как раз спекают обратно в агломерат, чтобы дальше перерабатывать. Это здесь она вместо положенных мест начала в стороны убегать. Что собственно и привело к взрыву.

— Ну вот откуда ты все это знаешь? — прорвалась наконец плотина уже моего любопытства, — Ты же этот цех тоже в первый раз видишь.

— Ну во первых, я уже был на подобных производствах. А во вторых, Миша мне пакет с информацией по цеху переслал, и пока ты ворон считал и инвентаризацию гениталий после своей подружки проводил, я его читал. Как раз пока шлюзовались, чтобы знать с чем столкнемся.

— Вот сейчас обидно прозвучало! — надулась Настя.

— Согласен. Простите меня, дурака старого. Нервы так выходят, злым юмором.

— Ладно. Вот отомщу, забуду и еще разок отомщу, — проворчала она, — Но с тебя тогда какой-нибудь интересный рассказ.

— И о чем ты хочешь услышать, коварная мстительница?

— Что-будь хорошо иллюстрирующее различия подходов между твоим прошлым и настоящим, раз уж ты не совсем местный, — выбрала она.

— Есть такая. Вот только к ней надо пояснений много давать.

— До завтрака я совершенно свободна.

— Ну хорошо. Максим, я думаю тебе рассказывал, что в сети есть его профиль, с

фоточками и поступками, чтобы с ним, так сказать можно было заочно познакомиться. Так вот, до такой штуки все додумались, вот только у вас это как расширенная характеристика, которую ты сам для себя собираешь. Хочешь — смотри, не хочешь — не смотри. Никто тебя за хобот не тянет. Да и особо она ни на что не влияет. А вот у корпораций наоборот. Там вообще все на деньги завернуто. У вас вообще они такой ценности не имеют. Платежеспособный спрос перекрывается доступным предложением. Ну это скучные экономические бредни.

Давай я тебе лучше одну байку расскажу, про корпоратов. Название корпы я тебе не скажу, да тебе и не надо, смысл не в этом. А в методах.

Зачем я там понадобился, я уже и не вспомню. Вроде сопровождение и охрана большого начальства при визите на их территорию. Надо сказать, в офисное кольцо пропускали только само начальство и телохранителей. Нас, сопровождение, оставляют обычно в столовках, вроде нашей вот. Вроде и рядом, но на их территорию ни-ни.

Так вот. Сидим мы значит. Ждем. А недалеко от меня, ну вон как до стены, стоит торговый автомат. И наблюдаю я такую интересную картину.

Подходит, значит, работник корпы к автомату. Прикладывает карту, выбирает напиток, ему показывается сколько это стоит, он решает надо ему или нет. Только маленький нюанс. Сколько я не смотрел, он ни разу не повторился. На одну и ту же банку. Для каждого покупателя рассчитывалась своя цена. Исходя из рейтинга то ли лояльности, то ли полезности. Не суть. Мне было скучно, вот и смотрел по сторонам.

И там же был еще один эпизод. В уголке сидел низкоранговый работяга в спецовке. Ну, сидит себе и ждет кого-то. И заходит еще один, идет к первому, шушукаются. Второй первому что-то передает под столом. Встают и первый покупает для себя комплексный обед. Тащит его за стол, ставит перед вторым и уходит. Мне же скучно было. Встаю, подхожу к нему. Он бледнее льда сделался, когда форму увидел. Но потом я ему эмблему показал, что не из его корпы его и попустило.

— Дядь Яков, а что у каждой корпорации своя безопасность и армия?

— Именно, Максимка, и они друг к другу не лезут. Точнее лезут, но тайно. Но я тебе не об этом рассказать хотел.

Так вот, сажусь к нему и начинаю допытываться, что это было. Где надо надавил и он раскололся. Это механизм экономического избавления от неугодных в действии. Перешел дорогу не тем людям и его рейтинг пошел в низ, а коэффициенты оплаты — вверх. Для него такой обед обойдется в стоимость аренды его каморки за неделю. Нет места где живет — выкинут вообще на дно. Вот он и приторговывает дурманом своими руками выращенным. Я, кстати потом проверил. Для него банка сока на порядок больше стоила в том автомате.

— А что просто не продавал? За те же кредиты? — заинтересовался старший Рогов, слушавший всю историю со своего места.

— В мире где можно отследить каждую монетку? Тогда его история была бы значительно короче.

— А что же он в другую корпу не перешел раз так?

— Так убегать ему придется с голой жопой и без ничего. У корпов ничего своего нет. Все принадлежит корпорации. Даже одежда как-бы в аренде.

— А денег накопить? Были же у него какие-то накопления?

— Так у каждой свои внутренние деньги. И между собой они не конвертируются. Сделай шаг за пределы твоей корпы, и твои накопления превратились в фантики от конфет.

— А навыки? Их-то отобрать нельзя.

— Так их подтвердить надо умудриться. Материального подтверждения же им нет. А к серьезному оборудованию, показать навыки на практике, никто не допустит. Вдруг ты диверсант. Если и пристроишься куда, то на низкоквалифицированное место. Вот они и держатся, пока совсем далеко за край не провалятся. Все надеются всплыть обратно. А там сами в утилизатор ныряют.

— И что, совсем ничего сделать нельзя?

— В том-то и дело, что нет. Зато на словах полная свобода. Можешь хоть свою корпу основать, было бы на что. Там, Максимка, деньги решают все. Повезло родиться в нужной касте — и будут у тебя деньги и возможности. А если нет — на верх ты не выберешься.

— И что, социальные лифты совсем не работают, — задумалась Настя.

— Работают. Вот только имущественный осев проходят единицы из сотен тысяч. Уж очень удачно должны складываться обстоятельства в твою пользу.

— А расскажи еще чтонибудь, — попросил я.

— В другой раз. Надо завтракать и по объектам разбредаться. Авария сама себя не устранил, только усугубить может.

— Завтрак сейчас подойдет, — отозвалась Настя, — Я уже запустила, пока вы обратно добирались. Не великие разносолы, но голодными не останетесь.

— Вот же, — тут же сделал финт ушами Подгорельский, — Знал бы раньше, что такая хозяйюшка, сам бы женился, а теперь все, просватали.

— Нетушки. И еще, с вас объяснение, что это за несанкционированные перестановки в моем хозяйстве, и что этот террариум делает в столовой?

— Ежкины матрешки, совсем забыл, — хлопнул себя по лбу Яков, — Я же тебе еще вкусняшку поймал. Так, Макся, ты дуй на деактивацию и в столовую, а я сейчас в одно место забегу и тоже приду.

Но я после душа наружного отправился к себе в комнату и переоделся нормально. А то как выскочил в броне на единственные трусы, так и носился по коридорам. И как Насте ничего не мешает так все время ходить? Хотя у нее другая модель и дело привычки. Да еще пришлось за ней прибираться. Она тоже убегала в спешке, поэтому футболка нашлась в одном углу, а шорты в другом. Одеядло на полу валялось.

Да, забавный казус. Когда начал заправлять вторую кровать нашлась отцова «сахарница» — большой и холодный блин от штанги. Надо будет спросить зачем?

За этими хлопотами я и опоздал в столовую. Дядя Яков уже пришел и вручил Насте «вкусняшки» — новых постояльцев в аквариум. Или сухой он должен по другому называться вроде? Ну не суть важно. Дело в питомцах. К Васе-шлягу добавилась уже знакомая улитка. И новый зверь.

Больше всего это походило на раллийную радиоуправляемую машинку. Вытянутое обтекаемое тело, с четко очерченной головой на которой были видны две пары глаз. Жесткие надкрылья образовывали кузов и прятали полупрозрачные крылышки. Но самым удивительным было то, что это существо опиралось не на лапки, а на натуральные колеса. Нет, лапки тоже были. Колеса к телу прикрепляли. Но оно ими не перебирало, как жук или другое насекомое или членистоногое. Оно колесами вращало. Натурально. Носится туда-сюда по аквариуму, а колеса только шуршат.

— Насть, а оно как соединяется, я что-то не пойму, вроде же в суставах сухожилия должны быть или что-то такое. Поэтому они не проворачиваются в круговую, а только на

несколько градусов.

— Тоже не понимаю.

— Зато я понимаю что пора завтракать, — остановил мозговой штурм отец, — Вот дадите питание мозгам и кумекайте сколько влезет. Тем более, что мы с Василичем на последствия аварии уйдем.

— А я сразу тебе вторую принес. На вивисекцию. Правда поврежденную. Но я не специально, — заявил Подгорельский, — Ее камнем задавило.

— Ладно-ладно, второй стакан компота в обед твой, — смилостивилась Настя.

— Благодарю тебя, хозяйюшка, за доброту и за ласку. За беспримерную заботу о телах наших бранных, — тут же начал паясничать Яков.

— Пойдемте есть уже! — призвал их к порядку папа. Когда он голодный, он быстро закипает и начинает ворчать.

После завтрака зверушки в аквариуме, бывшие достаточно бодрыми в начале, значительно снизили активность, что позволило более-менее рассмотреть «машинку».

— Что-то они какие-то квелые стали, — задумчиво протянула Настя.

— Может нет источника энергии? — высказал предположение я, — Мох же под напряжением должен быть. А его видимо недостаточно для полноценной генерации, или откуда оно там берется, а запасенного в теле надолго не хватило.

— И что, попробуем снаружи подключить?

— Думаю попозже, после того как Настя машинку исследует.

— Тогда пойдем, — она потянула меня за руку, при этом бросая странные взгляды на новых питомцев. Но я вспомнил еще один хитрый вопрос.

— Пап, я тут на соседней кровати нашел блин от штанги, ничего не хочешь мне объяснить?

Они расхохотались и Яков хлопнул по протянутой ладони папе.

— Да все просто. Мы с Василичем спорили, где Наська спать ляжет. Если у себя в медцентре — ты его и не заметишь. Если у тебя под боком — тоже. Но вот если бы ты спал на моей — этим вопросом ты должен был бы озаботиться еще вечером. Так что мы теперь знаем, кто где лежал и что делал. И не устанем подкалывать.

— А почему ты его «сахарницей» назвал.

— Анекдот такой есть, старый. Но смысл тот же. Если бы спал в своей кровати — нашел раньше.

— Шпионы и извращенцы, — проворчала красная Настя, — Пойдем от них. А то они тебя плохому научат.

И мы понесли образец в лабораторию.

— О чем ты думаешь?

— Обо всем и ни о чем конкретном. Как работают суставы у этих животных. Где они берут материалы и энергию. Какими должны быть предыдущие поколения этих созданий. Каким путем должна была идти эволюция, чтобы изобрести колесо как часть организма. Какие еще открытия могут скрываться внутри этих пещер. Почему с тобой так вкусно целоваться. Когда ты позовешь меня на свидание. Много о чем. А ты?

— Кхм, — я потерялся от обилия тем, — Наверное больше о том, что делать с моими героями. Вроде картинка сложилась непротиворечиво, но переписывать придется все. А я даже не знаю с чего начать.

— У тебя еще есть время подумать. Кстати, а почему героиня у тебя эльфийка?

— Была идея подшутить над главным героем. Он тоже должен был этим вопросом задаться и она такая: — «А это мне дедушка на день рождения подарил пластику ушек. А так-то я человечка».

— Представляю, как бы его перекосило.

— Да нет, он должен был обрадоваться и жить с ней долго и счастливо.

— Правда-правда? — она забежала вперед и посмотрела мне в глаза.

— Да. Ну а зачем еще нужна героиня? Чтобы героически образовать с героем героическую пару и наплодить героических деток.

— Вредничаешь?

— Немного, — рассмеялся я, — Не было особой идеи. Показалось хорошей идеей, когда тебя увидел. Дай, думаю, и герою проблем подкину.

— Точно вредничаешь, — убедилась она и подтвердила сама себя кивком, — Нахватался таки от старого.

— Просто ты такая милая, когда притворно дуешься, — честно ответил я ей.

Когда мы доехали до лаборатории и разгрузили нового подопытного объекта, я начал осматриваться, а Настя переодеваться в лабораторную одежду. Ну, то есть влезла в новую белую шкурку, такую же, как в мое прошлое посещение одевал на себя Подгорельский. В целом, лаборатория не поменялась. Все оставалось на своих местах. Только холодильник, в котором мы привезли первую зверушку теперь был подключен и забит разобранными деталями. Ладно хоть прикрыли тряпочками.

— Насть, а что вы эти запчасти в нормальный холодильник не убрали?

— Так нету у нас тут таких. По идее здесь вообще не должна проводиться аутопсия. Максимум — на микротоме срезов наделать и под микроскоп. Вот и выкрутились как могли. Да и из меня тот еще анатом беспозвоночных. Я больше по растениям. Все, не отвлекай меня какое-то время.

Пока Настя возилась в куполе и что-то там выясняла я успел обойти всю лабораторию кругом. Сунуть свой нос в холодильник. Переснарядить магазины. В общем, бездельничал как мог. Даже свой рассказ перечитал, наметил пути правок и развития.

— Ну наконец-то, — радостно встретил я ее.

— Устал ждать?

— Очень. С чего начнешь рассказ?

— Очередная непонятная зверушка. Тут механика-биолога надо. А я все же ближе к генетику-агроному.

— Тогда про мох и паутинки что скажешь? Раз уж тебе это ближе.

— Ничего хорошего. Кроме того, что это целиком искусственная система. Листья не листья, корни не корни. Лист должен собирать свет и продуцировать крахмал и сахара из воды и углекислого газа. Здесь — хранилище минералов, депо по сути. Корни должны впитывать растворы из почвы — здесь это транспорт. Жидкость, энергия в виде электричества — все идет по корням. А в клубеньках продуцируется кислота и разъедает породу. Как говорится: — «не ждем милостей от природы». Причем делает это очень избирательно. Старик мне мох с разных мест принес. Поэтому я это знаю. Вы вчера много образцов надрали. И еще, это не отдельные растения, это колониальная система. Они все между собой связаны.

— А паутинки?

— Вообще сказать нечего. Кроме того, что эта штука из воздуха компоненты бинарной

взрывчатки фильтровала. Это Подгорельский выяснил. На формулу посмотрел и сказал. Сознался, что пользовался такой.

— И какие выводы ты можешь сделать?

— Поддержать твою версию. Это испытательный полигон. Что-то пытается понять как ваша техника работает. Вон смотри, — она сбросила результаты сканирования машинки.

— Так, тут мы видим уже привычное сердце-мотор, как в языкастых, единственно, что скорость нагнетания чуть меньше. Магистрали в конечностях, подвеска, гидромоторы в колесах.

— Кстати, эти самые колеса — это независимое от хозяина существо. А вот симбионт или паразит — я затрудняюсь классифицировать. С одной стороны — питаются они за счет хозяина. С другой — без них существо вообще двигаться не сможет.

— Насть, а что по остальным органам? Нашлось что знакомое?

— Да. Аккумуляторы. Такие же как на улитках. И еще, органы размножения нашлись только у улиток. Да и то, рассчитанные на партогенез. Поэтому я и говорю — это не настоящие животные.

— И все ответы таятся в шахте. И спрятанной за ней лабораторией. И бес его знает чем еще за лабой.

— Знаешь, тут уже всякое воображение пасует. Я даже нафантазировать не могу, что там дальше может прятаться.

— Попали в сказку. Да еще и в чужую, — намекнул я на версию с нечеловеческим влиянием, — Хорошо хоть теперь это будет не только наша проблема. Пока ты была занята я связывался с отцом. Они вызвали помощь с города, к утру нас станет больше.

— Больше всего похоже на это. А что, старый больше не грозит нас перестрелять?

— Нет, что ты. Я не думаю, чтобы он на это пошел вообще.

— Ты может и не веришь, а я всерьез напугалась.

— Зато теперь все хорошо, — я обнял ее, — Мы скоро поедem домой. С мамой познакомишься, и со Светкой. Ты же поедешь со мной?

— Поеду. Наверное. Только немного страшно.

— Я с тобой. И никому-никому тебя в обиду не дам.

— Я верю.

— Пойдем перекусим и поищем чем нам еще заниматься. Можем отцу с Яковом помешаться под ногами.

— Посмотрим, — с немного странной улыбкой ответила она.

Пока Настя возилась с обедом я решил добавить немного живости квелым обитателям террариума. Приготовил блок питания, подвел к нему провода, выставил правильные настройки. И понял что столкнулся с проблемой. Куда подключать провода к растению? У него ни вилки, ни розетки.

— Насть, как думаешь, электричество каким способом подключать ко мху? — наудачу задал я вопрос.

— Ты в технике больше моего понимаешь, придумай что-нибудь, — отозвалась она что-то помешивая в кастрюльке. Не прокатило. Попробуем прямым способом.

Я просунул в мелкие вентиляционные отверстия два медных электрода потолще и завел их внутрь мха, примерно на треть длины. Подсоединил их к блоку питания и включил его в сеть. Поначалу ничего не поменялось. Я добавил напряжения.

Мох будто вздохнул и по нему прошла волна. Обитатели террариума заметили изменение и пошевелились. Улитка принялась за еду. Вася подкинул хвост на мох и этим ограничился. Ну, тот конец что обычно находился у него внизу. Который без светлых пятен-глаз. Хотя кто этих шлангов разберет, где у них что? Интереснее всех повела себя машинка. Когда появилось напряжение, она подкатилась ближе. Аккуратно переступая колесами, подобралась ближе к электроду и плюхнулась на пузо. И внезапно открыла еще пару глаз. Светящихся. Сходство с моделькой автомобиля еще более усилилось.

Настя позвала обедать и я прекратил наблюдения. Пока мы с ней перекусывали и перешучивались, мох, видимо, был занят тем же самым.

— Смотри, — обратила мое внимание Настя.

Как выяснилось, мох растворил погруженную в него часть электрода и в полном соответствии с законами механики, часть с проводом перевесила пообгрызенную. Электрод выскользнул из корней и устоялся торчком в небо. Улитка тут же перестала есть и остановилась. А машинка начала подпрыгивать всем корпусом, пытаясь зацепить длинным тонким языком оставшийся кусочек. Пришлось вставить и заводить его еще раз.

— Этак мы на этих проглотов проволоки не напасемся.

— Найдем еще, не переживай. Никто не должен оставаться голодным в моих руках! Но ты моешь посуду, — хихикнула она.

— Идет.

Настя стояла и во все глаза смотрела на катающуюся по террариуму экземпляру «машинок». Он, или кто там, "оно" по полу, если у них есть такое понятие, редко замирало на месте. В основном носилось по территории, подруливая своими суставчатыми лапами.

— Макся, а ты их слышишь? — неожиданно спросила она.

— Что? — переспросил я удивленно.

— Ну как этот с Васей переговариваются. Длинные такие трели, — и она попыталась насвистеть.

— Нет. Для меня есть только шуршание от колес.

— Тыщ. И тут у меня все не как у людей, — она повернулась ко мне, — Если я попрошу о большом одолжении, ты мне поможешь?

— Смотри что ты задумала. Возможно всеми силами буду стараться отговорить.

— Я хочу посмотреть на них своими глазами, — она повернулась ко мне и внимательно

посмотрела, отслеживая мою реакцию.

— Так вон они, смотри на здоровье.

— Нет. На то, как и где они живут. Проведи меня в их пещеру.

— Но зачем тебе это? — я удивленно вскинул брови.

— Понимаешь, мне кажется что я уже слышала их раньше. Много раньше, — она вновь повернулась к террариуму, словно пытаюсь увидеть в них что-то привычное и знакомое.

— У себя на астероиде?

— Я не знаю. Понимаешь, сами звуки очень знакомые, как речь на незнакомом языке. Нет, скорее на плохо знакомом. Вроде и непонятно, но что-то проскальзывает, а поймать не можешь, — она повертела в воздухе пальцами, словно попыталась выловить эти незнакомые слова.

— И ты думаешь, что раскроется еще кусочек твоей-нетвоей памяти?

— Да, — она продублировала свою реплику кивком.

— И отговаривать тебя бесполезно? — сокрушенно уточнил я.

— А ты смог бы отказаться вернуть часть себя? — она повернулась ко мне, — Обнаружить что твоя память полна дыр, но все равно не попытаться их заполнить?

— Не смог бы. Я мог бы попробовать отговорить тебя или уговорить отложить, но я хорошо тебя понимаю. Ну может и не очень хорошо, но мне так кажется. Я пойду с тобой. В конце-концов я же обещал тебя во всем поддерживать. Пойдем, нам надо собраться.

Я шагнул к ней и обнял. Она доверчиво прижалась ко мне, уткнув нос в грудь. Может быть наш поход и не даст тех результатов, на которые она надеется, но я не смогу лишиться ее попытки понять себя. Вернуть кусочек воспоминаний.

— Спасибо, — тихо поблагодарила она, — Для меня это очень важно.

Мы экипировались и ушли незамеченными. Из-за утреннего аврала нашим старшим было не до нас. Но уходя, я все равно оставил на столе письмо. Да, бессовестно и на бумаге, а не через связь. Чтобы его не нашли раньше и не могли нас остановить.

«Привет пап. Если ты это читаешь, значит, мы еще не вернулись. Настя попросила провести ее в пещеру, она хочет посмотреть на все своими глазами. Она думает что где-то там могут лежать ответы на вопросы кто она и почему все так сложилось. Я очень люблю тебя и маму со Светкой. И мне не хочется уходить, но я обещал Насте. Прости что уйду тайком. Мы будем осторожны.»

Я положил свернутый листок на стол и повернулся к Насте.

— Пойдем?

Она кивнула. Я окинул взглядом комнату на предмет забытых вещей, нужных в походе и вышел. Мы достаточно быстро прошли привычным уже маршрутом и остановились перед дверями в логово.

— Уверена?

— Да.

— Тогда идем. И постарайся не взвизгивать, если что-то будет происходить, чтобы я не отвлекался от проблемы на твои реакции.

— Я постараюсь, — твердо ответила она. Мы пересекли черту и начали углубляться в чужие территории.

Лаборатория встретила нас привычной тишиной и паутиной. На полу отсутствовал большой кусок мха, срезанный Подгорельским для террариума. Настя некоторое время рассматривала его и изучала, подводя щупы вольтметра.

— Забавно, правда? — разорвала она тишину, — Настолько необычные формы может принимать жизнь.

— Угу, — односложно согласился с ней я, больше внимания уделяя контролю окружения.

Оставленные нами вчера следы практически исчезли, зато отметины от вечерней вылазки дяди Якова были хорошо заметны. А поскольку мы так и не придумали как открыть те стеклянные ворота, он свернул в другую сторону.

Его путь вел в ту комнату, из которой по нашему предположению и появился мох. За поврежденными дверями была еще одна среднего размера комната — лаборатория. Оборудование было похожим, но немного другим. И это понятно, зачем нужны одинаковые.

А вот дальней стены не было. Вместо нее начинался провал, круто забирающий в верх и влево, в другую сторону от вертикальной оси этой базы. Я осмотрел стену. Она была испещрена мелкими царапинами, в хаотичном порядке. словно ее скорее грызли, чем копали каким-либо инструментом. А на полу отсутствовали камни и кусочки породы, которые обязательно остались бы при пробивании стены.

— «Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то дыра — это нора, а нора — это Кролик» — процитировала Настя.

— Ты к чему это?

— Отметины. Этот лаз копали целенаправленно, — обратила она внимание на незамеченные мной закономерности, — Вот здесь и здесь. Видишь? Это отметины от зубов. Здесь камень глодали вот так — она сложила пальцы в импровизированную пасть и показала, — А тут, вот так, — пасть повернулась на несколько градусов.

— Ну совсем уж за дурня меня не держи, — возмутился я, — Это и так видно было. Интересные, наверное, зубки. Хотя тут и не гранит, а что-то более близкое к песчанику, но все равно не булку грызть.

— Знаешь, я уже начинаю привыкать к тому, что здесь все не как в учебниках по эволюции. Да и вообще по биологии.

— Мне проще, я неуч.

Настя засмеялась в ответ.

— Зато сильный и красивый. Да и не настолько уж ты и неуч.

— Идем дальше? Или вернемся? — примятые участки на мхе говорили что дядя Яков здесь уже проходил, а значит все более-менее представляющее опасность скорее всего ему не встретилось, или уже помножено на ноль. Хотя он ночью говорил, что пострелять было не в кого. Но мало ли что могло приползти.

— Идем. Где-то почти на пределе слышимости есть какой-то шум. Будто очень далеко. Нужно узнать, что я слышу.

И мы двинулись дальше. Оставленных дядей Яковым следов было достаточно, чтобы не сбиться с основного пути. Хотя и встречались несколько ответвлений. Мне это напомнило историю о разработках в самом «Рассветном», когда они гонялись за карманами с рудой. Но вот подъем закончился и мы вышли в более широкую камеру. Так вот где дядя Яков поймал нового представителя местной жизни! Мох еще не скрыл проплешину от возни возле стены. Осмотрев их я вышел из этой полости в большую пещеру. Огромная полость внутри скалы была очень похожа на нашу жилую зону. А я ведь только сейчас понял, что так и не выбрался посмотреть на озеро, за всю эту суматошную неделю. Ага, вот повод пригласить Настю на свидание, как она и хотела! Когда вернемся обязательно так и сделаю.

— Подожди, Максим, встань и отключи свет пожалуйста, — попросила Настя, что-то задумав. Я подчинился. Привыкшие к яркой подсветке глаза в первые несколько секунд ничего не видели. Но затем непроглядная темнота начала рассеиваться. Правда пришлось погасить еще и интерфейс, проецируемый на забрало изнутри.

Пещера оказалась огромной и совершенно не темной. Весь потолок усеивали какие-то светящиеся точки, словно карта звездного неба. А из мха кое-где выступали мерцающие потусторонним светом цветки. Такой я видел на отцовской записи, когда он мелкого разведчика запускал в пролом в шахте, там где еще конвейер проходит. И где они первый раз столкнулись с языкастыми. Для того, чтобы ориентироваться — такого минимального света хватало, чтобы видеть кто на тебя охотится — недостаточно.

— Правда красиво?

— Очень, почти как звездное небо, — подтвердил ей я.

— Ну нет, звезды — это бесконечная глубина, это не небо. Настоящее небо должно быть другим.

— Насть, ночное небо именно такое. Когда облаков нет, — возразил я.

— А вот и нет, хотя... Не знаю, для меня небо — оно должно быть именно с атмосферой. Бесконечная глубина и точки — звезды, это что-то другое. Это проблемы, опасность, страх. Одно неверное движение и ты не успеешь вернуться в купол, пока не кончится воздух. Небо должно быть теплым, спокойным. По нему должны медленно плыть мягкие и пушистые облака, подсвеченные косым солнечным светом. И чтобы он прорывался сквозь них серебряными потоками.

— Обязательно увидишь, я тебе обещаю. Будем вместе лежать на траве и смотреть в небо, — ну не мог же я ей сказать что картинка, которую она себе навоображала, хоть и похожа, но далеко не такая красивая.

— Ты мне не веришь? — надулась она, почувствовав небольшую фальшь.

— Верю, — постарался я оправдаться, — Просто это не всегда так красиво, как ты мечтаешь. Небо может быть разным. И чаще всего это просто серая хмарь, висящая над головой и просыпающаяся мелкой водяной пылью. И если холодно, то капли замерзают на лету не в красивые узорчатые снежинки, а в обычные кусочки льда, с острыми краями. Холодные и колючие. Это летом будет красиво и так, как ты говоришь. Но до лета еще не близко.

— И ты решил, что я себе невесть чего придумала? — продолжала она дуться.

— Нет, я хочу тебя предостеречь, что красивое небо бывает не каждый день, а мне бы не хотелось чтобы ты разочаровалась. И, честно, разделить с тобой по настоящему красивое небо, — я подошел к ней ближе и обнял ее. Не знаю, действуют ли обнимашки через два скафа? Но вроде работает.

— Я не расстроюсь, если не выйдет с первого раза. Атмосфера не должна подыгрывать нашим желаниям. Я понимаю, — согласилась она спрятав свое лицо у меня на груди.

— Пойдем? — постарался я переключить ее внимание, — Ты чувствуешь в какую сторону нам надо?

— Сейчас, — она потянулась к застежкам шлема.

— Стой, ты что творишь? — возмутился я и дернулся ее остановить.

— Ну а как я по другому слушать буду? Шлем глушит, — пояснила она, продолжая возиться с креплением.

— Подожди, я осмотрюсь получше, — я включил фонари и прищурился от яркого света.

От границы освещенной области что-то рвануло в темноту. Я осмотрелся внимательнее, вода лучом фонаря по округе. Нигде, куда падал свет от фонаря не было ничего лишнего. Никакого движения.

— Пробуй, — предложил я ей, на всякий случай встав так, чтобы прикрывать ее от остальной пещеры. Она сняла шлем, зажмурилась и покрутила головой по сторонам.

— Туда, — она показала рукой, — Шумит там.

— Тогда одевай шлем и пойдём.

И мы пошли дальше. В паре мест, когда мы проходили близко от цветков, я замечал охотящихся за пыльцой или семенами машинок. Они вставали на дыбы и длинным языком пытались дотянуться до светящихся тычинок цветов. Иногда у них получалось, когда семилучевая корона самого цветка была сильнее наклонена к полу. Тогда, обвив языком тычинку, машинка гордо линяла в темноту. Что она делала с ней дальше? Может опыляла другие цветы. А может рассыпала готовые семена. А может пряталась и лопала ее, жадно чавкая, оглядываясь по сторонам, чтобы на свет тычинки не прибежали, точнее прикатили, конкуренты. Огромная скрытая жизнь, прячущаяся в полумраке. Я остановился и переключил режим наблюдения на другой диапазон. Но ничего опасного я не заметил. Никто не прятался в засаде, поджидая нас.

— Что-то заметил?

— Нет. Просто проверил, — отозвался я.

Мы пересекли эту пещеру и вышли в новый прогрызенный коридор.

— Нам надо туда, — показала Настя в стену, когда я остановился и засомневался, нужно ли продолжать идти вперед.

— Там же стена, — не понял я ее действия.

— И у меня тоже, — рассмеялась она, — Я про направление. Нам надо попасть чуть левее и выше этого уровня. И сигнал усилился. Мы уже близко. Буквально в двух шагах.

— Одень шлем, — заругался я на нее, давая интонацией, — Не будешь выполнять требования безопасности, заброшу на плечо и вернемся домой.

— А вот и нет, — засмеялась она и побежала в проход. Я рванул за ней. Что это с ней, с чего такая эйфория на грани помешательства? Раньше она себя так беспечно не вела.

— Они совсем рядом, я уже разбираю отдельные слова!

Она выскочила в коридор чужой базы. Такой же, как ниже уровнем за стеклянными дверями.

— Идем же, — она повернулась ко мне, — Я должна вас познакомить!

За ее спиной повернулась потолочная турель какого-то дикого калибра. Я рванул к Насте, отталкивая ее в сторону. У ствола мелькнул и погас огонек. А меня что-то ударило в грудь, сбивая с ног. Настя истошно завизжала, а на меня упала темнота.

Во рту пахло разбитым носом. Странное ощущение, правда? И сильно кружится голова. Ноет в груди. Но в ушах нет ритмичных толчков крови, как бывает когда на тренировке пропустишь тяжелый удар. А еще немного неудобно лежать.

На лицо что-то капнуло. Мокрое и теплое. Я потянулся вытереть рукой. И чуть не разбил себе нос, когда рука почти упала на лицо, израсходовав силы.

Теплая ладошка стерла капельку.

— Максим, ты меня слышишь? Ты тут?

Это Настин голос. Только почему он так странно звучит? Я попробовал открыть глаза. Со второй попытки мне удалось.

Настино лицо нависало надо мной. Растрепавшиеся волосы почти касались меня. Мордашка заплаканная.

— Привет, — больше прошептал чем сказал я, — Ты в пор. ядке?

— Да. А как ты себя чувствуешь? Дядя Ратмир сказал что ты должен скоро очнуться и мы еще успеем его догнать, если захочешь, — затараторила она.

— Ту. рель..

— Она еще немного поскрежетала и лопнула. Только в тебя уже попала. Я так испугалась. Ты упал и у тебя потекла кровь. Но потом пришел дядя Ратмир и сказал что тебя починит. И починил. — Настя торопилась и проглатывала окончания слов.

— Кто это?

— Дядя Ратмир, ну, почти такой же, как тот что со мной на астероиде жил какое-то время. Но у моего были фиолетовые вкрапления, а не лазурные, как у этого. Он еще потом ушел по делам, сказав, что позже вернется, как только я разберусь со своей памятью и наберу достаточно минералов чтобы стать совсем здоровой.

— Здесь?

— Ну, да. Я завизжала, когда увидела как ты падаешь, и он пришел. Он сказал, что починит тебя, и починил. И ты всегда будешь со мной. Ой, а как ты себя чувствуешь? Дядя Ратмир сказал что восстановил объем крови, но ты так долго не приходил в себя. А еще он отдал мне ту металлическую штуку что в тебя попала и твое сердце. Я ему говорила, что это фигурально руку и сердце отдают, он но сказал, что оно все равно слишком повреждено.

— Настя....

— Что?

— Я люблю тебя.

— Ой! — она замолчала, а потом я все-таки справился со своими руками и притянул ее к себе.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она, когда я перестал ее целовать.

— Помоги мне встать, мы все-таки должны пройти эти твои два шага до контакта. До знакомства с твоими родственниками.

Интерлюдия и Эпилог

Браслет на руке пискнул, извещая что можно принять новую порцию стимуляторов.

— Собачки Павлова, в три бога душу вошь, — проворчал Савельев, запивая новую горсть таблеток водой, — По сигналу химию жрем.

— Внимание, предел вашей способности восстановления многократно превышен, требуется госпитализация, — выдала сообщение система контроля, от которой он отмахнулся привычным жестом. Потер лицо ладонями, мимоходом отметив, что хоть сегодня надо добраться до дома и наконец побриться. Тряхнул головой и поднял глаза, с полопавшимися капиллярами, на таких же помятых подчиненных.

— Что у нас нового?

— В целом или конкретно? — высказался какой-то шутник.

— Оба, — злобно ответил он.

— Команда добралась до Рассветного, распаковалась и подключилась. Инфоцентрально обещают восстановить через шесть часов. Много проблем с подключением, в нескольких точках спеклись кабели, — начал Василий Тимурович, зам начальника безопасности.

— Дальше.

— Восстановление работы поврежденного цеха планируется...

— Вась, я инженер или производственник? — саркастично прервал его отчет Савельев.

— Никак нет, товарищ полковник.

— Ну так какого ты мне эту лалу несешь? Что по людям?

— Максима обследовали, мозг не пострадал. Та хреновина, что у него теперь вместо сердца, работает лучше прежнего. Кровопотерю восстановили. На груди остался полупрозрачный синий шрам от вмешательства чужого. Других изменений не замечено, — поднял отчет заместитель.

— Что по Насте, нашли чтонибудь еще? Хоть какие-то ответы?

— Настя?! Что опять с Настей? — дернулся до этого вырубившийся Ник. Поднял уроненную на руки голову и обвел дикими глазами собравшихся.

— Ник, тебе бы проспать, блин, как и всем нам. Есть что сказать?

— А, да, сейчас, — он потер лицо, практически копируя жест начальника до этого, — Из того, что она наговорила вслух за последние несколько часов можно закрыть несколько вопросов.

Первое. Дяди Ратмиры — разные. На астероиде и тут. Но принадлежат к одной общности в составе их вида. Внешний облик — отражение их основной функции в составе группы. Они развивались по другим шаблонам, перейдя с многовидовой цивилизации ассоциативного типа на то что есть сейчас. Термина, как эту хрень называть, что у них творится, еще не придумали. Задачи особи меняются в зависимости от состава конечностей и органов. И в обратную сторону. Их организмы модульные. Что надо то и собрали. Сознание общее, частично распределенное.

— Так рой у них или что? — прозвучал вопрос с другой стороны стала. Савельев не понял кто именно это спросил, от усталости все начали звучать одинаково.

— Все. Индивидуальные сознания при необходимости сливаются в общую сеть и вычислительная мощность растет по экспоненте.

— Но это нам тоже не особо пляшет, — притормозил лекцию по ксенобиологии

Савельев, — Как с ними взаимодействовать будем, чего можем им предложить и чего просить?

— Тут глухо, Николай Степанович, им ничего не надо. Жизненное пространство? Так у них весь космос под лапами, воздух не нужен, заменить воду в крови на антифриз им проблемы не составит. Если кровь вообще есть. Судя по видео материалам мы только краем их исследовательского полигона коснулись. Они изучали гидравлику с электроникой по нашим артефактам. Это и отчеты с астероида подтверждают. На весь гигантский тепличный комплекс ни одного насоса от вращения действующего. Не было у них колеса, но в космос вышли. И письменности тоже. Настю ее «дядя Ратмир» к ним водил. Показывал еще какую-то страхолюдлу с большими глазами и широким панцирем — Библиотеку. То есть биологическую замену нашей инфоцентрали.

— Да как этот «дядя Ратмир» хоть выглядит-то, а то одни разговоры, — возмутился кто-то из сидящих.

— На, полюбуйся, — Ник выудил их бумаг перед собой несколько распечатанных фото сунул возмутившемуся.

— Вы серьезно? Вот эта гусеница с рожей снулого моржа и есть гениальный хирург, способный на коленке заменить сердце после попаданий крупнокалиберной пули? — не унимался тот же товарищ.

— Полностью серьезно. Парня он починил быстрее, чем у того мозг разрушился. И фотками наслаждайся молча. Пока, по крайней мере. — прижал любопытного Савельев, — Хорошо еще, что Подгорельский хоть что-то через наш куцый огрызок связи сбросил. Но ничего, как приедут, получим полный отчет с самописцев скафандров. И видео самого контакта. Еще что-нибудь есть?

— Да. По оговоркам, у Насти есть симбионт или какой еще способ с ними общаться. Тот стакан она слопала, получается, именно для него, полученных минералов хватило для полноценного развертывания. Максиму тоже подсадили, теперь. Если по разговорам судить. Сканирование ничего не нашло. Так что у нас будет два зарегистрированных телепата в натуральную величину, правда общаться будут только между собой.

— У кого есть что добавить?

— Судя по всему, торговать с ними тоже не выйдет. Если судить по этим данным, у них царит самый что ни на есть первобытный коммунизм, со всеми вытекающими. Без денег и самой концепции товарооборота. Договариваться можно только на уровне индивидуумов, но никак не цивилизаций. Ты мне — я тебе. И баста.

И еще. Воевать с ними я бы сильно не советовал. Им создать биологическое оружие проще, чем щупальцем жопу почесать. А уж что оно жрать будет, людей или пластики — нам без разницы, мы в любом случае в полете, — еще один серый и нераспознаваемый голос. Люди устали, Савельев как никто это понимал.

— Ник, у тебя есть что добавить? А то ты начал «Первое», а раз оно есть, значит будет и второе, — спросил он больше для проформы.

— Разве что пару вопросов закрыть. Книги с пустыми страницами — у них не было концепции письменности, раз.

Два, Настину память они собирали со всех мертвецов секции. Оттуда обстановка и книги. Использованы как элементы декора. А обложка книги просто выступает ключом к воспоминаниям. Других предположений мои не придумали. А, еще, полигон на астероиде продолжает работать. По описанию наши определили грядку на которой начинается новый

цикл выращивания новой Насти. Уже сформировалась корневая система и завязь. Так что через время у нас новая Настя будет. В добавок к первой.

— А зачем им это?

— Ну так изучали. Собрали прототип — нет разума, переделали. Пришли к варианту медленного доразвивания и постепенной разблокировки памяти. А мы им в этот эксперимент вмешались. Видимо они ожидали, что она сама все восстановит. А тут наш разведчик объект спер, — пошутил в конце Николай, всеми называемый Ником, за шепотной характер, — И еще, мои предлагают, что надо попробовать тела ребят чужим отдать. Если не смогут вернуть, то хоть от своих биоматериалов почистят.

— Да вы что, совсем одурели?

— Ребятам мы точно не поможем. А вот у них могут быть варианты. А мы не утащим у них очередные промежуточные объекты экспериментов. Мы еще с тем что нахапали не разобрались. А родственникам для процедуры прощания их все равно отдавать нельзя, объекты представляют сверхвысокую биологическую опасность. Ты же за это переживал? — неожиданно жестко ответил Ник.

— Нам все равно надо учиться договариваться и взаимодействовать, так почему не начать с этого, — поддержал его Савельев, — Нам еще за Подгорельского оправдываться, который им кучу языкастых выбил. И еще. Как демаркационные линии проводить будем, если мы и они под землей сидим? Столбиками по поверхности или объемными кривулями по массиву? У нас там, я напоминаю, производственный комплекс в зоне контакта.

Невнятный шум из ругательств разной степени экспрессивности был ему ответом.

— Напоследок, чтоб вам веселее работалось, Сема, твои архаровцы придумали новую отмазку, почему о возможном представителе чужих мы все узнаем из отчета о больших проблемах на объекте вокруг него, а не загодя, как оно должно быть? Например, когда она только прилетела?

— Не поверишь, Степаныч, у меня лежат тридцать две объяснительные от восьми человек. Разной степени фантастичности. И каждый берет вину на себя, мол только он просмотрел.

— А на самом деле кто проглядел?

— Нашел уже, и по ушам ввалил. Перепроверяет сейчас сам себя, нашел еще два потенциальных варианта. Но, хвала зеленым тапочкам, не у нас. Я тебе записку оставляю, предупреди соседей. Может у них такое же головотяпство.

— Добро. Резюмируем, острую фазу мы проскочили, так что отсыхаемся, приводим себя в порядок и включаемся в работу по углублению контакта. А то люди есть, а мы еще толком и не поздоровались. Зато проблем друг другу уже на создавали. Ладно хоть они договорились больше на нашу сеть своими перепадами энергий не влиять. На одну проблему меньше стало.

***

В тот день наш мир сильно изменился. И ни капли не поменялся. Они не вошли в наш мир ни с торговыми целями, ни военными. Нам, как оказалось, нечего им предложить. У наших цивилизаций не нашлось общих точек соприкосновения. Но нашлись на личном уровне.

Иногда они обращаются с просьбами по перевозке. Их живые корабли слишком медленны для межзвездных расстояний. Иногда мы обращаемся к ним с какими-то просьбами и советами по терраформированию. Их биотехнологии превышают наши

возможности на несколько порядков. Но это не соглашения между цивилизациями. Это договоры на уровне особей. Ты мне — я тебе. Чужой-хирург в экипаже — это гарантия, что помереть окончательно будет очень сложно.

Я так и не стал робототехником. Так, по мелочи для себя строю, а чтобы серьезно — нет. Зато я стал социологом-практиком. Теперь уже я задаю те же вопросы, что задавал мне дядя Яков. И ищу ответы. Ну и психология с ксенопсихологией до кучи. Слишком сложно оказалось научиться понимать настолько разные виды. Можно сказать, что я и сейчас не до конца понимаю их. Но это мне так можно говорить. А так мои толкования обычно понимаются обеими сторонами.

Когда мы вернулись в город, Подгорельский подрался с Савельевым, прямо не отходя от вездехода. Но в медблок уходили в обнимку и очень счастливые, сверкая свежими синяками. Что-то обсуждая и активно жестикулируя свободными руками.

Настя осталась со мной. В тот день мы получили ответы на многие вопросы. Она получила доступ ко всей памяти, которую они смогли собрать с погибших в секции людей. Долго изучали и создали ее. Раз в несколько лет мы продолжаем летать на ее астероид, привозим новые материалы для нормальной работы гидропоники и встречаем новую Настину сестру. Ни у кого из нас рука не поднялась остановить этот механизм. Когда "девочка с астероида" исчезает, система начинает создавать новую, в надежде, что эта попытка будет более успешной и она восстановит память раньше. Ратмир собирался остановить этот процесс, но мы с Настей не дали. Я так и не выяснил, почему Настя зовет этих существ Ратмирами, а она на прямой вопрос улыбается и молчит. Но ничего, однажды расскажет.

А по самому контакту? Посмотрите фильм, он один в один смонтирован, как оно было. Видео взято с наших камер. Чуть-чуть ретуши, только лица и имена поменяли. Так Настя стала Милой, я — Андреем, папа — Виталием, дядя Яков — Олегом Евгеньевичем. Ну и пару эпизодов еще замылили. Момент с моим ранением смягчили. И выбросили те полчаса, что дядя Яков держал меня на мушке, пока я старался доказать что я это я. Прежний.

Тяжелее всех досталось все же папе. Я никогда не пытался представить, что он почувствовал, когда от системы безопасности пришло сообщение о моей смерти. Но за полгода с тех событий его шевелюра из темной стала мышино-серой. А мы по молчаливому уговору никогда не возвращаемся к тем событиям.

Настя сдружилась с Веткой, наверное поэтому за адаптацию новых сестренок Насти теперь отвечает Светлана. А я вынужден от них прятаться, пока новая сестренка не найдет себе спутника жизни. Чтобы не провоцировать. Некоторые из них в дальнейшем приходят в дипкорпус. Хотя договориться с чужими и прорастить симбионта не так сложно. Проблемней найти среди них особь, интересующуюся нашим миром и нами.

Я выполнил свое обещание Насте — показал ей небо. И продолжаю выполнять его до сих пор, потому что, каждый рассвет и закат уникален. И каждое посещенное нами место лишь добавляет свою капельку красок в бесконечный калейдоскоп жизни.

Больше книг на сайте - Knigoed.net